

ББК 63.3
Р 76

Редакция:

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, А. Х. Даудов, А. Ю. Дворниченко, Э. В. Летенков,
С. Г. Кашенко (председатель), В. Н. Плешков, Е. В. Петров, Л. К. Рябова, Д. Г. Янченко (отв. секретарь)

Рецензенты:

д-р ист. наук проф. С. И. Бугашев (С.-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна);
д-р. ист. наук проф. В. Ф. Блохин (Брянский гос. ун-т)

Печатается по постановлению

Редакционно-издательского совета Исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета и решению Учёного совета С.-
Петербургского Института истории РАН

Эмигрантика/Emigrantica. Периодические издания русского зарубежья: вопросы источниковедческой критики. Сборник материалов международной конференции 16 октября 2011 года. – СПб: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2012. – с.

В сборнике представлены доклады участников научной конференции, приуроченной к 85-летию со дня рождения член-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина. Основные разделы сборника соответствуют тематике секционных заседаний конференции и связаны с вопросами теории и практики изучения эмигрантской периодики как исторического источника по отечественной истории первой половины XX в., методологических аспектов в исследовании газетной и журнальной прессы русского зарубежья.

Издание адресовано широкой читательской аудитории и ориентировано на тех, кто интересуется историей издательского дела русского зарубежья, развитием общественной мысли российской диаспоры, профессиональными судьбами зарубежных соотечественников..

Издание осуществлено при финансовой помощи

Российского гуманитарного научного фонда (проект № 11-01-14027)

и с использованием средств Гранта Президента на поддержку ведущих научных школ НШ-1903.2008.6.

© С.-Петербург. инст. истории РАН, 2012

© С.-Петербург. гос. ун-т, 2012

ISBN 978 5 288

Содержание

Источниковедческая конференция «ЭМИГРАНТИКА» — периодические издания русского зарубежья	6
К 85-летию член-корр. РАН Р.Ш. Ганелина	18
ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИКИ	26
<i>А. В. Попов</i> Зарубежные православные периодические издания как исторический источник.	26
<i>Л. В. Белгородская</i> Лингвистические средства формирования образа «Русского мира» историками-эмигрантами в научной публицистике XX века	76
<i>Е. В. Петров</i> Роль русских историков-эмигрантов в становлении Славистической периодики в США	89
<i>А. С. Крымская</i> Русские компатриоты среди американских стажеров в СССР	100
<i>В. Е. Кельнер</i> Американская историография российского еврейства: основные этапы развития и современное состояние	127
<i>А. В. Антошин</i> Советская внешняя политика эпохи «позднего сталинизма» на страницах просоветски настроенной эмигрантской прессы: опыт сравнительного анализа	144
<i>Г. Б. Дудченко</i> Советский Союз сквозь призму научной периодики КНР в 70-е годы XX века	157
<i>М. Макрберт, Н. Г. Патрушева</i> Историк русской литературы и цензуры Пол Фут (1926–2011).	168
<i>В. Д. Зимина</i> В поисках «документальности» и «органического смысла»: Русская революция 1917 года в российско-европейских концепциях XX в.	188
<i>Э. Л. Коршунов, А. П. Жарский, А. А. Михайлов</i> Крушение русской императорской армии в 1917 году (по материалам воспоминаний и дневников русской эмиграции)	201
<i>М. В. Соколов</i> Русская эмиграция и радиовещание на СССР	220
<i>А. Л. Муравьев</i> «Виноватых нет, все люди в мире правы». Русская эмиграция в зеркале экрана	244
ЧАСТЬ II. РАЗНОВИДНОСТИ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	
<i>П. Н. Базанов</i> Периодическая печать русского зарубежья — исторический или антиисторический источник (На примере журнала «Русская правда»)	269

О. Н. Кузнецова «Записки Института изучения России в Праге» как источник о деятельности Временного правительства в 1917 году	291
М. А. Воскресенская Н.А. Бердяев о русской революции на страницах журнала «Путь»	303
И. Н. Слепнёв О первой газетной публикации «Воспоминаний» С. Ю. Витте	311
А. А. Дудина «Скандинавский листок», его редакторы и деятельность коллектива сотрудников газеты	323
А. С. Соколов Издатель газеты и журнала «Воля России» (г. Прага) Егор Егорович Лазарев	337
Э. В. Летенков Журнал «Новая русская книга» (1922–1923 гг.). Краткий обзор содержания	345
П. Мажара Журнал «Служба связи ливенцев и северозападников» как продолжение Белого движения на Северо-Западе России в эмиграции	383
В. Г. Гаврилов Из истории периодической печати организации витезеев во Франции (1928–1984 гг.)	391
И. П. Воронин Отношение эмигрантской прессы к событиям в СССР накануне Второй мировой войны (по публикациям газеты «Голос России»)	397
А. Н. Кашеваров «Православная Русь» — ведущее периодическое издание Русской Зарубежной Церкви	421
Л. К. Рябова «Новый журнал»: публицистика послевоенного периода (1945–1952 гг.)	440
Сведения об авторах	459

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭМИГРАНТИКА» — ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

15 октября 2011 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета в читальном зале библиотеки общественных наук состоялось открытие международной научной конференции «ЭМИГРАНТИКА/EMIGRANTICA: периодические издания русского зарубежья (вопросы источниковедческой критики)». Конференция проводилась при поддержке гранта РГНФ (№ 11-01-14027 г/р), академических и университетских центров, выступивших в качестве ее учредителей и соорганизаторов. Участники конференции имели возможность услышать точку зрения специалистов и экспертов в области отечественного эмигрантоведения и зарубежных «diaspora studies», обменяться мнениями для дальнейшего развития совместных проектов и исследовательских программ. Оргкомитет надеется, что публикация трудов и материалов конференции будет способствовать дальнейшему развитию отечественной «диаспористики» и «эмигрантики» в качестве специальных отраслей современного гуманитарного знания.

Вся работа по подготовке и проведению конференции велась кафедрой источниковедения истории России СПбГУ в сотрудничестве с Комитетом по внешним связям правительства Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургским институтом истории РАН (СПБIIИ РАН). Следует отметить, что совместная организация научных конференций и образовательных программ администрацией, университетом и институтом стала доброй традицией последних лет. В 2008 г. общими усилиями были подготовлены «Нансеновские чтения», в

2009 г. была организована летняя школа для зарубежных соотечественников, в 2009–2011 гг. прошли международные конференции: Россия и русистика новейшего времени. Материалы конференции памяти академика РАН А.А. Фурсенко (1927–2008). Центр стратегических разработок «Северо-Запад», СПбИИ РАН и СПбГУ (2–3 июля 2009 г.). СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010; «After the War. After Stalin». Поздний сталинизм и эпоха Н.С. Хрущева в Советском Союзе (вторая половина 1940 — первая половина 1960 гг.) Материалы международной научной конференции с участием историков России, США, Великобритании, Канады, Германии 7–8 октября 2010 г. СПб.: Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, СПбГУ, 2010.

Конференция по ЭМИГРАНТИКЕ являлась продолжением работы коллектива единомышленников, сплотившихся вокруг программы научной школы член-корр. РАН Рафаила Шоломовича Ганелина. Многие обратили внимание, что ее проведение совпало с празднованием 85-летнего юбилея старшего товарища и коллеги. Имя Ганелина хорошо известно в научном мире. В новейшей историографии он по праву считается одним из наиболее авторитетных специалистов по истории России конца XIX — начала XX в., является лауреатом премии имени В.О. Ключевского (2000) и премии имени С.Ф. Ольденбурга (2007), автор свыше двухсот работ, в том числе десятка монографий и целого ряда учебных пособий. Долгое время он занимался историей советско-американских отношений и немало сделал для развития академических программ сотрудничества отечественных и зарубежных историков. Конференция стала выражением признания заслуг Р.Ш. Ганелина и его весомого вклада в развитие отечественной исторической мысли.

В состав оргкомитета конференции входили руководители институтов-партнеров по ее организации: директор СПбИИ РАН д-р ист. наук, профессор В.Н. Плешков, ректор Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств д-р ист. наук, профессор А.С. Тургаев. Деятельность оргкомитета конференции на всех этапах подготовки конференции содействовала рабочая группа. Примечательно, что в ее составе трудились не только преподаватели и научные сотрудники, но и аспиранты, и студенты СПбГУ, СПбИИ РАН, Санкт-Петербургского государственного

университета культуры и искусств (СПбГУКИ). Активную организационную работу вели студенты кафедры источниковедения СПбГУ Ю. Гаркушина, М. Зенина, аспиранты П. Мажара, Г. Шеин, В. Гаврилов, докторанты Д.Г. Янченко, О.Н. Кузнецова.

Общее количество зарегистрированных участников на момент открытия конференции составило 53 человека. Среди них сотрудники академических институтов — 7, университетские преподаватели 28, докторанты, аспиранты, студенты — 18. В работе секционных заседаний конференции приняли участие специалисты из различных регионов РФ: Москвы, Красноярска, Екатеринбурга, Брянска, Пскова. Среди зарубежных партнеров, поддерживающих программу конференции, следует выделить куратора русской коллекции Гуверовского архива (Стенфордский университет, США) Анатолия Всеволодовича Шмелева.

Работу пленарного заседания от имени оргкомитета открыл ведущий кафедрой источниковедения истории России, д-р ист. наук, профессор С.Г. Каченко. Он приветствовал участников конференции в стенах одного из старейших университетов России, ознакомив аудиторию с основными положениями и регламентом работы заседаний. На правах ведущего он предоставил вступительное слово организаторам и партнерам. В своем обращении к аудитории Председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга А.В. Прохоренко акцентировал внимание на содержательной части программы и научной значимости конференции. Он по достоинству оценил усилия университетов и коллег, вручив представителям оргкомитета текст приветственного обращения и благодарственную грамоту. От имени ректората СПбГУ к присутствующим обратился зам. проректора по научной работе А.Ю. Дворниченко. На ранних стадиях подготовки конференции он всемерно помогал работе оргкомитета. В выступлении Андрей Юрьевича было много теплых слов в адрес коллег, поддерживающих изучение научного и культурного наследия русского зарубежья. От имени академических институтов на пленарном заседании к участникам обращались представители ректората СПбГУКИ и руководства СПбИИ РАН. Предваряя заявленную тематику конференции, они сочли необходимым обратить внимание аудитории на поздравления в адрес юбиляра

Р.Ш. Ганелина. С речью и обращением к старшему товарищу выступили академик РАН Б.В. Ананьич, почетный профессор СПбГУ Г.Л. Соболев и многие другие. Всех выступающих отличало проникновенное отношение к заслугам и трудам коллеги.

После завершения пленарной части работа конференции велась по секциям. В рамках первых двух объявленных заседаний обсуждались источниковедческие проблемы изучения эмигрантской периодики. Оргкомитет счел необходимым заседание третьей заключительной секции «Разновидности повременных изданий российской эмиграции» по предварительной просьбе и согласованию с докладчиками провести в стендовом режиме, предоставив аудитории возможность воспользоваться раздаточными материалами, а за авторами сохранив право на комментарии и ответы.

Работа первой секции «Теоретические аспекты изучения эмигрантской периодики» открылась докладом юбиляра Р.Ш. Ганелина «Зарубежная русистика и эмигрантская печать». В своем выступлении Рафаил Шоломович обратил внимание на неоспоримый факт влияния советской исторической мысли на основные интерпретации российского исторического процесса в зарубежной историографии. В частности, в докладе подробно рассмотрены традиции научной школы П.А. Зайончковского, среди последователей которого было немало учеников из числа американских и европейских историков, и деятельность специалиста по германской литературе А.Л. Дымшица, оказавшего немаловажное влияние на труды немецких историков.

Р. Ш. Ганелин вспоминал: «Сам я недавно напечатал в сборнике памяти А.А. Фурсенко статью о том, как жанровые признаки советологии использовались советской стороной в ее политической издательской практике. Речь там идет о вышедших в качестве переводных под псевдонимом Эрнста Генри книгах известного советского разведчика, книгах М. Сайерса и А. Кана. Было бы, однако, недопустимой вульгаризацией сводить дело к этому. Советская историография своим академическим влиянием на западную русистику продолжила и развила традиции Г.В. Вернадского, М.М. Карповича. Здесь следует назвать имя П.А. Зайончковского. Видный американский русист А. Рибер, выступая в нашем институте с докладом об изучении истории России в США, сказал, что оно сложилось под

влиянием молодого К. Маркса, оказанным через М. Вебера, и под непосредственным влиянием П.А. Зайончковского. П.А., происшедший из старого дворянского рода, тем не менее довольно рано вступил в большевистскую партию, во время войны служил в 7-м отделе (пропаганда в войсках противника). После войны он получил предложение стать заведующим библиотекой Сталина, но жена его Ираида Павловна сказала: «Петенька, либо Сталин, либо я».

А в отношениях со своими многочисленными иностранными стажерами в МГУ он держал себя так свободно, что когда один из них узнал от меня, что П.А. — старый член партии, это показалось ему таким невероятным, что он тут же спросил, когда П.А. из нее вышел. Пришлось объяснять, что к чему.

Сотрудничество П.А. со своими учениками имело под собой серьезное научное основание. Стажеры проявляли интерес к тем проблемам российской истории, которые недостаточно освещались в советской литературе. Одной из них была внутренняя политика XIX в. Применительно к началу века это преодолевалось трудами С.Б. Окуня. А над историей Великих реформ, царствования Александра II и Александра III, русской армии этого времени работал П.А. Осторожничать со своими западными учениками он не желал, и хотя их его и не лишали, выезд для него за границу был закрыт. Ректор МГУ, крупный математик акад. И.Г. Петровский был этим очень смущен. Однажды он пригласил П.А. в свой кабинет и познакомил его с дамой, полковником КГБ, которая, как он сказал, «на самом деле руководит нашим университетом». П.А. рассказывал, что он, ни о чем ее не попросив, поцеловал даме ручку. Такие знаки внимания ей оказывались, вероятно, нечасто, и она тут же произнесла: «Выезда устроить не могу, но здесь общайтесь с ними под мою ответственность сколько хотите».

Что касается тематики зарубежных коллег, то она была действительно очень существенной и обоснованной потребностями науки. Как я уже говорил, они занимались тем, что у нас оставалось «за кадром». Так, например, Лорри Манчестер написала книгу о православных семинаристах.

Вот предметы занятий тех наиболее значительных американских исследователей российской истории, с которыми мне посчаст-

ливилось поддерживать длительные отношения. Критика работ зарубежных коллег еще называлась “борьбой с буржуазной историографией”, а они сами “фальсификаторами истории”, когда заместитель директора Института истории СССР АН СССР моего друга П.В. Волобуева видный исследователь и глубоко интеллигентный человек Ю.И. Кораблев поручил нам с Г.Л. Соболевым составить служебную записку в обоснование того, что А. Рабинович с его работами по истории Октябрьской революции фальсификатором не является. Ее предпосылки исследовались Л. Хеймсоном и его школой. У. Розенберг выступил с монографией о российском либерализме, а Р. Уортмэн рассматривал историю суда, а затем императорского двора. А. Рибер среди прочего выпустил книгу об отношениях между Французской компартией и Сталиным.

Ныне обычные формы международного сотрудничества стали основой для изучения российской истории в большинстве стран мира».

Выступающий за Р.Ш. Ганелиным д-р ист. наук, профессор СПбГУКИ П.Н. Базанов в докладе «Периодическая печать Русского Зарубежья — исторический или антиисторический источник» сделал акцент на том, что не стоит идеализировать эмигрантскую периодику. В качестве примера он рассмотрел издание «Братства Русской Правды». По мнению Петра Николаевича, многие материалы, опубликованные в русской зарубежной печати, имели очень мало общего с происходившими в XX в. событиями и являлись отчасти фантазиями соотечественников. Тем не менее исследователь счел необходимым сделать вывод, что даже самые тенденциозные зарубежные журналы, газеты, альманахи, бюллетени, сборники несли информацию о взглядах их авторов или о представлении в определенных кругах реальных событий XX в. и являются незаменимым источником по идеологии различных организаций, групп и течений русского зарубежья.

Дальнейшая работа секции продолжилась докладом екатеринбургского историка, д-ра ист. наук А.В. Антошина, выступившего по теме: «Советская внешняя политика эпохи “позднего сталинизма” на страницах просоветской эмигрантской прессы». Рассмотрев и проанализировав репертуар большинства эмигрантских изданий,

он пришел к выводу о том, что многие из них симпатизировали советскому строю, как правило, повторяя тезисы советских СМИ и возлагая всю вину за эскалацию напряженности в мире на США и их союзников. Докладчик связывал эту позицию тенденцией послевоенного времени, когда к поддержке Советского Союза склонялись представители либеральных кругов, бывшие деятели партии кадетов и Республиканско-демократического объединения. Для них внешняя политика СССР была лишь выражением законных национальных интересов России, понимаемых в рамках классической геополитики начала XX в. Усиление позиций СССР на Балканах и в Восточной Европе, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, стремление контролировать Босфор и Дарданеллы представляли собой, по мнению А.Ф. Ступницкого, А.М. Михельсона и других бывших соратников П.Н. Милюкова, свидетельство того, что закончившая экономическую модернизацию Россия восстанавливает утраченные позиции на мировой арене.

Доклад д-ра ист. наук, профессора Брянского государственного университета А.М. Дубровского «Изображение советской действительности в эмигрантской печати (по материалам издания «Социалистический вестник»)» был посвящен проблеме интерпретации реалий советской жизни на страницах крупнейшего меньшевистского журнала. В сообщении говорилось об экспертной значимости и достоверности оценок меньшевистских публикаций. По мнению автора, это не могло не заставить представителей американской советологической мысли не только не поддерживать меньшевистский проект, но использовать его в качестве основного источника при изучении внутривнутриполитической ситуации в СССР.

В докладе главного научного сотрудника отдела истории РГНФ, канд. ист. наук И.Н. Слепнева «Первая газетная публикация “Воспоминаний” С.Ю. Витте в ракурсе течений эмигрантской общественно-политической мысли и мемуаристики» были раскрыты обстоятельства появления первой публикации воспоминаний Витте на страницах газеты «Руль» И.В. Гессена. В докладе были детально и обстоятельно прокомментированы отклики современников и потомков на эмигрантскую публикацию. Преподаватель Невского института языка и культуры канд. ист. наук, доцент Г.Б. Дудченко

в сообщении «Русская эмигрантская периодика в оценках китайской историографии» подробно охарактеризовал обширный массив периодических изданий русской эмиграции, выходящих в Китае. Эти издания, недостаточно востребованные современной отечественной историографией, оказались весьма ценным историческим источником для выводов и обобщений китайских историков. Доклад преподавателя СПбГУКИ канд. ист. наук А.С. Крымской «Русские “компатриоты” среди американских стажеров в СССР: возрастной, социальный и национальный состав» представлял собой всесторонний анализ группы зарубежных соотечественников, участвовавших в программах научных и образовательных обменов. Завершил работу первой секции доклад сотрудника Российской национальной библиотеки д-ра ист. наук В.Е. Кельнера «Американская историография российского еврейства: основные этапы развития и современное состояние», в котором были подробно рассмотрены издания «Еврейская Старина», «Пережитое», «Еврейская летопись», «Еврейская мысль», «Еврейский вестник» и др. Авторская точка зрения заключается в том, что одним из моментов, препятствующих развитию историографии российского еврейства в США, оставалась слабая заинтересованность в «восстановлении памяти» со стороны основной массы еврейской диаспоры. В то же время, по мысли автора, отсутствовало и стремление ознакомиться с ней со стороны «коренных американцев». В известной степени на эти процессы, по мысли В.Е. Кельнера, не могла не повлиять пресловутая «бруклинизация» источников и литературы.

Итоги работы первой секции подвел председательствующий на заседании д-р ист. наук, профессор кафедры источниковедения истории России Э.В. Летенков. Он поблагодарил докладчиков за пунктуальность, а аудиторию за проявленное внимание, вопросы и комментарии, которые позволили развернуть дискуссию о теории и методе источниковедческих исследований русской эмигрантской периодики, изучение печатного и журнального дела русского зарубежья.

Работа второй секции конференции была посвящена вопросам «Классификации периодических изданий русского зарубежья». Она открылась докладом д-ра ист. наук, профессора РГГУ

Л.А. Молчанова «Профессиональные журналы российской эмиграции 1920–1930-х гг.», охарактеризовавшим ведущие издания педагогической и медицинской направленности. Преподаватель Сибирского Федерального университета д-р ист. наук, профессор Л.В. Белгородская посвятила свое выступление проблеме «Языка и стиля англоязычной публицистики российских историков-эмигрантов». Она обратила внимание коллег на то, что в практике межкультурной коммуникации используются разные способы наименования элементов чужой культуры: заимствование, калькирование, описание, аналогии. При заимствовании, как правило, действует методика транслитерации. Историки-эмигранты активно использовали методы описания и аналогии. Как видно из трудов при прямом заимствовании российской исторической лексики, выбор делался в пользу слов и терминов, которые не имеют аналогов в чужой речи и отражают своеобразие российской модели развития. Автор полагает, что в нынешних условиях назрела необходимость в создании современного словаря русизмов и терминов исторической науки на английском языке.

Сотрудники научно-исследовательского отдела военной истории СЗФО Академии Генерального штаба МО РФ А.П. Жарский, Э.Л. Коршунов, А.А. Михайлов в представленном на конференции докладе «Крушение русской императорской армии в 1917 г. (по материалам воспоминаний и дневников русской эмиграции)» дали историографическую оценку многочисленной эмигрантской мемуаристики. Ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН д-р ист. наук С.К. Лебедев посвятил свое выступление сравнению творческого кредо наиболее видных представителей эмигрантской экономической мысли, оговаривая безусловное влияние последних на развитие экономических теорий XX столетия. Выступление д-ра ист. наук, профессора Санкт-Петербургского государственного политехнического университета А.Н. Кашеварова было посвящено церковной периодике в русской эмиграции. В докладе «Православная Русь» — церковно-общественный орган Русской Православной Церкви за границей» выступающий рассмотрел историю издания в контексте общественно-политической жизни РПЦЗ. Заведующая сектором книговедения Российской национальной библиотеки канд. ист. наук

Н.Г. Патрушева представила совместный доклад с британским исследователем М. Макроберт, который в большей степени был связан с анализом общественной и научной деятельности историка русской литературы и цензуры Пола Фута (1926–2011). В 1970–1980-х гг. Пол Фут являлся редактором английских научных журналов «Oxford Slavonic Papers» и «Slavonic and East European Review». С ними плодотворно сотрудничали многие видные представители российской научной диаспоры.

Докторант исторического факультета СПбГУ О.Н. Кузнецова в докладе «Записки Института изучения России в Праге» как источник о деятельности Временного правительства в 1917 году» показала важность данного исторического источника для реконструкции событий 1917 г. Автор констатировала, что большинство научных центров в эмиграции публиковали собственные труды и материалы. О.Н. Кузнецова проследила историю формирования «Записок Института изучения России в Праге», его редакторскую политику, издательский репертуар и научно-справочный аппарат. Выступление д-ра ист. наук, профессора кафедры источниковедения истории России СПбГУ Е.В. Петрова было посвящено основателю журнала «Russian Review» Дмитрию Сергеевичу фон Мореншильдту. Докладчик заметил, что многие историки-эмигранты совмещали профессиональную деятельность с редакторскими обязанностями. Наиболее типична в этом плане профессиональная судьба Милюкова, Мельгунова, Карповича, Савелова-Савелкова и Мореншильдта. Последний, на волне всеобщего интереса в Америке к русским делам в 1941 г., учредил издание русского журнала на английском языке «Russian Review». Практически одновременно с англоязычным «Russian Review» в США возник «Ukrainian Quarterly» (проф. Н. Чубатый), «Armenian Review» (Рубен Дартиян). Материалы, публикуемые в них, по мнению исследователя, расширяли источниковую и историографическую основу изучения истории народов СССР.

Доклад аспиранта кафедры источниковедения истории России СПбГУ П.Ю. Мажары «Журнал “Служба связи ливенцев и северо-западников”» как продолжение Белого движения на Северо-Западе России в эмиграции» был посвящен недолго выходившему в 1930-е гг.

изданию, на страницах которого публиковались мемуары о событиях гражданской войны на Северо-Западе России. Доклад студента исторического факультета СПбГУ В.Ю. Гаврилова «Периодические издания русской национальной организации “Витязь” во Франции» продолжил тему антисоветских изданий русской эмиграции, подробно разбирая и характеризуя периодические издания молодежной организации «Витязь». Нужно отметить, что работой второго секционного заседания руководила канд. ист. наук, доцент кафедры источниковедения истории России Л.К. Рябова. Она предоставила возможность всем участникам дискуссии в рамках регламента выступить с уточнениями и комментариями авторских позиций.

Завершала работу конференции презентация приуроченная к выходу первого тома книги В.Б. Кудрявцева «Справочник периодических изданий русского зарубежья» (Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2011). По откликам большинства участников конференции это добрый знак того, что былая ситуация, характеризующаяся редкими библиографическими трудами по эмигрантской периодике, постепенно, но верно сменяется системной работой по ее описанию и упорядочиванию. В.Б. Кудрявцев заметил, что при подготовке научно-справочного аппарата сложности, как правило, возникали из-за того, что многие издания являются крайне редкими и трудно доступными. Особенно это относится к изданиям, вышедшим в странах — «провинциях» русского зарубежья, и листовкам, которые хранятся, как правило, не в библиотеках, а в архивохранилищах или частных коллекциях. В справочнике, подготовленном к печати В.Б. Кудрявцевым, учтены все периодические издания российской эмиграции, хранящиеся в библиотеках и архивохранилищах нашей страны. По мнению выступивших в прениях коллег, указатель должен стать хорошим подспорьем для исследователей эмигрантской периодики.

Подводя итоги в работе конференции, руководители секций обратили внимание присутствующих на растущий интерес к источниковедческим проблемам изучения эмигрантской периодики не только со стороны сообщества историков, но и со стороны журналистов, библиографов и архивистов. Среди неоспоримых достижений конференции, по общему мнению, следует признать ее академичность,

когда весьма сложные и противоречивые вопросы взаимоотношений «компатриотов» и исторической родины обсуждались критично и беспристрастно в духе научной традиции. Участники дискуссии в своем послесловии настоятельно высказали мнение о необходимости подготовки к изданию сборника материалов конференции, включая стенограмму обсуждаемых на секциях докладов и сообщений.

К 85-ЛЕТИЮ ЧЛЕН-КОРР. РАН Р.Ш. ГАНЕЛИНА

16 октября 2011 г. Рафаилу Шоломовичу Ганелину, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Российской Академии наук, главному научному сотруднику Санкт-Петербургского института истории РАН исполняется 85 лет. Оставаясь преданным академическому долгу, Рафаил Шоломович продолжает выполнять нагрузку профессора по кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ. Когда речь заходит о чествовании торжественной даты, он до последнего остается категорическим противником любых посвящений и юбилейных изданий. С присущей ему энергией активно будет хлопотать о предстоящих «круглых датах» ближайших соратников и единомышленников. В 2011 г. не без его инициативы на факультете и в СПб ИИ РАН отмечали 80-летие Бориса Васильевича Ананьича и Алексея Николаевича Цамутали. Что касается самого Ганелина-историка, у него всегда найдется оправдание, то 85 лет не «круглая дата», то «этика академических отношений» и т. д. Коллеги Рафаила Шоломовича, памятуя известную фразу классика «слова летят, опубликованное остается», решили посвятить выпуск данного старшему другу и товарищу, чтобы дополнить странички академической биографии историка, ранее публиковавшиеся в юбилейных изданиях и библиографических указателях (см.: Библиографический указатель: Рафаил Шоломович Ганелин (к 70-летию со дня рождения). СПб.: Европейский дом, 1996; Цамутали А.Н. Р.Ш. Ганелин и его труды по истории России и США // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рожд. Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 5–23; Рафаил Шоломович

Ганелин. К 75-летию со дня рождения. Библиографический указатель. Кишинев; СПб., 2001.1

В 85 лет Рафаил Шоломович не мыслит себя вне науки и образования, оставаясь в своем творчестве преданным традициям петербургской исторической школы.

Рафаил Шоломович Ганелин родился 16 октября 1926 г. в Ленинграде в семье известного ученого-педагога члена-корр. АПН РСФСР Ш.И. Ганелина². Его отец был крупным специалистом по истории и теории отечественной педагогической мысли, совмещавшим с 1931 г. работу с преподавательской деятельностью в ЛГУ. Высшее образование Рафаил Шоломович получил на историческом факультете Ленинградского университета, где учился в 1945–1949 гг. по специальности «история международных отношений». В послевоенное время, со слов его учителя Николая Павловича Полетики (1896–1988), «история международных отношений стала почти такой же модной профессией, как балет». В конце 1940-х годов Н.П. Полетика заведовал кафедрой истории международных отношений Ленинградского университета и был одним из первых в советской историографии, кто обстоятельно штудировал,

¹ К 85-летию юбилею д-ра ист. наук, член-корр. РАН Р. Ш. Ганелина // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей. Вып. 6. СПб., 2011. С. 2–10.

² Ганелин Шолом Израилевич (01.12.1894–20.12.1974), педагог, историк педагогики, член-корр. АПН РСФСР (1947). Учился на юридическом ф-те Петрогр. ун-та (1915–1917), окончил гуманитарный и внешкольный ф-ты Петрогр. педагогической академии (1922). Преподавал на вечерних рабочих курсах в Пг. (1916–1917). В 1917–1919 в Полоцке, с 1919 вновь в Пг. преподавал в Военно-инструкторском политическом ин-те (1919–1920), педагогическом техникуме (1923–1930), ЛГПИ им. А. И. Герцена (1924–1972), ЛГУ (1931–1947). В 1925–1939 одновременно работал в Ин-те научной педагогики, в 1945–1960 — в Ленингр. НИИ педагогики. Разрабатывал методологические проблемы педагогики, главное внимание уделял взаимосвязи и взаимообусловленности теории и истории педагогики, дидактики и частных методик, педагогики и психологии, педагогической теории и практики воспитания и обучения. Автор многочисленных трудов, в т. ч. фундаментальных «Очерков по истории ср. школы в России второй пол. XIX в.» (1950) (см.: Ш.И. Ганелин (1894–1974): Биобиблиогр. указ. / Сост. Р.Ш. Ганелин, С.Ф. Батракова. М., 1987).

привлекая архивные источники, причины и начало Первой мировой войны.

Рафаил Шоломович считает себя учеником и последователем не только Н.П. Полетики, но и профессора Б.А. Романова — выдающегося представителя отечественной исторической науки, под влиянием которого он формировался как исследователь. «Б.А. Романов создал школу и воспитал целую плеяду талантливых учеников, среди которых выделялись ставшие впоследствии академиками РАН Александр Александрович Фурсенко, Борис Васильевич Ананьич, директор ЛОИИ Н.Е. Носов и В.М. Панеях». Автор классических исследований по истории России и международных отношений на Дальнем Востоке, Б.А. Романов рекомендовал Рафаилу Шоломовичу сосредоточиться на изучении противоречий в развитии российско-американских отношениях накануне февральской революции. За время обучения в аспирантуре ЛГУ в 1949–1952 гг. Р.Ш. Ганелин подготовил диссертационное исследование «Американская экспансия в бассейне Тихого океана в середине XIX в.», которое было представлено в июне 1953 г. к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

В 1952–1953 гг. Рафаил Шоломович начал преподавать новую и новейшую историю в ЛГУ, Ленинградском педагогическом институте им. М.Н. Покровского. В октябре 1953 г. Рафаил Шоломович в качестве ассистента работал в Ленинградском Библиотечном институте им. Н.К. Крупской.

С 1955 г. Ганелин трудится в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР (ЛОИИ) — (позже СПбФИРИ, ныне СПб институт истории РАН), пройдя за эти годы по всем ступенькам научной карьеры от младшего до главного научного сотрудника. Работой ЛОИИ в тот период руководил Михаил Порфирьевич Вяткин, много сделавший для изучения истории народов СССР. В 1950–1960-х гг. Р.Ш. Ганелин начинал работать в группе, которой заведовал С.Н. Валк, позже В.С. Дякин. Группа занималась изучением и публикацией источников по истории России конца XIX — начала XX в. В ЛОИИ Рафаил Шоломович исполнял обязанности ученого секретаря сектора истории СССР, заведующего сектора истории СССР периода капитализма. Исторический период,

которому посвящены труды Рафаила Шоломовича — это предреволюционная Россия, история двух российских революций: революции 1905–1907 гг. и Февральской революции 1917 г., внутренняя и внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв. Научное наследие Рафаила Шоломовича содержит как труды по отечественной истории, так и исследования по истории дипломатии. Первой монографией Р.Ш. Ганелина была работа «Россия и США: Очерки русско-американских отношений, 1914–1917» (М.; Л., 1969). Последующие исследования в данном направлении воплотились в отдельные статьи и книгу «Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 гг.» (Л., 1975) — фундаментальные труды, высоко оцененные специалистами историографии как в России, так и за рубежом. По одноименной тематике Р.Ш. Ганелин защитил в 1970 г. диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Рафаил Шоломович всегда ставил превыше всего интересы науки, с предельной добросовестностью выполнял возложенные на него поручения. Значительная часть научного наследия Рафаила Шоломовича — главы в больших коллективных трудах. Написанные с большим мастерством, они, с одной стороны, органично входят в общую композицию коллективных работ, а с другой — взятые в отдельности, являют собой оригинальные и законченные монографии. Рафаил Шоломович — участник многих коллективных трудов. Среди этих работ и такое уникальное издание, как «Морской атлас», где им представлен ряд исторических справок к картам 3-го тома (М., 1959). Он был участником и соавтором многочисленных коллективных трудов: «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» (Л., 1967), «Революционный Петроград в 1917 г.» (Л., 1977), «Краткая история СССР» (М.; Л., 1978), «Кризис самодержавия в России» (Л., 1984), «Национальная правая прежде и теперь» (СПб., 1992) и т. д. Труды Рафаила Шоломовича, будь то монографии, главы в коллективных трудах, публикации архивных документов или мемуаров, отличаются тщательным анализом исторических источников, точностью в изложении исторических фактов, глубиной анализа и аргументированностью выводов. Р.Ш. Ганелин является соредактором, составителем и соавтором комментариев

к большому числу публикаций документов, в том числе к изданиям: «Воспоминания С.Ю. Витте», «Крушение царизма», «Совет министров Российской империи в 1905–1906 гг.» (Л., 1990), «Николай II. Воспоминания, дневники», «Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого», «Совет министров Российской империи в 1915–1916 гг. Бумаги А.Н. Яхонтова» (СПб., 1999) и др. Р.Ш. Ганелин приложил руку к изданию, являясь соавтором и редактором капитального труда петербургских историков «Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция» (СПб., 1991), «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» (СПб., 1996), основанного на солидной документальной базе.

В 1991 г. Рафаил Шоломович был избран членом-корреспондентом АН СССР. Свою творческую деятельность он профессионально сочетает с организационной работой, многие годы участвует в различных научных и проблемных академических советах. «За годы работы в ЛОИИ Рафаил Шоломович показал себя как разносторонний исследователь и одновременно безупречный работник, добрый товарищ, строго соблюдающий лучшие традиции академической науки». В 2000 г. постановлением Президиума РАН ему присуждена премия им. В.О. Ключевского за монографию «Сергей Юльевич Витте и его время» (СПб., 1999; в соавторстве с Б.В. Ананьичем).

Сотрудники СПбИИ РАН приложили немало усилий для открытия в Санкт-Петербурге Европейского университета, где с 1996 г. Р.Ш. Ганелин начинает преподавать аспирантам курс «Дискуссионные проблемы истории России» (совместно с М.М. Кромом, Е.В. Анисимовым и А.Н. Цамутали), и руководить работой семинара «Источниковедение и историография предреволюционной России». Одной из центральных тем в научной биографии Рафаила Шоломовича всегда оставалась изучение государственной деятельности С.Ю. Витте. В соавторстве с Б. В. Ананьичем он публикует работы: «Сергей Юльевич Витте и его время» (СПб., 1999), «Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания: Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. Т. 1. Кн. 1, 2; Т. 2. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003 (120 п. л.).

Весьма плодотворную педагогическую деятельность Р.Ш. Ганелин развернул в Институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей социально-гуманитарных

наук — Республиканском гуманитарном институте Санкт-Петербургского государственного университета (ИППК–РГИ СПбГУ), являясь с 1997 г. по совместительству профессором кафедры истории России и зарубежных стран. Его лекции и специальные курсы пользовались неизменным успехом, собирая благодарную аудиторию слушателей ИПК, аспирантов и докторантов. В 2003 г. научно-образовательная деятельность Р.Ш. Ганелина была отмечена грантом Президента РФ на поддержку ведущих научных школ Российской Федерации. Среди его учеников — профессора и преподаватели российских университетов, учебных заведений других стран, коллеги по Санкт-Петербургскому институту истории РАН. В академических, образовательных и международных программах научной школы Р.Ш. Ганелина в 2003–2008 гг. было задействовано 14 преподавателей, в их числе 1 академик РАН, 1 член-корр. РАН, 6 профессоров (1 заслуженный работник высшей школы и почетный профессор СПбГУ), 6 докторантов, 1/3 состава школы — аспиранты. Ежегодно в докторантуре и аспирантуре ИППК–РГИ СПбГУ по программам научной школы обучались свыше 10 специалистов.

Издательская программа научной школы Р.Ш. Ганелина обеспечила в 2003–2010 гг. выход в свет целой серии сборников и материалов конференций, проводившихся на базе Санкт-Петербургского института истории РАН, СПбГУ, Северо-Западной академии государственной службы, Центра Стратегических разработок Северо-Запад. При участии и под руководством Р.Ш. Ганелина были подготовлены многочисленные издания: (Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.): Материалы научно-теоретической конференции (СПб., 8–10 дек. 2003 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 533 с.; Государственная власть и общественность в истории центрального и местного управления России: Сборник статей памяти М.М. Шумилова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 534 с.; Украинский вопрос и революционные события в России 1917 года. Материалы международной научно-теоретической конференции 3–4 октября 2006 г. СПб ИИ РАН, СПбГУ, НАН Украины; Под ред.: Р.Ш. Ганелин, А.В. Гоголевский, Е.В. Петров. СПб: Издательский дом «Папирус», 2006. 194 с.; Власть и общество в России во время русско-японской войны и революции 1905–1907 гг.: Материалы научно-теоретической

конференции / Под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина и др. СПб.: Олеариус Пресс, 2007. 237 с.; Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории. Материалы Всероссийской научной конференции 12–13 ноября 2007 г. СПб ИИ РАН, СПбГУ / Под ред. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина и др. СПб: Олеариус Пресс, 2008. 318 с.; Россия и русистика новейшего времени: Материалы конференции памяти академика РАН А.А. Фурсенко (1927–2008). ЦСР Северо-Запад, СПб ИИ РАН и СПбГУ (2–3 июля 2009 г.) / Под ред. Р.Ш. Ганелина и др. СПб: Издательский дом СПбГУ, 2010. (40 п. л.).

Обладая удивительной способностью плодотворно сотрудничать с коллегами, создавая доброжелательную атмосферу в рабочем коллективе, Рафаил Шоломович вместе с тем сохраняет яркую индивидуальность как ученый. С 2008 г. Р.Ш. Ганелин работает на кафедре источниковедения истории России исторического факультета СПбГУ. Студенты, аспиранты и докторанты кафедры посещают спецкурс Р.Ш. Ганелина, на котором знакомятся с историей петербургско-ленинградской исторической школы. Историографический семинар Р.Ш. Ганелина пользуется неизменным успехом универсантов всех поколений. Будучи сам учеником Н.П. Полетики и Б.А. Романова, Рафаил Шоломович стал учителем для многих историков последующих поколений. Под его руководством только в последние годы защитили кандидатские диссертации: М. Лукьянчикова (2010 г.), Д.В. Литвиненко (2010 г.) и др. Р.Ш. Ганелин был консультантом успешно выполненных докторских диссертационных исследований: М.А. Воскресенской (2009 г.), Н.С. Андреевой (2010), Л.В. Белгородской (2010 г.), И.А. Алферовой (2011).

Имя историка Ганелина хорошо известно в европейской и американской исторической науке. Со многими ведущими зарубежными специалистами его долгие годы связывают тесные узы сотрудничества. В числе ближайших коллег — Лео Хеймсон, Колумбийский университет (США), Бернд Бонвич, Германский исторический институт в Москве, Уильям Розенберг из Мичиганского университета (США), Александр Кан из университета Упсала (Швеция), Ева Берар (Франция), Тимо Виховайнен, Хельсинкский университет (Финляндия), Джейн Бурбанк Нью-Йоркский университет (США), Марк фон Хаген, Американская ассоциация славянских

исследований (США), Ютта Шерер (Германия). Многие десятилетия Р.Ш. Ганелин активно участвует в работе международных программ, посвященных изучению российского исторического процесса, ведет издательские и экспертные проекты. Р.Ш. Ганелин является членом ряда коллегий, ученых и диссертационных советов, постоянно участвует в многочисленных издательских программах, редактирует академические журналы «Исторические записки» (международный альманах, посвященный теории и методологии исторической науки. М.: «Наука»), «Новейшая история России» (СПбГУ), «История Санкт-Петербурга» (СПб), «Берега: информационно-аналитический сборник о русском зарубежье» (СПб), «Клио» (СПб), «Нестор» (СПб), «Ab Imperio» (Казань), «Вестник молодых ученых» (Совет ректоров вузов СПб).

Историк, невзирая на то, что давно уже разменял восьмой десяток лет, обрел второе дыхание, публикуя одну книгу за другой. При его участии был издан «Сборник материалов личного архива графа И.И. Толстого. Во главе императорской академии художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898 гг.» М.: «Индрик», 2009. 90 п. л.). Неизменной популярностью пользуется труд Р.Ш.Ганелина «Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг.». 2-е изд. СПб.: Нестор-история, 2006. Изучение новых источников, сравнение их с ранее известными документами, интервью с непосредственными участниками событий позволили Рафаилу Шоломовичу в недавно вышедшей книге «СССР и Германия перед войной: отношения вождей и каналы политических связей (СПбГУ, 2010) во многом по-новому осветить один из самым противоречивых сюжетов отечественной истории — начало Второй мировой войны.

Руководство и профессорско-преподавательский состав исторического факультета кафедры источниковедения истории России считают своим долгом выразить в рамках настоящей конференции признание заслуг и поздравления в адрес юбиляра Рафаила Шоломовича Ганелина, человека, преданного ремеслу историка и alma mater. Высокий профессионализм, титаническая работоспособность, талант и вместе с тем скромность и отзывчивость снискали ему любовь и уважение среди коллег и учеников.

ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИКИ

А. В. Попов

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Осмысление культурного наследия русского зарубежья, роли и места православия в сохранении этого наследия является одной из основных потребностей времени. Не случайно история русского зарубежья выходит на одно из первых мест в тематике исторических исследований. В полной мере это касается и истории православия вне России.

С начала 1990-х гг. появились реальные возможности для изучения истории Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ) и истории русского зарубежного православия. Во многих библиотеках и архивах были открыты недоступные ранее для исследователей спецхраны, созданы специализированные отделы русского зарубежья. В Москве большие собрания периодических изданий русского православного зарубежья хранятся в Отделе русского зарубежья Российской государственной библиотеки (РГБ), Научной библиотеке Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье» (БФРЗ), Отделе русского зарубежья Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), Отделе русского зарубежья Государственной

публичной исторической библиотеки (ГПИБ) и Синодальной библиотеке Московского Патриархата. Специализированный Отдел религиозной литературы и литературы русского зарубежья имеется только во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ). Основой собрания ВГБИЛ послужили переданная в дар библиотека известного богослова, историка церкви Н.М. Зернова и поступления от парижского издательства «ИМКА-Пресс».

Цель данной статьи автор видит в том, чтобы дать оценку церковным периодическим изданиям как источнику по истории русского зарубежного православия. Церковные периодические издания разделены автором на две большие группы: «Зарубежные церковные периодические издания» и «Российские церковные периодические издания». В число рассматриваемых зарубежных изданий вошли журналы и альманахи, издававшиеся Русской Православной Церковью за границей, Православной Церковью Америки и Русской Архиепископией в Западной Европе, а также издания Московского Патриархата, выходившие за рубежом. В состав рассматриваемых церковных периодических журналов, издающихся в России, входят не только издания Московской Патриархии, но и независимые журналы, альманахи, значительно место уделяющие теме истории православия, в том числе его зарубежной части.

Зарубежные церковные периодические издания. Двухнедельный журнал «*Православная Русь*» издается Русской Православной Церковью за границей. Предтечей этого издания была основанная архимандритом Виталием (Максименко) газета монастыря преп. Иова Почаевского «*Православная Карпатская Русь*», выходившая в Ладомирово (Чехословакия) с 1928 г. Спустя семь лет газета изменила свое название: 7 января 1935 г. она вышла под названием «*Православная Русь*». Первыми редакторами газеты «*Православная Русь*» были архимандрит Серафим (Иванов) и архимандрит Нафанаил (Львов)¹. Последний европейский номер газеты «*Православная Русь*» вышел в июле 1944 г. После Второй

¹ Встреча с редакцией периодических изданий Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США) // Трибуна русской мысли. 2003. № 2. С. 181.

мировой войны монастырь переехал в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (США), где издание было продолжено с января 1947 г. в журнальной форме. Основные задачи журнала редакция определила следующим образом: «Блюсти заветы святой Руси в свете их: 1. Осведомлять о важнейших событиях церковной жизни и оценивать их; 2. Осведомлять о текущей церковной жизни разбросанных по всему свету церковно-организованных единомышленных русских людей; 3. Сосредотачивать материал, рисующий положение верных Церкви русских людей, томившихся и томящихся под игом советской власти; 4. Способствовать ознакомлению церковного народа с основами православной веры; 5. Давать назидательное чтение, способное духовно окрасить досуги русских православных людей за рубежом»².

Журнал «*Православная Русь*» является ценным источником для историков Православной Церкви и русского зарубежья. На его страницах регулярно публикуются Послания Архиерейских Соборов Церкви за границей, Синода Церкви за границей, Послания и заявления отдельных иерархов. Важными для осмысления судеб церкви в XX в. являются статьи о взаимоотношениях РПЦЗ, Московской Патриархии и других русских православных юрисдикций, в особенности Американской Православной Церкви и Русского Западно-Европейского Экзархата Константинопольского Патриархата³. В журнале освещается жизнь

² Каталог изданий Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1989. С. 84–85.

³ *Габбе Г.*, протопресвитер 1) Докладная записка о каноничности и церковно-бытовом значении соглашения Московской Патриархии и Американской автокефалии последней // *Православная Русь*. 1969. № 23. С. 6–8; 2) О Томосе Американской Автокефалии // Там же. 1970. № 3. С. 6–7; 3) Русская Зарубежная Церковь в кривом зеркале (Ответ Архиепископу Иоанну Шаховскому) // Там же. 1964. № 3. С. 4–8; № 4. С. 4–6; *Зайцев К.*, архимандрит 1) Духовное состояние мира и задачи Русской Зарубежной Церкви // Там же. 1962. № 11. С. 4–14; 2) В чем задачи Зарубежной Церкви? // Там же. 1966. № 14. С. 1–2; 3) Жива ли наша Зарубежная Церковь? // Там же. 1964. № 9. С. 6–7; *Киселев А.*, протопресвитер. По поводу «Автокефалии» Американской Церкви. Ответ Н.А. Струве // Там же. 1971. № 3. С. 11–12; *Константин*, архимандрит. Духовное состояние современного мира и Русская Зарубежная Церковь // Там же. 1959. № 21. С. 4–9; *Мар П.* Исторический обзор церковной смуты и раскола // Там же. 1965. № 15.

приходов русского зарубежья, дается информация о строительстве новых храмов, о духовном образовании. Ценным источником для восстановления биографий иерархов и священников РПЦЗ являются жизнеописания и некрологи.

В журнале «Православная Русь» регулярно печатались известные церковные историки и публицисты: профессора Н.Д. Тальберг и И.М. Андреевский, протопресвитеры Георгий Граббе, Михаил Польский, Михаил Помазанский и др. Хочется отметить деятельность многолетнего главного редактора журнала архимандрита Константина Зайцева. Архимандрит Константин был не только известным богословом, но и опытным редактором и издателем. В частности, в межвоенный период он являлся главным редактором издаваемых П.Б. Струве газет «Возрождение» и «Россия и Славянство».

Архимандрит Константин прибыл в Свято-Троицкий монастырь в августе 1949 г. Он становится профессором Духовной семинарии, где читает курсы лекций по догматическому и пастырскому богословию, истории русской словесности. Почти сразу же после прибытия по приглашению Архиепископа Виталия (Максименко) он становится редактором журнала «Православная Русь»⁴. На посту редактора архимандрит Константин оставался более четверти века до самой своей кончины в 1975 г. Все эти годы в каждом номере журнала обязательно помещалась его статья⁵. После смерти о. Константина журнал редактировали Архиепископ Сиракузский и Троицкий Аверкий, иеромонах Игнатий (Трепачко) и нынешний предстоятель РПЦЗ митрополит Лавр.

С. 8–9; № 16. С. 4–5; Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка // Там же. 1955. № 9–17; Тальберг Н.Д. К сорокалетию пагубного евлоганского раскола // Там же. 1966. № 3–24; Троянов И. Протоиерей. Иерархия Американской Митрополии и Московский Патриархат // Там же. 1970. № 3. С. 9.

⁴ Фомин С.В. Джорданвильский отшельник. Архимандрит Константин (Зайцев) // Трибуна русской мысли. 2002. № 2. С. 80–81.

⁵ Иванов П. Идеология архимандрита Константина (к 15-летию со дня кончины) // Русский пастырь. Журнал воспитанников Свято-Троицкой Духовной семинарии. Сан-Франциско, 1990. № 7. С. 7–15.

С 1950 г. стало регулярно выходить ежегодное приложение к журналу «Православная Русь» — церковно-богословско-философский ежегодник «**Православный путь**»⁶. Первые номера ежегодника вышли в Ладомирово в 1939 и 1940 гг. Во время войны выход ежегодника был приостановлен и возобновлен в 1950 г. в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле. У истоков возрожденного журнала стояли архиепископ Аверкий (Таушев), архимандрит Константин Зайцев, протоиерей Михаил Помазанский, известный историк церкви Н.Д. Тальберг. Открывая первый номер возобновленного ежегодника, отец Константин писал: «Для положительной работы на спасение себя и России надо быть православным цельным, то есть послушливо-исполнительным, благочестивым и рачительным чадом Церкви, всецело отдавшим себя окормлению Ее — в том облике, который имеет знак подлинности. Стать и быть подлинным сыном подлинной Церкви — вот лежащий перед нами православный путь»⁷. В первом номере ежегодника была опубликована статья архиепископа Иоанна Шанхайского «Высокопреосвященный Антоний Харьковский и Ахтырский». Постоянными авторами журнала были И.А. Андреев, И.А. Гарднер, Г.А. Знаменский, И.М. Концевич, Н.Д. Тальберг, протоиерей Герасим Шорец, протоиерей Сергей Щукин и др. Из архипастырей Русской Православной Зарубежной Церкви в журнале в разное время публиковались митрополит Анастасий (Грибановский), епископ Никон (Рклицкий), епископ Григорий (Граббе), архиепископ Аверкий (Таушев) и др. Одну из главных своих задач «Православный путь» видел в защите Православия «православных леворадикалов», в первую очередь, представителей так называемой парижской богословской школы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др. Сегодня редакция журнала так пишет об идеалах ежегодника «Православный путь»: «К этим идеалам можно отнести: в богословии — верность церковной традиции

⁶ Филиппев В., инок. «Православный путь», как охранитель русского богословия. История, задачи, идеалы журнала // Православный путь. Церковно-богословско-философский ежегодник за 2000 год. Джорданвилль, Нью-Йорк, 2000. С. 5–17.

⁷ Там же. С. 11.

и преданию, в области экклезиологии — стояние в Православии и противостояние апостасии, в политико-государственной области — монархизм и охранительные историософские воззрения. Но самым главным идеалом для «Православного пути» оставалась и остается православная духовность»⁸. На протяжении своей более чем полувековой истории в ежегоднике было опубликовано много материалов, отражающих историю русского зарубежного православия.

Журнал Архиерейского Синода РПЦЗ «*Церковная жизнь*» с перерывами издавался с 1933 г. в Сремских Карловцах, Новом Саду, Белграде, Мюнхене, Нью-Йорке, а с 1991 г. — в Джорданвилле. Первым главным редактором журнала был протоиерей Георгий Граббе. В журнале «Церковная жизнь» важны для исследователей опубликованные официальные церковные документы (акты, указы, послания и т. д.). Интересным источником является опубликованное в одном из первых номеров журнала «Письмо епископа «отошедшего» к епископу «неотошедшему». На примере этого документа можно увидеть как спустя всего несколько лет после Послания (Декларации) митрополита Сергия от 29 июля 1927 г. зарождалась неверная трактовка Декларации. Впоследствии эта трактовка стала единственной в периодике РПЦЗ. В частности, в письме говорится: «...в декларации митрополита Сергия встречаются такие мысли и выражения, которые вполне понятны в устах безбожника, комсомольца или коммуниста, но никак не к лицу Первоиерарху, хотя и временному, Русской Православной Церкви. Так, например, митрополит Сергий в своем воззвании уверяет чад Православной Церкви в том, что радости и скорби, удачи и неудачи социалистического пролетариата и Церкви Христовой совпадают. Дальше, кажется, и идти некуда»⁹. В данном случае речь идет о толковании фразы из Послания митрополита Сергия «Мы хотим быть православными

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Письмо епископа «отошедшего» к епископу «неотошедшему». Из рукописной церковной литературы в подъяремной России // Церковная жизнь. Издаётся ежемесячно при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1933. № 7. С. 125.

и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». В этой фразе ничего не говорится о безоговорочном подчинении гражданским властям, а слова «радости и успехи» по прямому стилистическому смыслу отнесены к Родине, а не к «социалистическому пролетариату».

Двухнедельный журнал «*Церковные ведомости*» издавался с 1922 по 1930 год при Высшем русском церковном управлении за границей под редакцией Е.И. Махарабидзе. В редакционной статье в первом номере журнала подчеркивалось, что журнал является заграничным изданием дореволюционного издания «Церковные ведомости»: «Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России возобновило в 1920 г. в Крыму издававшийся при Всероссийском Святейшем Синоде церковный орган “Церковные ведомости”. Но затем ввиду разыгравшихся политических событий и эвакуации из Крыма этот орган вынужден был прекратить свое существование. Ныне, в заботах об установлении живой и планомерной связи между Высшим Заграничным Церковным органом и пастырями церквей и паствой, находящимися за рубежом России, высшее Русское Церковное Управление за границей признало за благо восстановление заграничного издания журнала “Церковные ведомости”¹⁰. В журнале публиковались Послания Соборов и Синода Зарубежной Церкви, Определения Соборов, указы и другие материалы. Для историков зарубежного православия его материалы очень важны, так как именно на его страницах отражены зарождение РПЦЗ и ее начальная история. В частности, в Определении Собора Архиереев РПЦ за границей от 18–31 мая 1923 г. «Об организации Высшей русской заграничной православной церковной власти» написано: «Все находящиеся за пределами России православные епископы (равно и те автономные архиепископии, которые образовались в лимитрофных странах из епархий, входивших в состав Русской Церкви), а также отдельные русские миссии, приходы, храмы, суть неразрывная часть автокефального Московского Патриархата, возглавляемого в настоящее время Святейшим Тихоном, Патриархом Московским и Всея

¹⁰ От редакции // Церковные ведомости. 1922. 15 (28) марта. С. 1.

Руси»¹¹. Для нас представляется важным, что в этом Определении еще нет упоминания о том, что Русская Православная церковь за границей была основана в 1920 г. Патриархом Тихоном на семь лет раньше чем Московская Патриархия, основанная узурпацией власти митрополитом Сергием.

Из изданий РПЦЗ интересен *«Вестник Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за Рубежом»*. Журнал издавался с 1974 по 1991 год в Женеве и имел постоянные рубрики: «Из летописи епархии», «Хроника нашей епархии», «Из истории наших храмов», «Из книги указов» (сообщалось о рукоположениях, назначениях, возведениях в сан и др.), «Справочный отдел» (телефоны, адреса должностных лиц епархии). В нем печатались летописи приходов, вести из приходов, некрологи, доклады правящего епископа, информации о епархиальных съездах, о паломнических поездках¹². Публиковались также статьи из других православных изданий.

Ценным источником для историков Русской Православной Церкви является журнал *«Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей»*. «Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей» является официальным органом Германской епархии РПЦЗ и выходит с 1981 г. в Мюнхене с периодичностью шесть раз в год. Журнал имеет постоянные разделы: «Из жизни епархии», «Архиерейские Послания», «Из истории Церкви», «Из жизни нашей Церкви», «Православное учение» и др. В журнале достаточно полно отражена жизнь Германской епархии РПЦЗ¹³. В нем публиковались Архиерейские послания, некрологи,

¹¹ Обращение Пастырского Сопоставления духовенства Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за границей // Церковное слово. Орган Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ. Крейдон, Австралия. 2001. № 3. С. 14.

¹² Послание 12-го Епархиального съезда Западно-Европейской епархии, Лион 23 февраля — 8 марта 1978 // Вестник Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за Рубежом. 1978. № 12. С. 7–10; 12-й Епархиальный съезд нашей епархии. С. 11–23; Из истории наших храмов. Город Берн и Русская Церковь Св. Троицы // Там же. № 10. С. 41–44.

¹³ Рар Г.А. Наша церковь сегодня. Доклад на Епархиальном съезде. 22 сентября 1981 // Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей. Мюнхен, 1981. № 3. С. 14–18; Слово, сказанное Архиепископом Иоанном

информация о епархиальных съездах, обращения, указы и др. Об истории епархии в годы Второй мировой войны рассказывают статьи М.В. Назарова и М.В. Шкаровского¹⁴. О жизни и возрождении епархии после войны пишет известный историк Г. Зайде¹⁵. Его же перу принадлежит важный для историков православия «Перечень приходов РПЦ в Германии»¹⁶. В журнале публиковались рецензии и отзывы на работы, посвященные истории Русской Православной Церкви. Давая оценку книге известного немецкого историка доктора Зайде «История Русской Православной Церкви За границей с ее основания до нашего времени», В.Н. Вишневецкий пишет: «Труд доктора Зайде является самым крупным до сего времени написанным о Русской Православной Церкви за границей и наверняка таким он перешагнет рубеж 1000-летия Крещения Руси в 1988 г. Он станет настольной книгой для всех, кто интересуется Русской Православной Церковью»¹⁷.

Об изменении взглядов на проблему воссоединения РПЦЗ и РПЦ Московского Патриархата можно судить по мыслям, высказанным в статье Архиепископа Берлинского и Германского Марка «Сила Церкви в единении веры и любви». Трактую знаменитое постановление патриарха Тихона от 20 ноября 1920 г. № 362, епископ Марк пишет: «Согласно этому указу свободная часть Русской Церкви должна управляться сама до возможности созыва свободного Собора Русской Православной Церкви. Нельзя всерьез считать, что имелось

при открытии Епархиального съезда Западно-Европейской епархии // Там же. 1960. № 4. С. 30–32.

¹⁴ Назаров М.В. Русская Зарубежная Церковь в годы «второй гражданской войны» // Там же. 1994. № 6. С. 18–22; Шкаровский М.В. Германская епархия в годы второй мировой войны. Обитель Преп. Иова Почаевского // Там же. 2000. № 3.

¹⁵ Зайде Г. Русская Церковная эмиграция в Германии после второй мировой войны // Там же. 1994. № 1, 2.

¹⁶ Зайде Г. Документация-перечень приходов Русской Православной Церкви в Германии после Второй мировой войны // Там же. 1996. № 6. С. 14–16; 1997. № 2. С. 24–28; № 5. С. 25–27.

¹⁷ Вишневецкий В.Н., Зайде Г. История Русской Православной Церкви За границей с ее основания до нашего времени. Мюнхен, 1983 // Там же. 1984. С. 13–15.

в виду некое механическое подчинение будущей административной единицы, которая сама еще не освободилась бы от следов воздействия тех же богоборцев»¹⁸. В этом случае мы видим то, что можно назвать вольным или невольным мифотворчеством, ведь ничего подобного в постановлении № 362 нет: нет ничего ни о «свободной части Русской Церкви», ни о том, что такая часть «должна управляться сама». Подобное мифотворчество объясняется тем, что именно указ № 362 послужил главным «каноническим» основанием существования РПЦЗ.

На наш взгляд, «Вестник Германской Епархии Русской Православной Церкви за границей» является ценным источником по истории не только Германской епархии, но и всей Зарубежной Церкви.

Жизни Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ посвящен журнал «**Церковное слово**», который является органом Австралийско-Новозеландской епархии Русской Православной Церкви за границей. Он выходит с 1955 г. в Крейдоне (Австралия) с периодичностью десять раз в год. В редколлегии журнала в разные годы входили архиепископ Илларион, иерей М. Бойков, иерей С. Ган и др. В журнале «Церковное слово» особенно в первые годы издания помещалось много материалов из издававшегося в Харбине в 1926–1946 гг. журнала «Хлеб небесный». В журнале «Церковное слово» печатаются сообщения канцелярии Архиерейского Синода, архиерейские послания, указы, церковная хроника, списки храмов епархии, «Скорбная страница» (некрологи)¹⁹. Ярким примером мифотворчества в Зарубежной церкви является Обращение Пастырского

¹⁸ Марк, архиепископ Берлинский и Германский. Сила Церкви в единении веры и любви // Там же. 1997. № 4. С. 25–27.

¹⁹ День Ангела Архиепископа Феодосия // Церковное слово. Орган Австралийско-Новозеландской епархии РПЦЗ. Крейдон, Австралия. 1978. № 6–7. С. 17; Кончина Архиепископа Филофея // Там же. 1986. № 10. С. 3–4; Операция Владыки Архиепископа Павла // Там же. С. 13–14; Митрополит Виталий Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей в Австралии // Там же. С. 15–16; Светлой памяти Анатолия Ивановича Коробко // Там же. 2001. № 1. С. 22–24; Венгеров В. 25-летний юбилей служения протоиерея Никиты Чемодакова // Там же. № 2. С. 14; Серебряная годовщина со дня кончины протоиерея Ростислава

Совещания духовенства Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за границей (Сан-Франциско), опубликованное в № 3 журнала за 2001 г. В обращении говорится: «Было бы полным абсурдом для Русской Православной церкви за границей, основанной в 1920 г. согласно Указу Святейшего Патриарха Тихона, считать своей Матерью-Церковью Московскую Патриархию, основанную целых 7 лет спустя в 1927 г. узурпацией законной церковной власти Заместителем Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополитом Сергием (Страгородским) после его известной Декларации о полной лояльности церкви богоборческой власти»²⁰.

Журнал «**Вестник Православного дела**» издавался с 1959 г. в Женеве общественной организацией «Православное Дело», зарегистрированной в Швейцарии в 1959 г. Главным редактором журнала являлся известный богослов П.А. Лопухин. Он определил идеологическую задачу редакции следующими словами: «Задачи Православного Дела и его Вестника помочь тогда России сказать слова о ее положительном и деятельном идеале. Те, кто хочет этому делу так или иначе послужить, должны понимать, что Возрождение России есть прежде всего задача духовно-нравственная, а не политическая. Эта последняя задача занимает место второстепенное. Разрешение ее прилагается, когда есть возрождение духовное»²¹. В журнале публиковались документы по истории РПЦЗ и зарубежного православия в целом: Послания Соборов и Синода РПЦЗ, архиерейские послания и другие документы²².

Духовно-нравственный православный иллюстрированный журнал «**Хлеб Небесный**» издавался с 1926 по 1946 г. при Казанско-Богородицком мужском монастыре в Харбине. Редактировал журнал архимандрит Ювеналий, а с 1 января 1939 г. вплоть до закрытия

Гана // Там же. С. 15–16; Письмо из России (Ко дню кончины отца Ростислава Гана) // Там же. С. 16–17.

²⁰ Обращение Пастырского Совещания духовенства Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви за границей // Там же. № 3. С. 14.

²¹ От редакции // Вестник Православного Дела. Женевы, 1960. № 8. С. 14.

²² Послание Собора Епископов Русской Православной Церкви за границей о церковных разделениях в Мюнхене 31 октября / 13 ноября 1959 г. // Там же. № 3. С. 3–14.

в декабре 1946 г. — директор Епархиальной библиотеки и декан богословского факультета Института Св. Владимира Е.Н. Сумароков. На страницах журнала публиковались в основном богословские работы, а также статьи и другие материалы, освещавшие жизнь Харбинской епархии РПЦ²³ и Японской Православной Церкви²⁴. В число постоянных рубрик журнала входили такие рубрики, как «Церковная жизнь», «Хроника епархии», «Вести из-за границы». Ценным источником для восстановления биографий иерархов и священников Харбинской епархии являются некрологи²⁵.

С марта 1925 г. в Харбине издавался ежемесячный православный церковный журнал «*Вера и Жизнь*». Редактировал журнал архимандрит Димитрий Вознесенский (с 1934 г. — епископ, с 1945 г. — архиепископ). Архимандрит Димитрий (1871–1947) заслуживает того, чтобы о нем рассказать подробнее. Он является отцом будущего

²³ Лавошников И. К пятилетию существования самостоятельной Харбинской епархии и пребывания на ней Владыки архиепископа Мефодия // Хлеб небесный. 1927. № 8. С. 28–29; Назначение Высокопреосвященнейшего Мелетия архиепископом Харбинским и Маньчжурским // Там же. 1931. № 7. С. 20; К пятилетию существования самостоятельной Харбинской епархии и пребывания на ней Владыки архиепископа Мефодия // Там же. 1927. № 8. С. 28–29.

²⁴ Лифантьев А. Светлой памяти Апостола Японии Архиепископа Николая // Хлеб Небесный. Харбин, 1928. № 2. С. 2–3; Высокопреосвященный Сергей, архиепископ Японский, начальник Российской духовной миссии в Японии // Там же. 1927. № 1. С. 31–33; *Нестор*, епископ. Японская церковь и архиепископ Сергей // Там же. 1928. № 5. С. 28–29; Пребывание высокопреосвященного архиепископа Сергия Японского в Харбине // Там же. № 6. С. 28; Рождение Ниппонской православной церкви // Там же. 1941. 2. С. 37–38.

²⁵ Митрополит Мефодий. К 9-летию со дня смерти // Там же. 1940. № 4. С. 51–52; *Благовещенский И.* Протоиерей А. Пономарев: К 35-летию священнослужения // Там же. 1941. № 9–10. С. 53–55; Четверть века служения: Юбилей прот. А. Пономарева // Там же. 1932. № 2. С. 17–18; 30 лет служения в священном сане протоиерея о. Н. Пономарева и его призыв к построению нового храма в Сунгарийском городке // Там же. 1941. № 12. С. 44–46; К 70-летию протопресвитера о. П.А. Рождественского // Там же. 1940. № 7. С. 52–53; *Голоскевич А.К.* пятилетию служения богу игуменьи Ариадны // Там же. 1944. № 1. С. 43–45; Защитник Церкви Христовой: К 20-летию священнослужения епископа Китайского и Пекинского Виктора // Там же. 1941. № 12. С. 28–32; Третья годовщина у могилы епископа Ионы Хакькоусского // Там же. 1928. № 11. С. 26–28.

главы Зарубежной Церкви митрополита Филарета. Епископ Димитрий был основателем и первым заведующим Харбинскими музыкальными курсами при Иверской церкви. В 1934 г. в Харбине главным образом трудами и стараниями епископа Димитрия был открыт богословский факультет на базе существовавших с 1928 г. Высших Пастырско-Богословских курсов. Он стал первым деканом этого факультета. В феврале 1945 г. архиепископ Димитрий был репатриирован в СССР, где был репрессирован²⁶.

Истории одного храма и прихода посвящен «*Вестник Храма-Памятника*». Это ежемесячное издание Церковного совета при Храме во имя Иова Многострадального в Брюсселе. Журнал начал выходить в начале 1960-х гг. под редакцией Н. Семенова и выходит до сих пор. В этом издании освещается хроника жизни прихода, дается информация об архиерейских служениях в храме, о бракосочетаниях, ремонте и реконструкции храма, храмовых праздниках, духовных концертах, помещаются некрологи и др. В нем печатались также архиерейские послания. Среди постоянных разделов (рубрик) журнала такие разделы, как «Хроника», «Нам пишут из России» и др. Номер 418 за 1998 г. полностью посвящен проблеме объединения Русской Православной Церкви за границей и Русской Православной Церкви Московского Патриархата. В этом номере опубликованы отрывки из открытых писем и статей по этому вопросу. В частности, епископ Кирилл Сеаттлинский пишет: «Московская Патриархия продолжает, как и прежние десятилетия, быть прислужницей чуждого национальным интересам России правительства и становится более активной силой на политической арене»²⁷.

Материалы, публикуемые на страницах «Вестника Храма-Памятника», очень важны для исследования истории церкви на местном локальном уровне. Без таких материалов мы вряд ли сможем воссоздать и понять во всей полноте историю православия, ведь история — это не только соборы и съезды, но и быт,

²⁶ *Иверский Е.* Преосвященный Димитрий, епископ Хайларский, викарий Харбинской епархии // Там же. 1940. № 79. С. 34–36.

²⁷ «Вестник Храма-Памятника»: Ежемесячное издание Церковного совета при храме. Брюссель, 1998. № 418. С. 3.

повседневная жизнь прихожан и рядовых священников той или иной церкви.

Среди других изданий РПЦЗ следует отметить журналы: «*Владимирский вестник*» (Сан-Пауло), «*Святая Русь*», «*Сим победиши*» (издание Православной Бразильской епархии), «*Китайский Благовестник*», «*Крестный путь*» (Харбин), «*Православный собеседник*» (Таллинн), «*Путь Христов*» (Харбин), «*Церковная жизнь*», «*Православное обозрение*», «*Православный вестник Нью-Йоркской и Канадской епархий*», «*Русский пастырь*» (журнал воспитанников Свято-Троицкой духовной семинарии), «*Хлеб небесный*». В этих изданиях в основном отражается история РПЦЗ на местном уровне — уровне епархии, прихода, православной общины. Изучение публикаций этих журналов может помочь более углубленному исследованию темы. Это направление исследований достаточно важно, ведь сейчас большое внимание уделяется микроистории, истории повседневности, истории человека. В связи с этим важным для исследователей является обращение к материалам Приходских листков, издающихся православными приходами и общинами во многих странах мира. Для очень многих людей приходской листок — это единственная связь с приходом. Особенно это касается пожилых и больных людей, которые не имеют возможности часто бывать на богослужениях. В идеале цель приходских листков — привлечение людей в церковь, увеличение количества реальных прихожан. Приходской листок по своей сущности ограничивается локальной информацией. В основном приходские листки информируют о событиях в приходе, событиях в жизни прихожан. Прежде всего приходские листки дают информацию о происходящем в приходе и о готовящихся мероприятиях. В них печатаются расписания богослужений на месяц, даются объявления о кружках и группах, о расписании приходской библиотеки и других служб, указываются телефоны и имена священников и сотрудников данного прихода²⁸.

²⁸ Панюкова Е. Приходской листок в Германии: современная ситуация и задачи, темы и дизайн, финансирование и распространение // Альфа и Омега. 2000. № 2 (24).

Журнал «*Церковный вестник Западно-Европейского православного русского экзархата*» издавался в Париже Епархиальным управлением Русского Западно-Европейского экзархата Константинопольского Патриархата. Почти полный комплект этого журнала доступен российским историкам в Библиотеке-Фонде «Русское Зарубежье». История библиотеки восходит к концу 1970-х гг., когда А. И. Солженицын, живя в Вермонте, обратился к русским эмигрантам и их потомкам с призывом собрать мемуарные свидетельства о прошлом России, о революции, гражданской и двух мировых войнах. Впоследствии собрание А.И. Солженицына было перевезено в Россию. А в июле 1995 г. мэр Москвы Ю.М. Лужков подписал постановление о создании Библиотеки-Фонда «Русское Зарубежье». Учредителями библиотеки стали Русский общественный фонд Александра Солженицына, Правительство Москвы и издательство УМСА-Press. Московские власти передали библиотеке три здания на Таганке, реконструированные и перестроенные в 2003–2004 гг.²⁹

В Париже с 1947 г. на русском и французском языках печатался «*Вестник Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата*». Несмотря на то что журнал принадлежал Московской Патриархии, в нем можно найти немало интересных материалов по истории зарубежного православия. Высокое качество журнала во многом определялось личностью его главного редактора — выдающегося богослова Архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)³⁰. Епископ Василий вспоминает: «Особых затруднений с митрополитом Никодимом³¹ по изданию нашего

²⁹ Москвин В.А. Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье» // Вестник архивиста. 2001. № 6 (66). С. 244–250.

³⁰ Об архиепископе Василии см.: Антоний Сурожский, митрополит. Рассказ об архиепископе Василии (Кривошеине) // Кривошеин Василий. Архиепископ. Две встречи. Митрополит Николай Ярушкевич. Митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003. С. 5–9; К 80-летию Преосвященного Василия, Архиепископа Брюссельского и Бельгийского // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж. 1980–1981. № 105–108. С. 123–127.

³¹ Митрополит Никодим (Ротов), начальник Отдела внешних сношений Московской Патриархии.

“Вестника Западно-Европейского Экзархата” мы не имели, никакой предварительной цензуры или предварительного одобрения его содержания он не требовал... Разногласия с митрополитом Никодимом по поводу содержания были, он хотел, чтобы “Вестник” был исключительно богословского содержания, а мне хотелось, чтобы сверх этого в нем уделялось место современным церковным вопросам...”³². Высокому качеству журнала также способствовало сотрудничество с великим русским философом Николаем Лосским.

Смысл канонических споров и расхождений представителей различных русских православных юрисдикций раскрывает статья профессора С.В. Троицкого «Экклезиология парижского раскола»³³. Статья посвящена критическому разбору канонических взглядов священника Александра Шмемана, высказанных им в статьях, опубликованных в 1949–1951 гг. в журнале «Церковный Вестник». С.В. Троицкий указывает на несоответствие православному учению теории о. Александра Шмемана о том, что Поместная или автокефальная Церковь есть лишь союз местных церквей, под которыми Шмеман подразумевает епархии. Опровергает Троицкий и мнение своего оппонента о неравнодостоинности епископов и соответственно о неравнодостоинности Патриарха Московского перед Патриархом Константинопольским. Центральным положением в работах Шмемана того периода было утверждение, что автокефальные Церкви не могут иметь юрисдикции вне своих границ, и поэтому вся православная диаспора должна находиться в юрисдикции Константинопольского Патриарха. Профессор Троицкий комментирует это так: «Ведь если поместные Церкви не могут иметь юрисдикции вне своей территории, то не может иметь такой юрисдикции и равная прочим, хотя и первая, Церковь Константинопольская»³⁴. С.В. Троицкий делает вывод о том, что публикации о. Александра Шмемана не имеют канонических оснований и служат политическим

³² Кривошеин Василий, архиепископ. Две встречи. Митрополит Николай Ярушкевич. Митрополит Никодим (Ротов). СПб., 2003. С. 198–199.

³³ Троицкий С.В. Экклезиология парижского раскола // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1952. № 7–8. С. 10–23.

³⁴ Там же. С. 22.

телям, а именно стремлению Константинопольского патриарха подчинить своей власти епархию церкви без согласия самой церкви³⁵.

Публикации «Вестника Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата» отражали позицию Московской Патриархии по вопросам межконфессионального и православного диалога между различными христианскими церквями. Среди таких публикаций — Послание Святейшего Патриарха Московского Алексия Патриарху Константинопольскому Афинагору о проблеме русских церквей в Европе, заявления митрополита Антония Сурожского по этому же вопросу и др. Заявление митрополита Антония Сурожского от 31 марта 1966 г. было посвящено упразднению Русского Экзархата в Западной Европе и преобразованию его в независимую самостоятельную Архиепископию Православной Церкви Франции и Западной Европы. Митрополит Антоний обращал внимание на то, что Экзархат был частью Русской Церкви, именно ее представлял митрополит Евлогий до 1931 г., и в нее он вернулся со своими викарными епископами с клиром и мирянами в 1945 г.³⁶ Далее митрополит Антоний указывает на то, что духовенство Русского Экзархата Вселенского Престола вместо того, чтобы последовать отечественным указаниям Патриарха Константинопольского, склонилось к рискованному шагу объявления своей независимости, чего канонически не имело права делать.

Ценным источником, опубликованным в «Вестнике Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата», является доклад архиепископа Карельского и всей Финляндии Павла «Предложения по решению проблемы православной диаспоры». Доклад был прочитан архиепископом Павлом в Эскильстуне (Швеция) 5 мая 1979 г. и разослан главам всех автокефальных или автономных Православных Церквей³⁷. Многие из проблем, поставленных в докладе, не утратили

³⁵ Троицкий С.В. Экклезиология парижского раскола // Там же. 1951. № 7–8. С. 13.

³⁶ Заявление Высокопреосвященного Митрополита Сурожского Антония, Экзарха Патриарха Московского и всея Руси в Европе. Париж, 31 марта 1966 // Там же. 1966. № 53. С. 9.

³⁷ К вопросу о праве Константинопольского Патриарха на территории Западной Европы. Из послания от 15.10.1931 г. митрополита Сергия, заместителя

своего значения и сейчас. Доклад архиепископа Павла начинался с констатации факта: «Для всех очевидно, что традиционное наименование “Восточной Православной Церкви” в наши дни не соответствует полностью реальной действительности, поскольку значительное число православных людей, особенно с начала нашего столетия, переместилось во все части света. Это в особенности относится к Западной Европе и Америке, где многочисленные общины, епархии и церковные организации выросли вне зон первоначальных исторических поместных Церквей»³⁸. Далее он обращает внимание на то, что Православная Церковь стала более известной в странах западного полушария, но православные живут разделенными на группы по национальному и юрисдикционному признаку, не обладающими в большинстве случаев тем единством, которое характеризует Православие. Архиепископ Павел указывает на то, что православная диаспора стала проблемой и для самой себя, и для своих национальных материнских Церквей, и для всего Православия, что она вызывает путаницу, в которой нелегко разобраться, и которая вызывает крайнее удивление у христиан других конфессий. В своем докладе епископ Павел дает подробный анализ докладов, подготовленных Александрийским, Антиохийским, Московским и Румынским Патриархатами по теме православной диаспоры для Конференции по подготовке Великого и Святого Всеправославного Собора. Константинопольский Патриархат

местоблюстителя Московского Патриаршего престола. Константинопольскому Патриарху Фотию II // Там же. 1950. № 5. С. 25–27; Послание Святейшего Алексия Патриарха Московского и всея Руси к Святейшему Афинагору Патриарху Константинопольскому // Там же. 1953. № 16. С. 185–190; Заявление Высокопреосвященного Митрополита Суражского Антония, Экзарха Патриарха Московского и всея Руси в Европе. Париж, 31 марта 1966 // Там же. 1966. № 53. С. 9–12; Предложения по решению проблемы православной диаспоры. Доклад Архиепископа Карельского и все Финляндии Павла. Эскильстуне, Швеция // Там же. № 105–108. С. 159–178.

³⁸ *Предложения по решению проблемы православной диаспоры. Доклад Архиепископа Карельского и все Финляндии Павла. Эскильстуне, Швеция // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1980–1981. № 105–108. С. 159–178.*

своего доклада не представил, и его точка зрения была отражена в докладе Александрийского Патриархата. Наиболее краток и ясен доклад Антиохийского Патриархата, суть которого сводится к предложению признания всех православных церквей в рассеянии и даровании им автокефалии. В докладе Румынского Патриархата предусмотрено право каждой автокефальной Матери-Церкви руководить своей собственной диаспорой. В нем подчеркивается, что существование национальных церквей соответствует католическому началу в Православии, однако чрезмерный национализм может оказаться разрушительным для единства Православия. Рассматривая документ, представленный Александрийской Патриархией, архиепископ Павел пишет: «В нем содержится простой и прямолинейный комментарий по разрешению проблемы диаспоры: все географические области, расположенные вне границ автокефальных Церквей, подлежат управлению Константинопольским Престолом, так что диаспора всего мира находится в юрисдикции Вселенского Патриархата и подлежит его канонической власти. В виде исключения мимоходом упоминается, что диаспора, являющаяся результатом миссионерской деятельности, подлежит руководству Церкви, осуществившей эту миссионерскую работу. Тот факт, что Церкви диаспоры находились и продолжают находиться в ведении автокефальных Церквей, выходцами коих являются члены диаспоры, по мнению александрийского документа, есть “положение неканоническое, даже если и возможное на практике”». На основании вышеизложенной точки зрения на диаспору все группировки рассеяния в Европе, к какой бы национальности они ни принадлежали, должны быть переданы в ведение хорошо организованной иерархии Вселенского Патриархата. В Америке могут существовать независимые епархии, которые признавали бы своим главой экзарха Вселенского Патриархата. Это мнение аргументируется еще и тем, что в наши дни расстояния не играют большой роли, и поэтому нет причины поднимать вопрос об учреждении новых автокефальных Церквей. Далее архиепископ Павел обращает внимание на то, что Антиохийский, Румынский и Московский Патриархаты решительно выступили против александрийской теории о власти Константинополя над совокупностью диаспоры и что эта теория является анахронизмом, так же далеко

отстоящим от современности, как 451-й год четвертого Вселенского собора отстоит от XX в.

Наиболее объемный документ был подготовлен Комиссией Священного Синода Московского Патриархата по церковному единению и межцерковным отношениям и подписан ее Председателем Митрополитом Ювеналием Крутицким и Коломенским. В качестве руководящего принципа Московский Патриархат предлагал следующее: «В наилучших интересах Святого Православия и во имя единства Церкви не должны думать о том, что необходимо для них самих и полезно для них, а скорее о том, что хорошо для Святого Православия в странах диаспоры вообще. Православные Церкви диаспоры, родились ли они в результате миссионерской деятельности некоторых местных Православных Церквей, или как результат деятельности бесчисленных иммигрантов, должны постепенно получать возможность возрастать в новые местные Церкви и получать автокефалию (или, сначала, автономию) от своих материнских Церквей, и как и они быть признаны другими Церквами сестрами». Далее Московский Патриархат предлагает, чтобы Великий и Святой Собор не только установил для практического разрешения проблемы рассеяния общие руководящие линии, но и разработал программу, которой впредь смогли бы придерживаться все Церкви в своих взаимоотношениях с собственными диаспорами. Согласно этой линии схема дальнейшего развития Православия в рассеянии могла бы включать следующие три области: 1) Православие и православная диаспора в Америке; 2) Православие и православная диаспора в Западной Европе; 3) Православие и православная диаспора в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Документ Московского Патриархата предлагал следующие соображения о диаспоре в других частях света: «В тех частях света, где положение православной диаспоры еще не стало зрелым до степени создания местной Церкви, необходимо сохранять существующие структуры юрисдикции. Ни одна Церковь не должна пытаться распространить свою власть на членов диаспоры другой Церкви. Для того, чтобы поощрять к созданию также и в этих частях света нормальных местных Церквей, следует работать так, чтобы основная работа была заложена уже сейчас в этом направлении. Поэтому

между всеми юрисдикциями таких областей должна быть схожесть и сотрудничество».

Архиепископ Павел в своем докладе делает следующие выводы о положении православной диаспоры: «Какие мысли о православном рассеянии вызывают заявления и предложения этих четырех поместных Церквей? Наиболее важный вывод тот, что три Патриархата, Антиохийский, Московский и Румынский, в принципе, находятся в согласии. Точка зрения же, изложенная Александрийским Патриархатом, отличается от них настолько, что они считают уместным, как они делали это и ранее, воспротивиться ей на том основании, что она противоречит православной традиции. Создается впечатление, что александрийская теория об особом праве Константинополя руководить диаспорой во всем мире — не просто теория или академический диспут о канонах, но конкретный элемент, повод раздора, уже проявивший себя на практике. И хотя Константинополь пока не сделал никакого заявления о своих особых правах, совершенно очевидно, что на практике константинопольские иерархи действуют, по-видимому, именно так, как если бы эта теория уже была признана всеми, и “православный Ватикан”, представленный Александрией как идеал, уже официально утверждён... Если три авторитетные Церкви, судя по рассмотренным выше документам, сознательно выступают против александрийской теории о верховенстве Константинополя над всей диаспорой, можно ли ожидать от самого Собора иного, чем осуждения всеми автокефальными Церквами этой теории как филетизма?».

«Вестник Русского Западно-Европейского экзархата» публиковал не только работы, посвященные богословским проблемам. Историков русского иконописания интересуют статьи известного парижского иконописца Л. Успенского, опубликованные в журнале³⁹. На наш взгляд, публикации «Вестника Русского Западно-Европейского патриаршего экзархата» существенно дополняют

³⁹ Успенский Л. 1) Вопрос иконостаса // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. Париж, 1963. № 44. С. 223–255; 2) Икона Рождества Христова // Там же. 1950. № 5. С. 13–19; 3) К юбилею Андрея Рублева (600-летие со дня рождения) // Там же. 1960. № 35. С. 44–53; 4) О православной

источниковедческую базу по истории Русской Православной Церкви и русской православной диаспоры.

Московской Патриархией издавался в Германии журнал *«Голос православия»*, являвшийся органом Епархиального управления Германской епархии Московской Патриархии.

Среди зарубежных изданий, посвященных истории церкви и богословию, выделяется формально независимый от той или иной церковной юрисдикции, но фактически всегда отстаивающий точку зрения так называемой Парижской церковной эмиграции или «Парижского центра» журнал *«Вестник Русского Студенческого Христианского Движения»*. Первый номер журнала вышел в 1925 г. в Париже. В годы Второй мировой войны издание было приостановлено. Издание журнала под редакцией протоиерея Александра Киселева возобновилось после перерыва в 1949 г. в Мюнхене. Активное участие в его восстановлении принимали профессор Ф.А. Степун, отец Сергей Щукин, отец Георгий Бенигсен, Лев Зандер⁴⁰. С 1950 г. журнал снова издавался в Париже под редакцией его нынешнего редактора Н.А. Струве. Первоначально это был тонкий эмигрантский журнал, и лишь в конце 1960 — начале 1970-х гг. он вырос в «толстый» журнал, который стал по замыслу реакции «мостом между православием на Западе, бывшим тогда еще достаточно сильным, и пробуждающейся православной мыслью в самой России»⁴¹. С 1992 г. журнал печатается в Москве по оригинал-макету, составленному редакцией в Париже. На всем протяжении своей истории журнал стоял на позициях Русского Западно-Европейского Экзархата Константинопольского Патриархата. После переезда наиболее деятельных его сотрудников в США редакция журнала заняла позиции Американской Православной Церкви. Именно с этих позиций журнал являлся главным зарубежным критиком РПЦЗ. С № 112, вышедшего в 1974 г., редакция журнала изменила

иконе // Там же. 1950. № 2–3. С. 37–43; 5) Православные иконы Пасхи // Там же. 1952. № 10. С. 28–34.

⁴⁰ Киселев А., протоиерей. Возобновление Вестника в 1948 г. // Вестник Русского Христианского Движения. Париж\$ Нью-Йорк, 1971. № 100. С. 8–10.

⁴¹ Осколок старой России // Общая газета. 1996. № 22 (15). С. 14.

его название, убрав ограничивающее определение «студенческий». В редакционной статье по этому поводу говорилось следующее: «Опущение слово “студенческий” отнюдь не означает что Вестник в какой бы то мере отходит от РСХД и его идеалов, по-прежнему РСХД будет его издавать, направлять и вдохновлять. Однако в буквальном смысле журнал является вестником чего большего, чем заслуженной религиозной организации, вестником неформального “русского христианского движения, с особой силой развивающегося в России”»⁴². С этого же номера к указанию “Париж — Нью-Йорк” на обложке журнала было добавлено “Москва”, хотя никакой постоянной связи с Россией еще не было.

Значительное место на страницах «Вестника Русского Студенческого Христианского Движения» занимают материалы по истории и каноническим основаниям существования Русских Православных Церквей в Западной Европе. Священник Н.А. Куломзин в своей статье «Церковное положение Экзархата Патриарха Вселенского в Западной Европе. Завет Митрополитов Евлогия и Владимира», опубликованной в 1960 г. в № 56 журнала, пишет, что в 1931 г., в трагичное для Русской Церкви время, когда невозможны были нормальные сношения с Москвой, Митрополит Евлогий решил обратиться к Вселенскому Патриарху Фотию II и искать у него канонической опоры. Вселенский Патриарх назначил Митрополита Евлогия своим Экзархом для Русских приходов в Западной Европе. Куломзин подчеркивает: «Правильность нашего подчинения Вселенскому престолу не была еще всем ясна; разрыв с Москвой больно переживался и оправдывался лишь грустной необходимостью»⁴³. Главный вывод статьи Куломзина заключается в следующем: «Мы должны ясно понять и крепко держаться того положения, что именно Вселенскому, а не иному Патриарху, как

⁴² Еще о направлении журнала // Вестник Русского Христианского Движения. 1974. № 112–113. С. 3.

⁴³ Куломзин Н.А., священник. Церковное положение Экзархата Патриарха Вселенского в Западной Европе. Завет Митрополитов Евлогия и Владимира // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк, 1960. № 56. С. 12.

первоиерарху, принадлежит забота на нашем церковном устройстве, в соответствии с духом канонов Православной Церкви»⁴⁴. В этом же номере журнала в статье И. Александрова «О значении Русского Экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе» развиваются мысли Куломзина. Александров пишет: «Учреждение русского экзархата Вселенского Патриарха в Зап. Европе является значительным событием в жизни вселенской Церкви. С одной стороны, значительное количество русского церковного народа осознало свою ответственность перед Церковью и поставило заботу о церковной правде, о единстве Церкви выше забот человеческих, пусть и законных. С другой стороны, Патриарх явил заботу о церковном народе, оказавшемся в особых, трудных условиях духовной жизни, и покрыл своим омофором епископов, к нему обратившихся как к высшей инстанции»⁴⁵.

Ценные источники по истории православия в Западной Европе опубликованы в № 79 «Вестника Русского Студенческого Христианского Движения». Среди них Грамота Вселенского Патриарха Афинагора о прекращении существования Русского экзархата Константинопольского престола в Западной Европе от 22 ноября 1965 г.⁴⁶ Возглавителю бывшего экзархата было рекомендовано вступить в сношения с Патриархом Московским и всея Руси Алексием для устройства их дел. В этом же номере журнала опубликовано письмо Архиепископа Георгия Патриарху Афинагору, в котором Архиепископ Георгий пишет об учреждении независимой и самостоятельной Архиепископии Православной Церкви Франции и Западной Европы, ввиду невозможности Русских Церквей в Европе вступить ни в юрисдикцию Московской Патриархии, ни в ведение других церковных образований в диаспоре. В редакционной статье этого номера журнала, подписанной А.К., указывается,

⁴⁴ Там же. С. 16.

⁴⁵ Александров И. О значении Русского Экзархата Вселенского Патриарха в Западной Европе // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк, 1960. № 56. С. 18.

⁴⁶ Грамота Патриарха Афинагора к Архиепископу Георгию 22.11.1965 // Там же. 1965. № 79. С. 3–4.

что своей грамотой Вселенский Патриарх формально отказался от своих церковных прав на Западную Европу. Далее задается вопрос: «Не есть ли это вообще отказ от территориального принципа организации церковной жизни и, тем самым, новое принципиальное утверждение церковного национализма, дробящего православный мир?»⁴⁷. Далее пишется: «Путь, указанный в Грамоте, а именно обращение к Московскому Патриарху, оказался невозможным для большинства не только по психологическим, вполне понятным причинам, но и по соображением канонического характера. Многим до сих пор остается непонятным, на чем основаны притязания Московского Патриархата на общины, находящиеся на территории Западной Европы»⁴⁸. Если мы вспомним статью Куломзина, появившуюся пять лет назад, то увидим, что в ней акценты расставлены по-другому. В ней подчеркивалось, что «правильность нашего подчинения Вселенскому престолу не была ясна и разрыв с Москвой больно переживался и оправдывался лишь грустной необходимостью». В статье же, подписанной А.К., Московской Патриархии фактически отказывалось в каких-либо канонических правах на русские церкви в Европе. Еще более ясно и четко высказался протоиерей Алексей Князев в докладе Чрезвычайному епархиальному собранию в феврале 1966 г.: «Путь в Москву был немислим после всего совершившегося; он к тому же становится все более невозможным и по каноническим соображениям: не Московский патриарх организовал наш церковный удел, не говоря уже о том, что никаких признанных за ним прав на Западную Европу он никогда не имел»⁴⁹.

Обоснования каноничности отсоединения митрополита Евлогия в 1931 г. от Московского Патриархата и отсутствие каких-либо канонических прав последнего на русские церкви в Европе в настоящее время является фактически единственным общепринятым мнением среди историков и богословов, принадлежащих к Русской Архиепископии в Западной Европе. На наш взгляд, такое утверждение

⁴⁷ А.К. Два решения // Там же. С. 2.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Князев А.П., протоиерей. Каноническая задача Чрезвычайного Епархиального собрания 16, 17, 18 февраля 1966 // Там же. 1966. № 80. С. 19.

стоит на весьма непрочной базе. Единственным основанием такой точки зрения являются первенство Константинопольского Патриарха среди глав автокефальных церквей и якобы вытекающее отсюда его право иметь заботу о всех православных, проживающих вне своих поместных церквей.

Ценным историческим свидетельством о путях Русской Архиепископии в Западной Европе является статья К.Я. Андроникова «О церковном устройстве в Западной Европе», опубликованная в 1970 г. в № 98 «Вестника». Анализируя Грамоту Патриарха Афинагора о прекращении существования Русского экзархата Константинопольского престола в Западной Европе и ее последствия, Андроников делает вывод о «провиденциальном характере» этой грамоты. Он считает, что эта грамота дала Русской Церкви свободу и возможность стать полностью независимой поместной церковью в Европе. Андроников также обращает внимание на то, что никаких канонических препятствий для этого нет, так как, по его мнению, никаких канонов, которые определяют жизнь Церкви в рассеянии, не существует. Главной мыслью статьи является призыв воспользоваться этой свободой и неуклонно идти по пути построения Поместной церкви в Европе. Он предостерегает об опасности возвращения в юрисдикцию Вселенского Патриарха: «Ясно, что при такой якобы постановке вопроса православного рассеяния вообще и архиепископии, в частности, совестно было бы ссылаться на церковные соображения и каноническую правду. Да и чисто человечески, с моральной точки зрения, подобная сделка была просто недостойной»⁵⁰. Андроников оказался плохим провидцем. Его голос не был услышан. Спустя несколько месяцев иерархи архиепископии пошли на эту, по словам Андроникова, «недостойную сделку» и вернулись в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, но уже не как самостоятельный экзархат, а как часть Греческого экзархата в Европе.

На страницах «Вестника Русского Студенческого Христианского Движения» публиковались статьи по истории Русского Студенческого Христианского Движения, богословские труды,

⁵⁰ Андроников К.Я. О церковном устройстве в Западной Европе // Там же. 1970. № 98. С. 49.

публикации воспоминаний и переписки деятелей церкви и русско-го зарубежья, литературная критика, полемика с представителями РПЦЗ и др.⁵¹ Для понимания истории церковных разделений за рубежом большое значение имеют письмо Александра Солженицына Третьему Собору Зарубежной Церкви, ответ Первоиерарха РПЦЗ митрополита Филарета Александру Солженицыну и последующая полемика вокруг этих документов⁵². Своеобразное «кредо» журнала выразил Н.А. Струве, откликнувшись на письмо Солженицына, и ответ митрополита Филарета: «Уход к грекам» и «укоренение на Западе» не измена России, а, наоборот, подтвержденное опытом, необходимое условие, чтобы спасти Церковь от ограничивающих и парализующих ее национализма и политики, чтобы воплотить в жизнь лучшие заветы русской Церкви и русской духовной традиции»⁵³.

⁵¹ Там же; Булгаков С.Н., протоиерей. Письма М.О. Гершензону // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 1971. № 101–102. С. 69–70; Вопросы Церкви. Продолжение спора вокруг письма А. Солженицына III-му Собору «Зарубежной Церкви» // Там же. 1975. № 115. С. 108–116; Ельчанинов А., протоиерей. Четыре письма к отцу Сергию Булгакову // Там же. 1984. № 142. С. 88–94; Зандер Л.А. Пути Православной Церкви на Западе // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1960. № 56; Зеньковский В., протоиерей. Из моей жизни // Там же. 2002. № 1(183). С. 303–325; Кассиан (Безобразов С.С.), архимандрит. Что дал Русской Православной Эмиграции Экзархат Вселенского Престола // Вестник Русского Студенческого Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1960. № 56; Куломзин Н.А., священник. Церковное положение Экзархата Патриарха Вселенского в Западной Европе // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 1960. № 56; Мейендорф И., протоиерей. У истоков зарубежного раскола // Там же. 1987. № 151. С. 219–226; Поспеловский Д.В. Митрополит Сергей и расколы справа // Вестник Русского Христианского Движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1990. № 158; Семенов Тянь-Шанский А.Д., архимандрит. О задачах нашего Экзархата // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 1963. № 70–71; Сериков Г.С. О церковном положении нашей Архиепископии // Там же. 1957. № 45; Струве Н.А. Рождение новой Автокефальной Церкви // Там же. 1971. № 95–96; Федотов Г.П. К вопросу о положении русской церкви // Там же. 1930. № 10–11; Шеврич К.Г., архимандрит. Тихоновская Россия и эмиграция // Там же. 1927. № 7.

⁵² Письмо Александра Солженицына Третьему Собору Зарубежной Церкви // Вестник Русского Христианского Движения. Париж. Нью-Йорк; М., 1974. № 112–113. С. 99–111.

⁵³ Струве Н.А. По поводу письма А. Солженицына «зарубежному Собору» // Там же. С. 4.

В числе авторов журнала — выдающиеся русские историки, философы, богословы: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.В. Карташев, В.В. Зеньковский, Л.А. Зандер, Ф.А. Степун, А.И. Солженицын, сегодняшний главный редактор Н.А. Струве и др. Несомненно, что «Вестник Русского Христианского Движения» является важным источником для историков церкви. Без обращения к материалам, печатавшимся на страницах этого издания, трудно воссоздать полную и объективную историю зарубежного православия.

Орган русской религиозной мысли журнал «*Путь*» издавался в Париже с 1925 по 1940 г. под редакцией Н.А. Бердяева. Первый номер журнала открывался редакционной статьей «Духовные задачи русской эмиграции», в которой подчеркивались исключительность русского рассеяния, его духовная миссия, а также определялись цели нового журнала. В статье писалось: «Русское рассеяние представляет совершенно исключительное, единственное в истории явление... И русское рассеяние имеет свой смысл и цели... Эта миссия не может заключаться в горделивом сознании своего превосходства над теми, которые остались внутри России, культивировании чувства злобы и мести, в мелочной политической вражде, основанной на фикциях. Эта миссия лежит прежде всего в духовных задачах, в собирании и выковывании духовной силы, в духовном преодолении злобно-мстительного отношения к ниспосланным богом испытаниям... Русской эмиграции при длительном пребывании вне родины грозит распыление, денационализация, потеря связи с Россией, с русской землей и русским народом. Каждый может превратиться в оторванный атом, занятый исключительно сохранением своей жизни. Лишь напряженной духовной жизнью, лишь верностью идее России может русское рассеяние сохранить себя как единый русский народ, органически связанный с русским народом в Советской России, сохранившим верность той же идее. Раскол между эмиграцией и Россией, оставшейся под большевизмом, должен быть преодолен»⁵⁴. В этой же статье обращалось внимание на важность осознания вселенского значения православия.

⁵⁴ Духовные задачи русской эмиграции (От редакции) // *Путь*. 1925. № 1. С. 4.

Н.А. Бердяев так определял задачи журнала: «Журнал «*Путь*» стремится быть выразителем духовных и религиозных задач русской эмиграции. Это есть орган православный и вместе с тем связанный с традициями русской творческой религиозной мысли. Имена Хомякова, Достоевского. Вл. Соловьева, Бухарева, В. Несмелова, Н. Федорова близки и дороги руководителям журнала»⁵⁵. Авторами журнала были главный редактор Н.А. Бердяев, Н. Зернов, В. Зеньковский, Н. Лосский, Г. Федотов, Георгий Флоровский и др. Одной из задач журнала была попытка объединить все течения русской православной мысли, сделать их доступными для западных читателей.

В 1998 г. Московская Патриархия при содействии профессора Ф. Полякова выпустила компакт-диск, содержащий полный комплект журнала «*Путь*». Ранее, в 1992 г., издательство «Информ-Прогресс» выпустило репринтное издание первых шести номеров журнала. Свидетельством интереса к этому изданию служат исследования, посвященные журналу⁵⁶.

Среди журналов необходимо также назвать журнал «*Русское Возрождение*». В подзаголовке журнала указано «Независимый русский национальный орган». Журнал был основан в 1978 г. в Нью-Йорке по инициативе известного деятеля русской зарубежной церкви протопресвитера Александра Киселева (главный редактор — С.С. Оболенский). Редакция журнала декларировала следующие задачи: «Журнал посвящается достижению великого русского церковно-земского примирения и согласия в России, в русской жизни и мысли... Мы — дети одной Церкви и сыны одного Отечества. Пограничные кордоны и тяжелая рука власти могут мешать, но не могут воспрепятствовать нашему общему делу, нашей единой

⁵⁵ Там же. С. 6.

⁵⁶ Особенно хочется выделить фундаментальную работу Антуана Аржаковского (*Аржаковский А.А.* Журнал «*Путь*» (1925–1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. Киев, 2000; *Езова Л.Д.* Переосмысление опыта русской духовной культуры парижским журналом «*Путь*» // *Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы и материалы*: Сб. статей. М., 2001. С. 47–66).

любви, нашему братству»⁵⁷. Направленность журнала можно передать словами одного из его постоянных авторов и членов редакционного совета Глеба Рара: «Церковь. Нация. Государство. Культура. Четыре темы, четыре области работы, четыре факультета, четыре поля служения»⁵⁸.

Протоиерей Киселев писал о журнале: «Журнал “Русское Возрождение” заявляет себя как независимый русский православный и национальный журнал, основывающийся на “православном и национальном самосознании” и исповедующий “Православную Церковь” не только как благодатный организм нашего спасения, но и как творческую силу нашей истории. В журнале мы публикуем имена около тридцати русских церковных и общественных организаций, благодаря поддержке которых журнал остается независимым. Независимость в наше время — это большая и дорогостоящая роскошь, за которую надо платить, и платить иногда дорого, как на Востоке, так и на Западе»⁵⁹.

Значительное число публикаций журнала посвящено православию и его роли в сохранении русской культуры в эмиграции⁶⁰. Публиковались также послания, доклады иерархов РПЦЗ⁶¹. Историк православия на Американском континенте заинтересуется работами

⁵⁷ «Русское Возрождение. Задачи журнала // Русское возрождение. Независимый русский православный национальный журнал. Нью-Йорк; М.; Париж, 1979. № 6. С. 3.

⁵⁸ Рар Г. Зарубежная Россия и ее задачи в отношении духовного возрождения России // Там же. С. 212.

⁵⁹ Киселев А., протоиерей. О русском возрождении (Предстоящее Тысячелетие Крещения Руси. Журнал «Русское Возрождение. Съезды православной русской общественности») // Русское Возрождение. 1979. № 5. С. 59.

⁶⁰ Арсеньев Н.С. О русской эмиграции и ее духовном служении // Русское возрождение. Независимый русский православный национальный журнал. Нью-Йорк; М.; Париж, 1993. № 60–61. С. 214–237; Рар Г.А. Православное дело на родине и рубежом // Там же. 1979. № 5. С. 175–194; Рымаренко А., архиепископ. Православие, большевизм и наша эмиграция // Русское Возрождение. 1986. № 34. С. 34–52.

⁶¹ Антоний, Архиепископ Женевский и Западно-Европейский. Доклад на 12-м съезде Западно-Европейской епархии Русской Православной Церкви За границей // Там же. 1979. № 5. С. 149–174; Послание Архиерейского Собора

архимандрита Августина Никитина, В. Алексеева и др.⁶² На протяжении 1980–1982 гг. журнал публиковал большое исследование В.И. Алексеева и Ф. Ставру о Русской Православной Церкви на оккупированной территории⁶³. Хроника-библиография Празднования 1000-летия Крещения Руси была подготовлена Р.В. Полчаниновым⁶⁴. Специальный номер журнала «Русское Возрождение» был посвящен памяти протопресвитера Александра Киселева (№ 81, 2002). Отголоски противоречий между различными юрисдикциями РПЦЗ можно найти в рецензии В.И. Алексеева на книгу Дмитрия Поспеловского «The Russian Church under the soviet regime, 1917–1982». В частности, Алексеев пишет: «Книга его (Поспеловского) написана, конечно, с позиции Американской Автокефальной Церкви, бывшей ранее американской митрополией Русской Православной Церкви и получившей автокефалию от Московской патриархии. Отсюда стремление обелить, насколько возможно, нынешнее руководство Московской патриархии, отсюда критическое отношение к Русской зарубежной Церкви...»⁶⁵.

На наш взгляд, позиция журнала «Русское Возрождение», общая направленность публикаций о деятельности РПЦ Московского Патриархата и других православных юрисдикций носит достаточно взвешенный сбалансированный характер: на его страницах не было огульной критики и обвинений в адрес представителей тех или иных юрисдикций. Один из идеологов журнала о. Александр Киселев писал на страницах журнала: «Для меня православный епископ есть епископ, и не мне (как и каждому другому) судить,

к Православным людям на Родине и в рассеянии сущим. К прославлению новых мучеников и исповедников российских // Там же. 1982. № 17. С. 11–15.

⁶² Алексеев В. Кого считать русским? Из опыта истории Православия в США // Там же. 1984. № 27–28. С. 162–177; Никитин А., архимандрит. Русская Америка // Там же. 1993. № 60–61. С. 193–213.

⁶³ Алексеев В.И., Ставру Ф. Русская Православная Церковь на оккупированной немцами территории // Там же. 1980. № 11–12; 1981. № 13–16; 1982. № 17–18.

⁶⁴ Хроника-библиография Празднования 1000-летия Крещения Руси / Сост. Р.В. Полчанинов // Там же. 1989. № 46. С. 150–169.

⁶⁵ Алексеев В.И. О книге Дмитрия Поспеловского «The Russian Church under the soviet regime, 1917–1982» // Там же. 1985. № 31. С. 192.

достойный он или не достойный. Иначе дойдет, пожалуй, до того, что благословиться-то не у кого будет. Этим, собственно, и все сказано. Я не беру на себя дерзость быть кому-либо судьей, тем паче православным епископам... По сути не могу признать “юрисдикции” явлением богоугодным. Я верую “во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь”, верую в святость Православия, а не в ту или иную юрисдикцию. Юрисдикционная борьба среди православных русских людей особенно преступна сейчас...”⁶⁶. В одном из следующих номеров журнала о. Александр пишет, отвечая своему оппоненту: «Последнее, окончательное слово, завершающее историю земли, о чем оно? На Страшном суде о чем спросят каждого человека?... “И соберутся пред Ним все народы...” — Все! Не только русские, не только православные, не только члены РПЦ за рубежом, но все будем судимы не по принадлежности, а по делам нашим...”⁶⁷.

Независимый русский альманах «*Вече*», издававшийся в Мюнхене, был основан в 1981 г. Е. Вагиным и О. Красовским. Выходил 4 раза в год.

В программном редакционном вступлении к первому номеру «*Вече*» писалось: «Новое “Вече” безусловно и безоговорочно стоит на антикоммунистической позиции исходя из того, что тоталитарная атеистическая идеология и “советская власть” не имеют корней в нашей почве, одинаковы чужды всем народам, проживающим на территории бывшей Российской Империи»⁶⁸. Для выяснения изначальной идеологической позиции журнала принципиальное значение имеет статья О. Красовского «С кем мы?», опубликованная во втором номере журнала. Обращаясь к читателям, О. Красовский так обозначал задачи журнала: «Будем искать Истину Христову мыслью, словом и делом, будем пестовать ее, будем хранить ее для

⁶⁶ Письмо Е.В.П. митрополиту Виталию, Первоиерарху Русской Православной Церкви Заграницей, от протопресвитера о. Александра Киселева // Русское Возрождение. Независимый русский православный национальный орган. 1991. № 55–56. С. 10–11.

⁶⁷ Ответ отца Александра Киселева (Нью-Йорк) отцу Льву Лебедеву (Москва) по вопросу церковного раскола, учиненного в Русской Патриаршей Церкви // Там же. 1993. № 60/61. С. 95.

⁶⁸ Вече. 1981. № 1. С. 5.

нашей Родины — России, Святой Руси. В этом наша ответственность перед Россией, в этом наш долг». Далее он продолжает: «Вече стремится стать центром единения всех здоровых национальных сил как внутри России, так и за ее пределами, русских патриотов на родине и российских изгнанников всех поколений, вынужденно оказавшихся в Зарубежье»⁶⁹. Среди авторов журнала были Е.А. Вагин, О. Красовский, Д.С. Лихачев, В. Распутин, В.Д. Самарин, А.И. Солженицын, В. Тростников, А.П. Федосеев и др.

Не будучи церковным органом, альманах «*Вече*» постоянно следил за главными событиями в жизни Православной Церкви на родине и за рубежом. Журнал помещал важнейшие документы зарубежной Церкви, статьи виднейших иерархов и церковных историков, как правило, написанные специально для журнала⁷⁰. В журнале публиковались Послания Архиерейских Соборов РПЦЗ и другие документы. В 1991 г. в выпуске № 47 альманаха была интересная историкам церкви статья епископа Берлинского и Германского Марка⁷¹. В выпуске № 38 альманаха за 1990 г. опубликована важная для понимания истории зарубежного православия, истории его разделения редкая брошюра графа Ю.П. Граббе «Корни Церковной Смуты», вышедшая в Белграде в 1927 г.⁷² В редакторском послесловии подчеркивается значение этой работы: «Прежде всего, это — исторический документ, любопытная страничка истории Русского Зарубежья, принадлежащая перу активного и заинтересованного участника церковных “споров” с самого их зарождения...”⁷³.

Первый номер католического журнала «*Символ*», журнала христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже, вышел

⁶⁹ С кем мы или кто с нами? // Вече. Независимый русский альманах. Мюнхен, 1981. № 2. С. 189.

⁷⁰ Вагин Е. Пятьдесят номеров «Вече» // Там же. 1993. № 50. С. 13.

⁷¹ Марк, Епископ Берлинский и Германский. Ответ один... (по поводу статьи «Семь вопросов и ответов о Русской Православной Церкви») // Вече. Издание Российского национального Объединения в ФРГ. 1984. № 16. С. 5–10; Игнатич Т. Действительный и мнимый раскол в Русской Церкви // Вече. Независимый русский альманах. 1991. №. 47. С. 83.

⁷² Граббе Ю.П. Корни Церковной Смуты // Вече. Издание Российского национального Объединения в ФРГ. 1990. № 38. С. 117–153.

⁷³ Е.В. К публикации брошюры графа Ю.П. Граббе // Там же. С. 158.

в 1979 г., и с тех пор он выходит два раза в год. В редакционной статье, опубликованной в первом номере журнала, отмечалось: «“Символ” мыслится нами как бы перекрестком. Где две христианские традиции, две культуры, черпающие из одного источника, но долгие столетия шедшие параллельными путями, могли бы встречаться для того, чтобы постепенно осознать сущность своей взаимодополнительности. Журнал ставит себе целью ознакомление читателей с многогранной действительностью западного христианства, как в области богословской мысли, так и в плане ежедневной практической жизни христианских общин»⁷⁴. С восьмого номера, вышедшего в 1982 г., в журнале «Символ» появился постоянный раздел «Из истории русской общественной и религиозной мысли». В этом разделе регулярно публикуются материалы из Архива Славянской библиотеки. Но все же журнал «Символ» в большей степени способен помочь историку русской католической мысли на Западе, историку богословия, чем исследователю истории русского зарубежного православия. Это в полной мере относится и к брюссельскому журналу «Жизнь с Богом» и его приложению «Россия и Вселенская церковь» (подзаголовки «Русский католический вестник»).

Из зарубежных периодических изданий следует назвать издающийся с 1994 г. в Сиднее журнал «Австралиада. Русская Летопись». Журнал не является печатным органом церкви, но уделяет большое место истории Православия в Австралии. Особый интерес для исследователей представляют работы историка церкви И. Суворова, опубликованные в журнале: «Краткая история первого православного русского прихода в гор. Сиднее», «Биография О. Архимандрита Мефодия (Шлемина) 1872–1954», «Жизнеописание протоиерея О. Иоанна Лупиша», «Иерей Адриан Турчинский. Один из первых священников в Австралии. Краткий биографический очерк» и многие другие⁷⁵.

⁷⁴ Символ // Символ. 1979. № 1. С. 2.

⁷⁵ Суворов И. 1) Биография О. Архимандрита Мефодия (Шлемина) 1872–1954 // Австралиада. Русская летопись. 1996. № 7. С. 8–11; 2) Жизнеописание протоиерея О. Иоанна Лупиша // Там же. 2000. № 23. С. 6–10; 3) Иерей Адриан Турчинский. Один из первых священников в Австралии. Краткий биографический очерк // Там же. № 6. С. 5–7; 4) Из ранней истории Русской Православной Церкви в Австралии. Протоиерей Иаков Корчинский // Там же. 1998.

Из журналов, издающихся в ближнем зарубежье, выделяется рижский альманах «Христианос». Альманах издается с 1991 г. под редакцией Н. Большаковой. Значительное место на страницах альманаха занимает тема русского православия вне России. Второй номер альманаха за 1993 г. почти полностью посвящен памяти протоиерея Александра Шмемана⁷⁶. Несколько статей посвящено памяти иконописца сестры Иоанны Ретлингер⁷⁷ и Архиепископа Латвийской Православной Церкви Иоанна (Поммера)⁷⁸. В альманахе публиковались произведения разных лет Архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского)⁷⁹ и другие материалы.

Российские церковные периодические издания. История зарубежного православия находит свое отражение и на страницах российской церковной периодики. Полные комплекты самых авторитетных из издающихся в России церковных журналов имеются во всех крупных библиотеках Москвы.

Старейшим из русских церковных изданий является официальный орган Русской Православной Церкви Московского Патриархата «Журнал Московской Патриархии». Судьба журнала была нелегкой. В 1931–1935 гг. вышло 24 номера этого единственного в то время официального периодического издания Московского Патриархата. Журнал выходил в период под непосредственным руководством

№ 15. С. 8–10; 5) Краткая история первого православного русского прихода в гор. Сиднее, Австралия // Там же. 1996. № 8. С. 10–14; 6) Новые страницы истории Свято-Владимирского храма в Сиднее // Там же. № 9. С. 16–18; № 10. С. 19–22; № 11. С. 10–13; № 12. С. 15; № 13. С. 3; № 14. С. 11–17; № 16. С. 22–23; № 17. С. 16–18; № 18. С. 8–11; 7) Иннокентий Серышев. Биография // Там же. 1995. № 4. С. 7–8; 8) Свято-Николаевский приход в г. Ньюкаст, Австралия // Там же. 2000. № 23. С. 5.

⁷⁶ Николаев А. Отпевание о. Александра Шмемана // Христианос. Альманах. 1993. № 2. С. 16–17; Бенигсен А., протоиерей. Пришедше на Запад Солнце // Там же. С. 18–19.

⁷⁷ Лаевская Э. Сестра Иоанна Ретлингер (1898–1988) // Там же. 1998. № 7. С. 9–13; Ерохина О. Незримый свет (Об иконописи сестры Иоанны Ретлингер) // Там же. 2002. № 11. С. 19–27.

⁷⁸ К 60-летию со дня мученической кончины Архиепископа Латвийской Православной Церкви Иоанна Поммера // Там же. 1994. № 3. С. 5–32.

⁷⁹ Публиковалось: Из наследия Архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского) // Там же. 1995. Вып. 4. С. 225–262.

митрополита Сергия (Страгородского). Издание журнала было возобновлено в сентябре 1943 г., а с 1944 г. он стал выходить ежемесячно. С этого момента и многие годы журнал возглавлял митрополит Николай (Ярушевич); обязанности ответственного секретаря исполнял протоиерей Александр Смирнов. В советское время журнал был ограничен в распространении, но у него была высокая репутация, его читали и за пределами церковной ограды. Журнал начинался с 30 страниц, в последние советские десятилетия его объем вырос до 80. В те годы сложилась концепция журнала, которая была основана на вынужденном самоограничении. Весь журнал состоял из официальной информации — посланий и выступлений Патриарха, переписки с предстоятелями Поместных Церквей, сообщений о богослужениях, совершаемых Патриархом, описания церковных торжеств, хроники архиерейских хиротоний, назначений и перемещений, награждений, некрологов. С 1954 г. журнал получил возможность несколько расширить тематику — здесь стали появляться статьи на богословские, церковно-исторические и канонические темы.

Несмотря на то что долгие годы все статьи журнала, тексты публичных выступлений патриарха и членов Синода, обращения и даже письма проходили цензуру в Совете по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и в Отделе пропаганды и агитации ЦК КПСС, на его страницах вдумчивый читатель найдет много материалов по истории зарубежного православия⁸⁰. История взаимоотношений Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за границей отражается в Обращении Патриарха Алексия (Симанского) к архипастырям и клиру так называемой Карловацкой ориентации, статьях А. Буевского, С.В. Троицкого и др.⁸¹ В «Журнале

⁸⁰ Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР в 1943–1947 гг.: особенности формирования и деятельности аппарата // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М. 2003. С. 92.

⁸¹ Алексий, Патриарх. Обращение к архипастырям и клиру так называемой Карловацкой ориентации // Журнал Московской Патриархии. 1945. № 9. С. 9–12; Сергий, епископ. Несколько слов по поводу раскольнической деятельности митрополита Анастасия // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 3.

Московской Патриархии» публикуются отдельные материалы, посвященные истории православия в Америке, Японии и других странах⁸². Русская Православная Церковь Московского Патриархата издает также ежемесячное дополнение к «Журналу Московской Патриархии» — «*Московский церковный вестник*» (выходит с 1986 г.) и «*Богословские труды*» (выходят с 1959 г.). В этих изданиях в разные годы работали или публиковались лучшие российские богословы, канонисты, историки Церкви, проповедники. В своих выступлениях на Архиерейских соборах 1994, 1997, 2000 гг. Святейший Патриарх подчеркивал, что эти издания должны сохранять свой высокий статус и в будущем.

Ученые записки «Общества для распространения Священного писания в России» журнал «*Альфа и Омега*», признанный лучшим богословским изданием России, начал издаваться в 1994 г. в Москве. Направленность публикаций журнала отражают следующие слова: «Всем, кто читает Библию, кому важен смысл откровения, кто хочет, обратившись к истории Церкви, понять историю человечества, адресован этот журнал»⁸³. В состав постоянных рубрик журнала

С. 26–31; Буевский А. Русская Православная Церковь за границей // Там же. 1950. № 10; Троицкий Г. 1) Патриарх Сергий и русский зарубежный церковный раскол // Там же. 1968. № 6; 2) По поводу неудачной защиты ложной теории // Там же. 1949. № 12. С. 29–54.

⁸² Аркадий (Тыщук), протоиерей. 1) Снова в Японии // Там же. 1969. № 2; 2) Японская Автономная Православная Церковь // Там же. 1970. № 11; Григорьев Д., протоиерей. Русская православная миссия в Северной Америке // Там же. 1990. № 12; 1991. № 1, 3; Документы о даровании автокефалии Русской Православной Церкви в Америке // Там же. 1970. № 5, 6; Зинин Ю. Русский православный храм на севере Африки // Там же. 1996. № 2; К назначению нового благочинного прихода Московского Патриархата в Японии // Там же. 1966. № 11; Казим-Бек А. Православная Церковь в Японии. Сотрудники архиепископа Николая // Там же. 1960. № 8; Казим-Бек А. Прошлое и настоящее парижского раскола // Там же. 1969. № 4; Кудинкин Б.С. Православная Миссия в Японии // Там же. № 1; Об автокефалии Русской Православной Греко-Кафолической Церкви Америки (митрополичий округ и автономия Японской Православной Церкви («Никола-до»)) // Там же. 1970. № 5; Первый собор клира и мирян Духовной Миссии в Японии // Там же. 1969. № 1.

⁸³ Поздняева К.Г. Православие на Дальнем Востоке в публикациях журнала «Альфа и Омега» // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском

входят такие рубрики, как «Библистика», «Патристика», «Церковь в истории», «Русь неуходящая», «Материалы и сообщения» и др. Журнал «Альфа и Омега» постоянно публикует статьи и другие материалы по истории русского православия вне России. Вопросам истории Российской духовной миссии в Китае посвящен цикл статей священника Дионисия Поздняева. Истории возникновения Японской Православной Церкви посвящены статья архимандрита Георгия (Тертышников) «Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая в Японии», статья А. Дворкина «Миссионер». В журнале были опубликованы воспоминания харбинского священника Николая Падерина «В рассеянии» и многие другие материалы о православии за рубежом⁸⁴.

В 1999 г. в Москве начал выходить журнал «*Китайский Благовестник*», который является официальным органом Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. По замыслу его создателей журнал «Китайский Благовестник» является не новым периодическим изданием, а преемником журнала «Известия Братства Православной Церкви в Китае», издававшегося с 1904 г. в Харбине, а с 1907 г. — в Пекине под названием «Китайский Благовестник». Журнал выходил до 1954 г., когда была закрыта Российская Духовная Миссия в Китае. Подготовкой публикаций журнала занимается группа исследования проблем Православной Церкви в Китае. Одним из постоянных авторов журнала является известный исследователь православия на Дальнем Востоке священник Дионисий Поздняев.

регионе. Перспективы сотрудничества: материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток: Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ». 2003. С. 135.

⁸⁴ *Георгий (Тертышников)*, архимандрит. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая в Японии // *Альфа и Омега*. 1998. № 3(17); *Дворкин А.* Миссионер // Там же. 1995. № 2(5); *Падерин Н.*, священник. В рассеянии // Там же. 2001. № 3(29). С. 259–274; *Поздняев Д.*, священник 1) Принятие юрисдикции Московского Патриархата и церковный раскол в Шанхае // Там же. 1997. № 2(13); 2) Церковь в Китае на пути к автономии // Там же. № 3(14); 3) Церковь на крови мучеников // Там же. № 1(12).

Журнал имеет следующие основные рубрики: «Официальная хроника», «Из истории китайского Православия», «Христианство в современном Китае», «Христианство и китайская культура», «Проблемы современной религиозной жизни в Китае», «Православная Церковь в Китае», «Архив». Кроме того, в журнале помещаются богослужебные тексты на китайском языке, рецензии, отчеты о научных конференциях, на которых рассматриваются проблемы христианства на Дальнем Востоке.

В рубриках «Из истории китайского Православия» и «Архив» помещаются материалы о различных сторонах деятельности Российской Духовной Миссии в Китае XVIII–XX вв., духовной жизни русских эмигрантов и положении Православия в Китае. В ряде публикаций освещаются проблемы, связанные с духовной жизнью русских людей на территории Китая. Священник Дионисий Поздняев в статьях «Духовные школы Маньчжоуго», «Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX века» показывает просветительскую деятельность Русской Православной Церкви в Китае, ее роль в сплочении русской эмиграции на основе национальных ценностей⁸⁵. Г. Прозорова (Владивосток) в статье «Русская Православная Церковь и Христианский Союз молодых людей в Харбине» прослеживает участие русских эмигрантов в деятельности этой организации, где была создана довольно эффективная воспитательно-образовательная система⁸⁶. Положительно оценивая политику Православной Церкви, она делает вывод о том, что «позитивный опыт многовекового Православия не был растворен в опыте американских миссионеров, а православное духовенство сумело выполнить одну из главных миссионерских задач — уберечь свою паству от влияния протестантских стандартов религиозного потребления и сохранить национальное самосознание»⁸⁷. Статья китайского

---

⁸⁵ *Поздняев Дионисий*, священник 1) Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX века // *Китайский Благовестник*. 1999. № 2. С. 7–13; 2) Духовные школы Маньчжоуго // Там же. № 1.

⁸⁶ *Прозорова Г.* Русская Православная Церковь и Христианский Союз молодых людей в Харбине // Там же. 2000. № 2.

⁸⁷ *Волохова А., Воропаева О.* «Китайский Благовестник»: обзор журнала за 1999–2000 гг. // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. 2001. С. 172–176.

православного священника протоиерея Иоанна Ду посвящена истории православия в Тяньцзине⁸⁸.

Знакомство с вышедшими номерами журнала «Китайский Благовестник» позволяет сделать вывод о том, что в России появилось оригинальное периодическое издание, в котором история и современная духовная жизнь в Китае рассматриваются в контексте взаимовлияния и взаимопроникновения ценностей, присущих восточной и западной цивилизациям. На наш взгляд, учредителям журнала удалось сохранить лучшие традиции своего журнала-предшественника.

Отделом внешних церковных сношений Московского Патриархата издается также научно-богословский и церковно-общественный журнал «*Церковь и время*». Журнал был основан в 1992 г., вышло три номера. В 1998 г. он был возобновлен с четвертого номера. Главным редактором журнала является митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, а его заместителем — известный богослов иеромонах Иларион (Алфеев). В приветствии журналу Патриарх Алексей писал: «"Церковь и время" призван стать периодическим печатным органом, который объединит усилия богословов, историков Церкви, религиозных публицистов. Журнал рассчитан на широкий круг читателей, включающий в себя всех тех представителей православной интеллигенции, которым небезразличны судьбы Русской Православной Церкви»⁸⁹.

В состав постоянных разделов журнала входят такие разделы, как «Человек церкви», «Богословие. Библистика», «Русское богословское наследие», «Церковь и общество», «Новейшая история Русской церкви в документах», «Архив». В разделе «Новейшая история Русской церкви в документах» постоянно публикуются Послания и Обращения Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Заявления и Обращения Синода РПЦ и другие документы.

⁸⁸ Ду Иоанн, протоиерей. Распространение Православной Церкви в Тяньцзине и его окрестностях / Перевод с китайского Д.И. Петровского // Китайский Благовестник. 1999. № 2. С. 24–39.

⁸⁹ Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 1998. № 1(4). С. 5.

нимание историков зарубежного православия привлекут публикации документов из Архива Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Особенно интересна переписка митрополита Сергия (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского) за 1927–1929 гг. Опубликованные в журнале документы касаются конфликта между митрополитом Евлогием и Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви за границей, а также вопроса о подписке на лояльность к советскому вопросу зарубежного духовенства⁹⁰. В журнале опубликованы статьи по истории зарубежного православия Д.В. Поспеловского «Из истории русского церковного зарубежья», Фэри фон Лиленфельда «То, что Церковь разделена, это большое горе» и другие⁹¹.

Обращая внимание на большое значение журнала «Церковь и время», хочется процитировать слова Патриарха Алексия: «Для нас особенно очевидна потребность в этом новом периодическом церковно-общественном издании, ибо с его помощью мы должны строить и возрождать здание веры, всегда памятуя о духовных корнях нашего Отечества»⁹².

Общество любителей церковной истории с 1998 г. издает церковно-исторический журнал «*Церковно-исторический вестник*». Журнал выходит ежеквартально под редакцией И.В. Соловьева. Начиная издание журнала, редакция сообщала: «Замысел создания журнала возник в самом начале 1990-х гг., в связи с изданием серии книг "Материалы по истории Церкви". С течением времени редакционная коллегия серии получила достаточно большое количество

⁹⁰ Из переписки заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Нижегородского Сергея (Страгородского) и митрополита Евлогия (Георгиевского), управляющего Православными Русскими Церквями в Западной Европе. 1927–1928 (Документы из архива Отдела внешних сношений Московского патриархата) // Церковь и время. М., 1998. № 2(5). № 3(6). № 4(7).

⁹¹ Поспеловский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья // Церковь и время. 1991. № 1–2; То, что Церковь разделена, — это большое горе. Беседа профессора Эрлагенского Университета д-ра Фэри фон Лиленфельд с корреспондентом журнала «Церковь и время» // Там же. 1998. № 4 (7). С. 31–38.

⁹² Церковь и время. Научно-богословский и церковно-общественный журнал. 1998. № 1(4). С. 5.

материалов, предлагавшихся к публикации в рамках серии. Среди них было немало исторических источников (письма, небольшие по объему воспоминания, записки и т. д.), а также отдельные статьи. Все они имели разнородный характер, и объединить их в каком-либо церковно-историческом сборнике не представлялось возможным. Было также признано нецелесообразным печатать те или иные документы в виде маленьких брошюр. Именно поэтому они до сих пор остались неопубликованными. Создание нашего журнала позволит редакционной коллегии серии «Материалы по истории Церкви» издать эти большей частью весьма интересные и ценные для историков материалы»⁹³.

Редакция журнала уделяет большое внимание теме зарубежного православия. Поэтому мы видим в журнале такие разделы, как «Из истории русской зарубежной церковно-общественной мысли», «Материалы по истории Православной Церкви на Американском континенте», «Материалы по истории русских церковных разделений за границей». Кроме перечисленных в нем представлены разделы «Справочные материалы» и «Публикация документов».

В № 1 журнала, вышедшем в 1998 г., опубликованы «Материалы к биографии Архиепископа Иоанна Шаховского»⁹⁴. Среди них письма Митрополиту Сергию (Страгородскому), митрополиту Антонию (Храповицкому), А.В. Масальскому, статья «Почему я ушел из юрисдикции Митрополита Антония» и другие документы. В письме к митрополиту Сергию Иоанн, тогда еще иеромонах, пишет: «Был бы безмерно благодетельствован, если бы вы благоволили ответить мне — хотя бы в виде конкретных указаний действия: что делать мне, такому-то настоятелю синодально-карловацкого прихода, духовно всецело признающему Вас и вполне могущему дать подписку в лояльности к сов. власти, но долженствующему для этого бросить живую приходскую работу, оставить на произвол судьбы своих близких чад духовных и даже внести в среду их соблазн? Что —

⁹³ К читателям // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 3.

⁹⁴ Архиепископ Иоанн (Шаховской) и его корреспонденты (Материалы к биографии Архиепископа Иоанна) // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 64–92.

конкретно — делать?»⁹⁵. В своем письме митрополиту Антонию от 9 апреля 1931 г. иеромонах Иоанн окончательно порывает с РПЦЗ: «Под благолепной церковной внешностью Вашей православно-сти сокрыт мертвящий дух книжнической бездеятельности, столь страшный в наши дни. Я испытал его и перемучился им за эти годы, и буду ведать его в Церкви»⁹⁶. На наш взгляд, эти обличения иеромонахом своего бывшего наставника и правящего архиерея весьма далеки от христианского смирения. Они иллюстрируют крайние тенденции в «юрисдикционной борьбе». В этом же номере журнала помещена статья архимандрита Иоанна «Близок час», опубликованная в июне 1941 г. в берлинской газете «Новое слово». В этой статье архимандрит Иоанн приветствует нападение фашистской Германии на СССР, провозглашает 22 июня 1941 г. чисто «русским праздником», считая, что благом для русского народа будет вверить свою судьбу руке «искусного германского хирурга». В этом же номере журнала помещены послевоенные публикации архимандрита Иоанна с объяснением своей позиции в тот период «Заявление Иоанна Шаховского перед лекцией в зале Русской консерватории в Париже» и «Об одной моей статье»⁹⁷.

Читатель найдет в журнале «Церковно-исторический вестник» интересные материалы по истории Американской Православной Церкви. В их числе — статья князя Трубецкого «Мысли об Автокефалии», которая была впервые опубликована в газете «Новое русское слово» 1 августа 1970 г. Давая оценку получения автокефалии Американской Православной Церковью от Московской Патриархии, князь Трубецкой пишет: «Обе наши церкви — Зарубежная и Митрополия — ведут свою родословную от той же матери-Церкви Российской. Говоря на церковном языке — обе наши Церкви были ее дочерьми. Хочется верить и думать, что у обеих была законная Мать. Теперь, когда старшая “дочь” выросла настолько, что может стать ее “сестрой” и занять подобающее ей место среди других “сестер” — канонических поместных Православных Церквей и быть ими

⁹⁵ Там же. С. 65.

⁹⁶ Там же. С. 76.

⁹⁷ Там же. С. 82–90.

признанной в качестве равной им автокефальной церкви, она войдет в ту вселенскую семью “Восточных Православных Патриархов”, за которых молятся во всех православных храмах, вне зависимости от их юрисдикционной принадлежности»⁹⁸.

Номер № 4–5 журнала «Церковно-исторический вестник» за 1999 г. полностью посвящен теме русского православия за рубежом. Среди публикуемых в этом номере материалов — исследование митрополита Вениамина (Федченкова) «Раскол или единство (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви)». В этом же номере публикуются «Историческая справка об Американской епархии Русской Православной церкви», составленная митрополитом Сергием (Страгородским), и экклезиологический очерк Архиепископа Иоанна (Шаховского) «Православие в Америке»⁹⁹. Работы митрополитов Вениамина и Сергия публикуются впервые и отражают официальную позицию Московской Патриархии по вопросу юрисдикционных разделений в Америке в определенный исторический период. К сожалению, исследование митрополита Вениамина опубликовано без предисловия и комментариев. Сообщается только, что машинописный текст исследования митрополита Вениамина был передан в редакцию диаконом Андреем Юрьевым. На наш взгляд, наиболее вероятной датой его написания является 1946 г. Подводя итоги своего исследования, митрополит Вениамин делает выводы о канонической невозможности в тот момент предоставления автокефалии Русской Православной Церкви в Америке и необходимости ее воссоединения с со своей Матерью — Русской Православной Церковью Московского

⁹⁸ Трубецкой С.Г. Мысли об Автокефалии // Церковно-исторический вестник. 1998. № 1. С. 95.

⁹⁹ Сергей (Страгородский), митрополит. Историческая справка об Американской епархии Русской Православной Церкви // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 154–157; Вениамин (Федченков), митрополит. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Там же. С. 4–139; Иоанн Сан-Францисский, архиепископ. Православие в Америке (экклезиологический очерк) // Там же. С. 140–151.

Патриархата¹⁰⁰. Ранее неизвестный документ «Историческая справка об Американской епархии Русской Православной церкви» принадлежит перу митрополита Сергия. Справка была выявлена известным исследователем истории Русской Православной Церкви профессором М.И. Одинцовым в фонде Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, хранящемся в ГА РФ¹⁰¹. Как предполагает Одинцов, справка была написана в сентябре-октябре 1941 г. и была направлена в СНК СССР. В этом же номере журнала опубликованы и другие материалы по истории зарубежного православия. Среди них статья протоиерея Бориса Даниленко «Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века», посвященная наследию русских богословов и церковных историков в эмиграции (И.К. Смолича, М.И. Лот-Бородиной, Н.Н. Глубоковского)¹⁰². Истории православия во Франции и Дании посвящены статьи А. Ланина, И.В. Соловьева, Л. Солодченко¹⁰³.

В № 8 за 2001 г. «Церковно-исторического вестника» внимание историка привлечет работа профессора С.В. Троицкого «История самочинной карловацкой организации»¹⁰⁴. Как сообщает редакция, машинопись статьи была также предоставлена дьяконом Андреем Юрченко. Комментарии и предисловие отсутствуют. Исследование написано не ранее 1935 г. с позиции Московской Патриархии и резким осуждением РПЦЗ. Исследование Троицкого содержит большой

¹⁰⁰ Вениамин (Федченко), митрополит. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Там же. С. 137–139.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф.-6991, оп. 1, д. 3. л. 83–86.

¹⁰² Даниленко Б., протоиерей. Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 224–231.

¹⁰³ Ланин А. Из истории борьбы за русскую церковную собственность во Франции в начале 20-х годов (по документам французских специальных служб) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 246–256; Соловьев И.В. Дни примирения (Попытка воссоединения Русского Западно-Европейского Экзархата с Московской Патриархией) // Там же. С. 232–245; Солодченко Л. Русская Православная Церковь в Дании // Там же. С. 257–261.

¹⁰⁴ Троицкий С.В. История самочинной карловацкой организации // Там же. 2001. № 8. С. 18–68.

фактический материал по истории РПЦЗ в период с 1920 по 1935 г. Анализируя действия митрополита Евлогия по переходу Западно-Европейской русской епархии в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, Троицкий приходит к выводу об их неканоничности, об обмане митрополитом Евлогием своей паствы. Работы С.В. Троицкого являются ценными историческими источниками, отражающими историю зарубежного православия, полемику историков и канонистов, принадлежащих к различным юрисдикциям Русской Православной Церкви. Большой авторитет С.В. Троицкого как канониста признавали и иерархи РПЦЗ. Не случайно после выхода в 1960 г. книги С.В. Троицкого «О неправде Карловацкого раскола» Архиерейским Синодом РПЦЗ был принят указ, посвященный этой книге¹⁰⁵. В нем, в частности, говорилось: «В 1961 г. среди русских православных приходов была широко распространена книга профессора Троицкого “О неправде карловацкого раскола”. Профессор Троицкий, проживающий ныне в Югославии и тесно сотрудничающий с Московской Патриархией, в своей книге пытается во чтобы то ни стало доказать “богоустановленность советской власти и необходимость повиновения ей не за страх, а за совесть” и в связи с этим стремится подвести канонические основания для Московской Патриархии и осудить с точки зрения святых канонов Русскую Заграничную Церковь, как якобы раскольническую организацию, не имеющую для себя никаких оснований в святых канонах. Книга профессора С.В. Троицкого является одним из способов посеять смуту в умах верных чад Русской Зарубежной Церкви, рассеянных по всему миру, и разрушить русскую церковную организацию за границей, подчинив всех русских людей Московской Патриархии, якобы единственной церковной власти. Широкая известность профессора С.В. Троицкого, как канониста, не только в русских кругах, но и среди других Поместных Православных Церквей и приемы его полемики, искусно жонглирующие святыми канонами, делают опасной эту книгу, и поэтому необходимо было и весьма важно для

¹⁰⁵ Троицкий С.В. О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960.

непоколебимого существования Русской Зарубежной Церкви разоблачить ее, сказать для всеобщего сведения слово правды о Русской Православной Церкви на Родине и за рубежом и обличить неправду профессора С.В. Троицкого»¹⁰⁶.

На наш взгляд, журнал «Церковно-исторический вестник» достаточно часто обращается к теме русского зарубежного православия и опубликовал большое количество ценных источников по этой теме.

Заключение. Подводя итоги обзора зарубежной и российской церковной периодики, можно сделать вывод о том, что при изучении истории русской православной диаспоры в качестве исторического источника большое значение имеет церковная периодическая печать. Церковная периодическая печать является многоплановым историческим источником. Ценность церковной печати состоит в том, что в ней освещаются разнообразные стороны церковной жизни за рубежом. В церковных периодических изданиях опубликованы различные комплексы документов: официальные документы Православных Церквей (Акты, Указы, Послания, Заявления); письма и мемуары; материалы приходских собраний; хроника; рецензии и аналитические статьи; некрологи и др. Их необходимо рассматривать в качестве важнейшей составляющей части источниковедческой базы по истории зарубежного православия. На наш взгляд, исследование зарубежного православия невозможно без использования материалов церковных периодических изданий, издававшихся различными юрисдикциями (ветвями) Русской Православной Церкви.

Периодическая печать относится к достаточно сложным историческим источникам. При анализе церковной периодики очень важно установить юрисдикционную принадлежность периодического органа, т. е. принадлежность его к той или иной Православной Церкви. Принадлежность к той или иной юрисдикции определяет идеологическую направленность периодического издания. Нельзя забывать и о том, что зарубежные (эмигрантские) авторы не были свободны от

¹⁰⁶ Указ Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 12/25 июня 1962 // Церковные ведомости. 1962. № 4–7. С. 1–2.

«идеологических пут». Наличие нескольких Православных Церквей в русском рассеянии создавало специфическую ситуацию среди историографических концепций эмигрантских историков церкви. Как правило, противоречия между историками лежали не в сфере научного исследования, а в сфере юрисдикционной принадлежности того или иного автора, отношении этой юрисдикции к Московской Патриархии и другим православным церквям. Поэтому важны критический анализ публикаций периодической печати, сопоставление приводимых в них сведений с данными других источников. В то же время существование нескольких зарубежных русских православных юрисдикций за рубежом и их печатных органов парадоксальным образом помогает исследователю. Церковная периодическая печать в зависимости от своей юрисдикционной принадлежности по-разному освещала и трактовала те или иные события в истории русского зарубежного православия, что облегчает работу историка: можно сравнить различные взгляды на ту или иную проблему.

Характеризуя российскую церковную периодику, следует отметить, что в последние годы в России появилось несколько периодических изданий, формально не принадлежащих к той или иной православной юрисдикции («Альфа и Омега», «Церковно-исторический вестник» и др.). Эти журналы и альманахи стремятся быть объективными и беспристрастными в своих публикациях.

Особенностью современного этапа развития русского православия является преодоление казалось бы непримиримого противоречия между Русской Православной Церковью Московского Патриархата и Русской Православной церковью за границей. Сейчас мы наблюдаем процесс их сближения. Соответственно меняется позиция церковных периодических изданий: они больше настроены на конструктивный диалог, чем на огульную критику и обвинения.

Большинство церковных периодических изданий, в том числе и зарубежных, имеются в российских библиотеках и в настоящее время доступны для исследователей, что создает основу для появления фундаментальных и объективных трудов по этой сложной теме. Особенно важно это сейчас, когда появились реальные предпосылки для объединения Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Православной Церкви за границей.

В заключение хочется привести мнение Патриарха Алексия II, выраженное в письме бывшему клирику Зарубежной Церкви протопресвитеру Александру Киселеву: «Сердце всякого русского православного человека, тем более пастыря, не может смириться с существованием разделения в нашей среде — разделения, не позволяющего нам ныне вкушать Тело и Кровь Христовы от единой Чаши... Убежден, что настало время сообща, на основе глубокого изучения и духовного, молитвенного осмысления исторических реалий оценить путь Русской Церкви в XX веке. До сих пор мы давали разные оценки новейшей церковной истории и делали из этих оценок различные выводы. Однако надо помнить, что мы имеем единое исповедание веры, единый церковный строй, единые принципы христианского благочестия. И невозможно нам, православным, оправдывать разделение нешвенного Христова хитона различным пониманием истории, различными взглядами на отношения Церкви с внешним миром и государством. Как же нам преодолеть раскол? Основа любого разделения — отсутствие любви. Но нельзя полю-

¹⁰⁷ Русак В.С. Церковные расколы XX века. Русская зарубежная Церковь и Московский Патриархат // Международные «Макарьевские чтения», посвященные 210-летию со дня основателя Алтайской духовной Миссии Св. Макария. Горно-Алтайск, 2002. С. 121–123.

Л. В. Белгородская

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА «РУССКОГО МИРА» ИСТОРИКАМИ-ЭМИГРАНТАМИ В НАУЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XX ВЕКА

В последние десятилетия получили широкое развитие междисциплинарные исследования, выполненные на стыке наук. Историки тоже осознали близость объектов исследования и сходство методик научного поиска историографов, филологов и лингвистов. Исследователи прошлого стали ставить в центр исследований анализ текста и активно искать новые методы работы с историческим нарративом. Прочитываем слова О.М. Медушевской, ведущего отечественного специалиста в области источниковедения: «В центре внимания находится научный текст, его компоненты, стилистика, типы и особенности высказываний, терминологии, соотнесенность темы исследования и социальных условий создания, соотношение основного текста и научного аппарата, множественность “голосов”, звучащих в тексте, структура и развитие сюжета». И далее: «Феномен лингвистического поворота в историографии последних десятилетий XX в. дает нам возможность наглядно проследить один из моментов смены эпистемологических парадигм в гуманитарном познании»¹.

Историки исходят из необходимости изучения языка и механизмов коммуникации, методов конструирования «образа мира», которые сложились в рамках американского, западноевропейского обществ в процессе их исторического развития. Выявление различий в языке, с помощью которого общества артикулировали свои

© Л. В. Белгородская, 2012

¹ Данилевский И.Н. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 1998. С. 111, 112. — См. также: Сравнительная история: методы, задачи, перспективы. М., 2003. С. 3–6.

нормы, представляется перспективным с точки зрения познания исторического прошлого.

В процессе взаимопознания представителей разных культур важная роль принадлежит печатному слову. Современные гуманитарные науки реализуют две возможности познания: первая — объектом познания становится представленный через текст мир (в том числе картина прошлого), текст является чем-то вспомогательным, опосредующим; вторая — объектом познания становятся сам текст непосредственно, его языковая природа, структура и функции, средства выражения. Известный российский философ Л.А. Микешина пишет: «В первом случае реализуется эпистемологический подход, и возможно ставить гносеологический вопрос об истине как соответствии знания, содержащегося в тексте, действительности за его пределами. Во втором — речь идет о значении, смысле, множестве интерпретаций, о различных формах текстового анализа... Здесь реализуется семиотический подход, и текстовый анализ, например, по Р. Барту, понимается как специальная процедура. Для современной эпистемологии текст как первичная реальность и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины концентрирует все особенности гуманитарного знания и познавательной деятельности — его коммуникативную, смыслополагающую и ценностную природу»².

При анализе текста важно следовать принципам историзма и целостности. Текст должен рассматриваться в единстве с контекстом, подтекстом. Отдельный авторский текст должен соотноситься с другими его текстами и текстами других авторов по этой теме. Исследователь должен учитывать такой атрибут текста, как его диалогичность, анализировать коммуникативную природу источника. Интересны опыты историка-медиевиста А.Я. Гуревича, стремившегося в своих работах к реконструкции духовного универсума людей иных эпох и культур, выявлявшего неосознанные, невербализированные структуры и ментальность эпохи. В плане сравнительно-исторического анализа текстов интерес представляет вопрос о том, как исследователь, принадлежащий к другой культуре,

² Микешина Л.А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания // Вопросы философии. 2006. № 1. С. 51.

может выявить смыслы, объективно существовавшие, но недоступные людям, выросшим в данной культуре. В плане нашего исследования взгляды носителей западной культуры могут открывать пласты культуры, не постижимые представителям русской культурной традиции. Историки применяют методику косвенных свидетельств о тех или иных ментальностях. Тексты помогают раскрыть миропонимание и мировосприятие представителей разных цивилизаций. Научное знание легитимируется в языковых практиках, оно меняет объект познания, базируется на категориях нового, нелинейного мышления (текст, картография, картинка).

Русские историки-эмигранты в течение XX в. участвовали в популяризации исторических знаний о России в странах Запада. Неоценимый вклад в формирование образа Российской империи со страниц самой уважаемой энциклопедии мира долго вносили представители дооктябрьской волны русской эмиграции. П.Г. Виноградов написал для «Британники» 1922 г. издания содержательный биографический очерк «Антон Иванович Деникин»³. В 1926 г. были выпущены три тома «Британской энциклопедии», известные как ее 13-е издание. Все внимание авторов было сосредоточено на предоктябрьских и послеоктябрьских событиях в России. В плане изучения заявленной нами темы интерес вызывает большая по объему публикация П.Г. Виноградова о «Последних годах царизма» в монографическом материале «Россия». В этом очерке историк дал подробную характеристику реформаторской деятельности П.А. Столыпина, отметив, что «он был представителем старой России», «не был ни великим государственным деятелем или оригинальным мыслителем», «представлял собой дворянина-патриота с опытом практической работы в провинциальных органах управления»⁴. Его же авторству принадлежали два других биографических очерка в издании. Один посвящен Николаю II, другой — фавориту Г. Распутину. Историк изложил

³ Encyclopaedies and Dictionaries // The New Encyclopaedia Britannica. 1994. Vol. 18. P. 264; Russia History to the revolution // The Encyclopaedia Britannica. 1926. Vol. III. P. 401–435; Rasputin // Ibid. P. 298–299; Nicolas II // The Encyclopaedia Britannica. 1926. Vol. II. P. 1074–1075; Lenin // Ibid. Vol. II. P. 697–701.

⁴ Russia. History to the revolution. P. 401–408.

малоизвестные факты биографии монарха, отметил некоторое политическое мастерство последнего царя. Нельзя согласиться с автором, который отнес Николая II к числу русских интеллектуалов. Впервые в истории в энциклопедическом издании была представлена версия последних дней жизни и обстоятельств расстрела царской семьи в подвале ипатьевского дома. Конечно, с высоты нашего времени легко обнаружить неточности и ошибки в авторской версии событий 1917–1918 гг. П.Г. Виноградова⁵.

Руководство «Американской энциклопедии», учитывая неудачный опыт подготовки статьи «Россия» для издания 1928 г., заказывало в 1940-е гг. статьи по российской тематике знающему специалисту. Им стал историк с российскими корнями, преподаватель Колумбийского университета в Нью-Йорке, специалист по истории мировой экономики В.Д. Казакевич. Основное внимание он уделил императорскому периоду российской истории и истории взаимоотношений России и США. Автор подчеркивал значимость многонационального состава государства для понимания основных тенденций развития России. «История России — это история народов, объединенных русскими», — так начал изложение исторического материала новый автор «Американы». Историк включил в российскую историю описание дославянских политических образований, существовавших в Восточной Европе до IX в.: «Различные империи на этой территории служили колониальными форпостами. Кочевники использовали степи южной Руси в качестве удобного плацдарма для вторжения, жили там столетиями, пока не сметались очередной волной степняков». Автор датировал начало становления Российской империи призыванием Рюрика на русский престол, согласившись с мнением К. Маркса, что именно с этого князя начинается история «империи Рюриковичей» («Rurikovich empire»). Блок информации «Начала истории» продолжали разделы «Киевское государство», «Под монгольским игом», «Рост Москвы», «Накануне реформ», «Россия в 18 веке», «Продолжение роста и начало заката Российской империи». Особое внимание автор уделил истории российско-американских отношений. Две страны «сближала первоначально общая

⁵ Nicholas II. P. 697–701.

неприязнь к Великобритании, а потом боязнь чрезмерных политических амбиций Германии и Японии», — писал историк⁶. Вместе с супругой Э.Г. Казакевич им был подготовлен большой библиографический указатель литературы по истории России к энциклопедической статье «Россия». В.Д. Казакевич принадлежит к числу недооцененных по достоинству русских историков — популяризаторов науки. В появившихся в начале XXI в. многочисленных работах отечественных авторов об историках-эмигрантах его историческому наследию и деятельности по привлечению внимания общественности к истории России в США не уделено внимание. Только в новейшем исследовании Э.Л. Нитобурга отмечается деятельность Казакевича в «Кружке духовного общения», основанного в Нью-Йорке в начале 1920-х гг. Примечательно, что в 1930 г. он был удален отсюда за просоветские настроения. В годы Второй мировой войны историк прославился публичными лекциями о борьбе советского народа и Красной армии против фашистов. Патриотический настрой публикациям и его устным выступлениям придавало и чувство личной гордости за дела предков, верно служивших отечеству. Дед историка был известным адмиралом российского флота⁷.

Большой вклад в мировую историческую науку внес известный российский историк, лидер кадетской партии П.Н. Мильков. Его имя было хорошо знакомо Европе и Америке еще до революции. В 1903 г. он с успехом читал лекции в Чикагском университете. После революции историк жил и работал во Франции. На протяжении десятилетий базовую статью, посвященную истории России, в самой статусной и многотиражной универсальной энциклопедии западного мира помещали в его авторстве. Его соавтором выступал Макс Беллофф, профессор Оксфордского университета. Кроме аналитического материала в статье «Россия» историк публиковал в «Британской энциклопедии» многочисленные статьи-справки. Даже после смерти историка его материал «Россия» воспроизводился

⁶ Union of Soviet Socialist Republics // The Encyclopedia Americana. 1946. Vol. 27. P. 291–291z.

⁷ Нитобург Э.Л. Русские в США: История и судьбы. 1870–1970. М., 2005. С. 153, 155.

без изменений до 1960-х годов. В этом можно усмотреть и слабость издания, десятилетиями не обновлявшего публикуемые статьи, можно увидеть и уважение к труду историка с мировым авторитетом⁸.

Генерал Ю.Н. Данилов, выпускник Академии Генштаба, автор трудов по военной истории, занимался в эмиграции военно-научной литературной деятельностью. Он подготовил для «Британники» содержательную статью «Русская армия», которую специалисты-библиографы относят к числу наиболее удачных публикаций в энциклопедии за всю историю издания⁹.

Известно, что после Октябрьской революции в вынужденной и добровольной эмиграции оказалась большая группа российских историков, осевших сначала в Европе, позднее многим из них удалось перебраться в Соединенные Штаты Америки. В США работали ученые с мировым именем — М.И. Ростовцев в Висконсинском, Г.В. Вернадский в Йельском университетах, М.М. Карпович в Гарварде, А.Б. Лобанов-Ростовский в Калифорнийском университете. Из-за недостаточно свободного владения английским языком ученым было сложно вести педагогическую работу, им приходилось писать о предметах, которые ранее были за рамками их научных интересов, публиковать обзорные и научно-популярные работы, имея целью убедить издателей и университетскую профессуру в том, что они могут работать с широкими читательскими кругами. В России эти исследователи часто даже не читали общих курсов по истории России, готовили спецкурсы, писали монографии, посвященные узким научным проблемам. За рубежом им пришлось столкнуться с новыми задачами: писать доступно для массового читателя, найти общий язык с аудиторией, не знающей русского языка и основ русской истории, заработать историко-просветительскими публикациями.

⁸ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 149; Russia // The Encyclopaedia Britannica. 1957. Vol. 19. P. 691–703; Russia. 1964. Vol. 19. P. 691–705.

⁹ Encyclopaedies and Dictionaries // The New Encyclopaedia Britannica. 1994. Vol. 18. P. 264; Данилов Ю.Н. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия: В 5 т. Т. 1. М., 1994. С. 672.

О сотрудничестве историков-эмигрантов с редакциями крупных зарубежных энциклопедий впервые в российской науке написал В.Т. Пашуто в незавершенной монографии «Русские историки-эмигранты в Европе». Им установлено, что С.Г. Пушкарев подготовил восемнадцать очерков о героях русской истории для авторитетной «Итальянской энциклопедии». Кроме биографических материалов о Ермаке, Филарете, Филиппе, Гедимине, Костомарове, Курбском, Карсавине, были подготовлены статьи-справки об исторических городах России¹⁰. Г.В. Вернадский, как подсчитал недавно исследователь из Екатеринбурга С.В. Рыбаков, написал 65 исторических материалов для различных справочных изданий мира¹¹.

На развитие советологии много десятилетий оказывало влияние русское зарубежье, точнее те его представители, которых можно отнести к первой волне эмиграции, а также те, кто в годы войны был вынужден эмигрировать в США. Русские историки находят в эти годы выход на массового американского читателя. Г.В. Вернадский издает с коллегами «Книгу по русской истории с ранних времен до 1917». С.Г. Пушкарев в качестве приложения к работе подготовил словарь российских исторических терминов. Редактором этого издания был Г.В. Вернадский¹². Западные рецензенты относили к достоинствам «Dictionary of Russian Historical Terms from Eleven Century to 1917» хороший формат издания, удачный выбор двух тысяч часто встречающихся терминов из политической, военной и культурной истории страны, ясное изложение их значений, что представляло сложность для англоязычных читателей-непрофессионалов. Историк действительно хорошо чувствовал недостатки некоторых вариантов перевода исторических терминов русского прошлого на английский язык, откровенно делился своими критическими соображениями с читателями. Например, ученый верно заметил в словаре, что русский «удел» не является синонимом английского слова

¹⁰ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты... С. 159.

¹¹ Рыбаков С.В. Историк-евразиец Георгий Вернадский // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 159.

¹² A Source Book for Russian History. From early Times to 1917. New Haven; L., 1973.

«аранаге». Апанаж — территория, даваемая в управление младшим сыновьям и возвращаемая короне, если надобность в ней отпадет. Удел же становился после смерти отца собственностью семьи¹³. Даже новейшие западные справочные издания не учитывают этой тонкости перевода на английский язык исторического термина¹⁴. С.Г. Пушкарев объяснял англоязычному читателю, что «крестьяне — слово, появившееся в XIV веке, первоначальное значение его — христиане», «мятежник — тот, кто восстает против мира, именно в этом смысле слово упоминается в Уложении 1649 года». Комментарии С.Г. Пушкарева принимают к сведению многие известные западные русисты, использовавшие их в своих научных сочинениях¹⁵. К недостаткам издания отдельные рецензенты отнесли терминологические ошибки самого автора. К сомнительным новациям можно отнести использование в тексте понятия «Киевская Россия», оперирование понятием «Западная Россия» при изложении истории Украины, Белоруссии и Литвы, отказ от изложения мнений других историков в случае спорности толкования в тексте термина-понятия и др.¹⁶ Нам представляется, что отмеченные недостатки не умаляют научной и просветительской ценности этого издания. Издание ценно само по себе, а не только в качестве комментария к работе коллег.

С.Г. Пушкарев обладал блестящим даром популяризатора исторических знаний, был хорошим стилистом. В шутовском послании коллеге А.А. Кизеветтеру по случаю его юбилея он в старорусском стиле писал: «И как ты, государь, в Прагу приехал, и ты, государь, паки учал свое дело делати, грамотки писати, да людешек учити... И ты, государь, в чужеземных государствах русскому делу по разумению своему служишь без устали и без отдыха и за что тебе,

¹³ *Pushkarev S.G. Dictionary of Russian Historian Terms from the Eleventh Century to 1917. New Haven, 1970.* — Примечательно, что даже новейшие западные справочники по российской истории толкуют выражение `aranage peasants` как «удельные крестьяне».

¹⁴ *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. Cambridge, 1982. P. 87.*

¹⁵ *Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 кн. Кн. 1. М., 2003. С. 84.*

¹⁶ Излишне критический отзыв на словарь С.Г. Пушкарева дал Л. Вайнер (см.: *ARBA. Guide to Subject Encyclopedias and Dictionaries. Colorado, 1989. P. 252*).

государю, честь и хвала. И ныне ты, государь, всяких чужеземцев российским гисториям поучаешь. А они, государь, в русских делах сущие невьгласи и твоим государевым чтением и поучениям, аки губа, напояются»¹⁷. Сам С.Г. Пушкарев не менее искусно на страницах справочных изданиях учил американцев «российским гисториям». В новейшем монографическом исследовании о справочном мире историка Я.Н. Щапов указал еще на одно достоинство книги: «Словарь интересен и для российских историков, в особенности при переводе исторических трудов на английский язык, поскольку неподготовленному переводчику бывает трудно перевести на английский язык российскую историческую терминологию»¹⁸. Умение доступно и ярко излагать исторический материал полностью реализовалось в учебнике «Обзор русской истории», выдержавшем много изданий в США и в постсоветской России.

Русские эмигранты продолжали работу над сбором документов для будущих изданий по военной истории России. В Гуверовском институте войны, революции и мира Стэнфордского университета (США) хранится рукопись «Энциклопедии белого движения», составленной журналистом газеты «Русская жизнь» А. Марковым и переданной в 1959 г. в Стэнфорд. Здесь же находится объемная рукопись «Казачьей энциклопедии»¹⁹. Известно, что в 1966 г. вышел в свет первый том «Казачьего словаря-справочника» под редакцией А.И. Скрылова на буквы А — З²⁰. Позднее (в 1968, 1970 гг.) в Сан-Ансельмо (Калифорния) вышли еще два тома энциклопедии²¹. При создании книги использовались архивные материалы из Кубанского

¹⁷ Цит. по: *Мир историка: историографический вестник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 361.*

¹⁸ *Щапов Я.Н. Справочный инструментальный историка России. М., 2007. С. 57.*

¹⁹ *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / А.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. М., 1998. С. 659.*

²⁰ *Казачий словарь-справочник. Кливленд, 1966 (подробнее об этом см.: Щапов Я.Н. Справочный мир историка... С. 38).*

²¹ *Энциклопедия казачества / Сост. Г.В. Губарев, А.И. Скрылов. М., 2007. Послесловие.*

войскового музея, расположенного в г. Ховелл (США)²², помощь оказали редакции эмигрантских газет «Родимый край», «Казачье единство», «Казак», «Казачье слово». Среди создателей уникального труда можно назвать имена П.М. Аврамова, И.И. Безуглова, И. Бирюкова, Б.А. Богаевского, И.И. Воробьева, П.В. Данилова, М.А. Миллера. К числу подготовленных к печати российскими учеными-эмигрантами справочных изданий относятся справочно-энциклопедические работы, подготовленные под руководством М.Т. Флоринского, В.Г. Вернадского, С.В. Утехина²³.

В 600-страничной «Everyman`s Concise Encyclopaedia of Russia» напечатаны словарные статьи о почти 90 этносах России/СССР, включая материалы о военно-служилом сословии казаков и сибирском субэтнотипе²⁴. В издании представлены информация о политической истории страны и разнообразные статьи по истории культуры (музыка, балет, живопись, театр). С.В. Утехин написал для этого справочника большинство статей по истории политической жизни. Историк обладал необычайно широким научным кругозором. На протяжении долгой жизни он учился и преподавал в Московском, Кильском, Оксфордском, Пенсильванском университетах. В создании названного коллективного справочного труда участвовали П. Макаров, Д. Симэн, В. Грегори, Г. Катков и др. Нами установлено, что Михаил Михайлович Карпович написал в послевоенные годы русские разделы для «Энциклопедии всеобщей истории» («An Encyclopedia of World History» Ed. W.L. Langer)²⁵.

В 1961 г. в США вышла в свет еще одна энциклопедия, посвященная истории России. Большую часть справочной книги заняли материалы по советской истории. Редактором и одним из авторов издания был М.Т. Флоринский. Среди приглашенных авторов был и известный историк Н.И. Ульянов, написавший большую

²² Попов А.В. Россия в негосударственных хранилищах США // Отечественные архивы. 1996. № 2. С. 23.

²³ Encyclopedia of Russia and the Soviet Union / Ed. by M.T. Florinsky. Toronto; L., 1941; Encyclopedia of Russia and the Soviet Union / Ed. by M.T. Florinsky. N.Y., 1961; Utechin S.V. Everyman`s Concise Encyclopaedia of Russia. N.Y., 1961.

²⁴ Utechin S.V. Everyman`s Concise Encyclopaedia of Russia. London, 1961.

²⁵ Riazanovsky N.V. A History of Russia. N. Y., 1984. P. 604.

часть статьи «История России» для этого труда²⁶. Авторский коллектив включал русских ученых-эмигрантов, специализирующихся в разных сферах науки и культуры, и американских руссиеведов. Ричард Пайпс подготовил по заказу издательства словарную статью «Нации»²⁷. В издании приняли участие также А. Даллин, Дж. Денике, В. Завалишин, Д. Туркевич, В. Шмелев²⁸. Среди привлеченных авторов был и Анатолий Чужой. Выпускник Петербургского университета, эмигрировавший в 1920-е гг. в США, он стал крупным специалистом по истории русского балета, ему принадлежала идея создания `Dance Encyclopedia`. Она увидела свет еще в 1949 г. Он являлся автором статьи «Балет» в анализируемом нами издании.

Нельзя обойтись без упоминания о вкладе авторов зарубежных энциклопедических изданий в изучение и освещение истории Русской православной церкви. Большую роль в этом сыграли ученые-богословы, представлявшие вторую волну русской эмиграции, — отец Г.В. Флоровский и Г.П. Федотов. Они работали в Теологическом семинаре им. Св. Владимира в Нью-Йорке, где Флоровский был деканом факультета. Возрождение и рост религиозных настроений в эмиграции, невозможность разработки церковно-религиозной проблематики в СССР обусловили особое внимание к роли религиозного фактора в российской жизни. Большая статья Г.В. Флоровского «Русская православная церковь» печатается несколько десятилетий без изменений в «Американской энциклопедии»²⁹. Идеи главной работы богослова «Пути русского богословия» нашли достойное отражение в этой монографической энциклопедической статье. Эти работы тем уже важны, что в СССР не выпускалось справочной литературы о православии и христианстве, а дореволюционные энциклопедии не могли дать

²⁶ Oulianoff N.I. History of Russia // McGraw-Hill Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. N.Y., 1961. P. 214–225.

²⁷ Pipes R. Nationalities // McGraw-Hill Encyclopedia... P. 378.

²⁸ Initials of contributors` names // McGraw-Hill Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. N.Y., 1961.

²⁹ Russian Church // The Encyclopedia Americana. 1956. Vol. 24. P. 1–1d; Russian Church // Ibid. 1969. Vol. 24. P. 1–1d. — В изданиях 1994, 2005 гг. тоже помещена монографическая статья Г. Флоровского «Russian Church» («Русская церковь»).

полного представления о развитии догматики, иконописи и представить информацию о православных храмах.

При описании прошлого России зарубежными авторами возникает методологическая сложность, связанная с сопоставлением собственного опыта с чужим и познанием его через призму ценностей своей цивилизации. Существует иллюзия, что только собственная картина мира является единственно возможной и объективной. Бытует широко распространенное мнение, что в силу специфики российского исторического опыта реальности русской жизни никак практически не отразились на английском языке. Российские деятели науки и культуры по этому поводу часто пишут, что опыт, исходящий от России, даже отраженный с фотографической точностью, просто отскакивает от английского языка, не оставляя видимого следа на его поверхности, и вообще память одной цивилизации не может и не должна стать памятью другой. Ряд авторов полагают, что принципиальная непознаваемость чужого прошлого приводит к неизбежным искажениям при передаче опыта представителям другой цивилизации.

В современной лингвистике широко используется понятие *ксенонимы* для обозначения специфических элементов внешних культур. В современном английском языке на долю ксенонимов приходится примерно шестая часть общего словаря. Русская культура тоже оказала влияние на английский язык. Известный лингвист В.В. Кабакчи полагает, что около 2 000 русских ксенонимов вошли в английский язык, многие из которых отразили особенности исторического развития нашей страны. Автор разделил ксенонимы-русизмы на три группы. Первая включает широко известные базовые ксенонимы, их не более 50–75 из почти 1 000 ксенонимов внешних культур в современном английском языке. Вторая группа включает слова, вошедшие в словари большого и среднего размера, они составляют большую часть ксенонимов русской культуры. Третью группу составляют окказиональные ксенонимы. Редко используемые историзмы и термины науки входят в нее³⁰.

³⁰ Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 2004. С. 420–421.

В практике межкультурной коммуникации используются разные способы наименования элементов чужой культуры: заимствование, калькирование, описание, аналоги. При заимствовании обычно используется методика транслитерации. Историки-эмигранты широко использовали методы описания и аналогии. Как видно по их трудам, при прямом заимствовании российской исторической лексики выбор делался в пользу тех слов и терминов, которые не имеют аналогов в чужой речи и отражают своеобразие российской модели развития. Мы полагаем, что в условиях формирования единого информационного поля науки необходимо улучшить учебные планы подготовки историков, включив в них специальный курс по языковой подготовке историков. Назрела необходимость в создании современного словаря русизмов и терминов исторической науки на английском языке.

Е.В. Петров

РОЛЬ РУССКИХ ИСТОРИКОВ-ЭМИГРАНТОВ В СТАНОВЛЕНИИ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКИ В США

Формальным признаком укрепившихся позиций российской научной диаспоры в США в годы Второй мировой войны, можно считать рост общего числа периодических журналов, посвященных изучению России. Основное место в репертуаре русского эмигрантского книжного дела до 1940 г. занимала периодика, отразившая, в известной мере, все аспекты политических мнений, существующих разнообразных политических, военных, научных, литературных объединений. Русские газеты и журналы выходили во всех центрах русской эмиграции: по разным источникам их насчитывалось с 1919 по 1952 г. до 1 500 периодических изданий¹.

По словам издателей русской периодики в Америке, ежедневная циркуляция всех газет на русском языке в 1936 г. составляла не более 10 000 экземпляров в день. Вслед за эмигрантским потоком в военный период переместился из Европы в США и центр русских издательств и книг². Увеличившийся масштаб и размах славистических исследований в США требовал систематизации прошлого опыта, дальнейшего развития критики и библиографии. Появившиеся профессиональные журналы о России организационно и интеллектуально цементировали различные школы направления и подходы

© Е. В. Петров, 2012

¹ Всего же за 30-е гг. за пределами России выпускалось 1005 наименований газет и журналов, в которых публиковали свои произведения эмигранты всех поколений, размышлявшие о судьбах и будущем России (см.: Издательское и библиографическое дело Русского Зарубежья / М-во культуры Рос. Фед., СПб. гос. ун-т культуры и искусств, каф. общей библиографии и книговедения; Г.В. Михеева, И.А. Шомракова, П.Н. Базанов, И.Л. Полотовская. СПб., 1999.

² Русское книжное (издательское, книготорговое, библиотечное) дело постепенно сворачивалось и практически прекратилось в Европе к 1940 г.

Е.В. Петров. Роль русских историков-эмигрантов в становлении Славистической перио-

в едином ключе и содействовали процветанию в 1940–1950-е гг. американской руссики и советики. Многие из «русских европейцев», переселившиеся в Нью-Йорк, взамен прошлых журналов начали печатать новые.

Одним из первых русских изданий в Америке, посвященных историко-генеалогическим исследованиям, являлся журнал «Новик». Журнал воспринял традиции дореволюционной «Летописи Историко-Родословного Общества». В 1934 г. он был основан в эмиграции известным знатоком истории русского дворянства Л.М. Савеловым-Савелковым. Так как жизнь в Греции становилась все более затруднительной, по настоянию одной из дочерей Савелов-Савелков переехал в 1937 г. в США. Леонид Михайлович рассчитывал, что в Америке ему будет легче работать³. Переселение мэтра в США способствовало оживлению деятельности «тамошних» русских генеалогов. Л.М. Савелов поселился в Бэллвиллс, близ Детройта. В октябре 1937 г. в Нью-Йорке по его инициативе было создано Русское Историко-Родословное Общество. Оно приняло устав и методы работы былого московского историко-родословного общества. Л.М. Савелов являлся его председателем, а в 1938 г. — почетным членом. В конце 1938 г. Леонид Михайлович внес предложение сделать журнал «Новик» печатным изданием РИРО. Предложение было принято, и Л.М. Савелов-Савелков был назначен его редактором. С 1939 г. «Новик» был официальным органом РИРО и единственным в мире русским генеалогическим журналом за рубежом. Савелов исполнял обязанности редактора журнала до 1943 г. На этом посту его сменил Н.Д. Плешко⁴. Л.М. Савелов долго оставался деятельным вдохновителем родословных исследований, просвещенным советчиком многих генеалогов русского зарубежья. К сожалению, зрение его, с детских лет бывшее «неисправным», с течением времени становилось все слабее, что все более и более затрудняло его деятельность. Последние труды Савелова-Савелкова

---

³ В 1925 г. его дочь Елена выехала во Францию, а другая дочь, Вера, еще в 1923 г. отправилась в США, где вышла замуж за Илариона Иларионовича Бибикова.

⁴ С 1959 г. редактор В.Г. Сенютович-Бережной.

относятся к 1945 г. Он скончался 19 октября 1947 г. в Бэллвиле в возрасте 79 лет и похоронен на американском кладбище Уэйн, на окраине города Детройта⁵.

С 1945 г. журнал стал издаваться как ежегодник. Нью-йоркский отдел Союза русских дворян посвятил Савелову-Савелкову первый номер своего Генеалогического Сборника. Вот что писал об учителе Н.Д. Плешко: «В его работах всюду дышит бесконечная любовь к России, к ее прошлому, к ее старине, к ее славе...»⁶. «Мы признаем его деятельность выдающейся, которая ставит его на первое место среди всех русских генеалогов...»⁷.

Не менее знаменательным событием для славистического мира Америки стал переезд в США в 1941 г. редакции лондонского журнала «*Slavonic and East European Review*» (1941–1945). В 1941 г. его издание было передано комитету американских ученых, представляющих АИА. В Америке журнал обрел вторую жизнь. Треть сотрудников редакции состояла из русских эмигрантов. Сам по себе этот факт свидетельствует о новой роли, которую стали играть американские университеты в 1940-е гг. в качестве лидера славистических исследований. Возглавлял журнал профессор Колумбийского университета С.Х. Кросс. Ведущая роль в редакции принадлежала его заместителю профессору Л.И. Страховскому⁸. В редакционную коллегия входили Р. Якобсон, М. Карпович, Г. Вернадский, Ф. Мозли, Д.Р. Нойес, Дж.Т. Робинсон, Э. Симмонс, Дж. Хазард, Г. Фишер и др.

⁵ Мильцын А.Б. Л.М. Савелов в эмиграции // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. Кн. 1. М., 1994. С. 448–449.

⁶ К 50-летию юбилею историко-генеалогической деятельности Л.М. Савелова. 1940 г., Нью-Йорк // Новик: историко-генеалогический журнал / Русское историко-генеалогическое общество в Америке. Нью-Йорк. Основан Л.М. Савеловым-Савелковым в 1938 г.

⁷ Новик: историко-генеалогический журнал / Русское историко-генеалогическое общество в Америке. Нью-Йорк, 1947.

⁸ Русские оставались, как правило, на вторых ролях, по аналогии с Мореншильдтом, создавшим журнал «Русское обозрение», но вынужденным в плане привлечения большей популярности пользоваться именем одного из самых влиятельных специалистов по России, американского журналиста Чемберлина.

После войны англичане выразили недоумение по поводу ограничения публикаций американской стороной. В 1945 г. *Slavonic Review* вернулся в Лондон. Американцы продолжили публиковать серию под названием «*American Slavic and East European Review*».

Для первых и последующих лет существования многих американских славистических журналов характерно тесное сотрудничество с русскими эмигрантами. На волне всеобщего интереса к русским делам в Америке Дмитрий фон Мореншильдт, получивший к тому времени докторскую степень в Йельском университете, добился финансовой поддержки для издания журнала на английском языке «Русское обозрение» («*Russian Review*»). Журнал начал выходить в ноябре 1941 г. В первом номере «Русского обозрения» редакция декларировала своей целью «представить беспристрастную интерпретацию русской истории, цивилизации и культуры». В числе его активных издателей был профессор Гарвардского университета М.М. Карпович. Он наряду с У.Г. Чемберлином определял позицию и тематику первых номеров. Журнал знакомил американское общество с русской политикой, культурой и историей. Поскольку выпуск журнала, объективно освещавшего ситуацию в России, был тогда делом рискованным, он решил, что будет лучше, если его титульным редактором станет американский специалист. Фон Мореншильдт пригласил на эту должность У.Г. Чемберлина — журналиста и автора многих книг и статей о Советском Союзе⁹. Тот согласился

⁹ Уильям Х. Чемберлин (Chamberlin W. 1897–1969) — американский журналист-советолог, проживший значительную часть 30-х годов в Советском Союзе. Автор многочисленных работ по истории Октябрьской революции и гражданской войны в России, которые до сих пор остаются непревзойденными в США. Его сочувственное, хотя и трезвое, отношение к революционерам в сочетании с отличным знанием страны и многих выдающихся личностей революции позволило написать полноценный труд. После Второй мировой войны Чемберлин поменял свою умеренно-сочувственную позицию на антисоветскую (см.: *Chamberlin W. The Russian Revolution 1917–1921. Vol. 1. N. Y., 1935; Vol. 2. N. Y., 1957; N. Y., 1965, 2 vols.; The Short Life of Russian Liberalism // The Russian Review. 1967. Vol. 26. N 2. У.Г. Чемберлин высоко ценил деятельность русского историка-эмигранта Карповича, признавая в нем видного российского ученого-интеллектуала, который одновременно сказал «нет» царизму и коммунизму.*

и номинально возглавлял журнал до 1947 г. Его преемником, правда, на короткий срок, стал М.М. Карпович¹⁰.

Материалы, публикуемые в «Русском обозрении», расширяли источниковую и историографическую базу изучения истории России — СССР в США. Практически одновременно с англоязычным «Russian Review» в США возник «Ukrainian Quarterly» (проф. Н. Чубатый), «Armenian Review» (Рубен Дартияян). Многие из историков-эмигрантов вынуждены были совмещать профессиональную деятельность с обязанностями главного редактора. Наиболее типична в этом плане деятельность Милюкова, Мельгунова, Карповича, Савелова-Савелкова и Мореншильдта.

В 1942 г. эмигранты-меньшевики (Д. Даллин, Г. Аронсон, Л. Дан, Б. Двинов, Б. Николаевский, С. Шварц), переехавшие из Европы в Америку, начали в Нью-Йорке выпускать журнал «Социалистический вестник»¹¹. При журнале выходили отдельным тиражом брошюры, объединявшие продолжающиеся из номера в номер статьи, например, «Правда о власовцах: Проблемы новой эмиграции» Г.Я. Арансона. В них затрагивались вопросы истории общественной мысли в России. После Второй мировой войны на страницы «Социалистического вестника» были допущены эсеры — М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, В.М. Чернов. Этому способствовало подписание совместного эсеров-меньшевистского обращения «На пути к единой социалистической партии» (1952 г.). Идеи, высказанные на страницах меньшевистского журнала, оказали заметное влияние на советологические концепции зарубежных специалистов¹².

Самым популярным печатным органом русской эмиграции в США и за ее пределами оставался «Новый журнал». По мысли

¹⁰ Фон Мореншильдт, работавший заведующим редакцией с первых дней существования «Русского обозрения», стал титульным и главным редактором в 1949 г. и занимал эту должность до 1973 г.

¹¹ Издание продолжалось вплоть до 1963 г. После роспуска в 1940 г. меньшевистской заграничной делегации РСДРП, основанной Мартовым и его единомышленниками, журнал «Социалистический вестник» публиковался в Париже.

¹² Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр., Т. I. М., 1994. С. 367–368.

его издателей он призван был служить свободной русской культурной традиции, утверждению свободы человека и великой ценности исторической России. Первый номер «Нового журнала» вышел в 1942 г., когда русские эмигранты, покинувшие Европу и приехавшие в Америку, решили возобновить уничтоженные во Франции во время немецкой оккупации «Современные записки»¹³. Разумеется, прежнего журнала уже не было, но, желая сохранить связь с предшествующим изданием даже в названии, его основатели М.О. Цетлин и М.А. Алданов нарекли свое детище «Новым журналом» — под «старым» подразумевались ушедшие в историю «Современные записки». По рекомендации Бунина они обратились к двум историкам — Ростовцеву и Карповичу за помощью в редакторской работе¹⁴.

«Новый журнал» выходил, как правило, 4 раза в год. М. Алданов в 1943 г. вернулся в Европу, и, хотя его участие в журнале не прекратилось, он все больше отдалялся от редакторской работы. С пятого номера «Новый журнал» редактировали М. Цетлин и М. Карпович, который и остался единоличным редактором после смерти М. Цетлина в 1946 г. Во многом благодаря усилиям М.М. Карповича «НЖ» удалось сохранить¹⁵. По своему характеру М.М. Карпович был схож с Цетлиным и Алдановым, вспоминал о нем Роман Гуль: «Та же мягкость и такт в обращении со всеми людьми, то же внутреннее отталкивание от всякой резкости и любовь к философии англосаксонского компромисса. Политически Карпович был русским

¹³ «Современные записки» (1920–1940, 70 номеров) прежде всего служили интересам русской культуры. В журнале были различные отделы: исторический, экономический, политический, критико-библиографический. В нем печатались авторы различных партийных и политических направлений, всех объединяло признание Февральской и отрицание Октябрьской революции. «Несмотря на то, что журнал был организован членами одной партии, он имел широкую демократическую программу».

¹⁴ Для заведования литературно-художественным отделом планировалось пригласить И.А. Бунина. Из Нью-Йорка Алданов писал Бунину: «Можно будет выпустить книги две, а потом будет видно».

¹⁵ В 1946 г. М. Карпович стал его бессменным редактором, вплоть до своей смерти.

либералом, “рыцарем свободы и законности”, этот тип человека уже бесповоротно ушел из русской современной жизни¹⁶.

М. Карпович как редактор четко определил позиции своего издания (руководил с 11-го номера журналом): «На страницах нашего журнала нет и не может быть места для отрицателей свободы и проповедников нетерпимости, как нет его и для сторонников соглашательства с ними, но в этих широких пределах журнал наш представляет своим сотрудникам полную возможность высказывать самые разнообразные общественно-политические, философские или эстетические взгляды. Стремясь по мере сил и возможностей откликаться на политическую злобу дня, мы не хотим, однако, целиком уходить в злободневность, памятуя о том, что поддержание культурной традиции и признание автономии культуры являются необходимым условием духовного здоровья — и одним из могущественных средств в борьбе против тоталитарного варварства. На этих путях мы остаемся верны тому духу, в котором “Новый журнал” был задуман»¹⁷.

История создания Нового журнала вскоре обросла третейскими судами между его учредителями Алдановым и Цетлиным¹⁸. За свою историю «Новый журнал» несколько раз был на грани закрытия и всегда выживал только благодаря дотационной поддержке американских фондов, которые, по выражению Ф. Мозли, не могли себе позволить такую роскошь, чтобы преподнести подарок советской власти, убрав эмигрантский журнал. Мы знаем, что его редактор М. Карпович в 1950-е гг. мечтал о тысячном тираже, но не менее

¹⁶ Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Т. 3. Россия в Америке / Предисл. О. Коростелева. М., 2001. С. 141.

¹⁷ Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый Журнал» (США) // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124–135; № 6. С. 112–117.

¹⁸ «Дело» М.А. Алданова и М.С. Цетлин (1946–1949). 12 писем // ДМЦ КП-817/1–12. — В них дается полный финансовый расклад по изданию № 1–14 НЖ до 1947 г. До 50-х гг. журнал финансировала М.С. Цетлина (урожденная Тамаркина), жена первого главного редактора. В ответ на просьбу М. Алданова вернуть вложенные в организацию журнала средства она отвечает: «По вашим расчетам Вы внесли в кассу НЖ 350 \$, из которых 150\$ Вы просили Вам возместить... Общий дефицит НЖ по изданию первых 14 номеров выражается в сумме 1,094.91доллар» и т. д.

дически стоял вопрос о существовании журнала и необходимых субсидиях на его печатание. Широкой поддержки со стороны эмиграции, на которую первоначально рассчитывали, не было.

Редакция, подчеркивал Михаил Михайлович, добивалась привлечения «к сотрудничеству в журнале в пределах общей преданности идеям свободы и демократии представителей разных политических точек зрения, разных литературных направлений, разных мировоззренческих установок»¹⁹. Решительно отвергались любые виды и формы экстремизма левого и правого толка, тоталитаризма и непримиримости. Политическая направленность журнала была ориентирована на поддержку идеалов Февральской революции 1917 г., но вскоре сменилась осознанно надпартийной, аполитичной позицией солидного литературного органа русской эмиграции. «Новый журнал» есть орган коалиционный, со слов Алданова, и в нем печатаются статьи людей разных взглядов, разумеется, в известных пределах.

Своим успехом журнал во многом был обязан М.М. Карповичу, который одновременно совмещал работу декана и профессора Гарвардского университета с редакторской деятельностью. Почти в каждом номере «Нового журнала» он успевал написать иногда в поезде между Бостоном и Нью-Йорком очередной «Комментарий»²⁰. При М. Карповиче была создана «Корпорация Нового журнала», являющаяся фактическим и юридическим его издателем. Карпович привлек к сотрудничеству эмигрантов разных убеждений, сделал журнал чем-то вроде общего беспартийного органа демократических кругов эмиграции. Однако с начала 1950-х гг., вспоминает Г. Аронсон, «коалиция» стала разрушаться, и справиться с этим не мог даже такой «патентованный объединитель», как Карпович. Кризис журнала объяснялся деградацией, или, как Аронсон изящно выразился, «объективным фактом убыли общественной энергии эмиграции».

¹⁹ Новый Журнал. 1956. Кн. 44. С. 270.

²⁰ В каждом номере Карпович непременно помещал свой «Комментарий», в котором касался самых широких проблем культуры, политики, истории, философии и литературы.

В эпоху редакторства М.М. Карповича в журнале стали регулярно печататься исторические статьи, мемуары и хрестоматийные материалы. В разделе «Политика и культура» появлялись философские, богословские и общественные статьи и материалы Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Н.О. Лосского, Г.П. Федотова, С.Л. Франка, Л. Шестова, Н. Валентинова, В. Маклакова. На политические, исторические и экономические темы писали А.Ф. Керенский, Д.Ю. Далин, Г.В. Вернадский, М.В. Вишняк, С.П. Мельгунов, П.Н. Миллюков, Н.С. Тимашев, П.А. Сорокин, Б.И. Николаевский и многие другие. В «Новом журнале» была широко представлена литературная критика и библиография второй половины XX в. На его страницах печатались статьи и рецензии Г.В. Адамовича, Г.П. Струве, В.В. Вейдле, В.Н. Ильина, Ю.П. Иваска, Л.Д. Ржевского, Н.И. Ульянова. По инициативе Карповича с 29-го тома в структуре «НЖ» появился новый отдел — «Воспоминания и документы». В редакционном заявлении по этому поводу говорилось: «Выделяя воспоминания и документы в особый отдел, мы хотим подчеркнуть историческую и документальную ценность печатаемых в нем материалов, независимо от тех точек зрения, которые они отражают». В новом отделе под редакцией Карповича увидели свет мемуары, дневники, воспоминания политиков, ученых и письма деятелей культуры. Среди них — воспоминания А.Ф. Керенского, Ф. Степуна, Н. Евреинова, П. Миллюкова, Е. Кусковой и многие другие.

Раздел критики и библиографии вел сам Карпович, напечатав 27 отзывов с обзором 39 книг по проблемам истории России и ее культуры XIX и XX вв. Карповича часто приглашали в Нью-Йорк «тамошние» русские организации для лекций, бесед и всякого рода соvesчаний. Он никогда не отказывался от этих приглашений. В 1946 г. по его инициативе и под его председательством возникло общество друзей газеты «Новое русское слово» (редакция газеты испытывала финансовые трудности в послевоенный период)²¹.

²¹ Писать в «Новом Русском Слове» ни к чему: Осоргину они платят 2 долл. 50 за статью — подвал! Между тем прожиточный минимум здесь на двоих: 100 долларов. Вишняк уверяет, что тратит 85, но я что-то не верю, — плохо считает (см.: Из писем М.А. Алданова — А.И. Коновалову. Публикация А. Любимова (Мичиган) // Новый Журнал. 1995. Кн. 200. С. 231–243).

В 1956 г. фонд Форда прекратил финансирование журнала. 20 апреля 1959 г. Карпович пишет Аронсону, что не намерен брать деньги у центров «холодной войны», даже если они гарантируют полную редакционную свободу. «Новый журнал» принято считать вершиной издательской деятельности, который со временем стал самым крупным и самым авторитетным периодическим изданием диаспоры. Его вклад в русскую культуру, науку и литературу бесценен и многообразен²². Особая заслуга в этом принадлежит М.М. Карповичу.

Русским историкам-эмигрантам Америка во многом обязана становлением профессиональной славистической периодики. Журналы, по мнению А.В. Флоровского, имеет смысл рассматривать как составную часть общего плана консолидации разрозненных академических сил российской эмиграции. У Америки был на то свой прагматический интерес. Американцы поддерживали инициативы русской эмиграции в той мере, насколько та могла помочь объяснить текущий момент советской истории. (В качестве самостоятельной дисциплины история России американцами мало востребовалась, но как элемент языковой и страноведческой подготовки кадрового состава американской армии активно использовалась. Под это выделялись деньги, открывались университетские программы. Академическими исследованиями занимались единицы.) В 1943 г. стараниями историков-эмигрантов в Америке появилась специальная серия учебной литературы по истории России, которая унифицировала славистические знания и образовательные стандарты в данной области. «Разъясняя иностранцам русский вопрос, российская эмиграция исписала ворохи газетной бумаги». Журналы русской диаспоры в Америке позволили устранить проблемы обмена информацией как внутри научного сообщества профессоров-эмигрантов, так и с другими центрами в Европе. В данном случае русские американцы оставались приверженцами традиций русского зарубежья, признавая в качестве первостепенной важности общение с широкой читательской публикой.

Таким образом, несмотря на все трудности русского издательского дела за рубежом, уровень потребности в исторической литературе,

²² Ни один русский журнал за рубежом не издавался более 25 лет.

как и число потенциальных читателей, было до 1940 г. абсолютно благоприятным. Русское книжное дело, по справедливому замечанию основателя и редактора наиболее известного и влиятельного журнала начала 1920-х гг. «Новая русская книга» А.С. Яценко, имело «всемирный характер». «Для русской книги (в отличие от ее читателей) не было препятствий пограничных, не было границ. Для русской книги есть только один рынок — русская читающая публика, русские люди, где бы они ни жили»²³.

Заслуга русской печати в Америке в том, что она образовывала и воспитывала русскую колонию в духе приверженности к исторической родине, хотя не все газеты и не всегда стояли на желаемой высоте. Нужно отдать должное русской печати, так как американцы недолюбливают издания на иностранных языках и надеются, что они вместе с самими иммигрантами будут изжиты путем ассимиляции.

²³ Яценко А. Литература за истекшие пять лет // Новая русская книга. 1922. № 11–12. С. 1.

А.С. Крымская

РУССКИЕ КОМПАТРИОТЫ СРЕДИ АМЕРИКАНСКИХ СТАЖЕРОВ В СССР

Активное изучение американцами русской истории, так же как и русской литературы, связывают с русскими эмигрантами. Как отмечает Дэвид Энгерман в своей монографии «Знать своего врага: Взлет и падение американских советологов», целое двадцатилетие после окончания Второй мировой войны эта научная сфера была во многих отношениях русской¹. Многие историки-пионеры были эмигрантами (наиболее известные из них Г.В. Вернадский и М.М. Карпович), так же как и большинство их студентов. Более того, в изучении русской истории господствовали русские доводы и подходы. Студенты и последователи Михаила Карповича, например, рассматривали его как связующее звено между ними и В.О. Ключевским, а также старой традицией русской историографии². Такого же мнения придерживается Р.Ш. Ганелин, отмечая, что на этапе становления американской русистики влияние из России носило академический характер и определялось принадлежностью Г.В. Вернадского и М.М. Карповича, в частности, к подлинно ученой российской среде³. Более того, в развитии американской русистики приняли участие даже те русские эмигранты, которые к науке не имели прямого отношения, но были живыми свидетелями происходивших в России исторических событий. Так, например, ученик М.М. Карповича Леопольд Хэймсон отмечал огромное влияние на

© А.С. Крымская, 2012

¹ Engerman D. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. New York, 2009. P. 153.

² Ibid. P. 154.

³ Ганелин Р.Ш. Зарубежная русистика и советология в идеологической политике СССР // Россия и русистика новейшего времени: Тр. междунар. конф. памяти А.А. Фурсенко (1927–2008). 4–5 июля 2009 г. СПб., 2010. С. 32.

него Л.О. Дан⁴, с которой он жил рядом, и которая рассказывала ему об истории меньшевизма в России. Журнал «Russian Review», который был площадкой для американских русистов, в том числе и русского происхождения, основан русским эмигрантом Дмитрием фон Мореншильдтом. В 60-е годы и позднее американская русистика продолжала испытывать русское влияние через программы научных обменов, которые прошли несколько поколений американцев. Это происходило не только благодаря представлявшейся возможности работать в советских библиотеках и архивах, но в первую очередь через личные контакты, в частности, с теми профессорами, которые назначались американским стажерам в качестве научных кураторов.

Как писал в своих воспоминаниях Николай Рязановский: «На протяжении нескольких поколений мы, студенты по русистике и советологии, имели своеобразный и ограниченный опыт. Наши коллеги, занимающиеся европейской историей, занимались перспективными исследованиями как чем-то собой разумеющимся, в то время иногда по несколько лет подряд в выбранных ими странах, и свободно их изучали, и даже учились и получили там ученые степени. Нас по большей части не допускали к архивам, а часто и в страну, которую мы изучали, за исключением мучительным трудом установленных и крайне ограниченных научных обменов и конференций. <...> Мы были рады получить возможность для одного или двух десятков человек, и нам приходилось только надеяться, что в течение данного года не случится ничего неблагоприятного, что испортит наши шансы на следующий год»⁵. На последнее обстоятельство Н. Рязановский указывал по той причине, что в случае высылки одного стажера из страны — участницы соглашения по каким-либо причинам автоматически высылали одного участника обменов

⁴ Дан Лидия Осиповна (1878, Одесса — 1963, Нью-Йорк) — сестра известного революционера Ю.О. Мартова, жена одного из лидеров и теоретиков меньшевизма Ф.И. Дана, принадлежала к меньшевистской партии, эмигрировала в 1922 г.

⁵ *Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? // Adventures in Russian historical research: reminiscences of American scholars from the Cold War to the present / Ed by Samuel H. Baron and Cathy A. Frierson. Armonk, 2003. P. 3.*

из другой. Аналогично обстояло дело и с приемом. То есть всегда по обе стороны океана количество участников обмена должно было быть равным. Профессор Уильям Циммерман (William Zimmerman), бывший стажер Ленинградского университета 1965/66 учебного года, вспоминал, как он получил «добро» советской стороны на его нахождение в советском университете. Он стал предметом сделки между двумя сторонами: Соединенные Штаты отказали советскому инженеру, желавшему изучать паровые экскаваторы, поскольку в США не было университета, который занимался этими проблемами. Университет Иллинойса согласился принять советского кандидата и организовать для него посещение корпорации «Caterpillar», если Советский Союз примет У. Циммермана. Советская сторона приняла это предложение»⁶.

Соглашение об обменах в области науки, культуры и техники было подписано между СССР и США 28 января 1958 г.⁷ В области образования впервые было принято решение об обмене студентами выпускных курсов, преподавателями и профессорами университетов обеих стран. В разделе X Соглашения оговаривались условия обмена. В частности, отмечалось, что обе стороны обеспечат обмен студентами между Московским и Ленинградским университетами, с одной стороны, и американскими университетами — с другой стороны в количестве 20 человек с каждой стороны на 1958/59 учебный год. На 1959/60 учебный год это количество составит 30 человек. Кроме этого, в п. 2 заявлялось об обмене делегациями профессоров и преподавателей между Московским и Колумбийским, Ленинградским и Гарвардским университетами.

Раздел IX Соглашения был посвящен поездкам ученых и касался академий наук обеих стран⁸. Речь шла об обменах группами или

⁶ *Zimmerman W. E-mail автору от 17 августа 2010 г. — Темой У. Циммермана была советская историческая наука в американской истории после 1953 г.*

⁷ Правда. 1958. 29 янв.

⁸ Отдельное межакадемическое соглашение было подписано в 1959 г. По этому соглашению был предусмотрен обмен 30 научными сотрудниками с каждой стороны. В 1961 г. был принят рабочий документ об обмене учеными по общественным наукам между Академией наук СССР и Американским советом познавательных обществ. Эти соглашения предусматривали взаимное

отдельными учеными и специалистами для чтения лекций и проведения семинаров по различным проблемам науки и техники.

До 1973 г. научные обмены между СССР и США осуществлялись на основе двухгодичных межправительственных соглашений. Лишь в июне 1973 г. было подписано долгосрочное Общее соглашение между СССР и США о контактах, обменах и сотрудничестве периодом до 31 декабря 1979 г. На этой основе заключались трехгодичные программы обменов на 1974–1976 гг. и 1977–1979 гг.⁹

В первые годы обменов, а также накануне, когда у американцев появилась возможность посещать Советский Союз по туристическим визам¹⁰, нахождение иностранного ученого в Советском Союзе расценивалось как событие. Леопольд Хеймсон, посетивший впервые Москву и Ленинград летом 1956 г., отмечал, что можно было встречаться с кем хочешь и говорить о чем хочешь: «Большей свободы я до этого не испытывал никогда в своей жизни. Я встречался с Акимовым, Эренбургом, Оксманом, который только что вернулся из лагеря, Маршаком и его братом. Встречался я, между прочим, и с Хрущевым и Булганиным. <...> Нет, в первое лето после XX съезда никто не боялся встречаться со мной. Я звонил по телефону и говорил: «Я профессор истории Леопольд Хеймсон и хочу с Вами поговорить». Я летал, как птица, от встречи к встрече, характер которых был очень разнообразным»¹¹.

ознакомление с работами в различных областях науки и техники, чтение лекций, проведение совместных научных исследований, семинаров и научной работы в научных учреждениях обеих стран (Кулаков А.А. Академия наук СССР и научные учреждения США: взаимовыгодное сотрудничество // Международные научные связи. 1977. № 6. С. 106).

⁹ Алпатова И.В. Советско-американское сотрудничество в гуманитарных областях: проблемы и перспективы // США: Экономика. Политика. Идеология. 1978. № 5 (май). С. 65.

¹⁰ Так, Межуниверситетский комитет по выдачам грантов на поездки организовывал для американских ученых 30-дневные поездки в СССР. В период с 1955 по 1958 г., т. е. до подписания соглашения об обменах, около 200 ученых различных отраслей знаний посетили Советский Союз в качестве туристов.

¹¹ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном / Беседа вела М.Р. Зезина // Отечество. история. 2005. № 6. С. 185. — М.Р. Зезина, записавшая беседу, в ссылке отмечает, что, возможно, встреча Хеймсона

По воспоминаниям Николая Рязановского, все советские ученые в рамках дозволенного старались помочь: «Моя семья, особенно мой отец, были довольно хорошо известны, и мое следование по его стопам как американского профессора казалось полностью соответствующим. Кроме этого, я занимался научной работой и публиковал книги. Дело в том, что советские власти, по-моему, были особенно озадачены людьми, личность которых не могли установить до конца, а с установлением моей личности у них не было трудностей»¹². Аналогичное мнение высказывал Леопольд Хеймсон: «Они следили только первое время, пока мое поведение не стало привычным. Потом я уже им надоел»¹³. Все, кто занимался в Соединенных Штатах историей России / Советского Союза, были рады возможности посетить СССР. Хотя были и такие русские американцы, по наблюдениям Н. Рязановского, как Глеб Струве и Георгий Флоровский, которые отказывались и «ногой ступить в Советский Союз»¹⁴.

Подготовка исследований под руководством советских профессоров, доступ в советские библиотеки и архивы (хотя и с ограничениями), общение с советскими специалистами и людьми способствовали лучшему пониманию американскими учеными советской истории и советского образа жизни. Методы исторического исследования передавались не только через русских эмигрантов, но и через научных руководителей, к которым прикреплялись американские стажеры, находясь в Советском Союзе. Легче было внедриться в советское научное сообщество тем, кто отправлялся в СССР, заручившись в своей стране поддержкой и рекомендациями

с Ю.Г. Оксманом состоялась не в 1956 г., когда последний находился в Саратове, а в 1958 г., хотя и не исключает такой встречи летом 1956 г.

¹² Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 11. — Леопольд Хеймсон также отмечал, что следили только первое время, «пока мое поведение не стало привычным. Потом я уже им надоел» (Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном / Беседу вела М.Р. Зезина. С. 186).

¹³ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном // Беседу вела М.Р. Зезина.

¹⁴ Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 4.

русских эмигрантов, либо тем, кто по своему происхождению имел связь с Советским Союзом. Так, например, Л. Хеймсон перед отъездом в СССР получил от Б. Николаевского просьбу в случае поездки в Ленинград связаться с С.Н. Валком и передать ему привет. «Когда я пришел в Институт, — вспоминает Хеймсон, — Валк меня уже ждал в своем кабинете, но не один, а в компании Валентина Семеновича Дякина, которого он пригласил присутствовать при нашей встрече. Старик был очень рад и, конечно, хотел знать новости о Николаевском. После этой встречи началась моя дружба с Дякиным»¹⁵.

Для настоящей статьи мы отобрали участвовавших в обменных программах американских ученых, которые имели русские корни. Все они стали известными историками не только в своей стране, но и в России. Это Николай и Александр Рязановские, Леопольд Хеймсон и Александр Рабинович. Начало их научной деятельности приходится на 1950–1960-е годы — на время, когда активно развивалась американская русистика.

В числе первых русских компатриотов, приехавших по соглашению 1958 г. в Советский Союз в рамках программы обменов аспирантами, был один из братьев Рязановских — Александр.

Александр Рязановский родился в 1928 г. Окончил Орегонский университет. В 30-летнем возрасте прибыл на стажировку в Московский университет с темой «Чернышевский и его влияние на советскую современную мысль»¹⁶. Его научным руководителем в МГУ был назначен Борис Александрович Рыбаков¹⁷. В 1960 г. в Стенфордском университете А. Рязановский защитил докторскую диссертацию по истории России средних веков. Был профессором русской истории Пенсильванского университета¹⁸. Также известен

¹⁵ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном // Беседа вела М.Р. Зезина. С. 190.

¹⁶ Как писала газета Times, средний возраст первых американских стажеров составлял около 30 лет (US students in Russia // Time. 1962. Nov. 30).

¹⁷ Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 7.

¹⁸ Среди работ А. Рязановского: Generalizations in historical writings / ed., a. with introd. By Alexander V. Riasanovsky and Barnes Riznik. Philadelphia: Univ. of

как поэт¹⁹. На вопрос, почему он начал писать стихи, Александр Рязановский ответил: «Возможно, все началось с переводов русской поэзии для моего курса по русской литературе — русские поэты, которые сидели на моих лекциях, несколько воодушевленно предложили: “Зачем переводить? Пиши свои стихи”»²⁰.

Большей известности в научной среде достиг его старший брат Николай, о чем свидетельствуют список его научных трудов и рецензий на его работы, а также цитирование его работ в литературе. Кроме этого, благодаря нескольким статьям биографического характера, написанным самим Н. Рязановским, и его участием в проекте «oral history» Калифорнийского университета в Беркли представляется возможным дать общую характеристику его творческой деятельности.

Николай Валентинович Рязановский (1923–2011) родился в Харбине. Первый язык, на котором он заговорил, был французский, которому его обучила в Харбине гувернантка. Английский и русский языки Николай Рязановский стал изучать в школе Христианской ассоциации молодых людей²¹. Всеми тремя языками Н. Рязановский владел в равной степени, отмечая: «Рано начав, я сегодня не могу сказать, на каком языке я читаю из этих трех языков — русском, английском или французском, пока я не остановлюсь и не задумаюсь»²². Кроме этих языков, Н. Рязановский читал на немецком, итальянском, церковнославянском, латинском и классическом греческом. Свое знание истории Рязановский связывал с отцом, а знание литературы — с матерью.

Отец Николая и Александра Рязановских — Валентин Александрович Рязановский (1884–1968) — выходец из России,

Pennsylvania, 1963; Readings in Russian history / Alexander Riasanovsky, William E. Watson. Dubuque, Iowa: Kendall/Hunt Pub. Co., 1991–1992. 3 v.

¹⁹ Рязановский А.В. Строчки с того берега. М., 1992.

²⁰ Reading of Original Poetic Works Alex Riasanovsky [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eckerd.edu/olli/events/OLLISpeakers.php>

²¹ Христианская ассоциация молодых людей (Young Men's Christian Association — ИМКА) — молодежная религиозная организация, основанная в Лондоне в 1844 г. В Харбине существовала Русская ИМКА.

²² Riasanovsky Nicholas V. Professor of Russian and European Intellectual History, University of California, Berkley, 1957–1997. 1998. P. 8.

родился в Костромской губернии, где окончил Костромскую гимназию, затем учился в Московском университете (был студентом В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова), который окончил в 1908 г. Находясь на стажировке в Германии, изучал историю, философию и право. В 1914/15 учебном году занимал должность приват-доцента в Ярославском Демидовском юридическом лицее по кафедре гражданского права. В 1917 г. защитил диссертацию на степень магистра гражданского права в Донском (бывш. Варшавском) университете. В 1918–1922 гг. — профессор в университетах Иркутска, Томска, Владивостока. В 1922 г. эмигрировал в Китай. В 1922–1934 гг. — профессор гражданского права на юридическом факультете в Харбине и в Тяньцзине, в 1924–1929 гг. — декан юридического факультета. В качестве декана способствовал открытию при факультете в 1925 г. экономического отделения, а в 1926 г. восточного отдела. Валентин Рязановский написал ряд очерков и статей по гражданскому праву и процессу, напечатал ряд работ по монгольскому и китайскому праву²³. Как отмечает в своих воспоминаниях Николай Рязановский, отец начал свою научную карьеру с исследований по русскому наследственному праву и закончил ее четырехтомной историей по русской культуре²⁴.

Мать братьев Рязановских — Антонина Рязановская (1895–1985) родилась в Полтавской области. Закончив историко-филологическое отделение Бестужевских курсов в Петрограде, переехала в Харбин, где ее и застала Октябрьская революция. Там она преподавала русский язык и литературу в местной гимназии. Там же в 1923 г. вышла замуж за Валентина Александровича Рязановского. В 1938 г. семья Рязановских переехала в США.

²³ Рязановский В.А. Наследование полнородных, единокровных и единоутробных братьев и сестер в благоприобретенном имуществе (ст. 1140, т. X, ч. 1. Ярославль: тип. Губ. правл., 1916; О посмертном преемстве супругов по русскому праву: Историко-догматический очерк. Н. Новгород: Г.И. Сергеев и В.Е. Чешихин, 1914; Монгольское право (преимущественно обычное): ист. очерк. Харбин: тип. Н.Е. Чинарева, 1931; и др.

²⁴ Riasanovsky Nicholas V. On History, Historians and an Historian // Russian History / Histoire Russe. 1988. Vol. 15. N 2–4. P. 416.

В США Антонина Рязановская писала книги под псевдонимом Нина Федорова, стала профессором русской литературы и языка в Университете Орегона. В 1940 г. вышел ее роман «Семья» на английском языке. За историю о жизни русских эмигрантов в Тяньцзине, проблеме отцов и детей Антонина Рязановская получила премию американского журнала «Атлантический ежемесячник». Роман был переведен на двенадцать языков. В 1952 г. Нина Федорова выпустила роман в Нью-Йорке на русском языке.

С 1939 по 1949 г. Николай Рязановский учился в университетах Орегона, Гарварда и Оксфорда. С 1943 по 1946 г. служил в армии. Самый первый курс по русской истории он прослушал в Гарварде у Михаила Карповича, посещал его семинар. Среди тех, кто в то время учился вместе с ним, были Марк Раев, Ричард Пайпс, Дональд Тредголд, Ханс Роггер и Мартин Малиа. Как заметил Н.Н. Болховитинов: «Именно в семинаре у Карповича после Второй мировой войны сложилась “совершенно исключительная” группа учеников, которая затем “в течение нескольких десятилетий контролировала изучение русской истории” в США»²⁵. Н.Н. Болховитинов также цитирует слова Н. Рязановского из письма к Г.В. Вернадскому, которые демонстрируют, насколько значимым было влияние русских историков-эмигрантов на формирование американской русистики: «Мое поколение историков является прямым учеником и последователем Вас, Михаила Михайловича и немногих других выдающихся историков России нашего времени. Надеюсь только, что мы сумеем плодотворно продолжить Вашу работу»²⁶.

В 1947 г. Н. Рязановский окончил Гарвардский университет. Получив стипендию Родса, он учился у И. Берлина и Б.Х. Самнера в Оксфорде, где написал и защитил в 1949 г. докторскую диссертацию на тему «Россия и Запад в учении славянофилов».

Педагогическая деятельность Рязановского началась в Университете штата Айова в 1949 г., где он преподавал историю России до своего перехода в 1957 г. в Калифорнийский университет в Беркли.

²⁵ Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. С. 95.

²⁶ Цит. по: Там же. С. 109.

Был членом редколлегии журнала «Славянское обозрение», членом Американской ассоциации историков. В 1973–1977 гг. занимал пост президента Американской ассоциации развития славяноведения. В 1995 г. стал лауреатом палаты славы Конгресса русских американцев (КРА).

Первая публикация Н. Рязановского появилась в 1947 г. в журнале «Russian Review». Она была посвящена норманнской теории происхождения русского государства²⁷. В начале своего творчества Н. Рязановский сотрудничал со своим отцом, помогая ему в подготовке исторических обзоров по русской культуре и русской научной мысли, о чем свидетельствуют две работы, зафиксированные в указателе его трудов²⁸. Как отмечалось позже в одной из рецензий, это сотрудничество послужило своего рода направлением к основным интересам его научной карьеры — истории идей в России в первой половине XIX в.²⁹

Наличие опубликованного списка трудов Н. Рязановского позволяет дать некоторую библиометрическую оценку его творчества. За период с 1947 по 1983 г. библиография Николая Рязановского насчитывала 206 названий, включая переиздания, репринты и переводы³⁰. Из них 7 монографий, в том числе 3 переиздания. Более половины работ, опубликованных в течение этого времени, составляют рецензии. Так, в первое творческое десятилетие (1947–1956) из 22 публикаций — 14 рецензий, во второе (1957–1966) из 82 работ — 48 рецензий, в третье творческое десятилетие (1967–1976) из 57 — 44 рецензии, в 1977–1983 гг. из 34 — 23 рецензии. В 1998 г. в рамках

²⁷ *Riasanovsky Nicholas V.* The Norman Theory of the Origin of the Russian State // *Russian Review*. 1947. N 7. P. 96–110.

²⁸ *Riasanovsky V. A.* Obzor russkoi kul'tury: Istoricheskii ocherk. Chast' pervaiia. New York, 1947. [639] p. Chast' vtoraiia. Vypusk pervyi. New York, 1947 557 p.; Chast' vtoraiia. Vypusk vtoroi. New York, 1948. 213 p.; *Riasanovsky V. A.* Razvitie russkoi nauchnoi mysli v XVII–XX st. (Nauki o prirode). New York, 133 p.

²⁹ *McKean R. B.* [Rev.] // *Europe-Asia Studies*. 1996. Vol. 48, № 5 (Jul.). P. 870. — Рец. на: *Riasanovsky Nicholas V.* Collected Writings 1947–1994. Los Angeles: Charles Schlacks, Jnr, 1994. vii+312 p.

³⁰ *Kasinec E., Molloy Molly.* Nicholas V. Riasanovsky: A Bibliography // *Russian Review*. 1984. Vol. 43, N 1 (Jan.). P. 55–72.

проекта «oral history» было составлено продолжение списка трудов Н. Рязановского за 1984–1993 гг., который включил 50 названий³¹. Таким образом, по состоянию на 1993 год общее количество его работ составляло свыше 250 единиц.

Уже в первое творческое десятилетие вышла первая монография Н. Рязановского — «Россия и Запад в учении славянофилов» (Кэмбридж, 1952), которая выросла из докторской диссертации³². Книга была опубликована при поддержке М. Карповича, о чем свидетельствует письмо Н. Рязановского от 23 июля 1950 г.: «Очень большое спасибо за Ваше письмо и особенно за добрый отзыв о моей работе, а также за подробное указание о том, как улучшить работу и приготовить ее для печати. Нечего и говорить, что в этом деле с Harvard University Press я всем обязан Вам (вообще ведь я отправился учиться в Гарвард, так как Вы там преподаете)»³³. В рецензии на эту книгу в 1953 г. отмечалось, что это было первым исследованием славянофильства в США³⁴. В другой рецензии книга называлась новаторским исследованием не только с точки зрения выбранной темы, но и по наличию первоисточников и комментариев³⁵.

Через 7 лет вышла вторая монография Н.В. Рязановского, которая была посвящена Николаю I и «официальной народности» в России (1825–1855)³⁶. Как и первая книга, эта работа вышла не без

³¹ *Riasanovsky Nicholas V.* Professor of Russian and European Intellectual History, University of California, Berkeley, 1957–1997. 1998.

³² *Russia and the West in the teaching of the Slavophiles: a study of romantic ideology.* Cambridge, 1952. — В 1965 г. вышло второе издание: *Russia and the West in the Teaching of the Slavophiles: A Study of Romantic Ideology.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1965. 244 p. (Harvard Historical Studies, 6 1). В 1954 г. монография вышла на немецком языке: *Russland und der Westen: Die Lehre der Slavophilen. Studie über eine romantische Ideologie.* Translated by Josef Hahn. München: Isar Verlag, 1954.

³³ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. С. 98.

³⁴ *Tompkins Stuart R.* [Rev.] // *Books abroad*. 1953. Vol. 27. N 3 (Summer). P. 311.

³⁵ *Somerville J.* [Rev.] // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1956. Vol. 17. N 2 (Dec.). P. 271.

³⁶ «Nicholas I and official nationality in Russia, 1825–1855» (Berkeley, 1959).

помощи М. Карповича, который в своем письме Н. Рязановскому оценил рукопись следующим образом: «Она содержит богатый материал, который до этого использовался недостаточно и в большинстве случаев практически оставался неизвестным англоязычным читателям. Материал прекрасно организован? и главы превосходно написаны»³⁷. По мнению рецензентов, книга будет очень полезной для англоязычных студентов русской истории. Кроме этого, она была знаком тенденции, наблюдающейся среди молодых американских историков России, — возвращения к изучению дореволюционного прошлого России и ухода от изношенных тем о революционном движении к менее захватывающему, но недооцененному вопросу государственного управления³⁸. Всего на эту монографию, по нашим данным, вышло 8 рецензий, включая рецензию в «Вопросах истории»³⁹.

На второе творческое десятилетие приходится участие в подготовке международной энциклопедии «Encyclopedia International», для которой Н. Рязановский написал 17 статей, посвященных ключевым фигурам XIX в.⁴⁰

В 1963 г. вышел в свет учебник «История России», позже неоднократно переиздаваемый с небольшими дополнениями⁴¹. По этому учебнику училось не одно поколение американцев. Его называют «американским стандартом по обучению русской истории в годы холодной войны»⁴². Еще в 1964 г. на первое издание учебника

³⁷ Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. С. 99.

³⁸ *Seton-Watson H.* [Rev.] // *The Slavonic and East European Review*. 1960. Vol. 39, N 92 (Dec.). P. 259–260.

³⁹ *Федоров В.А.* [Рец.] // *Вопр. истории*. 1960. № 8. С. 177–183.

⁴⁰ *Kasinec E., Molloy Molly.* Nicholas V. Riasanovsky: A Bibliography // *Russian Review*. 1984. Vol. 43, N 1 (Jan.). P. 62.

⁴¹ *Riasanovsky Nicholas V.* A History of Russia. New York: Oxford University Press. xviii, 711 p.; 2nd ed. 1969. xviii, 748 p.; 3rd ed. 1977. xx, 762 p.; На итал. яз.: *Storia della Russia / Translated by Daniele Morante from the second edition. Illustrations by G. S. Castelbolognesi.* Milan: Garzanti, October, 1967.

⁴² *New York Times*. 2011. May 29. http://www.nytimes.com/2011/05/29/world/europe/29riasanovsky.html?_r=1

в одной из рецензий указывалось, что, несмотря на то, что вышло много однотомных историй России и еще выйдет в будущем, работа Н. Рязановского определенно будет продолжать занимать высокое место среди них⁴³. Через полнотекстовую базу данных JSTOR нам удалось выявить 15 рецензий на этот учебник.

Третье творческое десятилетие отмечено выходом монографии об учении Фурье⁴⁴, которому еще ранее Рязановский посвятил несколько статей⁴⁵. В одной из рецензий на эту книгу говорилось, что она должна стоять на полках любого, кто интересуется социальной теорией и историей идей⁴⁶. В другой рецензии работа называлась первым общим исследованием взглядов Фурье на английском языке⁴⁷.

В 1988 г. в статье «Об истории, историках и историке» Н. Рязановский раскрыл причины своего обращения к исторической науке и то, как зарождались его первые книги: «Люди изучают и пишут историю, когда у них есть вопросы, на которые нужно ответить. Вопросы могут быть сложными или простыми и в определенном смысле комичными. По крайней мере, таким был мой опыт в написании книг и статей. Первая книга “Россия и Запад в учении славянофилов: изучение идеологии романтизма” происходила из видения структуры славянофильства, которое у меня было однажды утром, когда я брился⁴⁸. Вторая книга “Николай I и «официальная народность» в России (1825–1855)” стремилась ответить на очевидный простой вопрос, а именно: что такое “официальная народность”. На самом деле, в течение многих лет и особенно, когда я писал о славянофилах, я видел многочисленные ссылки на официальную

⁴³ *Degras Jane.* [Rev.] // *International Affairs*. 1964. Vol. 40. N 1 (Jan.). P. 125.

⁴⁴ *The Teaching of Charles Fourier.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969. xii, 256 pp.

⁴⁵ *Fourierism in Russia: An Estimate of the Petrusevsky.* ASEER, 12(3):[289]-302, 0; *L'Emploi de Citations Bibliques dans L'Oeuvre de Charles Fourier,* Archives de Sociologie des Religions, 20:31–38; *Fourier, Francois Marie Charles,* The Encyclopedia of Philosophy. Vol. 3, P. 215–216. Edited by Paul Edwards. New York: MacMillan Company and The Free Press; *Fourierism in Russia,* MERSH, 11:226–228.

⁴⁶ *Coser Lewis A.* [Rev.] // *American Journal of Sociology*. 1971. Vol. 76. N 5 (Mar.). P. 932.

⁴⁷ *Harbold William H.* [Rev.] // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. N 2 (Jun.). P. 422.

⁴⁸ Интересно, идет ли здесь речь о структуре диссертации или книги, которая была подготовлена на основе диссертации.

народность, но все еще оставался с чувством, что другие знали, что это такое, а я не совсем. Понадобилось прежде понять, что никто в действительности не изучал это, и написать первую книгу по этой теме, опубликованную в издательстве Калифорнийского университета в 1959 г. Учение Шарля Фурье интересовало меня с детства, и таким образом было логично, так сказать, что я, в конце концов, написал книгу, пытаюсь установить, чем это учение было на самом деле в отличие от его влияния на другие учения и от того, что другие говорили о нем»⁴⁹.

В одном из своих интервью Рязановский рассказывал о своем стиле работы над книгами и статьями: «К тому времени как я печатаю, у меня она [книга, статья. — А.К.] обычно полностью в голове, поэтому я печатаю почти под собственную диктовку. Интересным результатом этого является то, что первая версия — всегда последняя версия. <> когда я начинаю писать, скажем, статью, я планирую написать ее в январе, а в феврале написать второй вариант, в марте третий, а потом отправить ее. Ничего не происходит в феврале и марте. <> в моем случае, редакторам не приходится делать много»⁵⁰.

В последующие годы вышли монографии Н. Рязановского о правительстве и обществе в России в первой половине XIX в.,⁵¹ образе Петра I в русской истории и мысли⁵² и русской идентичности⁵³. В 1993 г. вышел сборник его работ, в который вошли статьи, изданные в разные годы⁵⁴.

Николай Рязановский неоднократно приезжал в Советский Союз, в том числе и по программам обменов между учеными СССР

⁴⁹ *Riasanovsky Nicholas V. On History, Historians and an Historian. P. 415.*

⁵⁰ *Riasanovsky Nicholas V. Professor of Russian and European Intellectual History, University of California, Berkley, 1957–1997. 1998. P. 240.*

⁵¹ *Riasanovsky Nicholas V. A parting of ways: government and the educated public in Russia, 1801–1855. Oxford: Clarendon Press, viii.*

⁵² *Riasanovsky Nicholas V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York, 1985.*

⁵³ *Riasanovsky Nicholas V. Russian identities: a historical survey. Oxford; New York, 2005.*

⁵⁴ *Riasanovsky Nicholas V. Collected Writings, 1947–1994. Los Angeles, 1993.*

и США, о чем написал в воспоминаниях⁵⁵. Здесь он работал над книгой о Петре I, когда советские ученые пытались его убедить не заниматься этой темой⁵⁶. Здесь он обсуждал свою книгу о Фурье с советским специалистом И.И. Зильберфарбом. Николай Рязановский превосходно говорил на русском языке. Именно поэтому незнакомые люди не сразу распознавали в нем американца. Так, однажды он попросил в валютном магазине «Березка» отложить до полудня деревянную игрушку, поскольку его ждала машина Академии наук, на что продавщица ему ответила: «Это не для таких, как Вы, это — для иностранцев»⁵⁷. В другой раз, когда он с французским коллегой пил кофе в Метрополь-отеле, управляющая несколько раз обращалась к Н. Рязановскому, заявляя: «Вы понимаете, товарищ, кофе только для иностранцев». После очередной заказанной чашки кофе она со злостью в голосе произнесла: «Я Вам сказала, неужели не ясно, что кофе только для иностранцев?». Лишь после третьей чашки Н. Рязановский признался ей, что он американец⁵⁸.

Н. Рязановский всегда поддерживал научные обмены и выступал в их защиту, отмечая, что «в изоляции многие из наших аспирантов стали думать о темах по русской истории с точки зрения двух-трех книг, доступных на английском языке»⁵⁹. Сам он всегда старался сопровождать свои работы богатой библиографией, что неоднократно отмечали его рецензенты.

Находясь в Советском Союзе, Н. Рязановский установил не только творческие, но и дружеские отношения со многими советскими учеными, среди которых были П.А. Зайончковский, Б.С. Итенберг, Б.А. Рыбаков, В.Б. Вилинбахов и др.

Второй русский компатриот, посетивший Советский Союз по приглашению об обменах, — Леопольд Хеймсон (1927–2010). Его отец Самуил Хеймсон родился в г. Борисов, который являлся местом

⁵⁵ *Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 3–19.*

⁵⁶ Об этом см.: *Riasanovsky Nicholas V. My historical research in the Soviet Union: Half-empty or half-full? P. 13–15.*

⁵⁷ *Ibid. P. 7.*

⁵⁸ *Ibid. P. 13.*

⁵⁹ *Ibid. P. 4.*

оседлости евреев. Он поступил в Варшавский университет и получил ученую степень в области стоматологии. Он никогда не практиковал лечение зубов, но наличие степени позволяло евреям поселиться в Петербурге. К началу 1917 г. Самуил Хеймсон имел достаточно денег, чтобы оказывать финансовую поддержку кадетской партии, хотя, по словам Л. Хеймсона, отец никогда не был вовлечен в ее деятельность ни до, ни после революции. Он занимался оптовой торговлей мехами с Бельгией, а в свободное время переводил на русский язык еврейского поэта и прозаика Хаима Нахмана Бялика и еврейского поэта Шаула Черниковского. Некоторые из переводов были опубликованы в 1940-е годы в «Новом журнале».

Мать Л. Хеймсона — Елена Павловна Брискер родилась в Челябинске в ассимилированной еврейской семье. В 1917 г. она с родителями жила в Петербурге и посещала в университете лекции по французской литературе. Как отмечал Л. Хеймсон, между происхождением родителей существовали резкие отличия, и они, вероятно, никогда бы не встретились, если бы не приход к власти большевиков. В ходе последующей Гражданской войны Самуил Хеймсон и Елена Брискер, как и тысячи других, бежали в Харбин. Когда мать познакомилась с отцом в Харбине, то он пообещал ей, что они поедут в Париж и поселятся там. Так и произошло, но спустя какое-то время им пришлось переехать в Брюссель, где в 1927 г. родился Леопольд Хеймсон. Вскоре семья бежала от нацистов вначале на юг Франции, а в 1940 г. в США.

С 1942 по 1945 г. Леопольд Хеймсон учился в Гарвардском университете. Воспитание в семье и общение на французском языке определили его дальнейший выбор в пользу изучения французской истории. Хотя уже в то время он прослушал курс по русской истории у Михаила Карповича, что повлияло на возникновение у него интереса к истории интеллигенции. При этом Хеймсон никогда до этого формально русский язык не изучал. Как он отмечал, родители использовали русский язык только для выяснения отношений между собой⁶⁰. Лишь в 1945 г. в 18-летнем возрасте он прошел 6-недельные

⁶⁰ В одном из интервью на вопрос «Вы себя ощущаете космополитом?» Л. Хеймсон ответил: «Если определить мою первую национальную культуру, то

курсы русского языка в Колледже Миддлбери в Вермонте, на которых преподавали русские эмигранты.

Выбор Хеймсоном русской истории был сделан в результате победы Красной Армии над фашистской Германией. Тогда только что вернувшийся в Гарвард из Управления стратегических служб Крейн Бринтон прочитал бакалаврскую диссертацию Хеймсона и выдвинул его для участия в юношеском конкурсе Гарвардского общества стипендиатов, в котором председательствовал. Но победить в этом конкурсе тогда Хеймсону помешало слабое знание русского языка.

Несмотря на то что в Гарварде Хеймсон формально являлся аспирантом М. Карповича, с 1945 г. он работал под руководством американского антрополога, этнографа и социолога Маргарет Мид, которая руководила группой, занимавшейся прикладной культурной антропологией. В течение 5 лет Хеймсон участвовал в проекте по изучению структуры советского общества и параллельно занимался кандидатской диссертацией. По словам Хеймсона, в период подготовки диссертации он ни разу не консультировался с Карповичем, полагая, «зачем его мучить по тематике, которой он не занимался», и показал диссертацию ему лишь тогда, когда она была готова⁶¹.

В первый раз Л. Хеймсон приехал в Советский Союз, как уже было сказано выше, летом 1956 г.: «Это была туристическая группа из 6 человек, все — американские специалисты по России, все говорили по-русски. Среди них был З. Бжезинский, других я не помню. Мы были молодыми людьми, мне и Бжезинскому в то время было по 29 лет. В группу было попасть трудно, ее формировал Научный совет по общественным наукам, который и финансировал поездку»⁶².

Ко времени своего первого приезда в Советский Союз Хеймсон был уже ассистентом профессора Чикагского университета и автором книги «Русские марксисты и происхождение большевизма»⁶³,

это французская культура. На втором месте Россия, потом весь остальной мир и в последнюю очередь Соединенные Штаты» (Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном / Беседа вела М.Р. Зезина. С. 194).

⁶¹ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном. С. 187.

⁶² Там же. С. 185.

⁶³ Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge, Mass., 1955. viii.

получившей в 1956–1957 гг. 7 рецензий. С 1956 г. Хеймсон вел семинар по истории революционного движения в России.

Когда он вернулся в Соединенные Штаты из своей первой поездки в СССР, американский ученый Александр Эрлих собрал вокруг себя специалистов по новейшей русской истории для проведения исследования по истории меньшевизма, которое быстро получило поддержку от Фонда Форда в виде гранта. Кроме Хеймсона в группу входили Мерл Фейнсон, Марк Раев и др. В рамках этого проекта Хеймсон брал интервью у меньшевиков, в числе которых были Л.О. Дан и Б. Николаевский. С Лидией Осиповной Дан Л. Хеймсон провел 22 интервью, в ходе которых она рассказывала о своей жизни. Как он вспоминал: «Обычно мы сидели у нее дома, пили чай, обсуждали по-французски современное международное социалистическое движение, разные события, в которых она участвовала»⁶⁴. В ходе этого проекта, начавшегося в 1959 г., был собран громадный материал. Так называемая «Хеймсоновская» коллекция хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Результаты были опубликованы Л. Хеймсоном в нескольких монографиях, также под его руководством вышло несколько сборников воспоминаний⁶⁵.

⁶⁴ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном / Беседа вела М.Р. Зезина. С. 189.

⁶⁵ Среди них: *Zhordania Noah*. Moia Zhizn' [My life] / translated from the Georgian by Ina Zhordania. Preface by Leopold Haimson. Stanford: Hoover Institution, 1968; *Uratazde G*. Vospominaniia gruzinskogo sotsial-demokrata [Reminiscences of a Georgian Social Democrat] / Preface by Leopold Haimson. Stanford: Hoover Institution, 1968; *Dvinov B*. Ot legal'nosti k podpol'iu [From Legality to the Underground]. Supplement: *G. Kuchin-Oranskii*. Zapisky (notes on Menshevik Underground Activities in Russia in 1923–1924) / Preface by Leopold Haimson. Introduction by Boris Sapir. Stanford: Hoover Institution, 1968; *Schwarz Solomon M*. The Russian Revolution of 1905. The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism / General editor Leopold H. Haimson. Vol. 1. London, 1967; *Bourguina A.M*. Russian Social Democracy: The Menshevik Movement: A bibliography / Preface by Leopold H. Haimson. Stanford: Hoover Institution, 1969; *The Mensheviks: From the Revolution of 1917 to the Second World War* / Ed. by Leopold H. Haimson. Chicago, 1974; *The Politics of Rural Russia, 1905–1914* / Ed. by Leopold H. Haimson. Bloomington: Indiana University Press, 1979; *The Making of Three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past* / Eds. Leopold H. Haimson, Richard Wortman; Introduction

Во второй раз Хеймсон приехал в СССР в 1960 г. с целью приобретения книг для библиотеки Чикагского университета. С этого времени у него завязываются отношения с советскими коллегами. Особо он выделял Ленинградское отделение института истории, где после перестройки часто выступал с лекциями и установил тесные связи с историками. «Я чувствовал себя там совершенно как дома», — говорил он.

Первая статья Хеймсона на русском языке вышла в 1965 г. В 1966 г. он выступал в Институте истории с докладом «Размышления по поводу историографии нового революционного подъема в России (1912–1914 гг.)». Большинство его работ, опубликованных на русском языке, приходится на 90-е гг.⁶⁶ В 2009 г. на русском языке был издан сборник по истории меньшевизма «Меньшевики: от революций 1917 г. до Второй мировой войны»⁶⁷.

Как и для многих стажеров, приезжавших в Советский Союз, для Леопольда Хеймсона был важен доступ в архивы. В середине 1960-х гг. был открыт специальный зал для иностранцев. В интервью Хеймсон рассказывал, что в первый раз, когда он получил доступ в архивы, он приехал на месяц или два, но остался почти на целый год: «Я начал

by Leopold H. Haimson, notes by Ziva Galili y Garcia. Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Editions de la Maison des sciences de l'homme, 1987. ix; *Strikes, Wars, and Revolutions in an International Perspective: Strike Waves in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries* / Ed. by Leopold Haimson and Charles Tilly. Cambridge: Cambridge University Press; Paris, 1989. xiv, 536; *Haimson Leopold H*. Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. New York, 2005. Хххiv/

⁶⁶ Хеймсон Л. Об истоках революции // Отеч. история. 1993. № 6. С. 3–15; *Меньшевики*, политика и проблема власти в 1917 году // Россия 21. М., 1997. № 7/8. С. 139–168; № 9/10. С. 130–160; № 11/12. С. 134–172; *Меньшевики* и большевики в октябрьские дни 1917 г. // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000. С. 310–322; *В.И. Ленин*. Ю.О. Мартов и вопрос власти в 1917 г. // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5 (123). С. 216–256; *Из истории июльского кризиса 1917 г.* // Линия судьбы. М., 2007. С. 252–270.

⁶⁷ *Меньшевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны*: [сборник; пер. с англ.] / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Ин-т всеобщ. истории, Центр истории мировой социал-демократии [и др.]; под ред. Леопольда Хеймсона; с участием Д. Далина [и др.]; [рус. текст подгот. д. и. н., проф. С.В. Тютюкиным]. М., 2009.

работать в ЦГАОР⁶⁸, теперешнем ГА РФе. Я получал все затребованные мною дела. Единственная проблема состояла в том, как разбираться в нужных материалах без описи. Были, конечно, ссылки в опубликованных советских работах, с помощью которых я играл в некий «морской бой», т. е. заказывал дела налево и направо от тех дел, ссылки на которые я находил в советских публикациях. Таким образом постепенно я восстановил все описи тех дел, которые мне были нужны. До сих пор названия этих дел у меня остались в памяти»⁶⁹. Иначе обстояло дело в Ленинграде, где Хеймсон получил доступ к описям.

Как отмечает Уильям Розенберг, о работе Хеймсона в советских архивах среди его студентов ходили легенды, частыми пользователями архивов были и его коллеги А.А. Фурсенко, Р.Ш. Ганелин, Б.В. Ананьич, В.С. Дякин и другие ученые из ленинградского Института истории, где Хеймсон стал постоянным и желанным посетителем — именно за это его и критиковали западные традиционалисты. Студенты Хеймсона нередко жаловались, что они не могут найти в архиве ни одной папки, которую ранее не просмотрел бы их наставник. Столь же легендарны и требования Хеймсона на семинарах в Нью-Йорке и Париже не пренебрегать наиболее традиционными формами исследований, начиная со сбора кратких заметок до переписывания длинных (и подчас утомительных) партийных протоколов — стенографических отчетов⁷⁰.

Имя Хеймсона появляется в списках IREX в 1970 г. Уже будучи профессором исторического факультета Колумбийского университета, он стажировался в Институте истории Академии наук в Москве и Ленинграде в течение полутора месяцев. Тема, которую он в тот момент заявлял, звучала так: «Кризис верхов и кризис низов, 1905–1917 гг.». Эта стажировка была по соглашению между Американским советом научных сообществ и Академией наук СССР. В 1973/74

⁶⁸ ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, ныне — ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).

⁶⁹ Хеймсон Л. О времени и о себе: Беседа с Леопольдом Хеймсоном / Беседа вела М.Р. Зезина. С. 195.

⁷⁰ Розенберг У.Г. Советская история в метанарративе: о школе Л. Хеймсона // Россия и русистика новейшего времени: Тр. междунар. конф. памяти А.А. Фурсенко (1927–2008). 4–5 июля 2009 г. СПб., 2010. С. 57.

и 1974/75 учебных годах Л. Хеймсон снова в Советском Союзе — уже на два месяца, с темой «История предреволюционной России»⁷¹.

Хеймсон выступил инициатором проведения совместно с Россией международных коллоквиумов по проблемам сравнительной истории, которые начались в середине 1980-х гг. Позже, когда коллоквиумы стали регулярными, а постоянным местом их проведения стал Санкт-Петербург, они посвящались разным темам истории России начиная с середины XIX в.

Говоря о работе Хеймсона в Советском Союзе, в одном из некрологов отмечалось, что он был в числе первых ученых, работавших в советских архивах после Второй мировой войны⁷². Его научные связи позволили ему организовать международные семинары, которые способствовали интеллектуальным обменам между русскими и западными историками. В 1994 г. Хеймсон помог основать Европейский университет в Петербурге, куда незадолго до смерти передал свою библиотеку.

Через школу Хеймсона прошли Реджинальд Зельник, Ричард Уортман, Роберта Маннинг, Уильям Розенберг и др.

Если научное творчество Леопольда Хеймсона было посвящено истории меньшевизма, то другой американский стажер Александр Рабинович занимался исследованием большевистского движения в России.

В 30-летнем возрасте Александр Рабинович приехал на стажировку в Москву. Он был избран участником программы обменов на 1963/64 учебный год. В списках Межуниверситетского комитета по выдачам грантов на поездки отмечалось: «Господин Рабинович будет изучать революционный подъем рабочих петроградских фабрик и солдат Петроградского гарнизона между Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. Он проведет академический год в Московском государственном университете в Советском Союзе»⁷³.

⁷¹ IREX: Annual report: ACLS/S 1973–1974. P. 24; ACLS/S 1974–1975. P. 4.

⁷² О Л. Хеймсоне также см.: Ненароков А.П. «Меньшевистский проект» Леопольда Хеймсона // Вопр. истории. 2011. № 5. С. 166–171.

⁷³ Archive of Indiana University (Архив Университета Индианы). Robert F. Byrnes papers, Collection C388, Series: Inter-University Committee on Travel Grants, «American Participants, 1958–1970» file.

В русском издании книги «Большевики приходят к власти» А. Рабинович дает объяснение, почему он заинтересовался изучением русской революции⁷⁴. Его отец Евгений Исаакович Рабинович родился в Санкт-Петербурге в 1898 г. и до эмиграции из Советской России (во время гражданской войны) в течение трех лет учился в Петербургском университете. В августе 1918 г. эмигрировал в Германию, где поступил в Берлинский университет (ныне — Университет Гумбольдта). Будучи докторантом, учился у известных ученых, нобелевских лауреатов Альберта Эйнштейна, Макса Планка, Макса фон Лауэ. Накануне Второй мировой войны после временных должностей, занимаемых в Геттингенском университете, Институте теоретической физики им. Нильса Бора в Копенгагене и Лондонском университете, Евгений Рабинович получил постоянную должность на химическом факультете Массачусетского технологического университета в Бостоне. Позже он работал над Манхэттенским проектом⁷⁵ и являлся одним из основателей в 1945 г. журнала «Bulletin of the Atomic Scientists», на страницах которого обсуждались вопросы опасности ядерного оружия.

Известный ученый-химик (его трехтомная монография по фотосинтезу была в числе первых американских фундаментальных научных трудов, опубликованных в Советском Союзе после Второй мировой войны), Евгений Рабинович являлся одним из основателей и активных участников Пагуошских конференций, имеющих целью содействовать развитию взаимопонимания и сотрудничества между Востоком и Западом в интересах мира и безопасности.

Мать Анна Дмитриевна Рабинович (Майерсон) родилась в Киеве в 1900 г., где позже стала актрисой. Она также эмигрировала вскоре после революции. Выступала с русской театральной труппой в Европе. Именно тогда родители Рабиновича познакомились и поженились. Александр Рабинович и его брат-близнец Виктор

⁷⁴ К советскому читателю // Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. С. 7.

⁷⁵ Кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой началось 17 сентября 1943 г.

родились в Лондоне в 1934 г., выросли и получили образование в США, куда семья переехала в 1938 г. Александр Рабинович посвятил своему брату Виктору, который стал известным зоологом, одну из своих монографий.

Родители привили Александру Рабиновичу интерес к русской культуре. Как он отмечал в монографии: «Прежде всего, благодаря отцу я рано осознал огромную важность для будущего человечества советско-американского научного сотрудничества, невзирая на наличие серьезных идеологических различий»⁷⁶. Кстати, это отличительная черта русских компатриотов от других американских стажеров — более глубокое понимание России, заложенное воспитанием в семье. Если, условно говоря, коренные американцы смотрели на Советский Союз с опаской, то русские компатриоты, наоборот, относились с пониманием и всячески способствовали развитию контактов.

Поскольку отца пригласили в Массачусетский технологический институт, семья поселилась на восточном побережье, таким образом, интегрировавшись в сообщество ярких русских эмигрантов. Рабиновичи проводили лето в штате Вермонт, где отец купил ферму недалеко от Михаила Карповича. Воспоминания А. Рабиновича о том времени связаны с бесконечными ленчами и ужинами, на которых присутствовали некоторые из известных русских эмигрантов, находящихся тогда в США, от А. Керенского до В. Набокова, которые обсуждали вопросы, связанные с русской историей, литературой и текущими событиями. Эти дискуссии иногда перерастали в яростные споры, но были и такие дискуссии, в которых все было единогласно. Одним из таких вопросов была Октябрьская революция, которая вырвала их с корнем, военный переворот, совершенный тесно сплоченной группой фанатиков под руководством Ленина, финансируемого Германией, и лишенный значительной народной поддержки. Другая идея, которая всех сплачивала, — все, что исходило из революции, — это мерзость и глобальная угроза. Таким образом, интерес к русской истории и культуре, выросший из ранних семейных ассоциаций, особенно с Карповичем и лидером меньшевиков

⁷⁶ К советскому читателю. С. 7.

и архивариусом социал-демократом Борисом Николаевским, оставили Рабиновича с бескомпромиссно негативным взглядом на Советский Союз и советский исторический опыт.

«Это отношение, — вспоминает А. Рабинович, — было усилено климатом враждебности по отношению к Советскому Союзу в годы учебы в школе и колледже (1948–1956), который совпал с маккартизмом и Корейской войной. Как курсант Службы подготовки резерва (ROTC — Reserve Officers' Training Corps) в колледже, я был научен думать, и подготовлен обучать других думать о Советском Союзе как о воплощении зла и заклятом враге “свободного мира”»⁷⁷.

Между окончанием колледжа и двумя годами службы в армии Рабинович прошел курс по подготовке к магистерской степени в Университете Чикаго (1956–1957). Эта работа включала два курса по русской истории под руководством Леопольда Хеймсона. Курсы Хеймсона пленили Рабиновича и укрепили его интерес к русской истории.

Первый формальный курс по истории русских революций и советского периода был прослушан в Индианском университете в начале 1960-х годов у Роберта Бирнса. Там же он работал с политологом и биографом Сталина Робертом Такером и с историком Джоном Томпсоном. Когда же подошло время выбора темы докторской диссертации, фундаментальные взгляды Рабиновича на Советский Союз оставались неизменными. Его первым выбором стала биография видного меньшевика и ожесточенного врага большевизма Ираклия Церетели, с которым он когда-то познакомился в Вермонте. Однако вскоре стало понятно, что без знания грузинского языка невозможно выполнить хорошее исследование. Тогда Рабинович обратил свое внимание на роль, которую сыграл Церетели в попытке подкрепить временное правительство и криминализации большевиков летом 1917 г.

Несмотря на то что о доступе в советские архивы для западных историков до перестройки не могло быть и речи, стажировка в 1963/64

⁷⁷ *Rabinowitch A. Reflections on the Bolsheviks, the October Revolution, and early Soviet state building in Petrograd: [Электронный ресурс].* Режим доступа: <http://www.wsws.org/articles/2010/dec2010/rabi-d02.shtml>

учебном году для А. Рабиновича оказалась незаменимой для дальнейшего выяснения все еще загадочных аспектов роли большевиков в июльском восстании и более широких вопросов, вытекающих из его исследования, касающихся структуры и деятельности партии в 1917 г. и ее отношения к революции на уровне народа⁷⁸. Например, близкое сравнение газет «Правда» Центрального Комитета и «Солдатской правды» большевистской военной организации, экземпляры которой не были доступны на Западе, дало возможность Рабиновичу осветить расхождение между предосторожностью Большевистского центрального комитета и радикализмом большевистской военной организации накануне июльского восстания. «Солдатская правда», так же как и кронштадтская ежедневная газета «Известия Кронштадтского совета» в течение недель, предшествующих июльскому восстанию, отражали рост волнений среди солдат Петроградского гарнизона и моряков Балтийского флота. Полные комплекты обеих газет были доступны в Ленинской библиотеке в Москве.

В 1968 г. появилась книга А. Рабиновича «Прелюдия к революции: Петроградские большевики и июльское восстание», получившая несколько рецензий⁷⁹. Как отмечал в рецензии Николай Рязановский: «Благодаря академической подготовке, а также очевидно определенным преимуществам личного происхождения, включая долгое и тесное знакомство с недавно ушедшим Борисом Николаевским, он [Рабиновичу. — А.К.] получил возможность написать высококвалифицированную работу о большевиках летом 1917 г.»⁸⁰. Это знакомство объясняет, почему именно А. Рабинович стал редактором сборника в честь Б.И. Николаевского⁸¹.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ *Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July Uprising.* Bloomington, 1968.

⁸⁰ *Riasanovsky Nicholas V. [Rev.] // Political Science Quarterly.* 1969. Vol. 84. N 1 (Mar.). P. 127.

⁸¹ *Revolution and Politics in Russia. Essays in Memory of B.I. Nicolaevsky / Ed. by Alexander and Janet Rabinowitch with Ladis K.D. Kristof.* Russian and East European Series. Vol. 41, Russian and East European Institute, Indiana University. Bloomington; London: Indiana University Press, 1972. Xii.

В 1976 г. вышло продолжение книги А. Рабиновича «Bolsheviks come to power: The Revolution of 1917 in Petrograd». Эта монография стала первой западной работой по русской революции, опубликованной в Советском Союзе при М.С. Горбачеве⁸². С конца 80-х годов работы А. Рабиновича регулярно начинают выходить в СССР, а затем и в России⁸³. В 2007 г. одновременно в США и России вышла в свет его монография «Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде»⁸⁴.

В последнее время Александр Рабинович активно выступает с лекциями в европейских университетах. Открывая одну из таких лекций, историк Вольфганг Вебер процитировал греческого историка Фукидида: «Большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды». «Александр Рабинович — один из тех немногих, — продолжает далее В. Вебер, — превознесенных Фукидидом, которые привержены изучению истины, даже если они, как он [Рабинович. — А.К.] сам себя описал в своей лекции, вынуждены порвать со взглядами своей молодости, своей семьи и друзей и противостоят на протяжении многих лет энергичным атакам академического мира как Востока, так и Запада. Когда в бывшем Советском Союзе в 1991 г. были впервые открыты архивы, многие западные историки начали работать над различными темами. Но когда речь идет об изучении правды об Октябрьской

⁸² Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М., 1989. — В 2003 г. вышло 2-е издание книги.

⁸³ Рабинович А. Большевики и массы в Октябрьской революции // *Вопр. истории*. 1988. № 5. С. 14–27; *Кровавые дни: Июльское восстание 1917 г. в Петрограде*. М., 1992; *Большевики, низы и Советская власть: Петроград, февраль 1917 — июль 1918 // Анатолия революции: 1917 год в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 116–133; *Досье Щастного: Троцкий и дело героя Балтийского флота // Отеч. история*. 2001. № 1. С. 61–81; *Моисей Урицкий: Робеспьер революционного Петрограда? // Там же*. 2003. № 1. С. 3–21; *Умеренные большевики в октябре 1917 года // Исторические записки*. М., 2008. № 11 (129). С. 330–346.

⁸⁴ Rabinowitch A. *The Bolsheviks in power: the first year of Soviet rule in Petrograd*. Bloomington: Indiana University Press, 2007; *Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде*. М., 2007.

революции — о курсе, который она взяла, ее программе и критическом обзоре всей предшествующей мысли по данному вопросу, никакой другой историк не посвятил этой задаче столько энергии, любви к истине и явного удовольствия, как Александр Рабинович»⁸⁵.

Думаем, что слова Фукидида касаются и остальных американских историков русского происхождения, о которых здесь шла речь. Всех их объединяет желание добраться до истины, написать правдивую историю. Все они в своих воспоминаниях и интервью выбор исторической науки, в частности русской истории, связывали со своим происхождением и воспитанием в интеллигентских семьях, с взрослением в кругу эмигрантов — представителей русской науки и культуры, с непосредственным общением со свидетелями исторических событий. Именно это отличало их от других американских русистов. И братья Рязановские, и Леопольд Хеймсон, и Александр Рабинович, пройдя школу Михаила Карповича и Георгия Вернадского, передали традиции российской исторической школы целому поколению американских специалистов, специализировавшихся на русской истории.

⁸⁵ Historian Alexander Rabinowitch speaks in Vienna on the Russian Revolution [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wsws.org/articles/2011/jun2011/rabi-j15.shtml>

В. Е. Кельнер

АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО ЕВРЕЙСТВА: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

На протяжении нескольких десятилетий исследования по истории российского еврейства в США не выходили за пределы концепции выдающегося ученого и публициста С. М. Дубнова¹. Интерес к этой странице истории вполне удовлетворялся вышедшим в годы Первой мировой войны переводом его книги «История евреев в России и Польше»².

Новейшая история еврейского народа, а тем более российского еврейства, в этой стране долгое время фактически не была сферой научных интересов. И это несмотря на то, что с конца XIX в. и до начала 1920-х гг. из пределов Российской империи в США эмигрировало около 2 миллионов евреев. Первое поколение этих эмигрантов менее всего думало об исторических проблемах своего народа в ставшей теперь далекой России. Это поколение стремилось лишь выжить, приспособиться к новым экономическим и социальным реалиям. Следующее поколение «новых американцев» далеко не сразу устремилось в науку. А те из них, кто пошел в университеты, как правило, выбирали традиционные, обусловленные практикой национального выживания, направления: медицину, экономику и юриспруденцию³. Тем более что ведущие университеты страны,

© В. Е. Кельнер, 2012

¹ *Fraenkel J. S. Dubnow: Historian and Ideologist // Dubnow-Erlich S. The Life and Work of S. M. Dubnow: Diaspora Nationalism and Jewish History. Bloomington, 1991.*

² *Dubnow S. History of the Jews in Russia and Poland. Philadelphia, 1914–1916. Vol. 1–3.*

³ *Ritterband P., Wechsler H. S. Jewish Learning in American Universities. Bloomington, 1994. P. 170–180; Локишин А. История евреев в России в современной зарубежной историографии // Евреи в России: История и культура: Сб. науч. трудов.*

члены так называемой «Лиги плюща», будучи университетами частными, практически открыто ввели в отношении еврейской молодежи принцип «процентной нормы», который продержался вплоть до конца Второй мировой войны⁴.

Первым полноценным научным исследованием в области истории российского еврейства стала вышедшая в свет в 1944 г. монография Л. Гринберга «Евреи России: борьба за эмансипацию»⁵. По сути, это был расширенный вариант его диссертации, подготовленной под руководством выдающегося русского историка, профессора Йельского университета Г. Вернадского. Концептуально эта работа более соответствовала трудам не С. М. Дубнова, а другого видного историка Ю. И. Гессена. В ней главное место автор отдал рассказу о государственной политике в отношении еврейства, а не собственно истории народа. Почти одновременно с книгой Л. Гринберга в свет вышла монография И. Левитаца «Еврейская община в России в 1772–1844 гг.»⁶. Как и в случае с книгой Л. Гринберга, работа И. Левитаца — это его диссертация, защищенная в Колумбийском университете. В ней автор исследовал изменения, происходившие в жизни еврейских общин с момента первого раздела Польши и до ликвидации в стране кагальной системы. Это история попыток российского еврейства приспособиться к постоянно изменявшимся требованиям, предъявляемым им властями страны.

Интерес к истории российского еврейства в послевоенные годы, бесспорно, был вызван осознанием величины катастрофы,

СПб., 1998. С. 15–37. — «Единый фронт» этих университетов был прорван лишь единожды, когда в 1929 г. С. Барон получил «спонсорское» место в Колумбийском университете и возглавил кафедру еврейской религии и мысли. Опубликованный же посмертно в 1964 г. сборник его работ (*Baron S. The Russian Jew Under Tsars and Soviets. N. Y., 1964*) столь «опоздал», что вызвал неоднозначное отношение нового поколения историков (*Engel D. Crisis and Lachrymosity: On Salo Baron, Neobaronism and the Study of Modern European Jewish History // Jewish History. 2006. Vol. 20. P. 243–264*).

⁴ *Oren D. Members of the Club: A History of Jews and Yale. New Haven; L., 1985.*

⁵ *Greenberg L. The Jews in Russia: The Struggle for Emancipation. N. Y., 1944–1951. Vol. 1–2.*

⁶ *Levitats I. The Jewish Community in Russia, 1772–1844. N. Y., 1943.*

постигшей эту самую многочисленную часть диаспоры в период Второй мировой войны. «Дети и внуки» эмигрантов из Российской империи, став американцами, не могли не откликнуться на эти события. Их реакцией и явился повышенный научный интерес к прошлому своего народа.

Пожалуй, одним из первых подобных «откликов» можно признать этнографическое исследование, проведенное в 1949 г. М. Зборовским и Э. Херцог в стенах Колумбийского университета по анкетированию эмигрантов из России и их потомков. Позднее эта работа вышла в свет под названием «Жизнь с народом»⁷ и привлекла внимание самых широких кругов страны. Возможно, определенную «рекламу» этой работе принесло и то, что один из ее авторов, М. Зборовский, вскоре был разоблачен как агент советских спецслужб и осужден на длительный срок тюремного заключения⁸. У этой работы была и еще одна особенность — часть материала для ее создания авторы почерпнули в архиве ИВО (YIVO). Архив виленского исследовательского центра, имевшего в 1920–1930-е гг. филиалы в Берлине и Варшаве, по счастливой случайности был спасен и, оказавшись в американской оккупационной зоне в Германии, опознан и доставлен в США. Он стал основой Institute for Jewish Research⁹. Видимо, труд М. Зборовского и Э. Херцог явился первой англоязычной работой, в которой использовались документы этого архива. Правда, пройдет еще не менее двадцати лет, прежде чем исследователи начнут в полной мере пользоваться богатейшими собраниями ИВО (YIVO). Это произойдет уже тогда, когда перед американскими исследователями в полный рост встанет проблема расширения и модернизации источниковой базы исследований.

Фактически весь период развития историографии этого направления, охвативший 1940–1980-е гг., ученые были вынуждены

⁷ Zborowski M., Herzog E. Life is with People. N. Y., 1952.

⁸ Fox F. Mark Zborowski, the Spy Who Came Out of the Shtetel // East European Jewish Affairs. 1999. V. XXIX. N 1–2. P. 119–128.

⁹ См., напр.: Млотек Х. Веб М. Из Санкт-Петербурга и Вильно в Нью-Йорк: YIVO — собиратель еврейского фольклора // История евреев в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. трудов. СПб., 1993. С. 163–171.

базироваться на источниках, опубликованных еще исследователями конца XIX — первых десятилетий XX вв. Следуя разработанной С. М. Дубновым системе¹⁰, первые еврейские ученые и энтузиасты собрали, обработали и опубликовали тысячи документов, связанных с историей еврейского народа в России. Сотрудники Еврейского историко-этнографического общества, Общества просвещения евреев в России и ряда других научных и общественных объединений на страницах своих периодических изданий и сборников («Еврейская Старина», «Пережитое», «Еврейская летопись», «Еврейская мысль», «Еврейский вестник» и др.) сумели создать столь прочную основу для последующих исследований, что ее хватило на многие годы успешного развития этой области историографии¹¹. Одним из моментов, препятствующих развитию историографии российского еврейства в США, оставалась все еще слабая заинтересованность в «восстановлении памяти» со стороны основной массы еврейского населения. В то же время отсутствовало и стремление ознакомиться с ней со стороны «коренных американцев». В известной степени на это влияла и «бруклинизация» источников и литературы. Даже мемуары, оказавшегося в США в 1930-е гг. известного петербургского историка и фольклориста С. М. (Ш.) Гинзбурга и сборник его научных трудов вышли в свет в Нью-Йорке только на идише. Свой богатейший архив, вывезенный из Советской России в 1930 г., он завещал Иерусалимскому университету¹². Этой же языковой тенденции придерживалось и руководство YIVO. Долгое время труды института издавались исключительно на идише. И это несмотря на то, что в его фондах находятся богатейшие коллекции документов на

¹⁰ Кельнер В. Е. Миссионер истории: жизнь и труды С. М. Дубнова. СПб., 2008. С. 185–255.

¹¹ Лукин В. К столетию образования петербургской научной школы еврейской истории // История евреев в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 13–26.

¹² Гинзбург Ш. Амолике Петербург (Былой Петербург). N. Y., 1944; Хисторише верк (Исторические труды). Т. 1–3. N. Y., 1937–1938; Кельнер В. Е. Архив как зеркало души: Фонд Саула Гинзбурга в Рукописном отделе Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме // Берега. Вып. 6. СПб., 2006. С. 28–31.

русском языке С. М. Дубнова, М. М. Винавера и других представителей русско-еврейской культуры, науки и политики.

Некий источниковый вакуум в то время не мог быть восполнен и за счет привлечения документов и материалов, хранившихся в архивах Израиля. Языком молодой израильской историографии и источниковедения был иврит.

В 1950-е гг. наступление эры «холодной войны» привело к тому, что правительство США направило значительные средства на изучение «потенциального противника». Было стимулировано повсеместное и многоаспектное изучение политики, истории, языка и литературы народов стран Восточного блока¹³. Неким «побочным продуктом» этой политики стало появление во множестве университетов страны Jewish Studies (кафедр и центров по изучению еврейской истории). В еврейскую историографию пришло новое поколение специалистов, многие из которых не имели поколенческих и этнических связей с Россией. Ими двигал чисто научный интерес, и это вывело их исследования на новый уровень.

Один из первых специалистов, давших представление об основных этапах развития американской историографии российского еврейства, стал Дж. Д. Клиер. В одной из своих статей он начал отсчет нового этапа в развитии этого направления с вышедшей в свет в 1964 г. статьи преподавателя Калифорнийского университета Х. Роггера «Российские министры и еврейский вопрос, 1881–1917»¹⁴. Новаторство Роггера, по мнению Дж. Клиера, состояло в том, что он посмотрел на историю российского еврейства глазами специалиста не по еврейской, а по российской истории. Понятный и вполне оправданный «евреецентризм» С. М. Дубнова, все еще господствовавший в историографии, он заменил более многоаспектным и сложным подходом. В этой статье, а позднее в вышедшей в 1974 г. работе «Политика позднего царизма в отношении евреев:

¹³ Клиер Дж. «Откуда и куда идем»: Изучение дореволюционной истории российского еврейства в Соединенных Штатах в XX веке // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 47–48.

¹⁴ Там же. С. 44–45.

переоценка», Роггер попытался показать историю еврейского вопроса в России как переплетение самых различных и не всегда однозначно антиеврейских, религиозных и социальных составляющих, всей внутренней национальной и конфессиональной политики империи¹⁵. Идеи Х. Роггера были подхвачены известным советологом Р. Пайпсом. В 1975 г. он опубликовал статью об истории становления черты оседлости. Так же как и Роггер, Пайпс призвал рассматривать это явление не через призму «хорошо для евреев — плохо для евреев», а с учетом всей государственной и административной политики эпохи Екатерины II и ее предшественников¹⁶.

С 1960-х гг. в американской историографии российского еврейства появились два, подчас существовавших параллельно, направления: одни специалисты рассматривали историю евреев как историю еврейского вопроса, т. е. как государственную политику и идеологию русского общества, «направленную на евреев», другие же сосредоточились на истории внутренней жизни еврейского населения. Начало успешно развиваться и еще одно направление — появились работы, в которых исследовались различные аспекты еврейского национального и социалистического движения. В ряде исследований по истории Бунда, палестинофильства, сионистского движения, поалей-сионизма, автономизма, в биографических работах, посвященных видным еврейским политическим и общественным деятелям: М.-Л. Лилиенблюму, Ахад Гаму, Б. Борохову, Х. Житловскому, В. Жаботинскому, С. Дубнову и др., был полностью рассеян миф о социальной инертности и политической пассивности российского еврейства¹⁷. Наибольший вклад в разработку этой тематики внес

¹⁵ Rogger H. The Beilis Case: Antisemitism and Politics in the Reign of Nicholas II // Slavic Review. 1966. Vol. XXVI. — Многие статьи Х. Роггера позднее были собраны в сборнике: Jewish Policies and Right-Wing politics in Imperial Russia. L., 1986.

¹⁶ Pipes R. Catherine II and the Jews: The the Origins of the Pale of Settelement // Soviet Jewish Affairs. 1975. Vol. 5. N 2. P. 3–20.

¹⁷ Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale. 1970; Tobias H. J. The Jewish Bund from its Origins to 1905. Stanford, 1972; Zipperstein S. Elisive Prophet: Ahad Ha'am and the origins of Zionism. Berkeley, 1993; Weinberg D. Between Tradition and Modernity: Haim Zhitlowsky, Simon Dubnow, Ahad Ha-Am and the Shaping of Modern

выпускник Кембриджа (Великобритания) Й. Френкель. В 1961 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке он защитил диссертацию «Социализм и еврейский национализм в России в 1892–1907 гг.». Главы этой диссертации публиковались в виде отдельных статей¹⁸. Только в 1981 г. увидела свет его монография на эту тему. Эта книга до сих пор остается наиболее авторитетным исследованием политической и национальной жизни российского еврейства конца XIX–начала XX в.¹⁹ Монография оказалась хронологически и тематически намного более объемной, чем ранее проделанное диссертационное исследование. В книге практически всесторонне охватывались сложнейшие переплетения самых разнообразных национальных и социальных проявлений еврейской жизни на российской почве.

Следует отметить тот факт, что в 1960–1970-е гг. установились и окрепли академические связи между США и Израилем. Произошло взаимное методологическое и источниковое обогащение. Ряд израильских историков (М. Альтшуллер, И. Барталь, А. Гринбаум и др.) прошли стажировку и подготовили диссертации в американских университетах, главным образом в Колумбийском университете и в университете Брандайза. В свою очередь, многие американские ученые получили возможность работать в израильских архивах. Это позволило израильским специалистам преодолеть ивритоцентризм, а американским историкам расширить тематику своих исследований и освоить новые горизонты в исследованиях глубинных течений еврейской жизни в России с конца XVIII в. и до 1917 г.

Между тем несмотря на заметные успехи, история еврейского народа в России все еще оставалась в источниковом смысле на «голодном пайке». База источников пополнялась в основном за счет

Jewish Identity. N. Y., 1996; *Orbach A.* The Jewish Peoples Group and Jewish Politics in Tsarist Russia, 1906–1914 // *Modern Judaism.* 1990. N 10.

¹⁸ С 1964 г. Й. Френкель жил в Израиле и являлся профессором Иерусалимского университета. Многие из этих статей позднее вошли в посмертно изданный сборник его работ: *Frankel J.* Crisis, Revolution, and Russian Jews. Cambridge, 2009.

¹⁹ *Frankel J.* Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917 (Френкель Й. Пророчество и политика: социализм, национализм и российское еврейство в 1862–1917 гг. Иерусалим; М., 2008).

привлечения новых документов и материалов на идише и иврите. Не помогло и использование системы научного обмена, которая активизировалась между США и СССР. Стажеры-историки из США, получившие разрешение на работу в СССР, естественно и думать не могли о легализации своих «еврейских» тем. Это направление в советской науке было насильственным образом пресечено фактически еще в 1930-е гг.²⁰ По воспоминаниям Дж. Д. Клиера, попав в конце 1970-х — начале 1980-х гг. на стажировку в Петербург, в ЛГУ, он был вынужден «замаскировать» свои подлинные интересы. Только заявив темой своего исследования историю русской периодической печати, он смог получить доступ к русско-еврейским журналам и газетам, хранящимся в фондах Публичной библиотеки²¹.

Увидевшие свет в 1970–1980-е гг. основные исследования на темы, непосредственно связанные с историей российского еврейства, как и прежде, главным образом, опирались на старую «русскую» источниковую базу и детальную проработку русско-еврейской периодической печати конца 1850-х — 1917 гг.²² Только Й. Пелед в своем исследовании еврейского рабочего и социалистического движения смог все же опереться на более репрезентативную документальную базу — документы, хранящиеся в американских архивах, в частности в YIVO²³.

²⁰ Последняя докторская диссертация этой тематики была защищена С. Боровым в Москве в январе 1940 г. (*Боровой С.* Воспоминания. М., 1993. С. 206–215).

²¹ *Kelner V.* Our Old Friend John Klier // *East European Jewish Affairs.* 2008. Vol. 38. N 3. December. P. 253–254.

²² *Klier J. D.* Russia Gathers Her Jews. The Origins of the «Jewish Question» in Russia 1772–1825. Illinois, 1986; *Berk S.* Years of Crisis, Years of Hope: Russian Jewry and Pogroms of 1881–1882. N. Y., 1985; *Aronson M.* Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia. Pittsburg, 1990; *Stanislavsky M.* Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia 1825–1855. Philadelphia, 1983; *Zipperstein S.* The Jews of Odessa. A Cultural History, 1794–1881. Stanford, 1985 (*Ципперштейн С.* Евреи Одессы: история культуры, 1794–1881. М.; Иерусалим, 1995); *Orbach A.* New Voices of Russian Jewry: A Study of the Russian-Jewish Press of Odessa in the Era of the Great Revorms, 1860–1871. Leiden, 1980.

²³ *Paled Y.* Class and Ethnicity in the Pale. The Political Economy of Jewish Workers, Nationalism in Late Imperial Russia. N. Y., 1989.

Пожалуй, особый интерес в этот период среди американских исследователей вызвала история еврейских погромов в России. В работах на эту тему М. Аронсона, Дж. Клиера, С. Берка и других авторы сосредоточились на критике прежней модели, уходящей корнями еще в либеральный дискурс русской и русско-еврейской интеллигенции конца XIX — начала XX в. Согласно давно устоявшейся точке зрения вся вина за организацию еврейских погромов возлагалась исключительно на властные структуры²⁴. Некий промежуточный итог этого «старого» спора подвели авторы специального англо-американского сборника статей на эту тему. В нем американские, британские и израильские специалисты предприняли попытку всестороннего анализа всего комплекса социальных, экономических, религиозных и политических причин этого явления²⁵.

События, происходившие в СССР в конце 1980–1990-х гг., ликвидация всей «охранительной» системы в стране открыли американским ученым доступ к столь вожеленным российским архивам. Одним из первых ученых сумел воспользоваться этими новыми возможностями Дж. Д. Клиер. На протяжении всех 1990-х гг. и до своего трагического ухода из жизни в 2008 г. он практически ежегодно работал в архивах Петербурга, Москвы, Киева и Минска. Одним из результатов этой работы стало новое, дополненное издание его первой монографии «Russia Gathers Her Jews. The Origins of the “Jewish Question” in Russia 1772–1825». Симптоматично то, что это новое издание вышло в свет только на русском языке²⁶. В нем на основе новых разысканий ученый значительно уточнил свою концепцию, ввел в оборот большой массив ранее неизвестных документов. Время правления Екатерины II и Александра I подверглось им глубокому анализу. В книге дано развернутое представление обо всем строе еврейской жизни эпохи — социально-экономическом

²⁴ Berk S. *Years of Crisis, Years of Hope: Russian Jewry and Pogroms of 1881–1882*. N. Y., 1985; Aronson M. *Troubled Waters: The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia*. Pittsburg, 1990.

²⁵ Pogroms: Anti-jewish violence in Voderen Russian Histiry. Cambridge, 1992.

²⁶ Клиер Дж. *Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825*. М.; Иерусалим, 2000.

и духовном состоянии той части евреев, которая сформировалась в условиях векового пребывания в составе Речи Посполитой, а затем в одночасье стала российскими подданными. Основная часть книги посвящена рассмотрению попыток русской администрации по установлению юридического статуса «нового» населения. Клиер последовательно исследует все метаморфозы «еврейского вопроса»: от установления черты оседлости до дискуссии о введении «Положения 1804 г.». Впервые им столь аргументированно, представлена дискуссия по еврейскому вопросу, проходившая в сферах высшей бюрократии. В итоге он пришел к выводу о том, что победила позиция Г.Р. Державина, согласно которой государство было призвано, прежде всего, «обезвредить евреев экономически и культурно». Это, по мнению ученого, и предопределило дальнейшую историю еврейского вопроса в России.

Одновременно с подготовкой «русского» издания книги Дж. Д. Клиер разрабатывал новую для себя тему — историю еврейского вопроса в России в период правления Александра II²⁷. При этом им были полностью использованы новые возможности российской действительности начала 1990-х гг. Он целиком погрузился в архивные разыскания в российских хранилищах. На основе собранного материала он первым в современной историографии создал документально обоснованную концепцию истории еврейского вопроса в России в один из переломных моментов ее истории, в конце 1850-х — 1881 гг. Автор проследил весь путь, по которому прошел еврейский вопрос в России, — от третьестепенного на рубеже 1850–1860-х гг. до того момента, когда он стал важным фактором во внутриполитической и общественной борьбе и вошел в идеологический арсенал практически всех политических направлений. Дж. Д. Клиер показал, как трансформировалось отношение к этому вопросу по мере изменения политического климата в стране. На начальном этапе реформ русское общество в своем большинстве готово было поделить часть либеральных завоеваний со своими еврейскими соотечественниками. В дальнейшем же подъем русского национализма, серия социально-экономических конфликтов, продолжение

²⁷ Klier J. D. *Imperial Russias Jewish Question, 1855–1881*. Cambridge, 1995.

колониальной экспансии и политическое противостояние в обществе привели к появлению «новой» трактовки еврейского вопроса. Автор первым обратил внимание на такое явление, как либеральная юдофобия и использование антисемитской риторики в общественных дискуссиях той эпохи. Дж. Д. Клиер определил место еврейского вопроса в российском политическом дискурсе периода правления Александра II. Большое внимание в этой книге уделено и собственно еврейской истории, точнее тем процессам, которые охватили новое поколение — стремление к модернизации, получению общего образования и, в конечном итоге, к иллюзиям о возможности некоего «слияния» с русским образованным обществом. Дж. Д. Клиер проследил в этом исследовании основные этапы создания русско-еврейской интеллигенции.

Следующим проектом Клиера стало глобальное исследование истории российского еврейства периода правления Александра III. Смерть прервала эту работу. В свет вышел лишь первый том задуманного им труда²⁸ «Русские, евреи и погромы 1881–1882 гг.». В нем он попытался комплексно рассмотреть события, связанные с погромным движением, охватившим ряд южных и юго-западных губерний империи. Клиер считает, что погромы явились результатом краха многих внутривнутриполитических начинаний предшествовавшего правления. Вместе с тем автор называет это время исходным пунктом, началом новой политики государства в отношении своего еврейского населения. В то же время, как показал автор, это привело и к важным изменениям в мировоззрении русско-еврейской интеллигенции, к резкому усилению разнообразных форм национального и социалистического движений, стимулировало активное участие еврейской молодежи в общероссийском революционном движении.

Значительный интерес вызвало и появление исследования Д. Фишмана о первых шагах Гаскалы в России²⁹. В книге показано, как в силу каких причин в последней трети XVIII в. небольшой белорусский город Шклов стал местом притяжения целой группы сторонников набравшего в Европе силу движения просвещения среди

²⁸ *Klier J. D. Russians, Jews and the Pogroms of 1881–1882. Cambridge, 2011.*

²⁹ *Fishman D. Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov. N. Y., 1995.*

евреев. В книге прослеживаются судьбы первых маскилов в России: И. Цейтлина, Н. Ноткина, А. Переца, Л. Неваховича.

В 1990-е гг. в российских архивах и библиотеках начал работать Б. Натанс. Темой его исследования явилась жизнь российского еврейства вне черты оседлости. Результатом стал выход в свет монографии «Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. (Berkley, 2002). Вскоре эта книга появилась в русском переводе³⁰. Это развернутое и исключительно богато документированное исследование русско-еврейских отношений в пореформенной России. Это история возникновения и развития еврейской и русско-еврейской интеллигенции в период интеграции значительной группы евреев, получившей в конце 1850-х — в 1860-е гг. право проживания вне черты оседлости. Б. Натанс ввел в научный оборот термин «выборочная интеграция». Так он подвел итог деятельности тех евреев, которые в силу своего финансового положения получили возможность не только жить вне черты оседлости, но и содействовать изменениям в правовом статусе всего российского еврейства. В центре внимания исследователя была петербургская община. Историю ее развития Б. Натанс аргументированно представил в виде некоего прообраза значительной части российского еврейства, которому вслед за столичными собратьями предстояло еще пройти путь модернизации и национальной самоидентификации.

В 1980–1990-е гг. в современной мировой науке произошло явление, сделавшее прозрачными границы между странами и научными школами. Глобализация постепенно привела к тому, что ученые, в том числе и историки из США, Великобритании, Германии, Франции и Израиля, а позднее и из России стали свободно перемещаться, учиться, работать в архивах и библиотеках, преподавать и даже возглавлять кафедры в университетах разных стран. Это привело к тому, что теперь в ряде случаев, когда речь идет о том или ином научном направлении или проблематике, уже трудно утверждать, что это достижение исключительно той или иной национальной школы. Появилась целая серия совместных изданий, в которых

³⁰ *Натанс Б. За чертой: евреи встречаются с позднеимперской Россией. М., 2007.*

под одной обложкой собираются работы представителей различных национальных исторических школ и поколений. Более того, именно в этих изданиях ярко проявились современные тенденции в исследовательской методологии. Чисто историческая, классическая тематика стала совмещаться с работами по истории культуры. Это привело к взаимообогащению и к обретению иной масштабности в деле изучения прошлого российского еврейства. Ярким проявлением подобной тенденции стала публикация сборника статей «The Emergence of Modern Jewish Politics: Bundism and Zionism in Eastern Europe»³¹. В нем американские, британские и израильские историки, литературоведы и культурологи рассмотрели различные аспекты становления и развития еврейской политической культуры конца XIX — первых десятилетий XX в. При этом, в отличие от большинства прежних исследователей, авторы сборника постарались представить картину развития этого явления на территории всей тогдашней Российской империи, т. е. включая и так называемую «русскую Польшу». Большое значение авторы уделили языковым особенностям еврейской культуры. Ведь это было время, когда пристрастие к идишу или ивриту являлись неким идейным маркером, показателем принадлежности к тому или иному политическому движению.

Еще одним из примеров, подтверждающих системную международную координацию исследователей истории российского еврейства, стал сборник статей, посвященный истории евреев и еврейскому вопросу в период событий 1905–1907 гг.³² В издании, осуществленном под эгидой Пенсильванского университета, ведущие современные специалисты по истории России и российского еврейства из США (А. Ашер, Р. Вортман, Б. Натанс, Б. Горовиц, Р. Кобрин, М. Крутиков, К. Б. Мосс, Дж. Ведлингер, Т. Р. Викс, Р. Вейнберг), Израйля (Э. Ледерхендлер, С. Голдин, С. Ури, В. Левин, Х. Хевер) и Польши (А. Фридрих), дали всесторонний анализ истории политической и культурной жизни народа в этот сложнейший

³¹ The Emergence of Modern Jewish Politics: Bundism and Zionism in Eastern Europe / Ed. By Z. Gitelman. Hittsburg, 2003.

³² The Revolution of 1905 and Russia's Jews / Ed. By S. Hoffman and E. Mendelsohn. Filadelfia, 2008.

и во многом ключевой для понимания дальнейшей истории российского еврейства период.

Современное состояние всего того, что в американской науке получило объемное название «Jewish Studies», наглядно демонстрирует его комплексный, системный характер. Это видно по тому, как создавался ряд наиболее интересных, на наш взгляд, исследований последних лет, в которых изучение истории еврейской литературы и искусства погружается в глубокий исторический контекст³³. На фоне процессов аккультурации и социализации еврейской и русско-еврейской интеллигенции второй половины XIX в. были созданы творческие биографии таких разных представителей еврейской элиты, как литератор и публицист А. Ковнер и скульптор М. Антокольский³⁴. В случае с Антокольским автор монографии о нем М. Глантс не столько анализировала его художественное наследие, сколько воссоздала творческую биографию художника-еврея в России в переломные моменты русской и еврейской истории. Автору удалось с исключительной точностью показать особую национальную ауру, окружавшую еврейского художника в России, его душевные и творческие переживания.

Новаторские тенденции и новые методологические подходы проявились и в трудах профессора Стэнфордского университета Г. Сафран³⁵. Особенно наглядно продемонстрировала она синтетический подход в работе по созданию творческой и политической

³³ Veidlinger J. Jewish Public Culture in the Late Russian Europe. Bloomington, 2009; Krutikov M. Yiddish Fiction and Crisis of Modernity, 1905–1914. Stanford, 2001; Moss K. B. Jewish Renaissance in the Russian Revolution. Cambridge, 2009; Hoffman M. From Rebel to Rabbi: Reclaiming Jews and the Making of Modern Jewish Culture. Stanford, 2007.

³⁴ Murav H. Identity Theft: The Jew in Imperial Russia and the case of Avraam Uri Covner. Stanford, 2003; Glants M. Where Is My Home. The Art and Life of the Russian Jewish Sculptor Mark Antokolsky, 1843–1902. N. Y.; Toronto, 2010. — Нельзя не отметить, что эта тенденция проявлялась и раньше, например, в работе М. Станиславского о поэте и писателе И.-Л. Гордоне (*Stanislawsky M. For Whom Do I Toil: Judah Leib Gordon and the Crisis of Russian Jewry.* N. Y.; Oxford, 1988).

³⁵ Safran G. Rewriting the Jew: Assimilation Narratives in the Russian Empire» Stanford, 2000.

биографии С. Ан-ского³⁶. В монографии история его литературной жизни соединена в единое целое со всем ходом его же активной политической деятельности. Все это показано на фоне истории российского еврейства начала XX в.

Новая эпоха ознаменовалась еще одной тенденцией — в 1990-е гг. ряд американских ученых приняли самое непосредственное участие в воссоздании в России еврейской историографии, той традиции, которая была насильственно прервана в начале 1930-х гг. Наиболее активно работали в этой области Дж. Д. Клиер и Д. Фишман. Они содействовали организации в России еврейских научных центров и университетов, инициировали издание ряда научных работ и подготовку архивных и библиографических справочников. Начиная с первой «свободной» научной конференции по проблемам еврейской истории, проходившей в Москве еще в конце 1989 г. («Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога»), в научную жизнь российского еврейства прочно вошли многие американские специалисты: Дж. Д. Клиер, С. Ципперштейн, Ц. Гиттельман, Д. Фишман и др.

Изучение истории еврейского народа в России, безусловно, стимулировалось и тем, что работы многих американских исследователей 1990–2000-х гг. печаталась и в текущей российской научной периодике³⁷.

³⁶ *Safran G. Wandering Soul: The Dybbuks Creator, S. An-sky. Harvard, 2010.*

³⁷ *Клиер Дж. Д.* 1) Еврейский вопрос в славянофильской прессе 1862–1886: И. С. Аксаков и его издания // *Вестник еврейского университета.* 1998. № 1 (17). С. 41–60; 2) Круг Гинцбургов и политика штадлонута в императорской России // Там же. 1995. № 3 (10). С. 38–55; 3) Казаки и погромы. Чем отличались «военные» погромы? // *Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства.* М., 2005; *Натанс Б.* За Чертой: Евреи, русские и еврейский вопрос в Петербурге (1855–1880) // *Вестник еврейского университета.* 1994. № 2 (6). С. 18–31; *Хоровиц (Горовиц) Б.* Генрих Слиозберг: Штрихи к политическому портрету // Там же. 1997. № 2 (15). С. 186–205; *Аврутин Ю.* Крещенные евреи, этнический конфликт и политика повседневной жизни в России во время Первой мировой войны // *Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточноевропейского еврейства.* М., 2005; *Сафран Г.* Зрелище кровопролития: С. Ан-ский на границах // Там же; *Петровский-Штерн Й.* Мошко-Имперский // *Ab Imperio.* 2009. N 1. P. 115–148; *Avrutin E.* The Power of Documentation: Vital Statistics and Jewish Accommodation in Tsarist Russia // *Ab Imperio.* 2003. N 4. P. 271–300;

Начало нового века ознаменовалось появлением в историографии новых имен американских ученых, которым не пришлось, подобно представителям предыдущих поколений, преодолевать организационные препятствия и источниковый голод. Это такие авторы как: Ю.(Е.) Аврутин, Б. Горовиц, Й. Петровский-Штерн, В. Щедрин. После стажировки в России, к энергичной публикаторской работе приступил Б. Горовиц³⁸. Особой научной активностью выделяется выехавший в США в 1990-е гг. историк и литературовед Й. Петровский-Штерн. Наиболее известное его произведение, выросшая из диссертации монография «Jews in the Russian Army, 1827–1917: Drafted into Modernity»³⁹, вызвало в научном сообществе споры и неоднозначную оценку. Особой критике подверглась та часть концепции автора, согласно которой, вопреки вековому нарративу, служба в русской армии якобы стала для еврейской молодежи неким модернизационным стимулом⁴⁰.

Щедрин В. Неизвестная «История хасидизма». Работы М.И. Берлина в контексте русско-еврейской историографии XIX в. // *Архив еврейской истории.* Т. 1. М., 2004. С. 169–194; *Глантс М.* Скитальца вечного двойное бытие. Письмо М.М. Антокольского барону Г.О. Гинцбургу // Там же. С. 195–238.

³⁸ *Horowitz B.* Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia. Seattle; L., 2009; *Empire Jews. Jewish Nationalism and Acculturation in 19th — Early 20th Century Russia.* Bloomington, 2009.

³⁹ *Petrovsky-Shtern Y.* Jews in the Russian Army, 1827–1917: Drafted into Modernity. Cambridge, 2009. — Это второе, расширенное издание, в котором автор раздвинул хронологические рамки своего исследования, которое ранее, в первом издании, доходило лишь до 1914 г. Первое издание вышло в русском переводе: *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии: 1827–1914. М., 2003.

⁴⁰ См., напр., рецензии: *Shteinberg J.* (*Russian Review.* 2009 (October). Vol. 68. N 4. P. 706–707); *Nathans B.* (*Journal Interdisciplinary History.* 2010. (Spring). V. 40. N 4. P. 611–612); *Lohr E.* (*American History Review.* 2010 (April) V. 115. N 2. P. 638–639); *Avrutin E.* (*The Journal of Modern History.* 2010 (September). V. 82. N 3. P. 760–762); *Дымишиц В.* Игра в солдатики (Народ книги в мире книг. 2003. № 47). — В целом положительную оценку эта работа получила в статье Дж. Д. Клиера «Откуда и куда идем»: Изучение дореволюционной истории российского еврейства в США в XX в. // *История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы.* М., 2004. С. 54–55).

Ученые, пришедшие в науку в 1990-е — начале 2000-х гг., использовали в своих исследованиях достижения современной научной мысли. Частью своего научного инструментария они сделали приемы и методы, ранее присущие иным гуманитарным направлениям: антропологии, этнологии, литературоведения и социологии. Это продемонстрировало неисчерпаемость самого предмета исследования — историю российского еврейства.

В конце XX — начале XXI в. свобода в выборе тем, концептуальное разнообразие, широкая кооперация с исследователями других стран, большие, чем в других странах издательские возможности и организационная поддержка ведущими университетами и научными структурами страны обеспечили американской историография российского еврейства доминирующее положение в современной мировой иудаике.

А. В. Антошин

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА
ЭПОХИ «ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА»
НА СТРАНИЦАХ ПРОСОВЕТСКИ НАСТРОЕННОЙ
ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ:
ОПЫТ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА

Феномен просоветски настроенной части российской диаспоры конца 1940-х — начала 1950-х гг. — явление чрезвычайно интересное и, на наш взгляд, еще далеко не в полной мере изученное и понятое. В современной историографии, пожалуй, превалирует негативная оценка этого явления, во многом опирающаяся на традицию эмигрантской литературы. Между тем, нам представляется, что это было весьма сложное явление, идеологические и психологические истоки которого еще нуждаются в осмыслении. Оно не укладывается в те рамки марионеток и агентов Кремля, которые зачастую формировались антикоммунистической прессой российского зарубежья тех лет. Повнимательнее, думается, надо посмотреть и на эмигрантские периодические издания этой эпохи, вокруг которых обычно и формировались идейно-политические группы. Все ли эмигрантские газеты и журналы, симпатизировавшие Советскому Союзу, обосновывали свою позицию одинаково? Или, что еще более важно: одинаковыми ли были причины, толкнувшие авторов различных эмигрантских СМИ в просоветский лагерь?

Как известно, после окончания Второй мировой войны симпатии к Советскому Союзу, внесшему решающий вклад в победу над нацистской Германией, были характерны для немалой части зарубежных россиян. Не случаен и тот факт, что на таких позициях стоял целый ряд эмигрантских газет и журналов. Во Франции, например, это не только издававшийся Союзом советских патриотов

(ССП) «Советский патриот», но и «Русские новости», открыто заявлявшие о своей преемственности с «Последними новостями» П. Н. Милюкова. В США откровенно просоветским был нью-йоркский «Русский голос», где сотрудничал, например, знаменитый Давид Бурлюк, в Канаде выделялся «Вестник», много лет издававшийся Федерацией русских канадцев (ФРК) и т. д. Сопоставление публиковавшихся ими материалов позволяет, на наш взгляд, прийти к любопытным выводам.

В отечественной и зарубежной историографии уже высказывалось мнение о своеобразии духовной атмосферы первых послевоенных лет. Переход от сотрудничества Объединенных наций времен Второй мировой войны к новому глобальному противостоянию был стремительным. Надежды на возможность установления прочного миропорядка быстро сменились ощущением новой опасности. Большой интерес, на наш взгляд, представляет анализ восприятия мировых политических процессов российскими эмигрантами. Российская диаспора не только являлась достаточно существенным фактором в «холодной войне», который учитывался и Востоком и Западом, но одновременно она пристально всматривалась в происходившие в мире изменения, понимая, что именно от их развития зависит ее собственная судьба.

В Канаде центром объединения просоветски настроенных эмигрантов была Федерация русских канадцев, издававшая газету «Вестник». Ее публикации были посвящены обоснованию необходимости продолжения советско-американского сотрудничества после окончания Второй мировой войны и резкой критике внешней политики США, которая, по мнению сотрудников газеты, была направлена на дестабилизацию обстановки в различных регионах планеты и достижение мирового господства. Этот вывод подтверждается проведенным нами контент-анализом редакционных статей «Вестника» в 1946 г. Было выявлено 96 тематических направлений статей, которые можно условно разделить на 5 групп:

1) материалы, доказывающие виновность Запада в усилении международной напряженности (34 статьи);

2) статьи, доказывающие стремление прогрессивных сил на Западе к сотрудничеству с Советским Союзом (29 статей);

3) материалы, показывающие, что в странах Запада существует много социально-экономических проблем (16 статей);

4) статьи, доказывающие, что СССР — это демократическая страна, стремящаяся к миру (11 статей);

5) материалы, доказывающие рост популярности социалистических идей в мире (6 статей).

Обращает на себя внимание обилие материалов, излагающих негативную платформу ориентированных на Советский Союз эмигрантов в Канаде. В сумме материалы первой и третьей групп, т. е. содержащие резкую критику внешней и внутренней политики США и их союзников, составляют более 50 % в общей массе публикаций «Вестника».

Основу ФРК составляли бывшие активисты русских рабочих клубов имени М. Горького, приехавшие в Канаду в 1920–1930-е гг. из украинских и белорусских районов Польши. Как отмечает А. И. Черкасов, многие из них — этнические белорусы — иммигрировали в Канаду, «не имея отчетливо сложившегося белорусского самосознания, и, как и их потомки, считают себя русскими»¹. Как и в США, большая часть тех, кто стоял на просоветских позициях, в Канаде являлись трудовыми эмигрантами — бывшими рабочими и крестьянами, уехавшими из Российской империи или Восточной Польши в 1920–1930-х гг. и не имевшими опыта жизни в условиях большевистского режима. Как отмечали антикоммунистические публицисты, различие между «сталинистами» — эмигрантами во Франции и в Америке состояло в том, что первые в основном представляли собой интеллигенцию, а за океаном «эта волна прошла по самым низам»².

Просоветски настроенные публицисты выходившего в Торонто «Вестника», например, в первые послевоенные годы заявляли, что они поддерживают идею продолжения существования союза СССР, США и Великобритании. Именно страны антигитлеровской коалиции должны были, полагала эта часть диаспоры, господствовать в новом миропорядке. Однако анализ публикаций показывает, что

¹ Черкасов А.И. Русские канадцы // США — Канада. Экономика, политика, культура. 1999. № 1. С. 93.

² Новое русское слово (Нью-Йорк). 1948. 8 февр.

эта группа игнорировала какую-либо роль советского руководства в ухудшении отношений между Востоком и Западом, называя США и их союзников единственными виновниками «холодной войны». Характерным примером такой позиции являются работы бывшей меньшевички О.И. Доманевской. В годы Второй мировой войны она примыкала к группе левых меньшевиков, во главе которых стоял Ф.И. Дан. Постепенно О.И. Доманевская полностью перешла на просоветские позиции. В статьях О.И. Доманевской справедливо отмечалось, что противоречия между СССР и западными союзниками начались еще в конце 1943–1944 гг., а окончание войны лишь ускорило распад антигитлеровской коалиции. Старая меньшевичка верно указывала на основную причину ухудшения советско-американских отношений — глубокие различия в социально-политическом строе между СССР и США. Вместе с тем, по нашему мнению, прежде всего идеологические соображения заставляли О.И. Доманевскую оценивать позицию англо-американского блока как реакционную, стремящуюся к сохранению довоенной имперской системы в отношениях с колониями³. На практике элементы традиционной концепции международных отношений можно найти и в послевоенной политике СССР, кроме того, такая трактовка ситуации не учитывала серьезных различий между американской и британской позициями. Как отмечает британский историк Дж. Чармли, если лидеры Великобритании действительно мыслили старыми категориями раздела сфер влияния, то Соединенные Штаты стремились сконструировать некую «глобальную стратегию взаимодействия»⁴.

Идеологизированной была, на наш взгляд, и общая модель нового миропорядка, которая выдвигалась на страницах «Вестника», а также характеристика основных акторов послевоенных международных отношений. Уже в конце 1945 — начале 1946 г. здесь говорилось о формировании двухполюсного мира, причем если СССР сплывал «все демократические элементы», то США — силы реакции. После выдвижения такого тезиса искусственными выглядели заявления о том, что и в этой ситуации СССР и США находили

³ Доманевская О. На рубеже Нового года // Вестник (Торонто). 1946. 2 янв.

⁴ Charmley J. Churchill's Grand Alliance. London, 1995. P. 254.

«общий язык в стремлении осуществить мирное сотрудничество народов мира»⁵.

Внимание просоветски настроенной эмиграции не мог не привлечь германский вопрос. О.И. Доманевская заявляла, что целью «англо-американского блока» является противодействие окончательной ликвидации фашизма в Германии и Европе в целом. Она доказывала, что в американской зоне оккупации Германии «до сих пор не разрушена та экономическая база, которую фашизм может использовать для восстановления своего военного могущества». Как и советские публицисты той эпохи, О.И. Доманевская стремилась сформировать у читателя мнение, что политический курс США в Германии определялся не задачами борьбы с нацизмом, а интересами американских промышленников, связанных с германской индустрией⁶.

Во многом аналогичные позиции занимали члены существовавшего в первые послевоенные годы Союза советских патриотов во Франции, которые на страницах «Советского патриота» заявляли: «Кому-то выгодно, вопреки очевидности, подкидывать Советскому Союзу империалистические тенденции. Советский Союз настаивает на принципе реального самоопределения народов... Он не может отказаться от основ своей общечеловеческой идеологии, построенной на принципах народоправства и мировой солидарности»⁷. Как видим, позиция лидеров ССП ничем не отличалась от официальных заявлений советских руководителей.

На наш взгляд, несколько в иной тональности были выдержаны заявления тех ориентированных на СССР деятелей российской диаспоры во Франции, которые группировались вокруг газеты «Русские новости». Многие из них в 1920–1930-е гг. были ближайшими соратниками П.Н. Милюкова, играли видную роль в Парижской группе кадетской партии и «Последних новостей». Не случайно, в № 1 «Русских новостей», вышедшем 18 мая 1945 г., подчеркивалась «органическая связь» газеты с прошлым: «Редакция составлена из

⁵ Доманевская О. На рубеже Нового года.

⁶ Доманевская О. Проблема Германии // Вестник. 1946. 9 янв.

⁷ Советский патриот (Париж). 1946. 4 янв.

группы бывших сотрудников «Последних новостей» — группы, связанной в течение долгих лет совместной работы единым политическим руководством П.Н. Милюкова. Этому большому русскому патриоту, ученому и государственному деятелю не довелось дожить до дней победы, но заветы его живы в наших сердцах»⁸. Целая полоса первого номера «Русских новостей» была посвящена П.Н. Милюкову: покойному кадетскому вождю были посвящены статьи Е. Кусковой «Без Милюкова», Л. Неманова «П.Н. Милюков и внешняя политика России», «Последние дни Милюкова». Ушедшим из жизни за годы войны сотрудникам редакции «Последних новостей» была посвящена статья «Наши потери».

Соответствующими были внешнеполитические установки «Русских новостей». Их редакция неизменно подчеркивала, что в их основе лежала идея защиты национальных интересов России: «В области внешнеполитических вопросов путь для нас ясен. Русская газета за рубежом не может в момент, определяющий на долгие годы вперед судьбы нашей Родины, стать ни на какую иную позицию, кроме той, которая занята Национальной властью. Более того. Она должна по мере сил и разума защищать и поддерживать эти позиции»⁹.

По мнению публицистов «Русских новостей», уже в мае 1945 г. явно проявили себя те силы, которые препятствовали возрождению сильного Российского государства. В характерной для приверженцев панславизма манере эти эмигранты увязывали рост могущества России с политическим объединением под ее эгидой славянских народов. Так, например, известный деятель военной эмиграции, вице-адмирал М.А. Кедров заявлял: «Закончились бои... Славянство на пути к объединению, а уже ползет клевета и раздается антирусская пропаганда. Сильная Россия, будь то императорская или советская, редко кому нравится. Как 130 лет тому, во времена Александра Благословенного, у нее много врагов, но сильная Россия постоит за себя и за все Славянство»¹⁰.

⁸ Русские новости (Париж). 1945. 18 мая.

⁹ Там же.

¹⁰ Кедров М.А. Русская победа // Там же. 18 мая.

Высказывания старого деятеля «белой» эмиграции указывают, однако, еще на одно очень важное обстоятельство. Уже в мае 1945 г. явственно ощущались сильнейшие трещины в существовавшем в годы Второй мировой войны союзе СССР и западных демократий: «Еще не успели потухнуть огни победных иллюминаций, еще не замолкли радостные клики, приветствовавшие торжество союзного оружия, а уже то там, то тут раздается злобное нашептывание людей, предсказывающих измученному человечеству новые тяжкие бедствия: вооруженное столкновение между вчерашними соратниками». Уже через неделю после победы над Германией «Русские новости» указывали на противоречия между США и Советским Союзом, касавшиеся прежде всего ситуации в Европе. По мнению эмигрантских публицистов, этот «конфликт интересов» был вполне естественным: «Нам нет нужды затушевывать или умалять значение трений, наблюдаемых в настоящее время в советско-американских отношениях... Дело не в одном только польском вопросе. Соединенным Штатам, нуждающимся в внешних рынках для своих товаров, поместившим крупные капиталы в румынскую нефтяную промышленность, в штирийскую металлургию (вероятно, также в чешские и силезские предприятия), трудно примириться с установлением в восточной половине Европы системы «управляемого хозяйства», государственного контроля над частной инициативой. Советский Союз, в свою очередь, заняв своими войсками все подступы к российской твердыне, добившись того, о чем тщетно мечтали Петр Великий, Екатерина и Александр Первый, естественно, должен желать установления в соседних с ним странах такого строя, который, отнюдь не будучи коммунистическим, обеспечивал бы безопасность советских границ»¹¹. Впоследствии отношения между Советским Союзом и США, как известно, только осложнялись. В июне 1945 г., например, В. Татаринов подчеркивал: «Надо сказать правду: между Советским Союзом и Соединенными Штатами в данный момент обнаружился весьма серьезные расхождения»¹².

¹¹ Русские новости. 1945. 18 мая.

¹² Татаринов В. Советско-американские отношения // Русские новости. 1945. 8 июня.

Осознавая решающую роль вопроса о согласии по ключевым вопросам мировой политики между ведущими державами, публицисты «Русских новостей» одновременно не преувеличивали значение ООН. Только что возникнув, эта структура уже сформировала весьма осторожное отношение к себе со стороны многих аналитиков. Л. Неманов, например, отмечал: «По существу, сохранение мира на многие годы зависит вовсе не от статута будущей мировой организации безопасности, а от согласия между тремя великими державами-победительницами: Россией, Великобританией, США. Никакой наисовершенный статут не спасет мир, если это согласие будет нарушено»¹³.

Существенная доля вины за глобальный раскол мира, по мнению авторов «Русских новостей», ложилась на плечи Запада. Так, в июне 1945 г. газета заявляла: «Значительная часть западноевропейской и американской печати вновь принялась за свое излюбленное дело: травлю Советского Союза... Советский строй, быть может, не всем по душе, но самые яростные враги его не могут не признать, что во всех своих действиях, предпринятых за последние месяцы, маршал Сталин и его сотрудники твердо стояли и продолжают стоять на почве подписанных в Ялте соглашений»¹⁴.

Вполне естественным, по мнению редактора «Русских новостей» А.Ф. Ступницкого, было и негативное отношение Советского Союза к Лондонскому эмигрантскому правительству Польши. Бывший член Парижской демократической группы партии кадетов, в 1940-е гг. перешедший на откровенно просоветские позиции, доказывал, что СССР «понес слишком тяжелые жертвы в этой войне, заплатил за победу слишком дорогой ценой, чтобы затем равнодушно отнестись к возможности создания рядом у своих западных границ правительства, занимающего в отношении его явно враждебную позицию»¹⁵.

Продолжая линию своего покойного лидера, бывшие сотрудники милюковских «Последних новостей» стремились обосновать право Советского Союза на расширение своего влияния в мире.

¹³ Неманов Л. Конференция в Сан-Франциско // Там же. 1945. 1 июня.

¹⁴ Русские новости. 1945. 15 июня.

¹⁵ Ступницкий А. Польский вопрос // Там же. 29 июня.

Особенностью этой группы публицистов было откровенное изложение своих взглядов, которые в целом находились в русле классических концепций геополитики начала XX в. Так, прямо заявлялось: «Совершенно верно, что советская политика противодействует попыткам политического или политико-экономического внедрения какой бы то ни было иной великой державы в Польшу, в Дунайский бассейн, на Балканы или в некоторые районы Ближнего и Дальнего Востока. Но это — законное право советской политики и даже ее долг (никто не оспаривает права Соединенных Штатов организовывать безопасность Западного полушария)». При этом подчеркивался ограниченный характер т. н. «советской системы», что и подтверждало ее служение целям безопасности, а не мирового господства¹⁶. Все эти заявления были нацелены на то, чтобы опровергнуть обвинения в адрес Советского Союза в том, что он проводит линию на продолжение стратегии мировой революции в новых условиях. Вместе с тем развитие внешней политики СССР, создание мировой системы социализма (в том числе позднее поддержка социалистического форпоста в Западной полушарии — на Кубе) заставляют более критично подойти к оценкам публицистов «Русских новостей».

Анализ публикаций «Русских новостей» убеждает в том, что их авторы продолжали отстаивать те идеи во внешней политике, которые на протяжении практически всей своей жизни защищал П.Н. Милюков. Речь идет в первую очередь о «закрытии» Черного моря и «вынесении южно-русского пояса обороны к Дарданеллам». Для этого предполагался пересмотр соглашений в Монтре¹⁷. В рамках этой же геополитической концепции находились и призывы «Русских новостей» удовлетворить претензии балканских славянских народов, на роль защитника которых претендовал Советский Союз. Обоснованием притязаний этих стран служила, по мнению просоветски настроенной эмиграции, их активная помощь антигитлеровской коалиции на заключительном этапе Второй мировой войны. И хотя позиция западных демократий не позволила союзникам СССР получить то, на что они претендовали, тем не менее, полагала

¹⁶ Русские новости. 1947. 6 июня.

¹⁷ Leeds Russian Archive (LRA). MS 1285\1043.

эта часть российской диаспоры, решение этого вопроса — дело будущего: «Югославия получит единственный пригодный для нее порт Адриатики, и Болгария выйдет к Эгейскому морю»¹⁸.

Вместе с тем некоторые из авторов «Русских новостей» подчеркивали тот факт, что возможное стремление Советского Союза поставить своих союзников в Центральной и Восточной Европе под более жесткий контроль может встретить их решительное сопротивление и в конечном итоге будет вредить российским национальным интересам. Старый кадет Б. Нольде, известный в эмиграции специалист по международным проблемам, указывал: «Каково бы ни было сейчас положение, занятое тем или иным временным клиентом Советов за рубежом, нет настоящих средств надеть аркан на политику соседних самостоятельных народностей. Только сознательный отказ от соблазна вмешательства в их дела способен обеспечить русский интерес: всякая иная линия политики будет толкать эти народности на путь борьбы с их великим восточным соседом»¹⁹.

Как известно, одним из важнейших регионов, где сталкивались в первые послевоенные годы интересы великих держав, был Ближний и Средний Восток. Желание СССР укрепить свое влияние в Иране было настолько очевидным, что не могло пройти незамеченным и теми эмигрантами, которые сочувствовали советской позиции. Заявляя, что «нет оснований предполагать, что Москва стремится к расширению советской территории за счет персидской», они на первый план выдвигали идеологическую составляющую: сочувствие со стороны «советской общественности» турецким и курдским сторонникам культурной и территориальной автономии в Иране. Учитывая реальную роль общественности в принятии важнейших внешнеполитических решений в СССР, вряд ли можно признать заявления такого рода вполне искренними. Вместе с тем симптоматично выглядит высказывание В.П. Никитина: «Нет ни азербайджанской, ни тихоокеанской, ни восточно-европейской проблем. Есть один голый новый факт, с которым кое-кому трудно примириться: Россия вышла на мировую арену со своей новой

¹⁸ Русские новости. 1947. 14 февр.

¹⁹ Нольде Б. Европейское будущее // Там же. 1925. 25 мая.

А. В. Антошин. Советская внешняя политика эпохи «позднего сталинизма» на страницах правдой»²⁰. На наш взгляд, такие высказывания фактически обосновывали возможность советской экспансии в любой точке земного шара.

Политика США, по мнению В.П. Никитина, угрожала прежде всего национальной независимости стран Ближнего Востока, а отнюдь не экспансии СССР в этом регионе. Уже в апреле 1947 г. эмигрантский публицист констатировал, что Иран «наводнен всякого рода американскими миссиями и советниками», которые были в армии, жандармерии, министерстве народного здравоохранения и т. д. Но Иран — «это не Никарагуа или Панама. Это — страна древней утонченной культуры, на сознании которой зиждется ее несомненный патриотизм». Именно так В.П. Никитин обосновывал свой тезис о неминуемом провале «американизации» Ирана²¹. Вместе с тем в публикациях «Русских новостей» во второй половине 1940-х гг. неоднократно проводилась мысль о том, что именно США занимают место Великобритании как главной империалистической державы в районе Средиземного моря. Об этом, в частности, свидетельствовало намерение Египта закупать американское оружие.

Помимо угрозы американского контроля над районом Ближнего и Среднего Востока, просоветская эмиграция стремилась доказать экспансионистский характер внешней политики Великобритании в этом регионе. Писал об этом, например, «Советский патриот». Осознавая, что именно Великобритания — исторически главный конкурент Советского Союза в борьбе за контроль над этим районом земного шара, эмигрантские публицисты данного направления обвиняли ее в поддержке «самых реакционных сил на Ближнем Востоке»²².

Следует отметить, что в работах современных британских историков эти события трактуются несколько иначе. Автор предисловия к сборнику документов «Британия и Суэц» английский историк С. Лукас отмечает, что послевоенное правительство лейбористов во

²⁰ Никитин В. П. Проблема Азербайджана // Там же. 1946. 4 янв.

²¹ Никитин В. П. Американцы в Иране // Там же. 1947. 25 апр.

²² Гудзац Ю. Что происходит на Ближнем Востоке // Советский патриот. 1946. 8 февр.

главе с К. Эттли осознавало рост недовольства среди арабских националистов и поэтому провозгласило политику «партнерства», согласно которой Лондон должен был финансировать экономическое развитие региона. Но вследствие больших экономических потерь, которые понесла Великобритания в результате Второй мировой войны, эта политика не удалась²³.

Интересен анализ ситуации в регионе, предпринятый Б. Нольде на страницах «Русских новостей». Характеризуя факты занятия Сирии и Ливана британскими войсками в годы Второй мировой войны, старый русский либерал указывал, что этим «политический контроль Англии над восточным побережьем Средиземного моря был твердо закреплен, притом в условиях живейшей симпатии сирийских и ливанских арабов. То звено в арабской политике Англии, которое выпало из ее рук в 1916 г. в момент соглашения Сайкс — Пико, оказалось, наконец, восстановленным». При этом Б. Нольде подчеркивал, что британская экспансия здесь прежде всего угрожала интересам Франции: «Сейчас, как во время войны 1914–1918 гг., вопрос Сирии и Ливана, в своей форме и в подробностях по-новому, но в корне по-старому стал клином между Англией и Францией»²⁴.

Отметим, что политика Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке оценивалась эмигрантскими публицистами как одно из проявлений ее общей линии на переустройство Империи. Активизация внешнеполитической деятельности Великобритании на Ближнем Востоке во многом связывалась с вынужденным предоставлением самостоятельности Индии и необходимостью «очистить» Египет²⁵. Перестройка управления Бирмой, Малайей и рядом других территорий была, по мнению просоветски настроенной эмиграции, нацелена на то, чтобы сделать Индийский океан «английским озером». Более прочными считались позиции Великобритании на западном (африканском) побережье Индийского океана, однако здесь, как полагали сочувствующие СССР эмигранты, британцы опасались

²³ Britain and Suez: the Lion's Last Roar / Ed. by S. Lukas. Manchester; New York, 1996. P. 8.

²⁴ Нольде Б. Сирия и Ливан // Русские новости. 1945. 8 июня.

²⁵ Русские новости. 1947. 3 янв.

советского проникновения в район Персидского залива. Именно этим объяснялись планы перенесения штаб-квартиры британского командования из района Суэца в Найроби и усиление британского контроля над бывшим Итальянским Сомали²⁶.

Как известно, уже в конце 1940 — начале 1950-х гг. Великобритания была сильно обеспокоена проблемой сохранения своего влияния в Африке. Для этого в условиях распада британской колониальной империи необходимо было предпринять особые меры. В частности, именно эти соображения вызвали к жизни, по мнению публицистов просоветских парижских «Русских новостей», план создания трансафриканского канала, соединявшего Танганьнику с устьем Нигера, а также прокладку стратегической дороги между Восточной Африкой и Нигерией²⁷.

Таким образом, в первые послевоенные годы весьма непростой была ситуация в той части диаспоры, которая симпатизировала Советскому Союзу. Часть печатных изданий этого направления лишь повторяли стереотипные тезисы советских средств массовой информации, возлагая всю вину за эскалацию напряженности в мире на США и их союзников и заявляя об отсутствии у СССР каких-либо экспансионистских замыслов. Однако к поддержке Советского Союза после Второй мировой войны склонялись и некоторые старые русские либералы, бывшие деятели партии кадетов и Республиканско-демократического объединения. Для них внешняя политика СССР была лишь выражением законных национальных интересов России, понимаемых в рамках классической геополитики начала XX в. Усиление позиций СССР на Балканах и в Восточной Европе, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, стремление контролировать Босфор и Дарданеллы представляли собой, по мнению А.Ф. Ступницкого, А.М. Михельсона и других бывших соратников П.Н. Милюкова, свидетельство того, что закончившая экономическую модернизацию Россия восстанавливает утраченные позиции на мировой арене.

²⁶ Там же. 4 апр.

²⁷ Там же.

Г.Б. Дудченко

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАУЧНОЙ ПЕРИОДИКИ КНР В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

На протяжении второй половины XX в. для развития общественных наук характерны тенденции, которые даже при всем различии по странам политико-идеологических основ можно отнести к глобальным. В это время возникают новые научные школы и направления, происходит рост числа исследовательских центров и научных работников, расширяется и развивается основная форма представления результатов научных исследований — публикации в печати.

Отсюда возникает интерес к тому, как ученые той или иной страны рассматривали другие страны, их историю, политику, общество, экономику, какие подходы и оценки преобладали. На основе данного историографического анализа либо с использованием его результатов можно делать выводы и о развитии науки, и об общественных настроениях, а в ряде случаев и о политике государства.

В предлагаемой вашему вниманию работе затрагивается тема взаимоотношений в определенную глобальную эпоху двух крупнейших в мире стран — СССР (по площади территории) и КНР (по численности населения). В частности, представлены взгляды ученых, выраженные на страницах издаваемых в Китае научных журналах, на общественно-политическую ситуацию в СССР и историю отношений двух стран.

Все рассматриваемое десятилетие — 70-е годы XX в. — относится к так называемому «ледниковому периоду» советско-китайских отношений. Несмотря на то что оба государства общепризнанно относились к социалистическим, эти годы характеризуются идеологическим противостоянием, военной и дипломатической конфронтацией, отсутствием культурных, научных и образовательных контактов. При этом во внутренней политике КНР происходили

заметные сдвиги, менялось политическое руководство страны, и если начало 70-х годов относится к продолжению «культурной революции», то конец десятилетия отмечен началом курса реформ и модернизаций.

Авторы научных публикаций, затрагивавших темы, связанные с СССР, не могли не учитывать возобладавшие в Китае воззрения, а также развивавшиеся в стране теории и трактовки мировой политики, в которых определенная роль и место отводились разным государствам, включая Советский Союз.

Некоторые из теорий были основаны на том, что одни страны противопоставлялись другим по какому-либо признаку в глобальном масштабе. Таковы противопоставления Востока и Запада, «мировой деревни» и «мирового города», богатых и бедных стран мира.

С началом «культурной революции» оказалась востребованной теория «промежуточных зон», выдвинутая в Китае еще в 1946 г.¹ Она заключается в том, есть США, стремящиеся к мировой гегемонии, и есть противостоящие им социалистические страны, а между ними — «промежуточная зона», т. е. все остальные государства. Сначала Соединенные Штаты будут стремиться подчинить своему влиянию «промежуточную зону» и только затем перейдут к соцлагерю. Отсюда вытекает, что странам, расположенным между двумя полюсами, необходимы консолидация усилий и согласованность политических действий, чтобы установить первенство позиций в антиколониальной борьбе, революционном и рабочем движении. В дальнейшем «промежуточных зон» было выделено две. Первая включала в себя испытывавшие гнет колонизаторов страны Азии, Африки и Латинской Америки, среди которых Китай представлялся явным лидером. Вторая — это развитые капиталистические страны за исключением США, что дает основание Китаю вступать с этими государствами в диалог и открыто сотрудничать. Советский Союз в данной конструкции среди мировых центров силы отходил на задний план.

К этому же периоду относится возникновение теории «трех миров». Ее суть состоит в том, что в противовес привычному делению стран мира на социалистические, развитые капиталистические

¹ Внешняя политика КНР. М., 1971. С. 34–35.

и развивающиеся страны, в Китае была разработана новая, и тоже трехмерная, классификация. К «первому миру» относились две страны — сверхдержавы СССР и США. Ко «второму миру» — другие развитые страны, которые довольствуются своим второстепенным положением. Например, страны Западной Европы. «Третий мир», согласно данной теории, составляли социалистические страны, кроме Советского Союза, и все развивающиеся страны². То есть к нему относились страны с низким уровнем жизни, в которых наиболее остро были выражены глобальные проблемы человечества. При этом, согласно одному из вариантов развития теории, страны «первого мира» не только противостоят друг другу, но и стремятся подчинить себе и «второй», и «третий мир».

Далее теорию можно развивать, выводя необходимость объединения усилий стран «третьего мира» не только в преодолении общих социальных, экономических, гуманитарных трудностей, но и в противоборстве планам и замыслам стран «первого мира». Китайской Народной Республике в этом процессе отводилась ключевая роль. Таким образом, с позиций теории «трех миров» отношение к Советскому Союзу становилось двояким. С одной стороны, он признавался сверхдержавой, влиятельнейшим государством мира, с другой — прообразом «идейного противника».

Однако перед ученым сообществом КНР стояла задача рассмотреть Советский Союз не только с точки зрения международного положения в глобальном масштабе. Сквозь призму определенных политико-идеологических установок претерпевали изменения взгляды официальных кругов на зарубежные страны, включая Советский Союз, по многим конкретным вопросам.

Так в изучении истории возникали новые оценки восточноазиатской политики России. Применительно к XIX — началу XX в. в целом она рассматривалась не иначе как агрессивная, захватническая, направленная на разорение природных богатств Северо-Восточного Китая. Примерно так же трактовалась политика Японии в регионе. И вообще, слабый, отсталый в технологическом развитии, потерпевший поражение в «опиумных войнах» Китай эпохи заката Цинской

² Внешняя политика и дипломатия зарубежных стран. М., 1981. С. 220.

династии стал предметом дележа сфер влияния ведущих империалистических стран мира, в том числе Российской Империи. В частности, Россия, в формулировках китайских историков и пропагандистов, воспользовавшись слабостью Китая, вынудила его подписать Айгунский (1858 г.), а затем и Пекинский (1860 г.) договор.

В связи с этим в середине и в конце 60-х годов в Китае с особыми усилиями были подняты вопросы территориального размежевания. На фоне общего похолодания советско-китайских отношений территориальные претензии явились наиболее острой проблемой. В начале ноября 1966 г. заместитель министра просвещения КНР Дуань Лофу обратился к хунвэйбинам с призывом помнить о директиве Мао Цзэдуна о том, что «китайский народ морально готов своими силами бороться за возвращение потерянных территорий, которые когда-то принадлежали Китаю»³.

Другой особенностью обстановки, в которой приходилось действовать китайским ученым, было то, что многие формы организации научной работы и представления результатов исследований в начале 70-х годов приходилось воссоздавать заново. До этого на протяжении примерно десяти лет воззрения китайских официальных кругов излагались в соответствующих документах, политических докладах, а также в публицистических газетных статьях, имевших ярко выраженную обличительную риторику. Особенно выделяются статьи в центральной газете «Жэньминь жибао». В то же самое время говорить о развитии сугубо научной периодики не приходится.

В отечественной историографии указывается, что с началом «культурной революции» в Китае прекратились выпуски исторических журналов и книг, преподавание истории в школах и вузах, подготовка кадров историков⁴. Очевидно, в академических кругах Китая также снизился интерес к России и Советскому Союзу, заданный позитивным восприятием, стремлением познавать соседнюю страну с позиций научного поиска. Так, Ф.В. Соловьев в 1973 г. заметил: «Вместо пропаганды советской действительности в Китае началась

³ Крушанов А.И. Территориальные «претензии» маоистов и правда истории. Владивосток, 1970. С. 9.

⁴ Тихвинский С.Л. История Китая и современность. М., 1976. С. 300.

кампания неслыханной клеветы на Советский Союз. Это дает основание сказать, что за последние 10–12 лет в Китае не была опубликована ни одна исследовательская работа о Советском Союзе⁵.

Тем не менее в первой половине 1970-х годов некоторые из научных периодических изданий возобновили свой выпуск. Журналы «Каогу» («Археология») и «Вэньбу» («Материальная культура») вновь стали выходить в 1972 г. Вскоре в данных журналах на основе археологической тематики были представлены попытки обоснования исторических прав Китая на советские территории.

Тогда же в журнале «Хунци» (Красное знамя) вышла серия статей Ши Цзюня по всемирной истории, также имевших антисоветскую направленность.⁶ Ши Цзюн — очевидный псевдоним, в переводе означающий «армия истории». В данное время под такими именами обычно скрывались большие группы авторов. В своих статьях Ши Цзюн место и роль России и Советского Союза в мировой истории определяет с позиций прообраза теории «трех миров». Например, между странами Азии, Африки и Латинской Америки с Китаем много общего, а именно — им всем приходилось давать отпор «западным колонизаторам».

В 1974 г. после восьмилетнего перерыва возобновилось издание журнала «Лиши Яньцзю» («Исторические исследования»). Одним из основных направлений в подборе публикаций журнала явилось обоснование территориальных претензий КНР к Советскому Союзу. Данное обоснование производилось разными путями. В частности, среди ключевых моментов публикаций были тезисы о «единстве китайской нации», в которую включались народы Приамурья и Приморья, и о русских землепроходцах как проводниках захватнической политики царской России. То есть в данном случае публикации журнала касались крайне негативных оценок отдельных страниц российской истории.

⁵ Соловьев Ф.В. Китайская историография истории советского Дальнего Востока // История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток, 1973. С. 48.

⁶ Рябченко Н.П. КНР — СССР: годы конфронтации (1969–1982). Владивосток, 2006. С. 74.

Оба названных тезиса раскрываются в статье Тянь Цисяня и Тянь Жукана «Землепроходцы» или грабители, вторгшиеся в Китай?», которая была опубликована в первом номере «Лиши яньцзю» за 1974 г. Первая часть статьи озаглавлена «Бассейн Хэйлунцзяна испокон веков является территорией Китая». В ней говорилось, что, по сути, все народы к северу от Амура и к востоку от Уссури на всем протяжении истории с древнейших времен и до Цинского правления включительно были китайскими данниками. По мнению авторов, к ним относятся и государство Бохай, и Золотая империя чжурчженей, и народность куи, обитавшая на Сахалине⁷.

Вторая часть статьи называется «Бассейн Хэйлунцзяна является родиной маньчжуров — ветви китайской нации», а третья — «Какой же “свет” и какую “цивилизацию” принесли русские нарушители границы?» В этой части статьи В. Поярков и Е. Хабаров представлены как агрессоры, вторгшиеся в Китай. Тянь Цисянь и Тянь Жукан характеризуют их действия следующим образом: «В поисках продовольствия и мехов русские врываются в подвластные Китаю даурские деревни и учиняли там грабеж и беспорядок». В то же время авторы подчеркнули: «Преступления Пояркова и Хабарова по отношению к Китаю ни в коей мере не являются их самостоятельными действиями, а представляют собой результат добросовестного осуществления ими политики царского правительства»⁸.

Среди других публикаций, помещенных в журнале «Лиши яньцзю» в последние годы «культурной революции», статьи Чжу Ли и Чжу Э «Невельской в авангарде агрессии царской России в районе Амура в середине XIX в.», Бу Да «Ранний период агрессии царской России против западной части нашей страны», Чжун Э «Китайско-русский “Айгунский договор” и гегемонистская логика советских ревизионистов» и многие другие. Даже в одних только заголовках статей выражена пропагандистская направленность. Сам термин

⁷ Цыбикжапова С.-Х. Три основных тезиса маоистской историографии истории народов русского Дальнего Востока до середины XVII века (журнал «Лиши яньцзю», 1974–1975 гг.) // Критика фальсификации общественно-политического развития Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 96–98, 103–104.

⁸ Там же. С. 100, 102.

«ревизионизм» в данном случае означает в том числе и то, что советские историки, по мнению их китайских коллег, перешли к оправданию захватнической политики царского режима в дореволюционной России, которая к тому же стала одной из ведущих империалистических держав.

Однако эта позиция затрагивала не только вопросы территориального размежевания с Китаем, перед китайскими историками ставилась задача шире — разоблачить агрессивную сущность внешней политики царской России, чего бы она ни касалась. Так, в том же журнале «Лиши яньцзю» появились статьи Ши Бина «Неизменная цель царской России — мировая гегемония», Ши Бина и Бао Биня «Агрессивная экспансия царской России на Балканах», Ли Юаньмина «Европейская политика царской России»⁹. В данной постановке вопроса в чем-то просматривается традиционный для Китая путь познания «от частного к целому» (цун дьянь дао мянь).¹⁰ В любом случае очевидно, что такие публикации представлялись нелишними в деле создания негативного образа «северного соседа».

Вслед за журналом «Лиши яньцзю» тогда же, в 1974 г., статьи аналогичной направленности стали появляться в других научных журналах, издаваемых в КНР. В журнале «Дили чжиши» («Географические знания») была опубликована статья под названием «Взглянем на Амур с точки зрения исторической географии», и в «Бэйцзин дасюэ сюэбао» («Вестник Пекинского университета») — статья «Борьба Канси в защиту единства страны и за отражение агрессии царской России». Основная идея данных статей состоит в том, что царская Россия захватила китайские земли, а Советский Союз является защитником, преемником и продолжателем этих захватов.

В следующем 1975 г. в «Лиши яньцзю» появилась статья Ши Сюн «Вчера и сегодня», в которой критике была подвергнута советская историография русско-китайских и советско-китайских отношений.

⁹ Рябченко Н.П. КНР — СССР: годы конфронтации (1969–1982). С. 74, 86–87.

¹⁰ Малухин А.М. Некоторые аспекты маоистского курса в отношении СССР // Информ. Бюл. / ИДВ АН СССР. М., 1976. № 75. С. 81; Рябченко Н.П. КНР — СССР: годы конфронтации (1969–1982). С. 80.

По мнению автора, в среде советских ученых происходил некий пересмотр в оценках фактов и событий. В частности, если в недавнем прошлом исторические труды давали самую отрицательную характеристику такому «царскому агрессору», как Ерофей Хабаров, то теперь ему воздвигают памятники¹¹.

На страницах журнала не была оставлена без внимания и деятельность Русской духовной миссии в Пекине в 1715–1917 гг. Долгие годы она фактически была и центром культурных контактов между странами, и дипломатическим представительством Российской империи. В связи с этим в 1975 г. в «Лиши яньцзю» была напечатана статья Фан Сю «Российская православная духовная миссия — орудие агрессии царской России». Деятельность миссии расценивалась как шпионская и подрывная. По мнению автора, до 1860 г. миссия была центром политической, экономической и культурной агрессии царской России в Китае, а после подписания русско-китайского Пекинского договора «она стала еще более скрытно заниматься политической деятельностью и продолжать политику агрессии»¹².

Рассматривая то, как в Китае в 70-е годы XX в. изучали темы, связанные с Россией и Советским Союзом, трудно упустить один примечательный момент. Он касается организации научно-исследовательской и издательской деятельности. В период «культурной революции», т. е. до 1976 г., она была сосредоточена в центральных учреждениях страны. Все вышеназванные журналы выходили в Пекине и Шанхае.

Некоторым исключением представляется Институт Сибири, успешно действовавший в это же время в Харбине, который позже войдет в состав Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян. В 1974 г. был создан печатный орган Института — закрытый журнал «Сиболия юй юньдун» («Сибирь и Дальний Восток»)¹³.

¹¹ Тихвинский С.Л. История Китая и современность. С. 348–349.

¹² Там же. С. 349.

¹³ Внуков К.В. Советология КНР и советско-китайские отношения (1970–1990 гг.) // Российская Академия наук. Институт Дальнего Востока. Информационный бюллетень. № 8. М., 1992. С. 83.

Положение дел стало меняться в конце 1970-х гг., когда была сформирована система Академий общественных наук, а также возникли соответствующие исследовательские центры при вузах. Почти каждый из институтов и исследовательских центров учреждал свой печатный орган. Причем эта активность оказалась ярко выраженной по всему Китаю, как в центральных мегаполисах, так и в провинциях и национальных автономных округах.

В Пекине в Институте Советского Союза и стран Восточной Европы АОН КНР с июля 1979 г. сначала на нерегулярной основе, а с 1985 г. раз в два месяца начал выходить журнал «Сулянь вэньти ицун» («Переводные материалы по проблемам СССР»). В 1988 г. он стал открытым. С августа 1981 г. начал издаваться закрытый журнал Института «Сулянь дунъоу вэньти» («Проблемы СССР и Восточной Европы»). Институт СССР и Восточной Европы при Народном университете Китая с 1980 г. приступил к изданию закрытого журнала «Сулянь юй дунъоу» («Советский Союз и Восточная Европа»). В том же году тиражом около 10 тыс. экземпляров начал выходить специализированный журнал «Сулянь вэньсюэ» («Советская литература») — орган Института по изучению советской литературы при Пекинском педагогическом университете. В 1979–1985 гг. под названием «Сулянь вэньи» («Литература и искусство Советского Союза») издавался орган Института зарубежной литературы Пекинского института иностранных языков¹⁴.

Научные периодические издания, специализированные на советской тематике, стали появляться в регионах Китая, близко расположенных к территории СССР. Так, Институт научно-технической информации провинции Хэйлунцзян с 1980 г. начал выпускать журнал «Сулянь кэсюэ юй цзишу» («Наука и техника в СССР») объемом 50 страниц и тиражом 6 тыс. экземпляров. В Институте СССР при Цзилиньском университете с 1985 г. с грифом «для служебного пользования» стал издаваться ежеквартальный журнал «Сулянь шэхуэй кэсюэ яньцзю» («Изучение общественных наук СССР»).

Свои издания появились и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. С 1981 г. Институт Средней Азии АОН СУАР приступил

¹⁴ Там же. С. 74–75, 94, 98–99.

к выпуску журнала «Сулянь чжунъя яньцзю» («Изучение советской Средней Азии») тиражом 800 экземпляров. С того же года в Институте проблем СССР Синьцзянском университете стал выходить журнал «Сулянь вэньти цзыляо» («Материалы по проблемам Советского Союза»)¹⁵.

Однако исследовательские центры и их периодические издания появились и в других районах КНР, которые располагались вдали от границ с Советским Союзом. В Шанхайском институте международных проблем в период 1978–1985 гг. выходил закрытый журнал «Гоцзи вэньти цзыляо» («Материалы по международным проблемам»), с 1982 г. — ежегодники международной обстановки «Гоцзи синши няньцзянь», с 1987 г. — открытый журнал «Гоцзи чжаньван» («Международное обозрение»). В Институте проблем Советского Союза при Аньхойском университете с 1981 г. был начат выпуск журнала «Сулянь вэньти яньцзю цзыляо» («Материалы исследований по проблемам Советского Союза»), выходившего раз в два месяца. В Уханьском университете в сотрудничестве с 10 другими вузами из самых разных районов Китая был начат выпуск журнала «Эсу вэньсюэ» («Русская и советская литература»).

В 1978 г. при историческом факультете Ланьчжоуского университета провинции Ганьсу была создана кафедра изучения истории Советского Союза. Свои материалы преподаватели и сотрудники кафедры могли публиковать в университетских журналах: открытым — «Сибэй лиши» («История Северо-Запада») и в закрытых — ежеквартальнике «Сулянь лиши» («История СССР») и «Цзиньжи Сулянь дунъоу яньцзю» («Изучение современных Советского Союза и Восточной Европы»). Кафедра истории СССР при историческом факультете университета Шэньси (г. Сиань) создана в том же 1978 г., на ее базе стал выходить закрытый журнал «Сулянь лиши вэньти» («Проблемы истории СССР»)¹⁶.

Кроме исследовательских центров свои периодические издания получили и специализированные научные общества КНР. В области изучения истории китайско-русских отношений было создано два

¹⁵ Там же. С. 68, 89, 95–96.

¹⁶ Там же. С. 71, 96–97, 99.

общества. Одно из них — Северо-китайское общество по изучению китайско-русских отношений — в сентябре 1978 г., другое — Научное общество истории китайско-русских отношений — в июне 1981 г. С 1979 г. тиражом 400 экземпляров стал выходить закрытый бюллетень «Чжунсу гуаньси лиши» («История китайско-советских отношений»), с 1981 г. — бюллетень «Чжун э гуаньси вэньти» («Проблемы китайско-русских отношений»)¹⁷.

Таким образом, в конце 70-х — начале 80-х годов XX в. в КНР открывается новый этап в развитии научной периодики в области изучения Советского Союза и страниц российской истории.

¹⁷ Там же. С. 103.

М. Макроберт, Н. Г. Патрушева

ИСТОРИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЦЕНЗУРЫ ПОЛ ФУТ (1926–2011)

Ирвин Пол Фут родился 14 июля 1926 г. на южном побережье Англии в маленьком городке Swanage¹. Он был младшим из пяти сыновей в семье, владевшей мясной лавкой. В 1945 г. после окончания средней школы он был призван в армию и зачислен в Королевскую артиллерию водителем-механиком. Затем он поступил на курсы переводчиков и после полугода занятий в Кембридже в течение 1946–1948 гг. служил в Британском представительстве в Советских вооруженных силах в Германии в Потсдаме. Интенсивный курс русского языка, пройденный в Кембридже, а также возможность учиться в университете бесплатно, предоставляемая участникам войны, определили выбор профессии. В 1948–1951 гг. Фут учился в колледже St. Edmund Hall в Оксфорде. Его специализацией стали русский и немецкий языки. В 1952 г. он получил диплом по славистике и год работал в Бодлианской библиотеке.

С 1953 г. Фут стал преподавать в Оксфордском университете русский язык и литературу, в 1964 г. стал членом Queen's College. Его курсы лекций охватывали широкий временной период — от древнерусской литературы и русского поэтического фольклора с углубленным изучением творчества великих писателей XVIII–XIX вв.: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого и др. до литературы начала XX в. Он также вел занятия по истории русского языка и переводческой практике. Наставник трех поколений русистов, человек глубочайшей эрудиции, он отличался умением слушать и оказывать поддержку своим студентам в трудных ситуациях. Его часто приглашали в другие университеты как стороннего экзаменатора. Со многими бывшими студентами он поддерживал постоянные контакты всю жизнь.

© М. Макроберт, Н. Г. Патрушева, 2012

¹ Скончался 1 марта 2011 г. в Оксфорде.

В 1970–1980-х гг. Фут был редактором английских научных журналов «Oxford Slavonic Papers» и «Slavonic and East European Review». По словам его коллег, он был редактором, которого любой хотел бы себе пожелать. Внимательно и доброжелательно он читал материал, оценивал изложение, проверял справочный аппарат, исправлял орфографию.

Научной работой Фут занимался всю жизнь. У него были две любимые темы: творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина и история российской цензуры XIX в.

Его первые научные публикации были подсказаны преподавательским опытом: поэтическая антология произведений А.С. Пушкина (I. № 1)², сборник русского фольклора (I. № 3) и исследование о русских глаголах движения, актуальность которого подтвердило переиздание 2009 г. (I. № 2). В газете «The Times» отмечалось что «Пол Фут был выдающимся переводчиком русских романов, в частности лермонтовского шедевра “Герой нашего времени” и великого произведения Толстого “Хаджи-Мурат”. Его переводы, простые, верные и живые <...> — передают не только смысл, но и ритмику русских оригиналов и по-прежнему не имеют себе равных»³.

Последними переводами Фута стали работы известного исследователя российской цензуры А.В. Блюма — лекция по истории советской цензуры и статья о судьбе сочинений Дж. Оруэла в России (III. № 10, 11).

На вопрос «Почему Вы посвятили себя изучению русского языка и литературы?» Фут отвечал, что не читал в детстве Ф.М. Достоевского, но его всегда интересовала возможность изучать языки. Русский язык, по его словам, он изучал более 60 лет. Язык он не только хорошо знал, но и чувствовал, что было видно, когда он проверял и исправлял переводы своих статей. Его жизнь была тесно связана с Россией, куда он приезжал более 30 раз в качестве исследователя и переводчика, являясь членом Общества дружбы СССР — Великобритания. Его связывала многолетняя дружба с деятелями

² В скобках указаны номер раздела и порядковый номер публикации в Списке научных работ И.П. Фута, помещенном в конце статьи.

³ The Times. 2011. 21 April. P. 83.

русской науки и культуры: режиссером Г.М. Козинцевым, исследователями и переводчиками С.А. Макашиным, И.Н. Гилинским, В.В. Прозоровым, А.В. Блюмом и многими другими. «Если могу быть Вам чем-нибудь полезным, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне», — фраза Фута, повторяющаяся много раз в переписке с российскими учеными. Исследователям он присылал книги, ксероксы статей из библиотек Оксфорда и Лондона, а их детям, изучающим английский язык, — книжки про Винни-Пуха, Шерлока Холмса, учебники по английской грамматике. Он был очень гостеприимен. Те, кому удалось побывать в Оксфорде, уезжали с массой впечатлений. Профессор Саратовского университета В.В. Прозоров писал после своей поездки в Англию: «Рассказываю своим русским коллегам о замечательных днях, которые Вы мне подарили», а также «про встречи с удивительно интересным человеком по имени Пол Фут»⁴.

Наибольший интерес у Фута вызывало творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина. Как известно, писатель думал, что его произведения не будут переведены и поняты за рубежом⁵. Фут считал, что Щедрин в любой период истории России (да и не одной России), «совершенно *современный* писатель», так как его сочинения актуальны в любую эпоху, потому что по существу они «относятся к человеческой природе»⁶.

О творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина Фут написал несколько работ. Первой стал историографический очерк, посвященный изучению «Истории одного города» в мировой критике (I. № 4). Вниманию читателей был представлен многолетний спор исследователей о прочтении финала сатиры — подробная историография изучения произведения. По мнению Фута, прочтение финала, рассматривающего его как «очистительный вихрь революции», было наименее обосновано. Более тонким, с его точки зрения, было мнение группы

⁴ Письма В.В. Прозорова И. П. Футу от 17 февраля и 20 апреля 1998 г. (архив И.П. Фута).

⁵ Келейникова Н.М. «Господа Головлевы» в откликах зарубежной критики // Рус. лит. 1981. № 2. С. 234.

⁶ Письма И.П. Фута Т.Н. Головиной от 21 сентября 1998 г. и 19 сентября 2000 г. (архив И.П. Фута).

литературоведов (Я.Е. Эльсберг, В.Я. Кирпотин, С.А. Макашин, А.С. Бушмин, Е.И. Покусаев, и французская исследовательница Кира Санина), которые говорили не о «народной революции», а о катастрофе⁷. Исследование Фута основано на текстологическом изучении различных версий текста: черновики, журнальных и книжных публикаций⁸. Он считал, что Салтыков-Щедрин не пытался написать сатирический вариант русской истории, а стремился, используя исторические факты, сатирически представить пороки социальной жизни России, а финал подразумевает николаевскую реакцию после поражения декабристов⁹. Бельгийский исследователь И. Бланков благодарил Фута за присланный оттиск статьи и писал, что читал ее с большим интересом и считает исчерпывающей¹⁰.

Следующая статья была посвящена роману «Господа Головлевы» (I. № 5). Работы Фута заинтересовали и советских ученых. А.С. Бушмин писал: «Ознакомился <...> с вашими весьма содержательными исследованиями. Ваши суждения по затронутым вопросам и особенно о финале “Истории одного города” заслуживают серьезного внимания щедриноведов»¹¹. Ему особенно интересным показался этюд о «Господах Головлевых», в частности, «тонкие наблюдения над психологической содержательностью образа Иудушки»¹². С.А. Макашин (дружбой с которым он в дальнейшем будет связан более 20 лет), отмечал: «Вы дали аналитическую сводку всех существующих взглядов на финал “Истории”, какой до сих пор еще не было в литературе о Салтыкове, и в этом смысле внесли весьма ценный вклад в изучение знаменитого произведения.

⁷ *Катарский И.* Русская литература XIX века в освещении «Оксфорд славоник пейперс» (Критико-библиографический обзор) // Русская литература и ее зарубежные критики: Сб. ст. М., 1974. С. 270—274.

⁸ Известно, что Фут советовался с литературоведом М.И. Маловой относительно рукописи «Опись градоначальникам...» и они оба одновременно пришли к выводу, что в ней есть намек на Николая II (Письмо М.И. Маловой И.П. Футу от 1 июня 1967 г. (архив И.П. Фута)).

⁹ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 546.

¹⁰ Письмо И. Бланкова И.П. Футу от 31 марта 1969 г. (архив И.П. Фута).

¹¹ Письмо А.С. Бушмина И.П. Футу от 19 июля 1969 г. (архив И.П. Фута).

¹² Письмо А.С. Бушмина И.П. Футу от 10 мая 1969 г. (архив И.П. Фута).

<...> Загадка, заданная Салтыковым в финале, на мой взгляд, остается по-прежнему не разгаданной с полной и убеждающей всех доказательностью»¹³. Позднее он писал: «Вы высказали много тонких соображений в пользу своего взгляда, обратили внимание на ряд серьезных трудностей, стоящих перед сторонниками противоположного толкования — одним словом, Вы впервые с такой полнотой и аналитической обстоятельностью осветили историю одного из наиболее неясных вопросов комментария к Щедрину. Не могу сказать, чтобы я встал на Вашу точку зрения, но что Ваша статья усилила во мне убеждение в загадочности финала — это так»¹⁴. В ответном письме Фут объяснил цель своей работы: «Для меня имели большой интерес Ваши замечания о проблеме финала “Истории одного города”. Конечно, я с Вами совершенно согласен, что конец сатиры загадочен и вряд ли подлежит окончательному разрешению. Своей статьей я не думал “решить” эту проблему, а скорее снова “открыть” ее для дальнейшего обсуждения. Главным образом, я хотел указать на слабые стороны некоторых трактовок этого вопроса и на те места в тексте, которые, на мой взгляд, делают сомнительным мнение большинства авторитетов о “революционном” конце сатиры. Надеюсь, что, может быть, в ответ на мою статью кто-нибудь выступит с выяснением этих трудных мест»¹⁵.

Изучая работу Салтыкова-Щедрин как соредактора «Отечественных записок», Фут уделил внимание переводам англоязычной литературы, печатавшимся в журнале (I. № 6). Некоторые результаты своих исследований он передал литературоведу и текстологу, сотруднику Государственной Публичной библиотеки В.Э. Бограду, который в это время закончил работу над комментированной ролпсью «Отечественных записок». Рукопись уже находилась в издательстве, и исправления можно было сделать лишь минимальные¹⁶.

¹³ Письмо С.А. Макашина И. П. Футу от 10 декабря 1968 г. (архив И.П. Фута).

¹⁴ Письмо С.А. Макашина И. П. Футу от 28 февраля 1969 г. (архив И.П. Фута).

¹⁵ Копия письма И.П. Фута С.А. Макашину от 6 февраля 1969 г. (архив И.П. Фута).

¹⁶ *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки», 1868—1884: указатель содержания. М., 1971. С. 523—524, 526.

Благодаря Фута, Бюград писал: «Ваши данные об английской беллетристике в “Отечественных записках” представляют большой интерес. Мне остается лишь пожалеть, что наше знакомство не состоялось раньше. Воспользовавшись Вашей любезностью, можно было бы сообщить много нового об английской литературе на страницах “Отечественных записок”»¹⁷.

В 1977 г. в Оксфорде вышел сборник «Избранные сатирические произведения Салтыкова-Щедрина» (I. № 7), который состоял из текстов писателя, напечатанных по-русски, и пояснительных замечаний и комментариев к ним на английском языке. Книга была снабжена обстоятельной вводной статьей, перечнем трудных для иностранного читателя русских слов и библиографией. И эта работа получила высокую оценку специалистов. Макашин отметил: «Это своего рода хрестоматия по социально-политической истории России, составленная из фрагментов щедринских произведений»¹⁸. Н.М. Келейникова (профессор Пятигорского института иностранных языков) отметила: «Подбор материала и комментарии сделаны с присущими Вам большим вкусом и тактом»¹⁹. А.С. Бушмин писал: «Мне было приятно получить книгу “Избранные сатирические произведения” Салтыкова-Щедрина, оригинально построенную и превосходно комментированную Вами»²⁰.

Итогом многолетней работы стал перевод на английский язык «Истории одного города» (III. 8). Книга снабжена предисловием, в котором раскрыто значение творчества Салтыкова-Щедрина в русской и мировой литературе. Подчеркивалось, что роман написан на русском материале, но демонстрирует модель деспотического режима в любой стране. Задача перевода определялась необходимостью дать английскому читателю ключ к пониманию эзопова языка и познакомить со стилем писателя²¹. Любовь к писателю и бережное

¹⁷ Письмо В.Э. Бюграда И.П. Футу от 27 июля 1971 г. (архив И.П. Фута).

¹⁸ Макашин С. После юбилея (О некоторых итогах и задачах изучения Салтыкова-Щедрина // Вопросы литературы. 1977. № 10. С. 164–185.

¹⁹ Письмо Н.М. Келейниковой И.П. Футу от 29 мая 1977 г. (архив И.П. Фута).

²⁰ Письмо А.С. Бушмина И.П. Футу от 29 июля 1977 г. (архив И.П. Фута).

²¹ Келейникова Н.М. Хроника города Глухова по-английски // Рус. лит. 1882. № 2. С. 232–233.

отношение к тексту (Фут называл свой перевод «весьма бледной копией оригинала») позволили создать книгу, получившую массу положительных откликов в разных странах. Отметим, что издание было осуществлено за счет переводчика («Купил себе удовольствие», — говорил он). Сатира получила высокую оценку в рецензиях видных критиков: Б. Левина, А. Бурджеста, В.С. Притчета и др. Б. Левин писал: «“История одного города” — классическое произведение своего времени, нашего времени, любого времени»²².

В письмах литературоведы разных стран, например, И. Берлин, Р. Пайпс, сотрудники университета в Лидсе и, конечно, российские ученые, поздравляли Фута с выходом книги. Сотрудник Института мировой литературы Д.П. Николаев писал: «Вы сделали великолепное дело, осуществив художественный перевод на английский язык гениального произведения Щедрина»²³. «В щедриноведении это своего рода событие, — отмечал С.А. Макашин. — Вы первый, кто в Англии рискнул пойти намного дальше Тургенева. Вы дали своей стране и всему англоязычному миру возможность ознакомиться с одной из великих, но нелегких книг русской литературы. За этот Ваш труд Вам будут долго и долго благодарны все, кто любит русскую литературу и занимается ею»²⁴.

В следующем году была опубликована статья о первом переводчике Салтыкова-Щедрина — Фредерике Астоне, сделавшем в 1861 г. неполный перевод «Губернских очерков» (I. № 9). Затем были изданы две книги (I. № 21, III. № 9), посвященные «Господам Головлевым», — в 1986 г. — перевод со вступительной статьей и примечаниями и в 1997 г. — сборник «“Господа Головлевы”. Критика».

Подготовленная к 100-летию со дня смерти Салтыкова-Щедрина библиография англоязычных работ о нем для публикации в очередном томе «Литературного наследства», который так и не вышел в свет²⁵, и обстоятельная рецензия на трехтомный труд Макашина

²² Levin B. Russians in conflict... // The Sunday Times. 1980. 13 April.

²³ Письмо Д.П. Николаева И.П. Футу от 9 июня 1980 г. (архив И.П. Фута).

²⁴ Письмо С.А. Макашина И.П. Футу от 15 апреля 1980 г. (архив И.П. Фута).

²⁵ В 1989 г. скончался С.А. Макашин, затем в 1990-х гг. научная работа была затруднена из-за кризиса в экономике страны.

«Биография», написанная по просьбе российских коллег, были опубликованы в английских научных изданиях (I. № 15, II. № 17).

Исследования И.П. Фута получили высокую оценку в СССР. Летом 1998 г. в Саратовском университете была успешно защищена дипломная работа С. Суворова «П. Фут — переводчик и исследователь М.Е. Салтыкова-Щедрина» (научный руководитель Г.Ф. Самосюк)²⁶.

В конце 1990-х годов И.П. Фут писал Т.Н. Головиной (профессору Ивановского университета, руководителю семинара «Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в контексте мировой литературы») в ответ на подаренную ему монографию об «Истории одного города»: «Книга Ваша мне очень понравилась, больше всего, быть может, оттого, что она свидетельствует о новом, здоровом подходе к автору, который писал “в тисках реакции” (Вам известна книга под таким названием Евгеньева-Максимова) и до последнего времени изучался “в тисках идеологии”. Конечно, были с 20-х годов огромные достижения в щедриноведении, и я глубоко уважаю таких исследователей, как Макашин, Бушмин, Покусаев и др., которые, несмотря на то, что были принуждены работать в определенных рамках, сделали так много для освещения жизни и сочинений Салтыкова. Они положили такую основу (особенно Макашин с его биографией и с изданным им собранием сочинений), которую вряд ли было бы возможно положить в настоящее время. Я рад узнать, что Щедрин остается в поле зрения нового поколения литературоведов — Вашей работой Вы показываете, что открылись новые пути в изучении его». В этом письме Фут высказал свои взгляды на пути дальнейшего изучения творчества писателя: «Наконец пришло время, когда возможно трезво обсуждать роль Библии в творчестве писателя! К сожалению, как я знаю по опыту, у студентов (не говоря уже о людях старшего возраста) часто недостает даже элементарного знакомства с Библией, и хорошо, что Вы обращаете их внимание на библейские ассоциации в работе Салтыкова. “Салтыков и Библия” вообще большая и важная тема, которая ждет подробного исследования — кто же возьмется за нее? Конечно, на основе присутствия библейских

²⁶ См. письмо С. Суворова И.П. Футу от 30 июня 1998 г. (архив И.П. Фута).

тем и библейской фразеологии в сочинениях Салтыкова нельзя — и не надо — делать какие-нибудь заключения о вере или неверии писателя: просто у Салтыкова, человека данного времени, социальной среды и образования, Библия являлась существенной частью «культурного багажа» — библейский язык в особенности точно отвечал его нуждам и стал важным компонентом в диапазоне его многогранной речи²⁷.

В списке научных работ Фута особое место занимают написанные им воспоминания о его коллегах — профессорах А. Пеннингтон и С.А. Коновалове (I. № 10, 11, 23), а в его архиве хранится рукопись воспоминаний о С.А. Макашине.

В 2009 г. Фут указывал в записке для университета, что с конца 1980-х гг. его основным исследовательским интересом стала история российской цензуры XIX в., и большинство его научных работ последнего двадцатилетия было подготовлено в С.-Петербурге на материалах Российской национальной библиотеки и Российского государственного исторического архива²⁸. Интерес к цензуре, по словам Фута, был вызван многолетним изучением произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина, и первоначальной целью было осведомить западных русистов о российской цензурной практике²⁹. Он считал, что знание цензурных условий России дает ключ к пониманию ее культурной и общественной жизни. Этой цели посвящены несколько работ, подготовленных на основе изучения огромного массива писем русских писателей XIX в. В одной из них с филологической точки зрения рассматривается терминология, употреблявшаяся писателями в русском языке того времени для обозначения различных отношений с цензурой (I. № 16).

Те же источники, а также воспоминания деятелей книжного дела стали основой обстоятельной статьи «Контр-цензура» о борьбе писателей, журналистов, издателей с цензурой. Основное внимание

²⁷ Копия письма И.П. Фута Т.Н. Головиной от 21 сентября 1998 г. (архив И.П. Фута).

²⁸ Записка от 25 ноября 2009 г. (архив И.П. Фута).

²⁹ Письмо И.П. Фута Н.Г. Патрушевой от 3 января 1996 г. (архив Н.Г. Патрушевой).

в ней обращено на различные уловки, которые использовались для обхода существовавших законов (I. № 18).

В 1991 г. была опубликована большая работа о Санкт-Петербургском цензурном комитете в «Oxford Slavonic Papers». Через год она вышла отдельной книжкой, а в 2001 г. появился ее сокращенный перевод (I. № 17). Воссоздана история этого учреждения и его личного состава с 1828 по 1905 г., в приложении дан список цензоров с краткими биографическими сведениями. История комитета изучается на основе уставов и законов в тесной связи с цензурной политикой правительства. Рассматриваются структура, штаты, направление деятельности комитета, а также анализируется состав чиновников: их социальное происхождение, уровень образования, возрастной состав, стаж работы. Прослежены родственные, дружеские и профессиональные связи чиновников цензурного ведомства с высокопоставленными лицами до поступления на службу в цензуру, тем самым делается попытка установить, насколько влияли эти отношения на прием на службу. При рассмотрении на протяжении нескольких десятилетий смены одних цензоров другими определен общественно-политический облик комитета, соответствующий тому или иному историческому периоду. В 1986 г. вышла статья, посвященная цензору Н.В. Елагину (I. № 14).

В последнее десятилетие проекты Фута неоднократно поддерживались Британской Академией, благодаря которой он имел возможность работать в архивах и библиотеках С.-Петербурга. Около 50 лет он занимался в РГИА, где хранятся уникальные фонды цензурного ведомства России. В Российской национальной библиотеке (бывшей Государственной Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина), Библиотеке Академии наук, Библиотеке С.-Петербургского университета, Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотеке Института истории Академии наук он занимался изучением различных вопросов цензурного законодательства, цензурных учреждений и цензуры зарубежных изданий в России.

В 2000-е гг. Фут стал членом авторского коллектива библиографического словаря «Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века», который в настоящее время подготовлен

для издания в Российской национальной библиотеке (IV. № 4). В 2004 г. были напечатаны предварительные материалы для Словаря по С.-Петербургскому цензурному комитету, подготовленные в соавторстве (I. № 24).

Фут был постоянным автором сборника «Цензура в России. История и современность». Специально для сборника он составил библиографию литературы о русской цензуре, опубликованной на английском языке (I. № 25), и предложил, чтобы такие списки составлялись регулярно учеными из разных стран³⁰. В следующих сборниках появились французская и польская библиографии³¹.

Историю цензурного законодательства, в частности практику циркулярных распоряжений Фут начал разрабатывать с 1980-х гг. Серия статей и публикаций на эту тему появилась в последние годы (I. № 26–29). Неэффективность циркулярной политики он объяснял невозможностью контролировать печать бюрократическим путем без армии агентов, что подтверждалось практикой современных стран, в которых эффективный контроль был возможен (и то не совсем) только в тоталитарном обществе, где под властью государства находятся не только произведения печати, но и средства их производства³². Фут считал неоспоримым влияние иностранного цензурного законодательства на русское, и отмечал, что все, что пока написано, не идет дальше общих указаний на то, что было какое-то влияние. Он подчеркивал, что требуется «подробный анализ каждого устава и каждого проекта устава, чтобы установить, что откуда взято в каждый период. К сожалению, — писал он, — для этого, вероятно, нужна целая книга или серия статей»³³. Сознвая, что

³⁰ Письмо И.П. Фута Н.Г. Патрушевой от 6 января 2003 г. (архив Н. Г. Патрушевой).

³¹ Цензура в России и СССР: литература, опубликованная на французском языке / Сост. Б. Гишар // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 361–372; Цензура в России: литература, опубликованная на польском языке / Сост. Я. Костецкий // Там же. СПб., 2011. Вып. 5. С. 377–402.

³² Письмо И.П. Фута Н.Г. Патрушевой от 20 августа 2003 г. (архив Н.Г. Патрушевой).

³³ Письмо И.П. Фута Н.Г. Патрушевой от 5 октября 2002 г. (архив Н.Г. Патрушевой).

такое сложное исследование не по силам одному человеку, Фут присоединился к работе сектора книговедения Российской национальной библиотеки над двухтомным справочником «Законы о печати в Российской империи, конец XVIII — начало XX в.», включающем законы и циркуляры: принял участие в отборе материала и подготовке вступительных статей к обоим томам, в составлении предметного указателя, в редактировании, написал краткий очерк истории цензуры в европейских странах (IV. № 5).

На основе этих работ было подготовлено несколько материалов для проекта Института истории естествознания и техники РАН: энциклопедического словаря «Цензура в России», который в настоящее время находится в стадии редактирования и предполагается к изданию в 2013–2014 гг. (IV. 3).

Еще одной интересной для Фута темой была цензура иностранных изданий. Статья «Цензура англоязычных книг в России, 1815–1855», в которой рассматриваются более 200 книг, запрещенных Комитетом цензуры иностранной, вышла уже после его смерти (I. № 30). В его планах было исследование об английском романе в русской цензуре, к которому он, к сожалению, не успел приступить.

Во всех совместных проектах Фут не ограничивался авторским участием — глубокие знания русского языка он использовал, чтобы оказать помощь как переводчик и редактор.

Исследования Фута отличаются фундаментальностью проработки материала, точностью, четким изложением, на них сразу стали ссылаться другие ученые. «Господин Paul Foote — один из наших крупнейших специалистов по русской цензуре XIX века», — писала редактор журнала «Solanus» Christine Thomas³⁴. В архиве Фута сохранилась его переписка с Чарльзом Руудом — американским профессором (University of Western Ontario), известным исследователем российской цензуры. Письма Рууда содержат положительную оценку многих статей Фута, которые профессор считал необходимыми

³⁴ Письмо Christine Thomas Н.Г. Патрушевой от 25 ноября 1995 г. (архив Н.Г. Патрушевой).

для понимания системы и функционирования цензуры³⁵. Один из коллег по Оксфордскому университету неоднократно уговаривал Фута на основе уже наработанного материала подготовить книгу³⁶.

В марте 2010 г. Оксфордский университет в признание научных заслуг присвоил Полу Футу звание «Faculty Research Fellowship».

Больше всего Пол Фут ценил в людях стремление хорошо делать свое дело без оглядки на моду и карьеру, чему сам всегда был примером. Он верил в упорный труд и чувство долга. Длительное время он был вице-президентом Оксфордского общества спасательных лодок. Любил спорт — в студенческие годы он входил в «восьмерку» — сборную команду колледжа по гребле, на работу всегда ездил на велосипеде, играл в сквош и учил этому молодежь, когда ему было далеко за 60. Он очень любил английскую природу, особенно родное побережье графства Dorset и длинные пешие прогулки. Был большим знатоком классической музыки, особенно любил венских теноров. Он был превосходным кулинаром и всегда готовил сам, а совершенствовался в этом искусстве в Италии, куда отправился после выхода в отставку изучать итальянский язык (в дополнение к русскому, немецкому и французскому). Он очень любил свою семью. После смерти жены в 1968 г. он сам вырастил троих детей. У него было 5 внуков и 5 правнуков. Великолепный знаток русской литературы и истории, человек с тонким чувством юмора, всегда доброжелательный к коллегам и готовый оказать любую помощь, Пол Фут навсегда останется в благодарной памяти тех, кто с ним был знаком, работал, дружил.

Авторы статьи выражают искреннюю благодарность за помощь в работе ученикам, коллегам и друзьям Пола Фута — Эмме и Майку Шоттон, Эндрю Мейеру, а также его детям Сюзен, Джиллиан и Стивену Фут за предоставленную возможность работать с материалами семейного архива.

³⁵ Письма Ч. Рууда И.П. Футу от 15 декабря 1986 г., 8 ноября 1990 г., 14 июня 1995 г., 14 июня 2004 г. (архив И.П. Фута).

³⁶ Письмо И.П. Футу от 14 февраля 1999 г. (архив И.П. Фута).

Список научных работ И.П. Фута

I. Исследовательские работы

1. *A Pushkin Verse Reader. Lecture in Russian in the University of Oxford / Ed. by I.P. Foote. London: Allen and Unwin, 1962.*

Reviews:

Times Literary Supplement. 1962. 28 December.

Times Educational Supplement. 1963. 15 February.

2. *Verbs of Motion* (Studies in the Modern Russian Language, 1). Cambridge: Cambridge University Press, 1967. Переиздание: Cambridge, 2009.

3. *Russian Folk Literature / Ed. by I.P. Foote with D.P. Costello. Oxford: Oxford University Press, 1967.*

Reviews:

Forum of Modern Language Studies. 1967. October.

Pachmuss // Canadian Slavic Studies (Montreal). Spring. 1968. P. 143.

Hexelschneider E. Ztschufft fiie slawistik. 1969. № 1.

4. Reaction or Revolution: the Ending of Saltykov's *History of a Town* // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1968. Vol. 1. P. 105–125.*

5. M.E. Saltykov-Shchedrin: *The Golovlyov Family* // *Forum for Modern Language Studies. 1968. Vol. 4. N 1. P. 53–63.*

6. *Otechestvennye zapiski and English Literature, 1868–1884* // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1973. Vol. 6. P. 28–47.*

7. Saltykov-Shchedrin M.E. *Selected Satirical Writings / Ed. by I.P. Foote. Oxford: Clarendon Press, 1977.*

Reviews:

Johnson C.A. Department. of Russian Studies, The University, Leeds // *British Book News. 1977. 22 July.*

Макашин С.А. После юбилея (О некоторых итогах и задачах изучения Салтыкова-Щедрина) // *Вопросы литературы. 1977. № 10. С. 183.*

Kulesov C. // *Slavic Review. XXXVII. 1978. N 2.*

McMillin A.B. // *Slavonic and East European Review. LVI. 1978.*

Pike C.R. // *Journal of Russian Studies. N 35. 1978.*

Freeborn R. // *Times Literary Supplement. 1977. 26 August.*

D.C. Offord University of Bristol // *Modern Language Review. LXXIV (1). January, 1979.*

Haim Gamburg, University of Nevada // *Russian Language Journal. V. XXXIII. N 115. Spring 1979. P. 230–231.*

8. Quintessential Saltykov: *Ubezishche Monrepo* // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1979. Vol. 12. P. 84–103.*

Reviews:

Russian Literature Triquarterly. 1982. N 17. P. 270–271.

9. Frederic Aston's *Tchinovnicks* and Mr Adams // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1981. Vol. 14. P. 93–106.*

10. Professor Anne Pennington (obituary and bibliography) // *Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 69. P. 310–316* (в соавторстве с J.L.I. Fennell).

11. Professor S.A. Konovalov (obituary) // *BUAS Newsletter. May. 1982. P. 2–3.*

12. *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union / Ed. A. Brown, J. Fennell, M. Kaser, H.T. Willetts. Cambridge University Press, 1982. P. 191–194* (Articles on eighteenth-century Russian literature). 13. Thomas Hardy in Russian Translation and Criticism // *The Thomas Hardy Year Book. N 11. (1984). P. 6–27.*

13. Thomas Hardy in Russian Translation and Criticism // *The Thomas Hardy Year Book. 1984. N 11. P. 6–27.*

14. Firing a Censor: the Case of N.V. Elagin // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1986. Vol. 19. P. 116–131.* Перевод: Увольнение цензора. Дело Н.В. Елагина, 1857 г. // *Цензура в России: история и современность; Сб. науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 150–171.*

15. Saltykov-Shchedrin in English: a Bibliography // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1989. Vol. 22. P. 89–114.*

16. «In the Belly of the Whale»: Russian Authors and Censorship in the Nineteenth Century // *Slavonic and East European Review. 1990. Vol. 68. P. 294–298.* Перевод: Русские авторы о цензуре в XIX веке (Терминологический аспект) // *Книжное дело в России в XIX — начале XX века; Сб. науч. тр. СПб., 2003. Вып. 11. С. 108–113.*

17. The St Petersburg Censorship Committee, 1828–1905 // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1991. Vol. 24. P. 60–120.* Отдельное издание: Oxford, 1992. Сокращенный перевод: Санкт-Петербургский цензурный комитет, 1828–1905 гг.: персональный состав // *Цензура в России: история и современность; Сб. науч. тр. СПб., 2001. Вып. 1. С. 47–65.*

18. Counter-Censorship: Authors and Censors in Nineteenth-Century Russia // *Oxford Slavonic Papers. New Series*. 1994. Vol. 27. P. 62–105. Перевод: Контр-цензура: авторы против цензоров в России XIX века // Книжное дело в России в XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 2004. Вып. 12. С. 120–168.

19. *The Cambridge Encyclopedia of Russia and the former Soviet Union* / Ed. A. Brown, M. Kaser, G.S. Smith. Cambridge University Press, 1994. P. 208–210 (Articles on eighteenth-century Russian literature).

20. *Encyclopedia of the Essay* / Ed. T. Chevalier. Fitzroy Dearborn, London, 1997. P. 732–733 (Article on Saltykov-Shchedrin).

21. *Saltykov-Shchedrin's The Golovlyovs: A Critical Companion* / Ed. by I.P. Foote. Northwestern UP. Evanston. Ill. 1997.

Reviews:

Келейникова Н.М. «Господа Головлевы» в откликах зарубежной критики // Русская литература. 1981. № 2. С. 233–241.

22. *Reference Guide to Russian Literature*. Fitzroy Dearborn, London, 1998. P. 707–710 (Articles on Saltykov-Shchedrin, *The Golovlyovs* and *The History of a Town*).

23. Anne Elizabeth Pennington // *The Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford, 2004. Vol. 43. P. 589–590.

24. Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917) (аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2004. № 69. С. 364–394 (в соавторстве с Н.А. Гринченко и Н.Г. Патрушевой).

25. Цензура в дореволюционной России: литература, опубликованная на английском языке // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2005. Вып. 2. С. 273–285.

26. Циркуляры цензурного ведомства (1865–1905 гг.) // Цензура и доступ к информации: история и современность: Тезисы докладов международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–18 марта 2005 г. СПб., 2005. С. 53–55.

27. Циркуляры цензурного ведомства, 1865–1905 гг. // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2006. Вып. 3. С. 106–132.

28. Организация цензурного надзора в российской провинции во второй половине XIX — начале XX века в циркулярах цензурного ведомства // Цензура в России: история и современность: Сб.

науч. тр. СПб., 2008. Вып. 4. С. 197–253 (публикация в соавторстве с Н.Г. Патрушевой).

29. Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за библиотеками // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследования: Сб. ст. Краснодар, 2010. Вып. 6. С. 43–77 (публикация в соавторстве с Н.Г. Патрушевой).

30. Цензура англоязычных книг в России, 1815–1855 гг. // Цензура в России: история и современность: Сб. науч. тр. СПб., 2011. Вып. 5. С. 102–124.

II. Рецензии

1. J.L.I. Fennell (ed. and tr.). *Prince A.M. Kurbsky's History of Ivan IV* // Times Literary Supplement. 1965. 26 May. P. 413.

2. «Coded Satire»: review of first three volumes of M.E. Saltykov-Shchedrin, *Sobranie sochinenii v dvadtsati tomakh* (Moscow, 1965) // Times Literary Supplement. 1966. 18 August. P. 733–734.

3. Y.M. Sokolov. *Russian Folklore* / tr. Catherine Ruth Smith // Times Literary Supplement. 1967. 26 January. P. 70.

4. Jesse V. Clardy, *Derzhavin: a Political Biography* // Times Literary Supplement. 1968. 13 June. P. 629.

5. J. Forsyth. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb* // Times Literary Supplement. 1970. 23 July. P. 835.

6. Ernest J. Simmons. *Introduction to Tolstoy's Writings* // Notes and Queries. 1970. June. P. 240.

7. H.M. Chadwick and Nora K. Chadwick. *The Growth of Literature. Vols 1–2* (reprints) // *Slavonic and East European Review*. 1970. № 48. P. 290–291.

8. C.L. Drage and W.N. Vickery (eds). *An Eighteenth-Century Russian Reader* // *Modern Language Review*. 1971. N 66. P. 239–240.

9. A.G. Cross. *N.M. Karamzin: a Study of his Literary Career (1783–1803)* // *Modern Language Review*. 1972. N 67. P. 958–959.

10. J. Blankoff. *La société russe de la seconde moitié du XIXe siècle: Trois témoignages littéraires — M.E. Saltykov-Scedrin, Gleb Uspenskij, A.F. Pisemskij* // *Modern Language Review*. 1974. N 69. P. 951–952.

11. E. Weiher. *Der negative Vergleich in der russischen Volkspoese* // *Slavonic and East European Review*. 1975. N 53. P. 152.

12. Alex E. Alexander. *Bylina and Fairy Tale: the Origins of Russian Heroic Poetry* // *Slavonic and East European Review*. 1975. N 53. P. 287–289.
13. J.G. Garrard (ed.). *The Eighteenth Century in Russia* // *Modern Language Review*. 1975. N 70. P. 472–473.
14. John Miles Foley (ed.). *Oral Traditional Literature: a Festschrift for Albert Bates Lord* // *Slavonic and East European Review*. 1983. N 61. P. 263.
15. «Precision in Practice»: review of Alexander Pushkin, *Complete Prose Fiction*, tr. Paul Debreczeny; Paul Debreczeny, *The Other Pushkin: a Study of Alexander Pushkin's Complete Prose Fiction*; Abram Lezhnev, *Pushkin's Prose*, tr. Roberta Reeder; Leslie O'Bell, *Pushkin's 'Egyptian Night': the Biography of a Work*; Alexander Pushkin, *The Tales of Belkin*, tr. Gillon Aitken and David Budgen; Alexander Pushkin, *The History of Pugachev*, tr. Earl Sampson. (7X5, 1985. 11 January. P. 43).
16. Tax Choldin M. *A Fence around the Empire: Russian Censorship of Western Ideas under the Tsars* // *Slavonic and East European Review*. 1987. N 65. P. 294–295.
17. S.A. Makashin's Biography of M. E. Saltykov-Shchedrin // *Slavonic and East European Review*. 1991. Vol. 69. P. 310–316.
18. Emil A. Draitser. *Techniques of Satire: the Case of Saltykov-Scedrin* // *Slavonic and East European Review*. 1996. N 74. P. 279–281.
19. Lev Livshits. *Vopreki vremeni: Izbrannye raboty* // *Slavonic and East European Review*. 2001. N 79. P. 728–730.

III. Переводы

1. Nagibin Yu. *Making Snowmen* // *Soviet Short Stories* / Ed. R. Newnham. Harmondsworth, 1963. P. 163–183.
2. Lermontov M.Yu. *A Hero of our Time*. London: Penguin Classics, 1966. *Переиздание* (London, 2001).
3. Tolstoy L.N. *The Kreutzer Sonata and Other Stories* / Tr. by D. McDuff and P. Foote. London: Penguin Classics, 1977. *Переиздание*: London, 2008.
4. Tolstoy L.N. *The Cossacks and Other Stories* / tr. with notes by P. Foote. London: Penguin Classics, 1977. *Переиздание*: London, 2006.
5. Tolstoy L.N. *Master and Man and other stories* / tr. with an introduction by P. Foote. London: Penguin Classics, 1977.
6. Tolstoy L.N. *Master and Man and other stories* / tr. with notes R. Wilks and P. Foote. London: Penguin Classics, 1993. *Переиздание*: London, 2005.

7. Lermontov M.Yu. *Taman* / Tr. by P. Foote. London: The Penguin book of Russian. Short stories, 1980.
8. Saltykov-Shchedrin M.E. *The History of a Town* / tr. with introduction and notes by I. P. Foote. Oxford: Willem A. Meeuws, 1980.
Reviews:
Levin B. // *Sunday Times*. 1980.13 April.
Morgan E. // *Times Literary Supplement*. 1980. 23 May.
A. W. // *Sunday Telegraph*. 1980. 25 May.
Burgess A. // *The Observer*. 1980. 22 June. P. 29 (reprinted as 'Gloopy Glupov' in: Burgess A. *Homage to Qwert Riuop: selected journalism, 1975–1985* (London: Hutchinson, 1986)).
Llewellyn Smith Virginia // *London Review of Books*. II. N 17 (4–17 September. 1980).
Pritchett V.S. *Laughter in the Dark* // *New York Review of Books*. 1980. 25 September. P. 29–30.
Armes Keith, University of Minnesota // *Slavonic and East European Journal*. XXV (3). 1981. P. 111–113.
Келейникова Н.М. Хроника города Глупова по-английски // *Русская литература*. 1982. № 2. С. 232–233.
Hosking Geoffrey A. // *Times Literary Supplement*. 1982. 9 July.
9. Saltykov-Shchedrin M.E. *The Golovlevs* / tr. with introduction and notes by I.P. Foote. Oxford and New York: Oxford University Press, 1986 (*World's Classics*).
Reviews:
Enright D.J. // *Times Literary Supplement*. 1986, 29 August.
Freeborn R. // *Slavonic and East European Review*. LXVI. N 1 (January 1988).
10. Blyum A. *The system and Functions of Soviet Censorship. Lecture* / Tr. by I.P. Foote. 2003.
11. Blyum A. *George Orwell in the Soviet Union: A documentary Chronicle on the Centenary of his Birth* / Tr. by I. P. Foote // *The Library*. Seventh Series. 2003. Vol. 4. N 4. December.

IV. Подготовлено к печати

1. Tolstoy L.N. *Master and Man and other stories* / tr. with notes and introduction by I.P. Foote. (London. Penguin Classics).

2. Надзор за библиотеками во второй половине XIX — начале XX века (статья подготовлена в соавторстве с Н.Г. Патрушевой для сборника, посвященного 295-летию Библиотеки Академии наук РАН).

3. Цензура в России. Энциклопедический словарь. Статьи: «Елагин Николай Васильевич», «Надзор за библиотеками» (в соавторстве с Н.Г. Патрушевой), «Санкт-Петербургский цензурный комитет» (в соавторстве с Н.А. Гринченко и Н.Г. Патрушевой), «Циркуляры цензурного ведомства» (в соавторстве с Н.Г. Патрушевой).

4. Цензоры Российской империи, конец XVIII — начало XX века: биобиблиографический словарь (член авторского коллектива).

5. Законы о печати Российской империи, конец XVIII — начало XX века (член авторского коллектива).

V. Некрологи

1. Mr. Paul Foote: Russian expert and fellow of Queen's // The Oxford Times. 2011. 10 March.

2. Paul Foote. Translator of Russian literature and expert on tsarist censorship // The Guardian. 2011. 6 April.

3. Paul Foote. Oxford don and expert on 19th-century Russian censorship who made unsurpassed translations of Tolstoy and Saltykov-Shchedrin // The Times. 2011. 21 April.

4. Farewell to a son of Purbeck // Advertiser. 2011. 16 June.

В.Д. Зимина

В ПОИСКАХ «ДОКУМЕНТАЛЬНОСТИ» И «ОРГАНИЧЕСКОГО СМЫСЛА»: РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИЕВЕДЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ XX В.

В названии данного исследования использованы слова А.С. Хомякова, высказанные им в 1857 г. во время дискуссии отечественных интеллектуалов по поводу концепта исторического знания¹. Они созвучны с позицией другого известного русского философа Ю.Ф. Самарина, подчеркивавшего в рамках этой же дискуссии, что «умение честно обходиться с источниками» должно быть приумножено «его приобретением умения честно обходиться с обычаем, с преданием, с жизнью»².

Обращение к данным утверждениям продиктовано дискуссионной атмосферой исследования теоретических аспектов истории, связанных как с поисками методологических концептов, так и с дискурсивной составляющей современного исторического знания как части гуманитарного знания в целом.

Это особенно актуально для изучения Русской революции 1917 г., представлявшей собой не просто большевистский государственный переворот в октябре 1917 г., а крайне сложный и противоречивый процесс трансформации российской государственности.

Именно поэтому Русская революция 1917 г. занимала ключевое место в исследовательских проектах XX в., связанных с определением механизма функционирования политической системы в СССР. Идеологическое ранжирование точек зрения на «марксистско-

© В. Д. Зимина, 2012

¹ Хомяков А.С. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Работы по историософии. М., 1994. Т. 1. С. 532.

² Самарин Ю.Ф. Замечания на статью г. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» // Избранные произведения. М., 1996. С. 522.

ленинские» и «буржуазно-фальсификаторские» не исключало, однако, поступательного развития исторического знания о российском революционном процессе, которое структурировалось сначала в метафорах советологического, а теперь россиеведческого характера. Напротив, исследовательская динамика XX в. отражала не только возрастание количества научных работ, но и движение проблемного спектра в сторону выяснения социальных компонентов Русской революции 1917 г. Не случайно в 1980–1990-х гг. особенно актуализировались исследовательские проблемы, связанные с изучением истории Гражданской войны как проявления социокультурного кризиса российской государственности.

Проблемы революции всегда актуализировались в кульминационные моменты политического развития, которыми был насыщен весь XX век. В начале 1920-х гг. сформировалась советологическая теоретическая школа, представители которой специализировались на междисциплинарном осмыслении революционного процесса³.

В 1950–1960-е гг. появились два основных теоретических направления: системный, или ценностно-согласованный (systems/value-consensus), и агрегативно-психологический (aggregate-psychological).

В рамках первого направления революция рассматривалась в контексте общей теории поведения, возникновения и последующей мобилизации ценностно-ориентированных движений (Н. Смелзер). Опираясь на структурный функционализм Т. Парсонса, ученые акцентировали внимание на причинах возникновения революционной ситуации, которая свидетельствовала о нарушении равновесия социальной системы (Ч. Джонсон)⁴.

Представители другого направления рассуждали о влиянии неудовлетворенности населения условиями своего существования на вероятность возникновения восстаний и революций. Потеря

³ Штомка П. Социология социальных изменений. М., 1996; *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999; *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

⁴ *Никифоров А.* Революция как объект теоретического осмысления: достижения и дилеммы субдисциплины // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. С. 133.

легитимности правительством считалось важным моментом в объяснении фактов гражданских волнений (Т. Гарр).

Вторая половина 1960-х гг. и последующие десятилетия были ознаменованы интересом к сравнительному анализу социально-политических процессов в их исторической ретроспективе.

Россиеведческие исследования XX в. несли на себе отпечаток двух «образов революции», сформировавшихся еще на рубеже XIX–XX вв. В рамках первой традиции революция (научно-техническая, информационная и т. д.) свершается без крови, открывая широкие перспективы для развития социальной революции. В рамках второй традиции с революцией связывалось любое социальное движение, направленное на насильственное свержение существующего политического режима.

Русская революция 1917 г. изменила содержательное оформление термина «революция». В 1920-е гг. он использовался для легитимизации любых политических действий, направленных на укрепление политической власти большевиков. В 1930-е гг. ключевое понятие 1920-х гг. «победившая революция» трансформировалось в понятие «страна победившей революции». Тем самым метафорическое наполнение термина «революция» сменилось сакральным. СССР всегда позиционировал себя как самое прогрессивное государство, как авангард мирового революционного процесса, тем самым предопределяя неизбежность десакрализации и возможность революции⁵.

Политическая трансформация мирового политического пространства в 1970-е гг. вновь вернула метафорическое оформление термину «революция». Он стал использоваться для характеристики политических процессов перехода от авторитаризма к демократии. Появившиеся другие термины: «третья волна демократии», «демократический транзит» — придавали новый смысл революционной метафоре. Революционный способ преобразования политических систем, связанный с вооруженным насилием, начал обозначаться государственным терроризмом.

⁵ *Бляхер Л.* Революция как «блуждающая метафора»: семантика и прагматика революционного карнавала // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. С. 24–25.

Особенно отчетливо эта двойственность метафоры «революция» проявилась в ходе распада СССР в 1980–1990-х гг., когда революционными способами ликвидировалась политическая система, порожденная революцией, когда революция и контрреволюция взаимозаменялись, когда бывшие защитники советской власти превращались в ее противников, а бывшие противники советской власти, наоборот, в ее защитников⁶.

Анализируя концептуальные изменения научных представлений о революции, британский исследователь Д. Дан подчеркивал, что политические инновации в отношении понимания революций XX в. заключались в «доказанной способности революционного действия не просто свергнуть... новые режимы, но и способствовать установлению нового режима, могущего эффективно защитить себя». Именно поэтому, заключал автор, «траектория от разрушения до воссоздания лучшего или худшего поместила революции XX столетия в центр современной исторической истории»⁷.

Действительно, развитие исследовательского процесса в XX в. так или иначе было связано с тем, чтобы, выражаясь словами Д. Дана, «сосредоточиться на характере, объяснить условия и течение <...> исторических событий» революционного характера⁸. Именно поэтому британский эксперт считает, что современные концепции революции строятся на соединении следующих элементов:

— «разрушение старых и предположительно устаревших политических, социальных и экономических структур»;

— «целеустремленная политическая деятельность по созданию новых политических, социальных и экономических структур, которые, как провозглашают их архитекторы, решительно превосходят своих предшественников»;

— «взгляд на мировую историю, который предполагает падение старых режимов и появление новых, более желаемых, — падение,

⁶ Там же. С. 26–27.

⁷ Дан Д. Революция // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. С. 123.

⁸ Там же.

которое осуществляется с помощью восстания, а возможно, даже простой агитации»;

— «экзистенциальная ценность и каузальная важность человеческой жизни, лежащие в основе попытки скорого разрушения старого и реконструкции нового»⁹.

Советология XX в. представляла собой весьма сложное и неоднородное исследовательское направление, отличавшееся калейдоскопической пестротой суждений и оценок, целым набором концептуальных моделей развития советского общества. Все они, так или иначе, опирались на активное включение в историческое знание исследовательских политологических элементов. Это представлялось как достаточно убедительный ответ на вызовы теории и практики коммунизма.

Доминировали концепции о неизбежности «эрозии» социалистических государств и последующей трансформации их политических режимов в парламентские.

Наиболее популярной была теория «индустриального общества», сформированная в конце 1950-х гг. и получившая дальнейшее развитие в трудах Д. Белла, Дж. Гэлбрейта, Р. Арона. Признавая важную роль науки и техники в жизни современного общества, эти авторы рассматривали прогресс как результат сменяющих друг друга «стадий экономического роста» без классовой борьбы и революций.

С представленными позициями «технологического детерминизма» была тесно связана и доктрина «конвергенция», выступавшая с начала 1970-х гг. в качестве «международной платформы для поисков альтернативы социализму и капитализму». Утверждалось, что в результате бурного прогресса современных производительных сил, выдвигающего сходные производственные и организационно-технические проблемы, происходят стирание социально-политических граней между социализмом и капитализмом, постепенная унификация их общественных структур и в перспективе слияние их в «едином третьем обществе», синтезирующем лучшие черты обеих политических систем (А. Мейер).

⁹ Там же. С. 109.

Оппонентами данной концепции была сформулирована еще одна теория «политического развития». Критикуя сторонников концепции «конвергенции» за отказ от активной борьбы с коммунизмом и пассивное выжидание, новые теоретики предлагали акцентировать внимание на противоречии между целями КПСС и многообразными потребностями индустриального общества. Оно проявлялось в конфликте между «элитой революционных ветеранов, отождествляемых с утопией, и новой технократической элитой, добывающей влияние от имени рационально-экономического развития» (Р. Левенталь, Г. Дам).

Исследование истории Русской революции 1917 г. отражало на себе влияние и концепции 1960-х гг. «деидеологизации», и теории 1970-х гг. «реидеологизации», определявших роль и место идеологического фактора в развитии исторического знания о российском революционном процессе (Г. Эйкен, Г. Лодж, М. Селиджер).

Главной проблемой всех советологических концепций XX в. была дискуссия о закономерности Октябрьской революции, о ее «вписанности» в канву российского революционного процесса:

— какие условия для социалистической революции марксизм считал необходимым;

— было ли исторически необходимым избрание Россией революционного пути;

Решение этих проблемных ситуаций определялось характером ответов на следующие вопросы:

— считали ли большевики возможным осуществить революцию меньшинством;

— шло ли за большевиками большинство трудящихся?

В связи с проблемой участия масс в Октябрьской революции особенно активно обсуждались сюжеты:

— о гегемонии пролетариата в Русской революции 1917 г.;

— об участии крестьянских масс в Русской революции 1917 г.;

— о специфике многопартийности в России и правящем большевизме.

Все эти проблемы исследовались в контексте выяснения особенностей революционного процесса второй половины XX в., которые дистанцировались от основных тенденций Русской революции 1917 г.

Наиболее распространенными были утверждения:

— о невозможности в современных условиях захвата власти с помощью восстания (А. Катлер);

— о решении в рамках научно-технической революции всех социальных вопросов (Ф. Бошар);

— об утрате пролетариатом в современных условиях своей исторической миссии — «могильщика капитализма» (Ж. Аттали).

Особенно популярным было последнее положение, сторонники которого подчеркивали, что рабочий класс растворился в общей массе лиц наемного труда и таким образом утратил свои революционные качества. Поэтому само выражение соотношения сил в обществе в терминах классовой концепции становится очень условным.

Советологическое осмысление российского революционного процесса происходило в условиях непрекращающейся критики политических реалий СССР сталинского формата как результата Русской революции 1917 г.

В связи с этим сложность изучения последней, например, британский исследователь Р. Врага объяснял тем, что эксперты советского режима поддаются «соблазну смешивать формальный и внутренний аспект сталинизма»¹⁰. По его мнению, диктатура пролетариата превратилась «в чрезвычайно сложный механизм контроля не только над населением, но и над самой партией», проявляясь в «централизации законодательной власти» и превращении «в известной степени в автономные силы» исполнительной и судебной властей, которые «часто весьма друг другу враждебны»¹¹.

Именно поэтому Р. Врага утверждал, что «большевизм своим существованием и своей практикой замедлил, если не совсем остановил развитие теории и углубление идеологии революционной и социалистической мысли»¹².

¹⁰ Врага Р. Ревизия идеологических и теоретических положений после смерти Сталина // IV Конференция Института по изучению истории и культуры СССР. Доклады и дискуссии. Выпуск первый (заседания 1–3). Мюнхен, 1954. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 13–14.

Подробно останавливаясь на анализе политической деятельности правящих большевиков, Р. Врага был убежден в том, что, подменяя политику тактикой, они «не привели к философскому и теоретическому оскудению свободного социализма и марксизма». «При умышленном и последовательном проведении в рядах коммунистов “нищеты философии”» они достигли «морально-философской скудости ленинизма, а вслед за ним и сталинизма»¹³.

В этой связи исследователь предупреждал, что вся история революционного процесса, как и деятельность В.И. Ленина, «преподносится советской и несоветской публике исключительно в сталинской интерпретации». Именно поэтому Р. Врага заключал, что «сталинизм, как окончательная форма последовательной реализации марксизма-ленинизма может исчезнуть в СССР только в результате революции»¹⁴.

Полемизируя, Ю.А. Письменный предлагал определиться с терминологией, «взвесить и оценить термины сталинизм-ленинизм и марксизм и поставить вопрос о законности существования двух последних терминов». Он был убежден в том, что «последовательное и серьезное советознание» возможно только при условии отказа от концепции «неизменность сталинизма». Он критиковал Р. Врага за его утверждение о том, что «в идеологическом и теоретическом отношении партия не думает ни о малейшем отступлении от сталинизма на позиции классического ленинизма»¹⁵.

Участником этой дискуссии был и С. Оболенский, писавший о том, что «выставляя <...> Ленина чуть не либералом в противовес сталинской тирании, советские... десталинизаторы совершенно извращают происшедший исторический процесс». С. Оболенский утверждал, что «все организационные идеи Ленина были идеями диктаторскими», потому что «диктатура пролетариата сужалась у него в диктатуру партии, диктатура партии — в диктатуру партийной верхушки, а в самой этой верхушке он, Ленин, уже занимал фактическое положение диктатора»¹⁶.

¹³ Там же. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 24.

¹⁵ Там же. С. 26–28.

¹⁶ Оболенский С. От коммунистического империализма к возрождению России // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1956. Тетрадь 60. С. 8.

Для подтверждения подобных положений зарубежные исследователи рассматривали Октябрь 1917 г. исключительно как антипод Февраля 1917 г. Так, Б.А. Константиновский писал о том, что большевики сделали все для того, чтобы «дискредитировать в глазах не только населения России, но и общественного мнения за границей деятельность первого демократического правительства пореволюционной России — Временного правительства»¹⁷. По его мнению, оно должно занять «почетное место в семье передовых правовых государств Запада», потому что делало все то, что было «связано с требованиями войны и задач текущего момента»¹⁸.

Подобные оценки разделялись многими, даже несмотря на неизбежные элементы критики. Подчеркивая отсутствие у Временного правительства «моральной и физической поддержки», американский профессор Е.В. Спекторский писал о том, что «Керенский терял слова по-пустому, где нужно было власть употребить, и когда почти единственную силою в распоряжении его правительства оказался женский батальон»¹⁹.

В подобном дискурсе работал и В. Абданк-Коссовский, подчеркивавший «слабость и попустительство Временного правительства, наблюдавшего открытую подготовку большевистского переворота, а затем без боя уступившего власть большевикам». Поэтому для данного автора «февральский переворот явился не чем иным, как началом захвата России большевиками»²⁰.

Более категоричным был Н. Рутыч, писавший о том, что партиям «революционной демократии» не хватало «твердости, решительности и жертвенности в защите российской государственности

¹⁷ Константиновский Б.А. Законодательство Февральской революции (Очерк по истории русского права) // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 19069. Т. 3. С. 185.

¹⁸ Там же. С. 205–206.

¹⁹ Спекторский Е.В. Правительство и власть // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1968. Т. 2. С. 30.

²⁰ Абданк-Коссовский В. Октябрьский переворот и наша нетерпимость // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1956. Тетрадь 60. С. 25.

В. Д. Зими́на. В поисках «документальности» и «органического смысла»: Русская революция и демократии»²¹. Для него октябрьское вооруженное восстание было «ползучим», потому что «завоевания революции — правовое начало, идеи свободы, демократии и справедливости — были <...> ясны для всего народа»²². Он был убежден в том, что только «через Гражданскую войну и военный коммунизм коммунистическая партия после восьмилетней ожесточенной внутрипартийной борьбы пришла к единоличной диктатуре, открывшей страшный период сталинской тирании»²³.

В продолжение этих мыслей В. Чалидзе констатировал, что «Сталин одержал победу над социалистической революцией, уничтожил коммунистическую партию и реставрировал Российскую империю в гораздо более деспотической форме, чем это было до 1917 года»²⁴.

Отсюда образ Белого движения идеализировался в границах борцов против формировавшегося авторитарного политического режима, перешедшего позднее в тоталитарный. Именно по этой причине Н. Рутыч утверждал, что Белое движение никогда не было контрреволюционным и реставрационным хотя бы потому, что «все талантливые русские генералы <...> полностью приняли Февральскую революцию»²⁵.

Чуть раньше об этом же писал Е. Ефимовский, для которого падение российской монархии произошло исключительно потому, что не оказалось ее защитников. По его мнению, в «империи с вековым историческим прошлым», «богатой своей духовной культурой, могучей своим национальным духом и патриотическим сознанием» вместо «организованного монархизма» оказалось только «плохое верноподданничество»²⁶.

---

²¹ Рутыч Н. КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии. 1917–1957. Посев, 1960. С. 78.

²² Там же. С. 77.

²³ Там же. С. 447.

²⁴ Чалидзе В. Победитель коммунизма. Мысли о Сталине, социализме в России. Нью-Йорк, 1981. С. 3.

²⁵ Рутыч Н. КПСС у власти. Очерки по истории коммунистической партии. 1917–1957. С. 145.

²⁶ Ефимовский Е. Истоки и параллели // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1956. Тетрадь 60. С. 14, 22.

Считая, что революция — это «создание нового правопорядка взамен существующего через посредство нарушения действующих законов», он делал вывод о том, что Русская революция 1917 года превратилась в простой бунт, завершившийся «реформаторской деятельностью»²⁷.

Политическая метафора «русского бунта» активно использовалась в советологических исследованиях. На страницах парижского литературно-политического журнала «Возрождение» было немало написано о том, что советская власть держится только «благодаря страху повторения 1917 года»²⁸, что «в Октябре, столь же чудодейственным образом, мгновенно исказился великолепный ход революции, начатой в Феврале»²⁹.

Все эти положения представлялись на фоне признания того, что народ оказалась в стороне от политического столкновения революции и контрреволюции. Причины этой ситуации объяснялись по-разному. Гораздо чаще писали о моральной неспособности лидеров Белого движения «быть похожими на большевиков и заведомо обманывать его невыполнимыми обещаниями земного рая», об их нежелании идти на компромисс с немцами³⁰.

В связи с этим особенно на страницах эмигрантских изданий Русского Зарубежья подробно рассматривался ход наиболее крупных военных операций периода Гражданской войны, которые преподносились как «подлинная проверка государственных способностей и государственного мышления руководителей антибольшевистского движения»³¹. Конечно, присутствовали рассуждения и о героике Белого движения с обязательным указанием на то, что

²⁷ Там же. С. 14.

²⁸ Проклятие «Февраля» // *Возрождение*. Ежемесячный литературно-политический журнал. Париж, 1961. № 111. С. 5.

²⁹ Февраль и Октябрь // Там же. № 119. С. 5.

³⁰ К 50-летию Октябрьской революции // *Часовой*. Орган связи российского национального движения. Брюссель. 1967. Ноябрь. № 497 (Бельгия). С. 3.

³¹ *Виноградов Н.* «Проблема Царицына» в 1918 г. К замечаниям Б.Н. Сергеевского // *Перекличка*. Военно-политический журнал. Издается отделом Общества галлиполийцев в США ежемесячно. 1959. № 90. Апрель. С. 5.

«память истории пробегает мимо низкого и останавливается перед возвышенным»³².

Еще более четко попытка анализа Гражданской войны с позиций динамики социальных процессов в России в начале XX в. прослеживалась в исследованиях М. Бертштама. Оценивая ее как столкновение трех сил — Белого движения, «народного сопротивления большевикам» и «интернационал-социализма», американский историк предлагал главный упор сделать на изучении «всеобщего сопротивления России коммунизму» в 1917–1922 гг.³³

Подобные взгляды разделял и С. Пушкарев³⁴. Он утверждал, что Белое движение и антибольшевистские крестьянские восстания в 1918–1921 гг. оформляли народное сопротивление складывавшемуся тоталитаризму в России. По мнению же американского исследователя Р.В. Даниэльса, работы которого активно популяризировались в России в начале 1990-х гг., начавшаяся сразу же после прихода большевиков к власти Гражданская война из борьбы политических противников переросла во всенародную борьбу против установившегося радикального режима большевиков³⁵.

³² *Месснер Е. С.* Белые не были черными // Там же. № 89. Март. С. 11.

³³ *Бертштам М.* Стороны в Гражданской войне 1917–1922. М., 1992. С. 5, 17.

³⁴ *Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России. Франкфурт н/М, 1985. С. 170–171.

³⁵ *Даниэльсон Р.В.* Гражданская война в России в свете сравнительной истории революции // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М., 1994. С. 333.

Э.Л. Коршунов, А.П. Жарский, А.А. Михайлов

КРУШЕНИЕ РУССКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В 1917 ГОДУ

(по материалам воспоминаний и дневников русской эмиграции)

Освещение распада Российской императорской армии, описание конкретных событий и попытки разобраться в причинах, их породивших, занимали чрезвычайно видное, даже ведущее место в воспоминаниях, научных трудах, публицистике военной эмиграции. При этом многие авторы, особенно в первые послереволюционные годы, искренне полагали, что век советской власти будет недолг, и их знания и опыт потребуются «освобожденной» России. Так, А.И. Деникин в предисловии к своим «Очеркам Русской Смуты» писал: «Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Ее участие в ходе революции, ее жизнь, растление и гибель — должны послужить большим и предостерегающим уроком для новых строителей русской жизни»¹.

Конечно, глубина освещения событий, подходы и оценки отдельных авторов значительно различались в зависимости от их политических взглядов, возраста, личного опыта, места в служебной иерархии и т. д. Тем не менее, большинству работ присущи также некоторые общие черты, продиктованные самой принадлежностью к офицерскому корпусу.

Наиболее глубокий анализ состояния армии накануне революционных событий дал, пожалуй, А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты». Он указал на такие неблагоприятные факторы, как усталость солдат от войны, проблемы в материальном обеспечении войск, большая убыль кадров офицеров и замена их офицерами,

---

© Э.Л. Коршунов, А.П. Жарский, А.А. Михайлов, 2012

¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Крушение власти и армии, февраль — сентябрь 1917. Репринтное воспроизведение издания. J. Povolozky & Cie, Paris. M., 1991. С. 75.

Э.Л. Коршунов, А.П. Жарский, А.А. Михайлов. Крушение русской императорской армии

спешно подготовленными на ускоренных курсах и не получивших достаточной нравственной закалки².

Последнему фактору большое внимание уделял также П.Н. Врангель, который писал: «Новые офицеры ускоренных производств, не получившие воинского воспитания, чуждые военного духа, воспитателями солдат быть не могли. Они умели так же красиво, как кадровое офицерство, умирать за честь родины и родных знамен, но оторванные от своих занятий и интересов, глубоко чуждых духу армии... тяготились войной и совершенно неспособны были поднять и поддержать дух своих солдат»³.

Отдельные авторы признавали также ошибки и просчеты царского правительства, сетовали на коррупцию, эгоизм многих сановников. А.И. Деникин, который вообще не был склонен к идеализации порядков в Российской империи, подробно и убедительно показывал распад лежавшей в основе государственной идеологии триады «Вера, Царь, Отечество»⁴.

Тем не менее, как правило, военные мемуаристы признавали, что революционные события оказались для них неожиданными и воспринимались ими, как нечто совершенно противоестественное. Особенно выразительны подобные оценки у авторов, которые встретили революцию совсем молодыми людьми: воспитанниками военно-учебных заведений: кадетских корпусов и военных училищ (юнкера).

Правда, большинство из них писали воспоминания по прошествии длительного времени после событий. По понятным причинам они идеализировали дни своей юности и, кроме того, зачастую оказывались под воздействием сложившейся литературной традиции. Тем не менее их единодушная оценка революционных событий как непонятных и нелепых очень показательна.

Надо заметить, что вся педагогическая система в дореволюционной военной школе была подчинена задаче формирования у питомцев верности монархии, осознания святости присяги и пиетета

---

² Там же. С. 82.

³ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. М., 2006. С. 9.

⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 77–89.

перед военной службой⁵. При этом воспитанников всячески оберегали от «вредных идей» в самом широком понимании этого слова. Большинство кадетов и юнкеров в политических вопросах не разбирались, более того, подчеркнуто ими не интересовались. Окончивший в 1917 г. Константиновское артиллерийское училище С.И. Мамонтов с гордостью заявлял: «Я никогда не принадлежал к политической партии и не голосовал. Нет вещи гаже политики»⁶.

Пренебрежение к политике сохраняли и многие взрослые офицеры, в том числе обладавшие немалым служебным опытом. Эта позиция, в сочетании с чувством корпоративности, воспитание которого также было важнейшим принципом военной педагогики того времени, приводило к некоторому противостоянию офицеров и «штатских», особенно интеллигенции. Однако неукоснительное («без рассуждений») признание офицерами существующего политического строя имело оборотную сторону, о которой очень ясно и выразительно писал А.И. Деникин в книге «Старая армия» (1929): «В годы революции молодежь, как и старое офицерство, оказались одинаково безоружными и беспомощными перед вставшими вдруг политическими вопросами, спасовали даже перед солдатской полунинтеллигенцией — чеховскими “ятями”»⁷.

Военная «молодежь» была в этом отношении особенно уязвима. Находясь в закрытых учебных заведениях, кадеты и юнкера практически не представляли себе настроений, царивших в обществе и армии. Поэтому революционные события оказались для них полной неожиданностью и ничего кроме полного отторжения вызывать не могли. На страницах журнала «Кадетская переписка» анонимный автор, бывший во время революции кадетом, вспоминал: «И вот свершилось — Революция, отречение Государя, красные флаги, демонстрации, семечки... Кадетским нутром мы сразу почувствовали трагедию и пропасть, разверзнувшуюся перед нами и Россией»⁸.

⁵ Инструкция по воспитательной части для кадетских корпусов. СПб.: В.Березовский. 1905. С. 25–26.

⁶ Мамонтов С. Походы и кони. Записки поручика. 1917–1920. М., 2001. С. 12.

⁷ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С. 254.

⁸ Г.С. Письмо кадета — участника белой борьбы // Кадетская переписка. 1980. № 25. С. 86.

Воспитанник Симбирского кадетского корпуса Н.Н. Голеевский вспоминал о своих чувствах и чувствах соучеников: «Кадеты старших классов в глубине души сильно переживали крах империи, а малыши хотя и мало что понимали, но тоже недоумевали, что же будет теперь без Царя?»⁹. Ему почти дословно вторит В.К. Айзов, окончивший в 1917 г. Псковский кадетский корпус: «Вывод напрашивался один, хотя никто его не высказывал, что без царя Россия будет куцей, неудобной и нескладной»¹⁰.

В не меньшей степени потрясены были отречением царя и офицеры, имевшие за спиной служебный опыт. Однако некоторые из них, подчеркивая свою верность монархии, о личности Николая II отзывались довольно критично. Катастрофой они считали не оставление престола конкретным государем, а ликвидацию монархии как таковой. Такой подход вполне соответствовал идеалам офицерства (особенно гвардейского), когда монархия рассматривалась как абсолютная ценность, безотносительно к личности монарха.

«Опасность была, — писал в мемуарах один из виднейших вождей белого движения П.Н. Врангель, — в уничтожении самой идеи монархии, исчезновении самого монарха. Последние годы царствования отшатнули от Государя сердца многих сынов отечества. <...> Передача им власти сыну или брату была бы принята народом и армией не очень болезненно. Присягнув новому государю, русские люди, так же как испокон веков продолжали бы служить царю и родине и умирать за “Веру, Царя и Отечество”. Но в настоящих условиях, с падением царя, пала и сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающие его обязательства, при этом эта власть и эти обязательства не могли быть ничем соответствующим заменены»¹¹.

А.И. Деникин в своих «Очерках Русской Смуты» утверждал, что сохранить власть в руках Николая II было нереально, тогда как «поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена

⁹ Голеевский Н. Симбирский кадетский корпус до и в дни революции // Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине. М., 2003. С. 39.

¹⁰ Айзов Вл. Последние дни корпуса в Пскове // Досуг кадета-псковича. Вып. 1. Париж, 1957. С. 25.

¹¹ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 24.

с некоторой борьбой, но без потрясений и с безусловным успехом»¹². Возможным и желательным считал генерал также «утверждение» великого князя в качестве конституционного монарха.

Вместе с тем будущий главнокомандующий Добровольческой армией подчеркивал пассивность большинства командиров в революционные дни и ее печальные для армии последствия: «Командный состав многих частей растерялся, не решил сразу основной линии своего поведения, и эта двойственность послужила отчасти причиной устранения его влияния и власти. Войска вышли на улицу без офицеров, слились с толпой и восприняли ее психологию»¹³.

Б.В. Геруа, состоявший в 1917 г. начальником штаба расположенной на Украине 11-й армии, впоследствии с изумлением вспоминал о полном неучастии в событиях фронтовых частей: «Революция шла мимо нас. В столице кипел котел, а мы, прикованные к позициям против “врага внешнего” испытывали состояние паралитика, у которого голова еще кое-как работает, но пошевелиться он не может. <...> Повторяю, мы ничего не делали, только читали и приняли к сведению, что в одну ночь из верных монархистов превратились в республиканцев»¹⁴.

Пассивность командиров частей, по мнению А.И. Деникина, была обусловлена «видимой легальностью обоих актов отречения» и боязнью междоусобной борьбы. Кроме того, «новую власть» признало высшее командование. «Армия тогда была послушна своим вождам, — отмечал А.И. Деникин, — а они — генерал Алексеев (начальник штаба Верховного Главнокомандующего. — *Авт.*), все главнокомандующие — признали новую власть»¹⁵.

Отказ большей части высшего командования от немедленной борьбы с революцией отмечал также П.Н. Врангель, имевший по другим вопросам с А.И. Деникиным немало разногласий. Генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, который в начале 1917 г. командовал дивизией, но по своей службе до Мировой войны и родственным

¹² Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 126.

¹³ Там же. С. 111.

¹⁴ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1970. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 131–132.

связям был близок к придворным кругам, с горечью писал в мемуарах, что «государь в проклятые дни конца февраля и начала марта ни в ком ни нашел поддержки»¹⁶.

Критика Епанчина в адрес высшего командования носит особенно жесткий характер. Великого князя Николая Николаевича, главнокомандующих армиями фронтов, командира 1-го армейского корпуса А.С. Лукомского, начальника штаба Северного фронта Ю.Н. Данилова¹⁷ и еще нескольких военачальников он открыто называет «изменниками», признавая, правда, что не все они действовали по злему умыслу¹⁸.

Сами «проклятые дни» часто изображались военными мемуаристами как стихийный бунт, «безумие черни». Находившийся в Петрограде К. Г. Маннергейм (в то время — командующий 12-й кавалерийской дивизией) вспоминал о «революционном опьянении» толпы и о том, как ему пришлось скрываться от солдат, занятых арестами офицеров¹⁹.

А.И. Деникин, признавая множество факторов, сделавших революцию неизбежной, все же полагал, что само «восстание все же вспыхнуло стихийно, застав всех врасплох» и на улицы вышла «вооруженная толпа, возбужденная до последней степени, опьяненная свободой»²⁰.

Очень жестко, с ненавистью и презрением описывал происходившее в столице С. Мамонтов: «Революция хороша лишь в книгах, много позже, но не на улице, когда она происходит <...> на улицы вышли подонки, чернь, солдатня, потерявшие человеческий образ. Все искали, чем бы попользоваться, украсть, а то и просто ограбить.

¹⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. М., 1996. С. 457.

¹⁷ Ю.Н. Данилов в 1928 г. опубликовал в «Архиве русской революции» свои воспоминания, в которых оправдывал генералов, выступивших за отречение императора, особенно главнокомандующего войсками Северного фронта Н.В. Рузского (см.: Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об Императоре Николае II-ом и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 212–242).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999. С. 73, 75.

²⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 111.

<...> Грязь, вонь, глупость, злость и безграничное хамство. Все худшие чувства вылились потоком наружу, как только исчез с угла городской и появилась безнаказанность»²¹.

Характеризуя события февраля-марта 1917 г., большинство авторов, военных мемуаристов полагали, что большую роль в нараставшем распаде армии сыграл изданный Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов Приказ № 1. Введение в армии выборных комитетов, отмена отдания чести и титулования офицеров воспринимались офицерами (и не без оснований), как разрушение самих основ воинской службы.

Б.В. Геруа характеризует Приказ № 1 как «сразу подорвавший дисциплину и ошельмовавший офицера»²². «Удручающее впечатление, — вспоминал начальник штаба 18-го армейского корпуса Э.А. Верцинский, — произвел выпущенный 1 марта знаменитый приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов. Ясно было, что если не будут сразу приняты против Совета энергичные меры, то этот приказ будет иметь самое деморализующее влияние на армию»²³.

«Злейший враг России, — писал контр-адмирал А.Д. Бубнов, — не мог бы придумать более действительного способа для моментального уничтожения ее военной мощи, чем тот, который придумали составители своего “приказа № 1”»²⁴.

П.Н. Краснов в мемуарном очерке, опубликованном в 1921 г., утверждал, что этот Приказ № 1 разрушил армию и в этом отношении стал первопричиной Брестского мирного договора²⁵.

Сходную точку зрения значительно позже высказал генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, командовавший в начале 1917 г. 5-й стрелковой Финляндской дивизией. После довольно подробного разбора в мемуарах приказа он сделал следующий вывод: «До этого

²¹ Мамонтов С. Походы и кони. Записки поручика. С. 11.

²² Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. Париж, 1970. С. 169.

²³ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. Таллинн; Ревель, 1929. С. 10.

²⁴ Бубнов А.Д. В Царской ставке. М., 2008. С. 229.

²⁵ Краснов П.Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 99.

приказа порядок в армии еще держался, но со дня объявления о его исполнении начался развал армии, который довел ее до окончательной разрухи, а Россию — к тирании большевиков»²⁶.

Подробно содержание и роль Приказа № 1 рассматривал также А.И. Деникин, который, помимо прочего, указал на то, что основные положения документа были глубоко внедрены в сознание солдат революционерами задолго до его публикации²⁷.

Здесь стоит заметить, что революционные реалии, новые порядки вызывали и у офицеров, и у военной молодежи раздражение и очень часто — недоумение. Служивший в Лейб-гвардии Семеновском полку Ю.В. Марков в книге «Моя служба в старой гвардии» с горькой иронией писал: «В те трудные для офицеров времена много говорилось о “революционной” дисциплине. Но что это, в сущности, такое и чем “революционная” дисциплина отличалась от обыкновенной, до тех пор столь ясной и понятной, никто толком объяснить не мог. На практике те, кому это было выгодно, справедливо решили, что “революционная” — это такая дисциплина, при которой каждый может делать все, что ему угодно»²⁸.

Э.А. Верцинский дает в мемуарах весьма красочную картину новшества: «1 марта еще не меньше половины солдат при встрече отдавала честь, затем это заметно уменьшалось с каждым днем. Одновременно стали солдатами старательно отпускаться и вычесываться из-под папах живописные чубы, и прорвало какое-то всеобщее лущение семечек; сплеванная подсолнечная шелуха в изобилии валялась на всех улицах и общественных местах. У часовых свобода очень скоро проявилась в том, что они стали сидеть, приставив винтовку к стенке»²⁹.

Очень сходный портрет «революционного солдата» дает П.Н. Врангель, прибывший в Петроград в начале апреля, примерно через месяц

²⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 466.

²⁷ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 138.

²⁸ Марков Ю.В. Моя служба в старой гвардии 1905–1917. Буэнос-Айрес, 1951. С. 378–379.

²⁹ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 9.

после отъезда Верцинского: «Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. <...> Без оружия большей частью в расстегнутых шинелях, с папиромой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих»³⁰.

Кадет Псковского корпуса В.К. Айзов в явно сатирических тонах описал смотр, устроенный в Пскове в марте 1917 г. командующим Северным фронтом Н.В. Рузским: «Сперва прошли учащиеся не учащиеся, телеграфисты не телеграфисты, черт их там разберет; за ними штаб генерала Рузского: писаря, перемешавшиеся в братском единении с офицерами. Потом проковыляли четыре девицы, по тетрадке поющие: «Мы жертвою пали». За девицами последовала какая-то часть, за нею ученики, за учениками еще толпы с музыкой и красными знаменами...»³¹.

С юным кадетом вполне солидарен генерал-лейтенант Б.В. Геруа. Повествуя про церемонию по поводу присяги Временному правительству, он язвительно заметил, что марш войск «скорее напоминал деревенский крестный ход с той разницей, что вместо икон и хоругвей несли лес красных знамен и плакатов»³².

П.Н. Врангель с презрением и злой иронией вспоминал, что в середине марта Амурский казачий полк вышел на парад по случаю своего (полкового) праздника под красными знаменами. «Подъехав к выстроенному для парада полку, — пишет он, — я с удивлением увидел вместо сотенных значков в большинстве сотен красные флаги. Для флагов этих казаки, видимо, использовали “подручный материал”, и на флаг одной из сотен, очевидно, пошла юбка из красного ситца с какими-то крапинками»³³.

По собственным словам П.Н. Врангель участвовать в церемонии отказался и сделал командиру полка Е.Г. Сычеву³⁴ строгий выговор,

³⁰ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 34.

³¹ Айзов Вл. Последние дни корпуса в Пскове. С. 26.

³² Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Т. 2. С. 169.

³³ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 31.

³⁴ О нем см.: Абеленцев В.Н. Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычев // Альманах «Белая гвардия» № 8. М., 2005. С. 292–301.

особо подчеркнув, что красные флаги не соответствуют уставным требованиям³⁵.

Интересно, что многие кадеты и юнкера сделали своеобразной формой протеста новым порядкам именно неукоснительное следование всем требованиям службы. В.К. Айзов красочно описал в мемуарах, как во время злосчастного смотра кадеты специально прошли строем, «соблюдая строгое равнение и взводную дистанцию, давая ногу»³⁶. Юнкер располагавшегося в Киеве Николаевского артиллерийского училища Н. Апостолов отмечал в мемуарах: «Дисциплина и традиции поддерживались строго. Почти у всех юнкеров в изголовье кровати, рядом с иконкой красовался, как и раньше, старый кадетский погон с сохранившимся на нем Шефским вензелем»³⁷.

Погоны и кокарды вообще часто становились своеобразным символом верности присяге и офицерскому братству. Выпускник элитарного Пажеского корпуса писал в мемуарах: «Многие мальчики настолько отождествляли себя с монархией, что расставание с эполетами (с императорским вензелем. — Авт.) казалось им чуть ли не предательством»³⁸.

Именно погоны и воинские ритуалы нередко становились также поводом для конфликтов между солдатами и офицерами в действующей армии и тылу. По справедливому замечанию современного исследователя Б.И. Колоницкого, «Погоны вообще, а офицерские погоны в особенности стали восприниматься как символ старого режима...»³⁹. Уже в первые дни революции солдаты срывали погоны с офицеров, а офицеры, считая утрату погон позором, часто оказывали самое ожесточенное сопротивление.

Враждебность солдат оказалась для многих офицеров неожиданностью. Э.А. Верцинский вспоминал: «Эта вдруг прорвавшаяся неприимиримость, даже ненависть к офицерам была для большинства

³⁵ Там же.

³⁶ Айзов Вл. Последние дни корпуса в Пскове. С. 26.

³⁷ Апостолов А. Николаевское артиллерийское училище // Кадеты и юнкера в белой борьбе и на чужбине. М., 2003. С. 52.

³⁸ Граббе П. Окна на Неву. Мои юные годы в России. СПб., 1995. С. 144.

³⁹ Там же. С. 11.

совершенно неожиданной, в особенности в боевой обстановке, где условия жизни офицеров и солдат мало различались между собою и где ежедневная возможность смерти всех уравнивала»⁴⁰.

Столкновения с солдатами, ослабление дисциплины, уничтожение привычных норм служебного быта пробуждали у офицеров недоверие и неприязнь к Временному правительству, легитимность которого и так вызывала сомнения. По мнению П.Н. Врангеля, уже первый состав правительства проявил преступную слабость, пойдя на компромисс с Советом. Характеризуя ситуацию середины марта, он писал: «Мы переживали тяжелое время. Власть из рук Временного Правительства все более и более ускользала. Это правительство оказалось бессильным противостоять притязаниям самочинного совета рабочих и солдатских депутатов»⁴¹.

Большинство мемуаристов при этом сходилось во мнении, что первоначально «революционная зараза» охватила тыл, а на фронт проникла позже, благодаря деятельности революционеров-агитаторов и контактам фронтовиков с солдатами тыловых частей.

Генерал-лейтенант П.Н. Краснов, командовавший в то время 2-й сводной казачьей дивизией, отмечал, что пока «дивизия стояла на позиции в непосредственной близости к неприятелю, она держалась». Однако после того, как в апреле казаков отвели в тыл, начался быстрый распад: «Как только казаки дивизии соприкоснулись с тылом, они начали быстро разлагаться. Начались митинги с вынесением самых диких резолюций. <...> Масса в четыре с лишним тысячи людей, большинство в возрасте от 21 до 30 лет, т. е. крепких, сильных и здоровых, притом не втянутых в ежедневную тяжелую работу, болтались целыми днями без всякого дела, начинали пьянствовать и безобразничать. Казаки украсились алыми бантами, вырядились в красные ленты и ни о каком уважении к офицерам не хотели и слышать»⁴².

Э.А. Верцинский, возглавивший в марте 1917 г. штаб 18-го армейского корпуса, стоявшего в Карпатах, отмечал в мемуарах: «Первые

⁴⁰ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 13.

⁴¹ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 30.

⁴² Краснов П.Н. На внутреннем фронте. С. 96–97.

впечатления на фронте были довольно удовлетворительные; революционный развал армии сюда еще не докатился и войска вначале внешне сохраняли воинский вид. Однако в корпус вскоре стали наезжать из столицы разные лица с поручениями. Преимущественно это были социалисты разных толков, заботившиеся о расширении и углублении революции»⁴³.

Одним из самых пагубных явлений, по мнению большинства авторов, стала деятельность в армии выборных комитетов. «В первый месяц революции, — писал А.И. Деникин, — правительство и военная власть не принимали никаких мер ни к ликвидации, ни к введению в известные рамки этого опасного явления»⁴⁴. Затем был избран путь фактического признания комитетов правительством. В комитетах же, по мнению Деникина, преобладали люди, готовые угождать всем «инстинктам» избравшей их «солдатской массы»⁴⁵.

Особую опасность, как полагал Деникин, представляло стремление комитетов «вторгаться и в чисто боевые, тактические распоряжения начальников, затрудняя донельзя или ставя иногда в положительную невозможность ведение операций»⁴⁶. При этом, стремясь дать объективную оценку событиям, он находит в деятельности комитетов и некоторые положительные моменты, несравнимые, правда, с нанесенным им вредом. Деникин также привел множество примеров того, как практически все попытки офицеров, работавших в комитетах, подчинить их себе, заканчивались провалом. Такая ситуация сложилась даже в Ставке верховного главнокомандующего, где «комитет стал трибуной для агитации против начальства», вмешивался в дела командования и выносил постановления, «подчас вызывающие, оскорбительные, деморализующие»⁴⁷.

Б.В. Геруа вспоминал о деятельности комитетов в исключительно мрачных тонах: «Но самым ужасным была безысходная глупость

⁴³ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 13.

⁴⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 275.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 282.

⁴⁷ Там же. С. 161.

всех этих нескончаемых разговоров. “Товарищи” мешались буквально во все, требуя объяснить, почему такая-то дивизия стояла на позиции на два дня дольше, чем другая; почему такой-то полк переводится на другой участок, не является ли происходящая перегруппировка контрреволюцией и т. п.»⁴⁸. Сходной точки зрения держался П.Н. Краснов: «Новые порядки, введенные Временным правительством, отсутствие какой бы то ни было власти у начальников, передача в руки комитетов всех полковых дел быстро расшатывали армию»⁴⁹.

С недоверием были встречены офицерами также меры Временного правительства по реорганизации вооруженных сил, в том числе деятельность т. н. «Поливановской комиссии» («Особой комиссии по реорганизации армии на демократических началах» под председательством генерала от инфантерии А.А. Поливанова), учрежденной по приказу военного министра А.И. Гучкова в марте 1917 г.

А.И. Деникин писал о ней в чрезвычайно резких тонах: «Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии — этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничащим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя»⁵⁰.

Наиболее вредными, с точки зрения Деникина, были решения комиссии в военно-судебной сфере, лишение командиров дисциплинарной власти, придание легитимности комитетам. «Военные члены комиссии, — утверждал он, — как будто соперничали друг перед другом в смысле раболепного угождения новым повелителям, давая обоснование и оправдание своим авторитетом их разрушающим идеям»⁵¹.

⁴⁸ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. С. 176.

⁴⁹ Краснов П.Н. На внутреннем фронте. С. 97.

⁵⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 2. Вып. 1. С. 268.

⁵¹ Там же.

Стоит отметить, что во многих мемуарах вообще очень часто звучат обвинения в адрес представителей командования и военной администрации, стремившихся подстроиться под требования времени. Казачий офицер (в годы Гражданской войны — войсковой атаман Забайкальского казачьего войска) Г.М. Семенов отметил в своих мемуарах: «К сожалению, старшие войсковые начальники, в видах собственной карьеры и установления хороших отношений с новым начальством, весьма часто держали себя не на высоте и даже подыгрывались под новые направления в правительстве и стране»⁵².

Сходное суждение высказывал А.И. Деникин, имевший политические убеждения? очень отличавшиеся от убеждений Семенова. «Рядовое офицерство, — писал он, — несколько растерянное и подавленное, чувствовало себя пасынками революции и никак не могло взять надлежащий тон с солдатской массой. А на верхах, в особенности, среди генерального штаба, появился уже новый тип оппортуниста, слегка демагога, игравший на слабых струнках Совета и нового правящего рабоче-солдатского класса, старавшийся угождением инстинктам толпы стать ей близким, нужным и на фоне революционного безвременья открыть себе неограниченные возможности военно-общественной карьеры»⁵³.

Упоминание генерального штаба здесь, конечно, не случайно. В российской армии, среди армейского офицерства, издавна сложился взгляд на генштабистов (на офицерском сленге — «моментов») как на карьеристов, заносчивых гордецов, свысока глядящих на остальное офицерство⁵⁴. Впрочем, «приспособленцев», по оценкам современников, хватало и среди строевых командиров.

По понятным причинам, особо резко осуждались в эмигрантской мемуаристике те военачальники, которые не только активно поддерживали Временное правительство, но позже перешли на сторону советской власти. Очень часто в карьеризме и беспринципности

⁵² Семенов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 62.

⁵³ Там же. С. 144.

⁵⁴ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 178.

обвиняли, например А.А. Брусилова⁵⁵. Н.А. Епанчин рисует мало-привлекательный портрет командующего 11-й армией генерал-лейтенанта А.Е. Гутора, поощрявшего «братание» с «товарищами». «Сам Гутор, — пишет мемуарист, обшил воротник, обшлага и прорезь на груди своей защитной рубахи широкими красными полосами; парные часовые у его дома тоже имели красные обшивки, банты, перья на штыках»⁵⁶.

Возможно, во время завершения работы над мемуарами (1939) Н.А. Епанчин знал о службе Гутора в Красной армии в 1918–1931 гг.⁵⁷ Интересно, однако, отметить, что в мемуарах П.П. Скоропадского содержится рассказ о том, как А.Е. Гутор, командуя армиями Юго-Западного фронта, подталкивал его к скорейшей «украинизации» 34-го армейского корпуса⁵⁸.

Не исключено, что генерал, сурово порицаемый Епанчиным, действительно, был склонен к приспособленчеству. Такой точки зрения, по крайней мере, держался Б. Геруа, который писал, что Гутор, несомненно обладая талантом командира, «слишком легко прикладывал руку к козырьку и говорил Слушаю-с!»⁵⁹.

Отношение мемуаристов к А.И. Гучкову, занимавшему пост военного министра в марте-мае 1917 г., было довольно противоречивым. П.Н. Врангель писал, что само «назначение военным министром человека не военного, да еще во время войны, не могло не вызвать многих сомнений»⁶⁰. Вместе с тем он отмечал близость Гучкова к армии (в т. ч. как председателя комиссии военной обороны в Думе), хорошее знание им многих проблем вооруженных сил. Как человека

⁵⁵ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 471; Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 30; Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 16.

⁵⁶ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 475.

⁵⁷ А.Е. Гутор с августа 1918 г. был в РККА председателем Уставной комиссии, с 1920 г. — членом Особого совещания при Главкоме, позже преподавал в Военной Академии РККА. В 1938 г. был репрессирован.

⁵⁸ Скоропадський П. П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. Київ, 1995. С. 57–59.

⁵⁹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. С. 181.

⁶⁰ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 25.

сильной воли и энергии оценивает Гучкова А.И. Деникин⁶¹. Однако оба военачальника решительно осуждали проведенную министром чистку офицерского состава. Признавая, что некоторые основания для такой меры имелись, А.И. Деникин утверждал: «Массовое увольнение начальников окончательно подорвало веру в командный состав и дало внешнее оправдание комитетскому и солдатскому произволу и насилию над отдельными представителями командования. Необычные перетасовки и перемещения оторвали большое количество лиц от своих частей..., переносили их в новую, незнакомую среду, где для приобретения этого влияния требовались и время, и трудная работа в обстановке, в корне изменившейся»⁶².

«Смена такого огромного количества начальников отдельных частей и высших войсковых соединений одновременно, — писал П.Н. Врангель, — и замена их людьми чуждыми этим частям, да еще в столь ответственное время, не могли не отразиться на внутреннем порядке и боеспособности армии»⁶³.

Отрицательную оценку ротации кадров давал также Э.А. Верцинский, полагая, что она расчистила путь к высоким должностям расчетливым карьеристам: «Более беспринципные начальники стали заигрывать с солдатами в явный ущерб для армии и строить свое преуспевание на показной революционности»⁶⁴.

Мемуаристы укоряли А.И. Гучкова также в неспособности справиться с советами, покончить с «анархией». Тем не менее многим белоэмигрантам явно импонировал его последовательный антибольшевизм, позиция, занятая в Гражданскую войну и, позже, в эмиграции.

Гораздо более неприязненное отношение, порой настоящую ненависть вызывал у большей части авторов А.Ф. Керенский. Весьма резкие оценки многие мемуаристы давали учрежденному, после назначения Керенского военным и морским министром, институту

⁶¹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. С. 156.

⁶² Там же. Т. 1. Вып. 2. С. 263.

⁶³ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 32–33.

⁶⁴ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 15.

комиссаров, в основе которого, по утверждению А.И. Деникина, лежало «недоверие к командному составу»⁶⁵.

Еще большее раздражение вызвала «Декларация прав солдата», введенная в действие приказом Керенского 9 мая 1917 г. «Эта «декларация прав» <...>, — отмечал А.И. Деникин, — окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу...»⁶⁶. Не менее решительно оценивал декларацию Верцинский, считавший, однако, что она стала естественным продолжением распоряжений Гучкова⁶⁷.

Офицерам претили также сама манера поведения Керенского во время его визитов на фронт, показательной, по их мнению, демократизм, «заигрывание» с солдатами.

Генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский с насмешкой вспоминал, как во время посещения Ставки Керенский не подал руки никому из генералов, но зато принялся здороваться с отдавшими ему рапорт ординарцами, которые «были в полном замешательстве, не зная, как поступить и что делать с винтовкой»⁶⁸.

Резко осуждал Керенского А.И. Деникин, обычно очень сдержанный в оценках⁶⁹. Однако наиболее неприязненную характеристику дал премьер-министру Б. Геруа, который увидел в нем сходство с «Гришкой Отрепьевым»⁷⁰.

Многие мемуаристы писали также о подрывной деятельности большевиков и очень часто — о поддержке революционной пропаганды Германией. Весьма экспрессивно по данному поводу выразился, например, генерал-лейтенант А.П. Будберг в своем «Дневнике белогвардейца»: «Немцы с искусством Мефистофеля использовали свое знание современной русской души и при помощи Ленинской

⁶⁵ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 290.

⁶⁶ Там же. С. 300.

⁶⁷ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 15.

⁶⁸ Кондзеровский П.К. В ставке верховного. 1914–1917. Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Париж, 1967. С. 128.

⁶⁹ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 397–398.

⁷⁰ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. С. 189.

компаниям вспрыснули нам яд, растворивший последние жалкие корочки, в которых еще наружно держалась русская армия; уничтожение дисциплины, проклятый принцип “постольку поскольку” и пораженческая пропаганда обратила нас в опасные для всякого порядка вооруженные толпы, которые пойдут за тем, кто посулит им побольше вкусного и давно уже вождедеемого...”⁷¹. Впрочем, «немецкий след» в происходивших событиях видел и гораздо более сдержанный А.Н. Деникин.

Именно нарушение дисциплины и ломка коренных принципов организации вооруженных сил стали по мнению большинства мемуаристов, причиной провала наступления русских войск в июле 1917 г. А.И. Деникин, назначенный 31 мая на должность главнокомандующего армиями Западного фронта, так описывает состояние подчиненных ему корпусов: «Один командир корпуса вел твердо войска, но испытывал сильнейший напор войсковых организаций, другой боялся посещать свои части; третьего я застал в полной прострации и в слезах после какой-то резолюции недоверия»⁷². С болью пишет Деникин о том, что полки офицерам приходилось уговаривать солдат идти в атаку, полемизируя одновременно с большевистскими агитаторами. «В мае-июне 1917 г., — утверждал Н.А. Епанчин, — наша армия уже не была организованной массой: это была развращенная и разнузданная толпа»⁷³.

Являвшийся непосредственным участником событий на Юго-Западном фронте, П.Н. Врангель утверждал, что при первом же натиске противника «демократизированная армия» вышла из повиновения своим командирам и «бежала как стадо баранов»⁷⁴.

«Основная болезнь армии, — писал Верцинский, — выражалась в утере воинской дисциплины и чувства долга. Поспешное отступление армии от Тарнополя и Калуша, часто переходящее в позорное бегство, сопровождалось погромами и разбоями»⁷⁵. О насилиях

⁷¹ Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Минск, М., 2001. С. 103.

⁷² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 413.

⁷³ Епанчин Н.А. На службе трех императоров. С. 479.

⁷⁴ Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. 1916–1920. С. 41.

⁷⁵ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 31.

войск над мирным населением писал также П.П. Скоропадский⁷⁶. Упомянул будущий украинский гетман также вредное влияние комитетов. «Во время боев, — писал он, — комитеты куда-то исчезали, и тогда было значительно легче работать. Как только противник был далеко, все эти учреждения снова делали свое отвратительное дело»⁷⁷.

Вполне закономерно, что большая часть военных мемуаристов с симпатией и сочувствием вспоминали о выступлении генерала Л.Г. Корнилова. Однако многие отмечали также и закономерность его поражения, по-разному, правда, понимая его причины. Б.В. Геруа, например, укорял Л.Г. Корнилова в наивности, отмечая: «И будь на месте Корнилова авантюрист типа Савинкова или фанатик и реалист типа Гарибальди, переворот мог бы удасться»⁷⁸. Участник корниловского похода А.Р. Трушнович полагал, что главнокомандующий допустил ошибку, направив в Петроград генерала Крымова вместо того, чтобы возглавить поход самому⁷⁹.

А.И. Деникин более глубоко анализировал причины происшедшего, поставив целью доказать, что Корнилов стремился покончить только с леворадикальными элементами, тогда как А.Ф. Керенский действовал в нарушение и формального законодательства и вопреки интересам страны⁸⁰. Аналогичный вывод делал Э. Верцинский⁸¹.

Разные по служебному положению и убеждениям мемуаристы были, однако едины во мнении, что провал корниловского выступления еще больше ускорил распад армии, а продолженная Керенским политика «демократизации» и гонения на офицеров сделали его фактически необратимым. Фактическое уничтожение армии, в свою очередь, как полагали авторы, многократно облегчило большевикам захват власти.

М.В. Соколов

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И РАДИОВЕЩАНИЕ НА СССР

Русская эмиграция в 20–30-е гг. XX в. мечтала о том, чтобы начать регулярное радиовещание для жителей советской России. Но желающих дать на это деньги в Западной Европе, где решили мириться с большевиками как с неизбежным злом, и во вставших в изоляционизм США, не находилось. На государственном уровне в 30-е гг. редким исключением стала Чехословакия.

Некоторые эпизоды борьбы за спонсоров для русского радио и отдельные проекты отразились в фондах Пражского Русского заграничного архива (ныне — Госархив России, ГА РФ РФ).

Группа эмигрантов во главе с Борисом Ивановичем Соколовым при помощи бельгийских антикоммунистов пыталась начать вещание на СССР из Брюсселя. Главный редактор активистского издания «Борьба за Россию» Михаил Михайлович Федоров 31 марта 1931 г. написал руководителю группы сторонников этого журнала в Праге Вениамину Сергеевичу Озерецковскому, видимо, об этом проекте: «Я получил возможность время от времени пользоваться одной радиостанцией для передачи наших речей и информации в Россию. Это возможность, — которую нужно хранить в тайне, о чем я Вас и прошу, — надлежит использовать возможно продуктивнее. Я обращаюсь к ряду русских литераторов, публицистов и политических деятелей с просьбой принять участие в этой радиосвязи с Россией. Туда нужно послать призывы к верности Родине, борьбе с ее поработителями, к объединению усилий в этой борьбе, ибо действия вразброд кончатся разгромом восставших, к сопротивлению советской власти при каждом случае. Желательно указать на ложь советской власти во всем, что она говорит о тяжелом положении населения и о близости здесь революции. Одни наши призывы будут

⁷⁶ Скоропадский П.П. Спогади. Кінець 1917 — грудень 1918. С. 68.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. С. 213.

⁷⁹ Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца. 1914–1934. М.; Франкфурт, 2004. С. 28.

⁸⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. С. 214–216.

⁸¹ Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера Генерального штаба за 1917–1918 гг. С. 47.

направлены к крестьянам, другие — к рабочим, третьи — к армии и т. д.»¹.

Журналист Алексей Иванович Ксюнин сообщал 15 февраля 1934 г. бывшему члену Временного правительства Александру Ивановичу Гучкову: «Радиостанция в Бельгии (а может быть, в Люксембурге) была устроена года полтора назад <...> антикоммунистической издательской группой»². Таким образом, нерегулярные передачи, по данным А.И. Ксюнина, велись как минимум с августа 1932 г. В письме Гучкову от 23 мая 1934 г. он сообщал, что «радиостанция создана Бельгийским антикоммунистическим обществом “Силлак”»³. Оно было основанное прожившим в Советской России 9 лет (1919–1926) бельгийским дипломатом, автором книги «Москва без масок» (1928 г.) Жозефом Дулье (1878–1954). Общество «CILLAC» (Centre International de Lutte Active Contre le Communisme; Международный центр активной борьбы с коммунизмом) издавало в 30-е гг. антикоммунистические брошюры и вело в Бельгии соответствующую пропаганду. Оно поддерживало связи с более влиятельной организацией «Международное антикоммунистическое объединение» (EIA — Entente Internationale Anticommuniste) — так называемой «Лигой Обера»⁴. Смогло ли «CILLAC» реально организовать регулярное радиовещание на СССР, установить не удалось.

В одной из справок в фонде А.И. Гучкова за 1934 г. указывается также на попытки вещания на Дальнем Востоке: «кроме баптистской станции в Манчжурии есть еще одна станция, с которой посылается в Россию антисоветская пропаганда. Эта станция находится на одном коммерческом пароходе, плавающем по Сунгари. Команда этого парохода состоит сплошь из русских. Материал для передач

¹ М.М. Федоров — В.С. Озерецковскому. Письмо № 4437 от 31 марта 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-6110. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–29.

² Письмо А.И. Ксюнина — А.И. Гучкову от 15.02.1934 // Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 47. Л. 15.

³ ГАРФ. Ф. Р-5886. Оп. 1. Д. 91. Л. 35.

⁴ Ю.И. Лодыженский: От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. М.: Айрис-пресс., Белая Россия, 2007. С. 403–404.

посылается из Харбина, также из Женева из организации Обера»⁵ (EIA).

Правительство Чехословакии решило в 1933 г. начать вещание на Советский Союз. Возможно, это была ответная мера в связи с тем, что СССР расширял подрывное коммунистическое вещание на чешском языке из Москвы и Киева. По крайней мере, рижская газета «Сегодня» в феврале 1933 г. связала решение Праги именно с активностью Коминтерна: «В течение нескольких недель по средам в 8 часов вечера по средневропейскому времени, а по пятницам в 10 час.<ов> вечера со станции Коминтерна в Москве раздается чешская речь: “Говоржи Москва..., Говоржи Москва”, и далее в течение часа Радио-Москва передает пропагандную лекцию на чешском языке, освещающую в коммун.<истическом> духе “достижения и радости” сов. жизни, и подвергая резкой критике “капиталистический строй”...»⁷.

Руководителем государственного проекта по вещанию на СССР назначили управляющего Русским зарубежным историческим архивом (РЗИА) профессора Яна Славика.

Ян Славик лично ездил в Россию в 1926, 1927 и 1932 гг. О последнем визите он писал: «Переживания в мою нынешнюю поездку (я побывал в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, Харькове и Киеве) были так мучительны, что мне необходим некоторый отдых, чтобы я мог спокойно описать вещи, которые видели мои глаза»⁸. Сравнивая Россию эпоху 1927 и 1932 г.? Славик сделал вывод, что «прогресса нет», «в 1927 году Россия не знала изобилия. В нынешнем же году (1932 г. — М.С.) большие русские города испытывают полную нужду. Там недостаток во всем», «большевики использовали все достатки народа, чтобы добыть доллары на возведение фабрик и постройку машин»⁹.

⁵ Лига борьбы с III Интернационалом.

⁶ Письмо от 22 мая 1934 г. // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1/ Л. 40.

⁷ «Говоржи Москва»... «Говорит Прага» (От пражского корреспондента «Сегодня») // Газета «Сегодня». Рига. 1933. 15 февр.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 23. Л. 1. — Геревоод статьи Я. Славика. «Впечатления от поездки в СССР» в нынешнем году» из газеты «Narodni Osvozdzeni» №193, 14 VII 1932.

⁹ Там же. Л. 1–2.

Тексты 20-минутных выступлений Славика согласовывались с МИД Чехословакии¹⁰. Первая лекция (17 февраля 1933 г.) анонсировалась рижской газетой «Сегодня»: «Новый номер чехословацкого “Радио-Журнала”, публикующий программы радиопередачи Пражской радиостанции, имеет интересное сообщение о том, что в пятницу 17 февраля с 7 ½ до 7 час. 50 мин. веч.<ера> Пражской радиостанцией (и одновременно всеми чехословацкими станциями радиовещания) будет передаваться лекция проф. Я. Славика “О русской пятилетке” на русском языке»¹¹.

Русская пресса в изгнании, например, встретила начало радиовещания на СССР с энтузиазмом. 23 марта 1933 г. газета «Последние Новости» дала объявление о лекциях Славика, а журналист Д. Мейснер сообщал из Праги: «Летом прошлого года чешский ученый, историк, специализировавшийся по русскому вопросу, в частности — по истории русской революции, проф.<ессор> Ян Славик побывал в СССР. После своего возвращения проф. <ессор> Славик напечатал в левой чешской прессе ряд статей, вскрывающих весь ужас положения, в котором находится русский народ, и всю ложь большевистских слов о “достижениях пятилетки”. Большевики ответили рядом грубых статей. Использовали они в данном случае и радио, возражая проф. <ессору>Славику в своих агитационных речах на чешском языке, которые они время от времени передают в Европу. Теперь чехословацкое радио получило возможность как бы ответить на большевистскую пропаганду. Проф. <ессор> Славик будет передавать в Россию правду о пятилетке и большевистской политике. Его лекции-речи будут произноситься на русском языке, и их смогут слушать все российские граждане, имеющие радиоаппараты, способные уловить пражскую станцию. Первая речь была проф. <ессором> Славику уже произнесена; она вызвала ряд сочувствующих откликов, как из самой Чехословакии, так и из других стран. Москва немедленно ответила “контрпропагандой”»¹². Одобрительно

¹⁰ Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 91. Л. 16.

¹¹ «Говоржи Москва»...» Говорит Прага» (От пражского корреспондента «Сегодня»).

¹² Мейснер Д. Война в эфире. Для газ. «Последние новости» // ГАРФ. Ф. 6123. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.

высказывалась о начинании и чешская пресса, например, газета «Вечернее чешское слово» озаглавила свою статью «Пражский ответ на московские выпады»¹³.

Диктором программ Ян Славик предложил статью историку, приват-доценту и певцу Борису Алексеевичу Евреинову. И в эфире хорошо поставленным голосом зазвучало: «Слушайте, слушайте, слушайте, говорит Прага — чешская, лекция профессора Славика!».

Эмигрант-демократ Алексей Вельмин из Варшавы 29 февраля писал Б.А. Евреинову: «Очень рад <...>, что именно Вам поручено делать по радио противобольшевистские сообщения для России, и вполне разделяю те чувства, которые Вы испытываете, делая такие сообщения и сознавая, что Вас слушают там, на нашей родине. Воображаю, как злятся Маслов, Цуриков и т. п. “активисты”, что выбор пал не на них, а на “милюковца”»¹⁴.

В оригинале первая лекция от 17 февраля 1933 г. называется «СССР на пороге второй пятилетки». Главным тезисом ее было то, что Советский Союз добился в первой пятилетке успехов в одной области: «армии и полиции». Они никогда не знали кризиса, и «все время совершенствуются». «Большевики создали громадную армию и полицию, которая является истинной наследницей царской охранки. <...> Нужные большевикам в качестве опоры их власти армия и полиция пользуются трогательной заботливостью советской власти. А стомиллионная масса населения в стране, служившей всегда житницей Европы, терпит на 16-м году большевицкого владычества недостаток продовольствия, хотя еще в начале пятилетки было обещано, что жизненные условия населения через пять лет значительно улучшатся»¹⁵.

Отклики эмигрантов на выступления последовали сразу. И. Шевелев из Стокгольма немедленно же 17 февраля 1933 г. сообщает: «С большим удовольствием пишу отзыв о сегодняшней передаче

¹³ «Prazska odpoved’ na moskevске vyklady» // Vecerne ceske slovo 24.03.1933.

¹⁴ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову 29.02.1933 // ГАРФ. Ф. 6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 146.

¹⁵ Архив МИД Чехии. Фонд III отдела. Ministerstvo Zahrnícnih Veci CZ. Odbor III — 1933-TZ, 3 sekce, Box 1297. Radio Propaganda. Ruska.

первой русской лекции из Праги о С.С.С.Р. <...> Слышимость была идеальная <...>. На редкость в наши дни чистый русский язык и внушительная неторопливость передачи сделали лекцию исключительно удачной. Не имея понятия, кто лектор, т. е. каковы будут его выводы (политические), я должен сказать, что такую, если не ошибаюсь, первую серию русских лекций можно горячо приветствовать, как безусловную попытку антисоветской пропаганды (всякая правда о С.С.С.Р. есть антисоветская пропаганда!), имеющую колоссальное значение не для нас — эмигрантов, конечно, п.<отому> ч.<то> все это мы знаем из эмигрантских газет, а для подневольных русских, которые по радио ничего не слышат кроме казенной истерики, т. к. иностранными языками там мало кто владеет. И чехословацкие власти достойны исключительной благодарности с нашей стороны за то, что они не побоялись С.С.С.Р. <...>¹⁶.

12 марта 1933 г. проследовал и отклик А.П. Вельмина из Варшавы на вторую передачу: «Спасибо Вам за извещение о Вашем выступлении. <...>. Мы втроем и слушали Вас. Говорили Вы прекрасно. Каждое слово, да каждая буква были слышны; с большой экспрессией. Мы даже рассмеялись, когда услышали, с каким удовольствием Вы отчеканили слово «невежество», говоря об отношении большевиков к науке. <...>. Относительно содержания мы должны сказать, что оно показалось всем нам слишком академичным; нам кажется, что для таких выступлений следовало и можно было бы выбрать более сильные, животрепещущие и актуальные темы. <...>¹⁷.

Тексты читавшихся Евреиновым лекций готовил профессор Ян Славик. Но на некоторых листах и в фондах 3-го отдела Чехословацкого МИДа, и в ГАРФ я нашел правку почерком Б.А. Евреинова¹⁸. В фондах ГАРФ на текстах есть указания по переводу супруге Б.А. Евреинова, и опять же листы с уточняющей правкой, сделанной, как теперь выражаются, «носителями языка». Создается

впечатление, что правку, уточняющую советские реалии, вносили и сам Евреинов, и его жена Наталья Сергеевна Евреинова перед перепечаткой лекций Яна Славика на русский язык. Борис Евреинов 16 марта 1933 г. писал профессору, бывшему лидеру Трудовой народно-социалистической партии Венедикту Мякотину в Софию: «Если Вы имеете возможность слушать радио, очень прошу Вас поймать Прагу (волна 489 метров) в пятницу 24 марта в 7 ч. 10 м. по средне-европейскому времени. Не пожалеете»¹⁹.

Первые передачи вызывали большой интерес и пересказывались в русской зарубежной печати. Варшавская газета «Молва» сообщала: «7 апреля в 7 час. 10 м. вечера все радиостанции Чехословакии транслировали лекцию профессора Славика о русской печати, прочитанную на русском языке. Лекция эта является очередной из целого цикла передач, транслируемых регулярно по пятницам через каждые две недели (следующая 21 апреля в то же время)»²⁰.

В лекции констатировалось: «большевики уничтожили свободу печати» и анализировалась система, при которой «печать в России является монополией правящей партии»²¹. Система, где «тезисы Сталина — аксиомы, они не подлежат и не могут подлежать критике»²², названа явлением «азиатского порядка».

«Молва» так рецензировала лекции Славика: «Начав с некоторых пор “войну в эфире” с коммунистической пропагандой, чехословацкое радио передает по пятницам речи проф. Славика, подвергающие беспощадной критике советский режим и его достижения. Проф. Славик хорошо знает Россию, где он бывал до революции и уже при большевиках. Доказательством того, что речи его достигают цели, являются сочувственные письма, получаемые из СССР чехословацкими радиостанциями. Письма эти приходят из Петрограда, Москвы, Киева, Харькова и других городов.

Любопытно, что большевики, приняв вызов чехословацкого радио, вступают с проф. Славиком в полемику. Так? один советский

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р- 6123. Оп. 1 Д. 13. Л. 8.

¹⁷ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову 12.03.1933 // Там же. Ф. 6366. Оп. 1 Д. 9. Л. 147.

¹⁸ Напр., ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 6. Или «Пятилетка и советская наука» // Там же. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.

¹⁹ Письмо Б.А. Евреинова В.А. Мякотину от 16 марта 1933 // Там же. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 34. Л. 39.

²⁰ Газета «Молва». 1933. 26 апр.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

²² Там же.

журналист из Смоленска произнес по радио ответную речь, защищая ограничение свободы печатного слова в СССР. В последней своей речи, произнесенной в пятницу 24 апреля²³, проф. Славик дал достойную отповедь на возражения советского журналиста»²⁴.

Речь идет о выступлении смоленского журналиста В.И. Ардаматского²⁵ в защиту советской цензуры. Ян Славик в своей второй лекции «О советской печати» 21 апреля 1933 г. дал такой ответ красному пропагандисту: «Я продолжаю получать большое количество писем из разных стран Европы, а также из республик Советского Союза по поводу моих радио-лекций о положении в современной России. Есть письма из Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Сталинграда, Одессы и других мест. Авторы писем вполне солидаризируются с моими оценками и выводами. Судя по содержанию и по почерку некоторых из этих писем, авторы их принадлежат не к классу интеллигенции, а к классу рабочему. Но несколько дней тому назад я получил письмо из России с возражениями мне и с попыткой защитить и оправдать факт уничтожения свободы печати в Советском Союзе. Письмо написано вполне спокойно, и этим оно выгодно отличается от тона, который употребляет некий гражданин, выступающий в московском радио с ответами по-чешски на мои лекции о России.

Письмо это принадлежит гражданину В.И. Ардаматскому из Смоленска. Он сообщил мне свое имя и занимаемую должность и просил, чтоб я ему ответил по радио. Ардаматский заявил, что сам он не большевик, но что он работает в советской печати. Он пишет, что мы с ним едва ли пойдем друг друга. Это, пожалуй, верно. Но где лежит причина этой невозможности? Думаю, в том, что Ардаматский не обладает знанием Западной Европы. Тогда как я знаю и Западную Европу, и Советский Союз, где я был три раза и подолгу.

²³ Неточность. Правильно — 21 апреля.

²⁴ «Речи проф. Славика по радио» // Газета «Молва» 5 мая 1933 г. № 162 (352).

²⁵ В машинописном тексте лекции Я. Славика оппонент письма назван в разных местах Ардаманским, Арадаматским и Ардамантским. Правильно: **Ардаматский** Василий Иванович (р. 1911, с. Духовщина Смоленской области — 1989 Москва). Радиожурналист в Смоленске с 1929 г. Советский писатель. В своих книгах воспевал «подвиги» ЧК — ОГПУ — НКВД, в том числе убийство Б. Савинкова и «Операцию Трест». Автор антисемитского фельетона «Пиня из Жмеринки» (1953 г.).

То обстоятельство, что Ардаматский не знает Западной Европы, объясняет нам, почему он силится защитить большевицкое отношение, страх свободы печати ссылкой на ограничение свободы печати, вводимое ныне Гитлером в Германии. Мой оппонент противопоставляет большевизм гитлеризму, хотя известно, что русский большевизм и немецкий гитлеризм оба в равной степени являются врагами демократического строя. Большевизм и гитлеризм, собственно говоря, весьма родственны один другому: они одинаково попирают элементарные принципы демократизма, в том числе и свободу печати.

<...>В действительности же порабощение печати всегда имело целью охранить режим и заткнуть рот справедливой критике. Ардаматский может почерпнуть из истории убедительное поучение, что только те правительства, которые не чувствовали опоры в народе, ополчались на свободу печати. Власть, которая действительно знает, что симпатии огромного большинства населения находятся на ее стороне, не должна бояться свободы слова. <...>Ардаматский пишет в своем письме, что во время классовой борьбы диктатура необходима. Это любимое большевицкое утверждение, в сущности, имеет ту же цену, как и утверждение монархистов о божественном происхождении власти царя, призванного Богом царствовать на благо народа. Утверждение о необходимости < (не чит.) угнетения печати?> в целях оправдания неограниченного могущества большевистской партии, которая во имя строительства социализма уничтожает каждого, кто становится ей наперекор. Уничтожает отдельных лиц и целые слои населения, если только подозревает, что они могут быть опасны большевицкому самовластию. Так большевики уничтожили самый хозяйственный и просвещенный слой русского крестьянства, когда сочли его опасным для себя. Если бы Ардаматский взял на себя труд внимательно прочесть протоколы съездов и конференций большевицкой партии, он увидел бы, что все внутрипартийные споры вертелись, в сущности, вокруг вопроса об отношении к многомиллионной массе русского крестьянства. Главной проблемой был вовсе не социализм, а способ маневрирования в целях удержания власти в руках большевистской партии.<...>²⁶.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 86. Л. 29–30.

Ян Славик умело показал слушателям, с каким «профессионалом пера» имеет дело: «АрдаMATский сообщил мне, что свободно читает заграничные газеты и журналы. Я не сомневаюсь в этом, так как мой оппонент является ответственным работником советской печати в Смоленске. Самый характер его службы вынуждает его следить за иностранной печатью, и АрдаMATский отлично знает, что он и его коллеги по службе составляют исключение и что для огромного большинства советских читателей иностранная печать совершенно недоступна и запрещена. Широким читательским массам большевицкая печать может преподносить всякие басни и небылицы, так как во всем Советском Союзе не найдется такого органа печати, который мог бы разоблачать или высмеять большевицкую ложь»²⁷.

17 мая А. Вельмин вновь пишет из Варшавы Б.А. Евреину в Прагу: «В пятницу 21/IV я с Николаем Кирилловичем слушали Ваше выступление. <...> Содержание этого выступления и полемика со смоленскими журналистами было очень удачно. С интересом мы ждали следующего Вашего выступления и 5/V собрались у аппарата уже втроем П.<етр>Э.<растович>, Ник. <олай> Кирил.<лович> и я. Но каково было наше разочарование, досада, когда после обычного сообщения Прагой последних новостей с 7.10 из радио послышалась музыка, передаваемая Прагой. Почему же не состоялось Ваше выступление, и будут ли вообще продолжаться Ваши выступления? Или, быть может, прекращение их находится в связи с появившимися на днях в газетах слухами о сближении Малой Антанты с СССР и возможности признания последнего Чехословакией?»²⁸

Передачи пользовались большим успехом. Есть немало писем из СССР, авторы которых хвалили вещание из Праги. Так, в фонде Я. Славика в Русском заграничном архиве имеется следующее письмо из Киева, написанное на клочке оберточной бумаги: «Г-н Славик. Я слушаю Ваши лекции, которые, безусловно, вызывают огромный интерес у советских слушателей, но очень жаль, что каждая из лекций продолжается незначительное время и с большими промежутками

²⁷ Там же. Л. 31.

²⁸ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреину от 17.05.1933 // Там же. Ф.Р-6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 148.

между ними. Жду вашего ответа во время В<аших> передач. Дошли ли до Вас мое письмо? Ответьте»²⁹. Газета «Возрождение» в апреле 1933 г. перепечатала письмо из СССР: «Редакции “Возрождения” доставлено письмо из СССР, сообщающее, что противосоветская радио-пропаганда из Праги достигла цели в СССР. Мы приводим об этом факте буквальную выдержку из письма: «<...> Благодарность тому профессору, который говорил нам на русском языке, — от имени людей, которые еще имеют человеческие чувства. Он просил, чтобы мы ему написали, но он не знает, что до него то, что мы ему напишем, не дойдет, так как цензура не пропустит. Нам было приятно слушать о том, о чем мы не имеем права даже думать. Ведь у нас такой деспотизм, какого свет не видел». Р. S. Подлинник этого письма находится в редакции «Возрождения»³⁰.

В специальной лекции «Ответ моим корреспондентам» Я. Славик ссылаясь на письма из Европы и СССР. Одно из них — «подробный наказ» — было написано группой рабочих и служащих и передано «через рабочего, который проездом в Западную Европу посетил Прагу». Этот рабочий-социалист сообщил о жизни Южнорусского района: «мы много страдали. Мы имели недостаток во всем, мы голодали, мы видели вокруг нас умирающих. Эти ужасы могли бы быть изжиты и даже при наличии советского режима. Ведь еще несколько лет назад до сталинского переворота в русской деревне голода не было»³¹. Славик пишет, что показал гостю «целую пачку писем», полученных «из разных областей и мест Советского Союза»³². Автор, анализируя письма, делает вывод: «Нынешний советский режим сводится к попытке небольшой кучки людей удержать в своих руках власть путем так называемой второй аграрной революции»³³.

И в РЗИА, и в фонде МИДа Чехословакии сохранились письма русских эмигрантов, которые также высоко оценивали лекции Яна Славика. «Единодушно благодарим Вас и желаем, чтобы Вашему

²⁹ Там же. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–2.

³⁰ «Противосоветское радио для СССР» // Газета «Возрождение». 1933. 27 апр.

³¹ ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 2.

примеру последовали и другие страны, — писали русские слушатели из села Шипка в Болгарии — 15 июня 1933 г.³⁴

Многие указывали на попытки глушения из СССР. Так, зарубежный слушатель писал: «Как Вам известно, проклятые большевики мешают страшно, многие здесь Вас уж давно не слышат, но мы до сих пор несмотря на шум все же слышали через Брно. Но последнюю лекцию 17 ноября творилось что-то невероятное и с большим трудом через шум, треск, приложив ухо к громкоговорителю едва-едва доносился Ваш голос, слушали через Брно, так как с других за треском Вас не слышно, особенно ужасный треск из Праги. В те вечера, когда Вы говорите, большевики целый вечер мешают чешским станциям, а во время Вашей лекции не только заглушают чешские, но и соседние с ними. Вы как-то говорили, что они боятся, и поэтому мешают. Скажите еще им, что они трусы подлые, боящиеся правды и издевающиеся над мирным несчастным населением»³⁵.

Успехам пропаганды радовался и А.П. Вельмин, но уже в мае сообщил, что Москва начала глушить трансляцию лекций Я. Славика: «В пятницу 19 V возле радио был только я один; <...> Говорили вы прекрасно, отчеканивая каждое слово, хотя местами, видимо, торопились. На этот раз Ваше сообщение все время сопровождалось сильными шумами, тресками и свистом, но все-таки Вас все время можно было прекрасно слушать. По-видимому, это старались большевики, так как до Вашего выступления, когда из Праги передавались обычные газетные новости, никаких шумов не было; не было их и как только мы переходили на другие станции. Но почему вы переменили час для своих выступлений? Ведь новый же <час> Ваших выступлений для России приходится уже после полуночи, когда, наверное, большинство людей в России уже спят?»³⁶.

Сеансы лекций Славика действительно были перенесены на более позднее время; сообщалось в июле: «Следующая русская радиолекция состоится в пятницу в десять часов двадцать минут вечера

³⁴ Там же. Д. 13. Л. 15.

³⁵ Там же. Д. 3.

³⁶ Письмо А.П. Вельмина Б.А. Евреинову 21.05.1933 // Там же. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 150.

по средневропейскому времени — в двенадцать часов двадцать минут по московскому времени» — речь шла о 14 июля 1933 г.. Вещание велось сразу с пяти передатчиков, явно чтобы затруднить глушение, что следует из объявления: «лекции будут высылаться пятью чехословацкими станциями (Прага волна 489 метров), (Брно, волна 342 метра), (Кошице, волна 293 метра), (Братислава, волна 279 метров), (Моравская Острава, волна 254 метра)». При этом отмечалось: «Письменные отклики из Советского Союза продолжают приходить. Это доказательство живой и непосредственной связи, установившееся с населением страждущей России»³⁷.

В то же время слушатели стали жаловаться на поздние часы вещания. Отметил это в своем письме в середине июня 1933 г. Б.А. Евреинову А.П. Вельмин: «В радио теперь Вас давно уже не слышал — час этот поздний уже, а мне приходится ходить к знакомым. Рад, что Ваши радио-сеансы увеличиваются — вы и удовольствие получите, и капитал приобретете»³⁸. Несмотря на перенос времени передач, письма из СССР продолжали приходить, принося и потрясающие документы.

Ян Славик обращается к слушателям 1 июля 1933 г.: «Я позволю себе прочесть письмо, получено мною на днях от одного колхозника. Вот что он пишет: “Очень жалею, что Вы в последней лекции своей о колхозах ничего не сказали о том, как рабочее правительство ограбило крестьян нашего края, что в результате грабежа крестьяне с Кавказа в настоящее время голодают, хлеба у крестьян нет, картофеля нет, капусты и других овощей нет... Смертность от голода принимает ужасающие размеры. Большинство станиц, сел и деревень нашего края наполовину и больше пустые... Посеяно мало. То, что посеяно, убирать будет некому. К тому времени, если не будут приняты меры к снабжению крестьян хлебом и друг.<ими> продуктами, еще половина вымрет или убежит от голода. Словом, к уборке урожая народа в деревне не будет.

³⁷ Лекции Я. Славика в фонде А.И. Гучкова // Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 86. Л. 31.

³⁸ Письмо А.П. Вельмина — Б.А. Евреинову от 25.06.1933 // Там же. Ф. Р-6366. Оп. 1. Д. 9. Л. 153.

Благодарные крестьяне нашего края, оставшиеся еще в живых, собирают в настоящее время материал (снимки пухлых от голода крестьян, трупы умерших от голода валяются по дорогам, образцы хлеба из желудей, корней и пр., законсервированные куски мяса собак, кошек, сусликов и даже человека), который будет послан «дорогому и любимому нашему вождю» для музея революции. Один из убежавших из колхоза с Кавк. <азского> края.» <...> Что можно прибавить к этим потрясающим, дышащим ненавистью к власти словам? Нужно признать, что ненависть эта вполне обоснована»³⁹, — делает вывод Ян Славик. Так на Западе могли получить информацию о масштабе Голодомора на юге России и Украины.

В, видимо, последней лекции, прочитанной Борисом Евреиновым, «О Балтийско-Беломорском канале» профессор Славик поднял тему рабского труда заключенных: «Можно смело сказать, что Г.П.У. является крупнейшим советским предпринимателем, т. к. у него всегда бывает избыток дешевых рабочих рук. Заключенных не нужно страховать. Г.П.У. своим рабочим платить не обязано. Им не надо платить вознаграждения в случае потери трудоспособности на работе. Заключенным можно не выдавать специальной одежды и обуви, как это при договоре о найме полагается профессиональным рабочим. “Предпринимателю” не нужно соотноситься с восьми или семичасовым рабочим днем. Рабочие, занятые в предприятиях Г.П.У. работают по шестнадцать часов в сутки. Они не могут бросить работу, уехать, забастовать; против такого рода попыток Г.П.У. применяет тюремное заключение и расстрел. Необходимо еще иметь в виду, что во власти Г.П.У. находятся лучшие технические силы России. При помощи инсценированных “вредительских” процессов Г.П.У. захватило и держит в подчинении себе толпы специалистов в разных областях труда и знания. Эти спецы являются такой же бесплатной силой, как и крестьяне, живущие физическим трудом. <...> Канал построен в 20 столетии принудительным трудом при правительстве, именуемом себя социалистическим»⁴⁰.

³⁹ Лекции Я. Славика в фонде А.И. Гучкова // Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 86. Л. 10–11.

⁴⁰ Там же.

Темы лекций были разнообразны: «О новом способе политического надзора в СССР»⁴¹ — о политотделах», «О демократии и большевистской диктатуре»⁴², «Пятилетка и советская наука»⁴³, «Рабочий в Советской России и в Западной Европе»⁴⁴, «Картины коллективизации сельского хозяйства в советском романе»⁴⁵, «О чистке большевистской партии»⁴⁶, «О конфликте на Дальнем Востоке и о Красной Армии»⁴⁷, «О большевицкой политграмоте»⁴⁸, «Что нам открывают советские декреты о нынешнем положении русской деревни»⁴⁹, «Суждения иностранцев о СССР»⁵⁰, «Большевизм»⁵¹, «О советской валюте»⁵², «Накануне съезда российской коммунистической партии»⁵³, «О советской энциклопедии»⁵⁴.

Лекция «Рабочий в Советском Союзе и рабочий в Чехословакии»⁵⁵, выходявшая в эфир 11 августа 1933 г., где сравнивалось реальное положение пролетариев в двух странах, — одна из самых удачных с точки зрения пропаганды работ: сравниваются реальные зарплаты и цены, возможности приобрести те или иные товары. Делается вывод: «Мы не только не боимся проверки, но мы всячески приветствовали бы, если бы охваченные сомнениями советские граждане могли приехать в Западную Европу, пожить здесь и собственными глазами убедиться в том, как ловко большевики морочат головы подвластному им населению. Это советские Фомы-неверные увидели бы здесь прилично одетую толпу, прочно налаженную и прекрасно

⁴¹ Там же. Л. 13–16.

⁴² Там же. Л. 22–27.

⁴³ Там же. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 9.

⁴⁴ Там же. Д. 10.

⁴⁵ Там же. Л. 7–12.

⁴⁶ Там же. Л. 1–6.

⁴⁷ Там же. Л. 34–38.

⁴⁸ Там же. Л. 39–43.

⁴⁹ Лекции Я. Славика в фонде А.И. Гучкова.

⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 11.

⁵¹ Там же. Д. 16.

⁵² Там же. Д. 5.

⁵³ Там же. Д. 2.

⁵⁴ Там же. Д. 7.

⁵⁵ Там же. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 86. Л. 17–21.

организованную внешнюю жизнь, оживленную торговлю в городах и местечках, спокойный уверенный труд земледельца, интенсивную и хорошо защищенную законодательством от труде работу свободного рабочего. Рабочий в Западной Европе действительно свободен и не только на словах как у большевиков, но и на деле. Свобода для трудящегося человека означает право защищать свои интересы в законодательной палате, право читать и говорить, что он хочет слушать, и выбирать кого хочет, ходить в церковь или в клуб безбожников. Истинная свобода для рабочего человека означает, что профессиональный союз, к которому он принадлежит, защищает его интересы, а не является только орудием в руках коммунистического начальства, как в Советском Союзе. Наконец, западноевропейский рабочий получает аккуратно и полностью весь свой заработок без каких-либо принудительных вычетов на содержание дармоедов из Третьего Интернационала и на поднятие всевозможных смут и восстаний в других странах. <...> О пригодности общественного строя для трудящихся никогда не следует судить по пышному широковещательному названию. На бутылку с керосином не трудно налепить ярлык “шампанское”, но керосин все-таки останется керосином. Так обстоит дело и с большевиками: на вывеске мы читаем “социализм”, “рабоче-крестьянское государство”, а за вывеской скрываются отвратительное крепостничество и всеобщий голод»⁵⁶.

С 13 октября 1933 г. лекции стали передаваться не раз в две недели, а еженедельно также по пятницам в 10 часов 20 минут вечера по среднеевропейскому времени⁵⁷.

В ответ на эти передачи письма из СССР продолжали приходить. Некий «Маркиз» в письме от 27 ноября 1933 г. сообщает в Прагу: «Слушал ваши радиолекции 17 и 24 ноября. 17 ноября прием был плох из-за шума. 24 ноября прием был сравнительно лучше за исключением 2-х 3-х мин.<ут>. Радиолекцию почти никогда полностью прослушать не удастся, но все же продолжаю слушать»⁵⁸. Глушение

⁵⁶ Там же. Л. 20–21.

⁵⁷ Там же. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 8. Л. 11, 8.

⁵⁸ Архив МИД Чехии. Фонд III отдела. Ministerstvo Zahrnicnih Veci CZ. Odbor III-1933-TZ, 3 sekce, Box 1297. Radio Propaganda. Ruska.

тоже продолжалось. Посольство Чехословакии в Москве сообщило 28.12.1933 г. в МИД, что помехи передачам на русском языке из Праги касаются только лекций Я. Славика⁵⁹.

Русские эмигранты хотели использовать лекции Славика в своих проектах. Так? известный кадет Н.И./ Астров, живший в Праге и близкий к К. Крамаржу и его кругу, в феврале 1934 г. переслал А.И. Гучкову переданные ему Яном Славиком тексты лекций: «Только на этих днях были доставлены от Славика тексты его радиолекций. Только сегодня получил его согласие на предоставление Вам права распоряжения вторых экземпляров его лекций. Вместе с этим письмом посылаю Вам почтовой посылкой 10 его лекций. Это не все, что высылалось из Праги. Были лекций о советской валюте, о сов. торговле, о суждениях иностранцев о СССР, о положении рабочих в сов. России и в Западной Европе. Были, вероятно, другие темы, но я не имел их текстов. Думаю, что и посылаемых 10 лекций достаточно, чтобы Вы составили себе представление о характере лекций из Праги и о способе трактовки тем. Вы, несомненно, обратите внимание на “перекличку” с Россией, на вопросы во время лекций — хорошо ли слышно, понравилось ли содержание? Интересен вызов из Смоленска и спор по поводу свободы слова (лекция о сов.<етской> печати). Славик предоставляет посылаемые тексты в Ваше полное распоряжение...»⁶⁰.

Единственное подробное объяснение сути чехословацкой пропагандистской акции есть в недавно изданной книге мемуаров генерального секретаря антикоммунистической «Лиги Обера» Юрия Лодыженского «От Красного креста к борьбе с коммунистическим интернационалом»: «Несмотря на все недостатки и советофильство, Бенешу все же надо отдать должное за то, что он не мешал оказанию Чешской республикой широкой помощи русским эмигрантам-антикоммунистам, но часто этой помощи содействовал. Вот случай, который показал, что, несмотря на показное советофильство Бенеш отлично понимал, как можно добиться нужного от большевиков.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 91. Л. 16.

Не помню, по какому случаю, отношения между Москвой и Прагой вдруг испортились. Тогда Бенеш, чтобы достичь своей цели, прибег к следующему: он велел найти выдающегося знатока советской действительности и поручил ему радио-эmissии (радиопередачи. — *Ред.*), изобличавшие слабости и пороки советского режима. Выбор пал на молодого экономиста Б. Евреинова, который обладал не только нужными знаниями, но и совершенно исключительной дикцией. Мне позже рассказывал немецкий генеральный консул, работавший в то время в Киеве, что радиопередачи Евреинова пользовались на Юге России совершенно исключительным успехом и приводили в неистовство советчиков. Кончилось тем, что советские пошли на уступки при условии, что Евреинову заткнули рот»⁶¹.

Ю.А. Лодыженский верно отмечает недовольство Москвы. Наркомат иностранных дел СССР несколько раз делал представления в МИД Чехословакии с протестом против передач на русском языке⁶². Но мемуарист писал книгу уже в 50-е годы по памяти и, видимо, забыл, что автором лекций был Ян Славик, и мог не знать, что его передачи продолжались и после скоропостижной смерти Б.А. Евреинова (29 октября 1933 г.), и в начале 1934 г.

В частности, мной найден текст лекции Яна Славика от 5 января 1934 г. «Накануне съезда российской коммунистической партии», где автор отмечал, что в сравнении с революциями прошлого «русская революция не представляет собой исключения. Она стоит на пути к диктатуре отдельной личности»⁶³. В лекции от 19 января 1934 г. «Об итогах пятилетки», возможно и последней, профессор Ян Славик отмечает, что «русская революция была для русского народа, бесспорно, началом новой жизни. Однако нынешняя стадия ее развития указывает на то, что в России назревает деспотизм касты, которая утверждает, конечно, что действует в интересах и в пользу народа. Но в действительности осуществляемый ею коммунизм

⁶¹ Лодыженский Ю.А. От Красного креста к борьбе с коммунистическим интернационалом. М., 2006. С. 426.

⁶² Архив МИД Чехии.

⁶³ ГАРФ. Ф. Р-6123. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

приобретает формы государственного слоя, существовавшего в XV веке в Южной Америке у перуанцев, до прихода туда европейцев. <...>. Вину за ошибки и промахи авторы ищут где угодно, только не в самой правительственной системе, которая по мере развития русской революции становится изжитой, но не намерена уступить место другим. Впрочем, из истории известно, что люди, выдвинутые революцией на первый план, никогда не уступали свое место добровольно»⁶⁴.

Работа Яна Славика высоко оценивалась русскими антикоммунистами. В записке А.И. Ксюнина, доказывающей необходимость радиовещания на СССР, отмечается: «Так за последние два года работала в Чехословакии подобная станция, под руководством Чехословацкого профессора Славика и при участии нескольких русских сотрудников. Лекции этой станции проникали в Россию и, судя по отголоскам, приходившим оттуда, имели большой успех. К сожалению, Чехословацкое правительство ищет в настоящее время сближения с советской властью, а потому вынуждено было прекратить действие этой станции»⁶⁵.

В письме кадета Н.И. Астрова А.И. Гучкову в 1934 г. делался печальный вывод: «Теперь лекции из Праги умолкли. Темы взяты иные. Погода переменилась. Лекции Славика проходили цензуру Мин. Ин. Дел. Поэтому они часто бледны и анемичны. Но и на том спасибо! Ведь это все-таки был единственный голос, который раздавался в России, протестуя и осуждая, разоблачая советск.<ую> ложь!»⁶⁶.

В дальнейшем русские эмигранты искали возможность для создания независимой радиостанции, вещающей для жителей СССР.

Из письма А.И. Гучкова можно понять, что поначалу велись переговоры с CILLAS в Бельгии: «Переговоры длительные и нудные ведутся по делу Радио. Наша парижская группа поставила бельгийцам некоторые условия. Ждем ответа. Ближайшее ознакомление с техникой выяснило следующее. Определить со значительном

⁶⁴ Архив МИД Чехии.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

⁶⁶ Там же. Л. 16.

приближением место расположения отправной станции весьма легко — поэтому важно сделать эту станцию подвижной, например, на автомобиле, — стоимость такой станции вполне достаточной мощности не превышает 15-ти тысяч франков, в лучшем случае, при самой солидной постановке обошлась бы тысяч в 30, — эксплуатация не требует крупных затрат. Мне показалось странным, что бельгийцы определяют понесенные ими затраты по устройству станции в 100 тысяч франков. Стоимость эксплуатации ими оценивается в 800 бельгийских франков в месяц, на содержание аппарата, электрическую энергию и пр. и в 500 бельгийских франков на спикера. Конечно, ко всему этому надо присоединить необходимость в нейтральной стране, каковой является Бельгия. Во Франции, разумеется, в Англии, вряд ли можно было бы установить подобную станцию. Но, как видите, финансовые усилия, которые требует это предприятие, не чрезмерны. А.Ф. Керенский, который недавно вернулся из Англии и который в курсе моих переговоров с бельгийцами передавал мне, что он нашел одного англичанина⁶⁷, который очень заинтересовался этим вопросом и который, если бы убедился в важности этого приема борьбы, мог бы оказать большое содействие. С этим англичанином я уже давно нахожусь в некоторой связи, пересылая ему разные материалы о России. Думаю составить для него небольшую Записку на тему о радио»⁶⁸. Проект письма лорду Филлимуру был отправлен А.В. Байкалову 28 марта, при этом Гучков сообщал, что хотел получить средства «Помимо «Силлака», что позволило бы разместить станцию не в Бельгии, а в дружественной к русским эмигрантам Югославии. На это он указывал в апреле 1934 г.⁶⁹

Речь об этой инициативе идет и в записке, предположительно составленной участником информационно-аналитической группы Гучкова журналистом А.И. Ксюниным, говорится об опыте Яна Славика⁷⁰.

⁶⁷ По всей видимости, речь идет о лорде Филлимуру.

⁶⁸ Bakhmeteff Archive of the Russian and East European History and Culture (далее — BAR), Baikalov collection. Box 6.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Письмо А.И. Ксюнина А.И. Гучкову от 21 февраля 1934 г. // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 47. Л. 21.

Русские антикоммунисты-эмигранты, как информирует Ксюнин, пробовали найти спонсоров по всей Европе: «Пересылаю Вам только что полученное мною письмо от К.С. Зайцева из Праги. Мне кажется, что если организовать в этом деле как бы «складчину» — из английских лордов (это было в свое время уже сделано), из американских «полковников», стоящих во главе больших радиопредприятий (это также было уже сделано), из югославских и чехословацких «друзей России» (это делается и продолжает делаться), и, наконец, из русских людей, которые не перестали быть «друзьями России» (такие еще встречаются), то из этого может выйти некоторый толк. <...> Хорошо было бы выяснить вопрос, может ли служить твердой и долговременной базой для такого предприятия Югославия, особенно с теми перспективами, которые перед ней открываются»⁷¹.

30 ноября 1934 г. А.И. Ксюнин продолжает: «Некоторое время назад <М.Ф.>Ковалев⁷² «сотоварищи» из Праги сообщил мне, что у некоторых чехов загорелся вновь интерес к радиостанции на Россию. Меня просили выработать вполне обоснованный проект и смету. Это было мной исполнено и переслано. Выяснилось, при этом, что стоимость своей, самостоятельной станции, при условии ее действительной эффективности, все же весьма высокая. <...> Поэтому мной здешний эксперт <...> предлагает выход в виде пользования на арендных началах какой-либо мощной станции в Скандинавских странах или в Финляндии»⁷³.

Лондонский кооператор, глава «Северного Общества» (Общества русских северян) А.В. Байкалов выступал посредником в переговорах с британскими антикоммунистами, перевел письмо Гучкова лорду Филлимуру⁷⁴. Через Байкалова А.И. Гучков вместе с А.Ф. Керенским обращался к британскому лорду Филлимуру, предлагал ему оплатить оборудование стоимостью в 400 фунтов стерлингов, заверяя

⁷¹ Письмо А.И. Ксюнина А.И. Гучкову от 8-го ноября 1934 г. // Там же. Л. 21.

⁷² М.Ф. Ковалев. Член ЦК партии «Крестьянская Россия» до 1934 г. Сотрудник РЗИА в Праге.

⁷³ Письмо А.И. Ксюнина А.И. Гучкову от 21-го ноября 1934 г. // ГАРФ. Ф. Р-5868. Оп. 1. Д. 47. Л. 38.

⁷⁴ BAR, Baikalov collection. Box 6.

в возможности покрывать текущие расходы на редакционную работу в размере около 40 фунтов. Он ссылался и на опыт Я. Славика, когда писал 23 мая 1934 г.: «Мы имеем в своем распоряжении опыт двух радиостанций, которые проводили пропагандистскую работу длительное время. Первая, созданная в Чехословакии, существовала два года и дала хорошие результаты, подтвержденные большим количеством откликов из России. Однако намечающееся соглашение между Чехословакией и Советской Россией положило конец антикоммунистической деятельности этой станции. Другая радиостанция создана Бельгийским антикоммунистическим обществом “Силлак”. Но эта станция должна закрыться в ближайшем будущем. Это делает необходимость создания новой станции еще более насущной»⁷⁵. Гучков подчеркивал, что радиостанция будет находиться в распоряжении всех групп, имеющих сторонников в России, и в доказательство возможности общей линии он может привести свое «интимное сотрудничество» с А. Керенским. «Он республиканец и социалист, при этом он не революционер и глубокий марксистский социалист. В противоположность, я — монархист и консерватор, при этом мой консерватизм не означает стагнации, не отрицает более радикальных реформ, политических, так же как социальных и экономических. Но мы убеждены в том, что как только самая первая и самая необходимая задача — свержение советского правительства, будет достигнута, мы найдем путь для совместной работы по восстановлению Великой России»⁷⁶, — писал А.И. Гучков.

В мае 1934 г. переговоры продолжались. Но осуществить этот план не удалось. Британский славяновед Р. Пэрс помогать отказался, а лорд Филлимор ни радиоаппарат не предоставил, ни сумму в 15–30 000 франков не нашел, а А.И. Гучков еще в апреле 1934 г. отмечал, что собрать единовременно такую суму в русской среде он не берется⁷⁷.

Кроме Чехословакии больше ни одно из государств Европы не попыталось с демократических позиций спорить со сталинской

⁷⁵ ГАРФ. Р-5886. Оп. 1. Д. 91. Л. 36.

⁷⁶ Письмо А.И. Гучкова лорду Филлимору // ГАРФ Р-5886. Оп. 1. Д. 91. Л. 42–43 от 1.06.1934 г.

⁷⁷ BAR, Baikalov collection. Box 6.

пропагандой, вести идеологическую борьбу за сердца граждан советской России. Демократии (Франция и Чехословакия) уже искали в сталинском режиме тактического союзника против гитлеризма, нацистская Германия не собиралась агитировать «недочеловеков», приграничные государства боялись Сталина, а остальным не было дела до советского населения.

Таким образом, можно сделать вывод, что Чехословакия была первым европейским государством, начавшим регулярные антикоммунистические информационно-пропагандистские передачи. Профессор же Ян Славик, его коллега — историк Борис Евреинов вместе с женой Натальей — соавторами-переводчиками, — были первыми известными автору участниками политической борьбы в радиоэфире XX в. на стороне западных демократий.

Дальнейшие попытки вещания на СССР были связаны с началом Второй мировой войны, заключением пакта о ненападении Германии и СССР и агрессии СССР против Финляндии. Решение о радиопередачах на русском языке было принято властями Франции в начале 1940 г. Как сообщал Н.В. Вакар: «С 18 января 17.45 действует русское радиовещание на коротких волнах в тех направлениях, охватывающих вс. Европейскую Россию. Спикером взят А.Н. Богданов (50 франков в день). Руководят Люсьен Бургес и <А.Ф.>Ступницкий <... > Ему удалось изъять из программы всякое пораженчество, в частности, финские официальные сообщения. Задача сосредоточена на разоблачении планов Германии в отношении славянства. В частности, СССР. Это совпадает с правительственными настроениями. Ступницкий выбран потому, что он не есть “manager de bolsheviks” и не запутан в эмигрантских дрызгах. Потому тоже, что он французский гражданин, хотя за француза его, кажется, не считают. Он говорит, что работать с Л. Бургесом легко. Тот тоже стоит за “великодержавность России”, против ставки на сепаратистов и, между прочим, получил инструкцию «не трогать Сталина и правительство». Париж не отчаялся в надежде, что СССР повернется против немцев, боится закрыть эту возможность неосторожной пропагандой и явно не хотел бы, чтобы радиовещание вызвало протест в Москве. Радиовещание поэтому бледно, лишено характера прямой пропаганды. Первые две передачи не были слышны у нас. Со вчерашнего дня

их дает одновременно на длинной волне Radio-Cite. Впечатление у тех, кто слышал, удовлетворительное. Интересно, какие донесения Париж получит от посольства в Москве»⁷⁸. Как видимо, радиопередачи и здесь были инструментом внешнеполитического воздействия на СССР. Они прекратились летом 1940 г.

Следующие попытки Запада найти контакт с населением СССР начались лишь во время и после Второй мировой войны. Государственно-общественное BBC начало вещание из Лондона на русском языке в 1944 г., государственный «Голос Америки» — в 1946 г. Радио, опиравшиеся на русскую эмиграцию и имевшее вид общественного предприятия, о котором мечтал А.И. Гучков, появилось лишь в 1953 г. Финансировавшееся США Радио «Освобождение» (затем — Радио «Свобода») — начало свои передачи на русском языке в символический момент — в те дни, когда умирал Сталин: впервые в эфире его позывные прозвучали 1 марта 1953 г.

⁷⁸ Вакар Н.П. Дневник (1938–1940) // Минувшее. 1998. № 24. С. 614–615.

А.Л. Муравьев

«ВИНОВАТЫХ НЕТ, ВСЕ ЛЮДИ В МИРЕ ПРАВЫ». РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЭКРАНА

Великий русский кинорежиссер С. Эйзенштейн однажды oddly заметил, что будущие поколения людей будут изучать нашу историю по кинокартинам. Современный французский ученый профессор М. Ферро также считает, что историю пора «писать» документальными кадрами по экрану¹. Однако делается это подчас еще довольно робко. Чаще всего хроника используется как вспомогательный иллюстративный материал и редко становится основным сюжетом в рудах профессиональных историков. Еще полвека назад известный американский историк кино Д. Лейда отметил, что «никто из историков не решится связать свое имя с таким (с их точки зрения) сомнительным источником информации», каковым является хроникальное кино².

Вместе с тем интерес к хронике, как и подлинному документу-факту, запечатленному на экране, заметно возрастает. В трудах В. Листова, В. Магидова, С. Дробашенко, Д. Лейды, Р. Янгирова³ и др. рассматриваются различные аспекты использования кинодокументального материала в контексте современного исторического знания. И здесь особое место принадлежит хронике. Еще в свое время В.И. Ленин называл ее «образной публицистикой», полагая, что

© А. Л. Муравьев, 2012

¹ Листов В. И. Дольше века длится синема. М., 2007. С. 91.

² Лейда Д. Из фильмов — фильмы. М., 1966. С. 35.

³ Листов В. 1) История смотрит в объектив. М., 1974; 2) И дольше века длится синема; Магидов В.М. 1) Зримая память истории. М., 1984; 2) Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М., 2005; Дробашенко С.В. Феномен достоверности. М., 1972; Лейда Д. Из фильмов — фильмы; Янгиров Р. «Рабы Немого»: очерки исторического быта русских кинематографистов за рубежом. 1920–1930-е годы. М., 2007.

создание новых картин, «отражающих советскую действительность, надо начинать с хроники»⁴.

Русская эмиграция на экранах кино — тема практически мало исследованная. Материалы эмигрантской прессы, воспоминания участников белого движения, труды историков и редкий изобразительный материал еще больше усиливают интерес к этой проблеме. Как известно, после революционных событий в России волны эмиграции прокатились по всему миру. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков полагал, что эмиграция должна способствовать «эволюции советской системы». Он насчитал 25 стран, за исключением США, где в 1924 г. жили русские эмигранты. В Европе их традиционными центрами были Париж и Берлин. В 1920-е годы в «русском Париже» проживало свыше 70 тысяч русских (по другим данным, до 400 тысяч)⁵. В те дни даже ходил такой анекдот. Встречаются двое русских на парижском бульваре. «Ну, как тебе здесь живется? — спрашивает один. — Ничего, жить можно, одна беда: слишком много французов».

«Из России ушла не маленькая кучка людей, ... ушел весь цвет страны, — писали парижские «Последние новости» в 1920 г., — это уже не эмиграция русских, а эмиграция России»⁶. В послевоенной Европе выходило достаточно много белоэмигрантских изданий, освещавших жизнь соотечественников на чужбине. «Накануне», «Социал-Демократ», «Заря», «Русская мысль», «Голос эмигранта» постоянно публиковали материалы, посвященные их судьбе. Лейтмотив многих из них был прост: «Их Россия не наша, а наша Россия не их». Особенно остро это сказывалось в среде русской художественной эмиграции. За рубежом оказались А. Куприн, И. Бунин, К. Бальмонт, А. Вертинский, В. Набоков, А. Толстой, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Саша Черный (А. Гликберг), Н. Тэффи и др. Многие из эмигрантов первой волны были убеждены, что теперь их основная задача — беречь и сохранять русскую культуру, не дав ей погибнуть. Об этом они постоянно писали в прессе.

⁴ Самое важное из всех искусств. Лекции о кино: Сб. документов и материалов. М., 1973. С. 163.

⁵ Афанасьев А. Польша в чужих полях. М., 1987. С. 78.

⁶ Там же.

С 1918 по 1932 г. за рубежом выходило 1005 русских эмигрантских изданий. Только в 1924 г. русских книг, журналов и сборников было выпущено в Германии — 337, Чехословакии — 129, Франции — 63, Прибалтике — 61 и т. д. Ряд изданий специализировался по вопросам искусства и кино: «Кинотворчество», «Киноискусство», «Звено» и др.

С годами тема заброшенности, изгнания, растущие материальные трудности становятся чуть ли не главными в жизни русских за рубежом. «Девятый год стоит Россия моей заморскою страной»... В те дни А. Куприн писал из Парижа: «Все, что в нем происходит, кажется мне не настоящим, а чем-то вроде развертывающегося экрана кинематографа». Подобную мысль мы встречаем и в романе Н. Брешко-Брешковского «Дикая дивизия»: «Это была не жизнь, а кинематограф. Но какой страшный кинематограф. Какая трагическая смена впечатлений».

Безденежье, трудности с проживанием становятся уделом многих. Русская балерина Н. Тихонова в своих воспоминаниях приводит характерный пример. В частных объявлениях о сдаче квартир тогда можно было прочитать: «Не принимаем: собак, кошек и русских»⁷. Работа белоэмигрантов принимала подчас самые неожиданные формы. Знаменитый украинский анархист Н.И. Махно подрабатывал на парижской киностудии, жена его была прачкой. Герой Добровольческого движения генерал А.Г. Шкуро, живший с 1920 г. во Франции, работал наездником в цирке. Из своих казаков-джигитов он организовал труппу и выступал на одном из ипподромов Парижа. Одновременно бывшие конники принимали участие в киномассовках в фильме на «русские» темы, поочередно играя или «белых», или «красных». Так было в фильме «Любовь Жанны Ней» (1927 г.), поставленном по роману И. Эренбурга известным германским кинорежиссером Г.В. Пабстом. Консультантом картины был А.Г. Шкуро. В фильме заметно ощущается влияние революционного советского киноискусства, в частности, картин С. Эйзенштейна и В. Пудовкина, который имел в Германии большой успех. Немецкие продюсеры всячески сдерживали «красного Пабста», «основательно обезвредив

⁷ Киноведческие записки. 1993. № 18. С. 253.

морально-политическое содержание романа Эренбурга»⁸, что вызвало протест автора. Эмигрантский рецензент по этому поводу недоумевал: «Что сделали из просоветского романа владельцы фильма: агитфильм или белогвардейскую эпопею?»

Фильм знаменитого французского кинорежиссера А. Ганса «Наполеон» (1927 г.) также собрал немало русских статистов. Огромная биографическая эпопея длилась на экране 378 минут. Режиссер хотел, чтобы роль Наполеона сыграл популярный русский актер-эмигрант И. Можухин. Однако после длительных переговоров тот все же отказался, посчитав, что такую роль должен играть француз. А вот на роль Бонапарта-мальчика А. Ганс выбрал юного Володю Руденко. Декорации к фильму создавались по макетам академика живописи А. Бенуа, консультировал постановку писатель М. Алданов. Статистами, или, как тогда говорили, фигурантами, выступали многие русские. Это были «бывшие офицеры, балетные танцовщики, адвокаты, девушки и дамы со звучными фамилиями»⁹. Работа в кино была для них и важной формой материальной поддержки. По этому поводу «Иллюстрированная Россия» писала: «Фигурация для многих русских является основным заработком в эмиграции».

А. Куприн, И. Бунин, Е. Замятин и другие писатели иногда выступали в качестве сценаристов. «Работаю как верблюд, без увлечения, без радости», — писал о тех днях А. Куприн. Свою эмигрантскую жизнь он сравнивал с «истрепанной лентой фильма». Об этом писал и А. Аверченко. «Ах, если бы наша жизнь была похожа на послушную кинематографическую ленту, — мечтал один из героев его рассказа “Фокус Великого немого”. — Повернуть ручку назад — и пошло-поехало». Однако этого не происходит, и реальность будней становилась все более тягостнее.

В. Набоков не раз подрабатывал в качестве статиста, и в одном из романов он так описывал своего героя, а точнее самого себя: «Не брезговал он ничем: не раз даже продавал свою тень, подобно

⁸ Кракауэр З. Психологическая история немецкого кино. М., 1977. С. 177.

⁹ Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. М., 2011. С. 14.

многим из нас. Иначе говоря, ездил в качестве статиста на съемку, за город»... В Париже писатель ютился в маленькой комнатке на улице Буало, где даже не было стола и по ночам приходилось писать на чемодане в ванной комнате. За это один из его друзей прозвал его орлом, запертым в ванной.

Иначе выглядела ситуация с Е. Замятиным. Когда решался вопрос о его отъезде за границу, большинство членов Политбюро высказывались против этого. Считалось, что писатель встречается с белоэмигрантами, в его работах находили разные намеки на этот счет. Однако И.В. Сталин неожиданно поддержал идею отъезда, сказав, что «он против нас ничего не напишет». Из беседы с И.М. Гронским известны такие его слова: «Скорее всего, он вернется, но легче себе нажать врага, чем приобрести друга»¹⁰.

Действительно, будучи за границей, Е. Замятин не считал себя эмигрантом, не менял гражданства и даже через знакомых посылал на родину деньги для оплаты квартиры. Он писал сценарии по произведениям русской классики — «Война и мир», «Пиковая дама» и др. Экранизация пьесы А. Горького «На дне» была признана лучшим фильмом Франции 1936 г. Правда, режиссер Ж. Ренуар значительно переделал сценарий Е. Замятина. Его действие было перенесено в современную Францию, но имена горьковских героев были сохранены.

При эвакуации из Крыма с частями Добровольческой армии в Константинополь прибыли 500 российских артистов. Обосновавшись в Европе и в Америке, русская киноэмиграция сыграла значительную роль в киноискусстве тех лет. Ряд актеров снимались у известных мастеров кино Франции, Германии и США. Однако большинству эмигрантов приходилось довольствоваться ролью статистов во всевозможных фильмах на «русские темы». Их число на французских студиях в 1928 г. достигло 30 % от общего числа беженцев. В это же время в Голливуде на биржах труда было зарегистрировано 5 тысяч русских статистов.

Ввиду большого интереса западного зрителя к русской тематике в 1929 г. в Берлине даже было создано «Общество фильмовой

¹⁰ Сарнов Б. Сталин и писатели. Кн. 3. М., 2010. С. 702.

экспертизы», призванное следить за «нормальностью русских кино-постановок». Своей целью оно считало «хоть немного оздоровить мировой экран от обычного невежества в вопросах русской жизни, нравов и обычаев»¹¹. Нечто подобное происходило и в Америке. Вернувшийся из Голливуда актер И. Мозжухин отмечал, что там также много офицеров и генералов работает советниками, но советов их «по правде говоря, никто не слушает — в Америке свой вкус, и надо быть к этому снисходительным».

Интерес к сюжетам из русской жизни складывался и на производстве картин. В 1923 г. в берлинском пригороде Вайсензее проходили съемки сразу двух фильмов по произведениям Л. Толстого — «Катюша Маслова» и «Власть тьмы». В окрестностях Ниццы в спешном порядке строилась русская деревня и сооружался флот времен Екатерины Великой для съемок фильма «Тараканова» (1929 г.). Правда, как писали «Последние новости», историю знаменитой узницы Петропавловской крепости не следует понимать уж слишком буквально. Новый фильм — скорее фантазия, баллада, навеянная ее судьбой. Тут же сообщалось, где для съемок требуются опытные кавалеристы, а советником по русскому быту работает А.В. Воротников.

В картине «Хаджи-Мурат» — «почти сплошь русские фигуранты», — пишет обозреватель одной из эмигрантских газет. Это казаки, джигиты, войны-горцы, а также журналисты, писатели и лица «бывших свободных профессий». В 1931 г. в Берлине проходили съемки «первого русского звукового и говорящего фильма “Братья Карамазовы” в постановке Ф. Оцепа и с участием А. Стен в главной женской роли. Пользовался успехом в эмигрантской среде и французский фильм «Княжеские ноги» (1929 г.), где в сцене в ночном ресторане пел цыганский хор и снималась группа русских статистов. Их же можно было увидеть и в немецком фильме о Распутине, снятом в 1928 г. Главного героя сыграл Г. Хмара, который лихо танцевал на столах под радостные крики своих поклонниц.

Фильмы о Г. Распутине пользовались успехом как в эмигрантской среде, так и у зарубежного зрителя. Первая картина о похождениях

«святого старца» вышел у нас сразу же после падения монархии в России. Фильм «Темные силы Григория Распутина и его сподвижники» демонстрировался на экране уже 12 марта 1917 г. Вслед за ним появились и другие ленты — «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря», «Царские опричники» и др. Это были достаточно примитивные «разоблачительные» фильмы, изображавшие окружение царя и его семью как «шайку темных дельцов и авантюристов»¹². Вместе с тем иногда они вызывали и негативную реакцию. Известен случай, когда в Киеве группа монархистов разбила окна в кинотеатре, где показывали фильм «Григорий Распутин».

Большой скандал возник вокруг американского фильма режиссера Р. Болеславского «Распутин и императрица» (1932 г.). Княгиня И. Юсупова, жена одного из главных участников заговора князя Ф. Юсупова, потребовала от американской фирмы запретить фильм и возместить ей моральный ущерб за оскорбления, нанесенные его показом. По словам княгини, все события в картине «извращены и составляют клевету», так как изображают ее в «постыдном виде», будто бы она была любовницей старца¹³. Британский суд удовлетворил ее иск, и студия «МГМ» выплатила компенсации в размере 750 тысяч долларов. Помимо этого кинокомпания вынуждена была извиниться и публично заявить, что героиня фильма княгиня Наташа — лицо вымышленное и ничего общего с реальной княгиней Юсуповой не имеет. В 1936 г. претензии к создателям ленты выдвинула и княжеская чета Чегодаевых, также выведенная под своими именами. Они тоже получили требуемую компенсацию.

Фильмы о Г. Распутине не раз появлялись и на французском экране. В картине режиссера Ж. Комбре «Распутин» (1954 г.) главную роль сыграл известный актер П. Бассер. Вместе с ним снималась и звезда «русского ночного Парижа» Людмила Лопато. Судьба ее необычна. Она родилась в Харбине, детство ее прошло в Индостане среди кхмеров. В Париже она была хозяйкой ресторана «Русский павильон», где часто выступала на сцене и пела. «Императрица русского ночного Парижа», «Русская Марлен Дитрих», — такие

¹¹ Летопись российского кино. 1863–1929. М., 2004. С. 686.

¹² Гинзбург С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 353.

¹³ Васильев А. Русский Голливуд. М., 2010. С. 229.

звучные эпитеты давала ей пресса. А по поводу фильма «Распутин» газеты написали: «Людмила поет тоскливые и жгучие песни» Пьеру Бассеру, т. е. самому Распутину, «обремененному еще более длинной, чем обычно, бородой, так как при царском дворе Распутин хотел казаться скорбным и суровым монахом». «Молодая актриса сделала эту сцену очень колоритной. Кажется, все колдовство Азии досталось ей, все тайны Азии смешались в ее наследстве»¹⁴. Спустя годы кинорежиссер Э. Рязанов (совм. с И. Бортниковым) поставит о творчестве Л. Лопато документальный фильм «Княжеское гнездо», съемки которого проходили в салонах русского посольства. Эта лента демонстрировалась по телевидению.

В 1967 г. на экраны Франции вышел фильм «Я убил Распутину». Его автором был известный французский актер и кинорежиссер Р. Оссейн, у которого тоже русские корни. Консультантом фильма был сам князь Ф. Юсупов, роль которого сыграл Р. Оссейн. В 2011 г. в нашей стране проходили съемки нового фильма о Г. Распутине. В главной роли в картине снимается звезда французского кинематографа Ж. Депардье.

В ряде фильмов на «русские» темы не обошлось и без антисоветских выпадов. О знаменитом фильме Я. Протазанова «Отец Сергей», снятом еще в 1918 г. в России, берлинская пресса писала, что он вырван «из ужасной большевистской пасти благодаря усилиям патриотической контрабанды». Многие фильмы промонархического толка были сделаны на материале старой хроники. В 1926 г. в США можно было увидеть ленту «Белая слава России», владельцем которой был бывший офицер Тарасов. В том же году в Париже Общество ревнителей памяти императора Николая II показывало фильм «Россия в прошлом величии». В нем были использованы материалы «царской хроники», предоставленные бывшим послом России в США Б. А. Бахметьевым. Документальные ленты «Трагический переворот в России» и «Последние годы Николая II» демонстрировались в Варшаве.

Большой интерес к подобным фильмам был и в «русском» Харбине. В 1929 г. здесь демонстрировался немецкий фильм

«Трагедия России» («Тени минувшего»). При виде документальных кадров, запечатлевших Николая II, выходящего из Храма Христа Спасителя, в зале возникали аплодисменты, переходящие в овации. Пресса с умилением писала о том, как «широкоплечий крупный мужчина горько плачет, давясь и всячески стараясь, чтобы неслышно было его слез... Театр в сплошном водовороте рыданий, бешеных хлопков... криков “Ура!” У многих на глазах слезы... Вот это картина, которую действительно обязан посмотреть каждый русский человек»¹⁵. Бывший петербургский ресторатор Н.А. Крылов, внешне похожий на Николая II и даже сыгравший его в фильме «Тоска по родине», предложил организовать в Харбине киностудию с участием германских кинофирм.

«Русская публика часто и добродушно улыбалась, — вспоминал о тех днях А. Куприн, — узнавая в статистах и вторых персонажах многих старых знакомых по эмиграции». Совершенно необычный случай произошел в Риге. Семья одного офицера-конвоира долго разыскивала своего пропавшего родственника. Неожиданно во время просмотра американского фильма «Анна Каренина» (1935 г.) они узнали его в одном из действующих лиц. «Конвонец в фильме лихо танцевал мазурку. Через представителя фирмы семья связалась с дирекцией в Голливуде, и пропавший родственник был найден»¹⁶. Об этом удивительном случае сообщало «Новое русское слово» в номере от 26 апреля 1936 г.

Иногда эмигрантская тоска по родине приводила к самым неожиданным последствиям. В 1929 г. в Будапеште во время сеанса один из зрителей вдруг громко вскрикнул, вскочил с места и тут же упал без чувств. Приведенный в себя, он назвал себя полковником В. Мартыновым. Выяснилось, что он, «увидев себя на экране в форме гвардейского офицера на придворном балу в Петербурге, настолько разволновался, что не выдержал и упал в обморок».

Драматически сложилась в эмиграции судьба знаменитого русского киноактера Ивана Мозжухина. Некогда кумир публики, он снялся более чем в семидесяти фильмах российского дореволюционного кино.

¹⁴ Васильев А., Лопато Л. Царица парижских кабаре. М., 2011. С. 191–192.

¹⁵ Летопись российского кино. 1863–1929. С. 682.

¹⁶ Там же. С. 247.

В 1920 г. артист покинул Россию. 3 февраля он бежал из Крыма на греческом торговом судне «Пантера», направлявшемся в Константинополь. «Все равно куда ехать, лишь бы покинуть этот ад... В последние дни, проведенные в Ялте, мы узнали, что такое настоящий голод. Ничего нельзя было достать... Нам пришлось спрятать свои деньги в каблуки башмаков. Мы боялись, что нас узнают, арестуют, обыщут, посадят в тюрьму»¹⁷.

Отъезд русских кинороботников из России был не столь романтичным, как его пытается представить в своих воспоминаниях И. Мозжухин. По меткому замечанию Ж. Садуле, багаж беженцев «не ограничивался золотом, спрятанным в каблуки, и родной землей, которую эмигранты уносили на своих подошвах». Вместе с ней они увезли киноаппаратуру, а также с десяток фильмов, в том числе и «Отца Сергия», копия которого лишь спустя много лет вернулась в нашу страну.

Вначале И. Мозжухину улыбнулась удача. Он много и интересно снимается. «Дитя Карнавала», «Дом Тайн», «Кин», «Костер пылающий», «Михаил Строгов» — эти фильмы вновь сделали его знаменитым. Публике понравилась новая славянская «звезда», которую они стали называть Иван Великолепный. Казалось, весь Париж вновь у его ног, а точнее, под колесами его новенького бирюзового кадиллака.

Но так продолжалось недолго. Снявшись в девяти фильмах и будучи в зените славы, И. Мозжухин отправляется «штурмовать» Голливуд. И здесь его постигла неудача. В Америке его посчитали комиком, не оценив большой драматический талант. Снявшись в одном незначительном фильме, артист вернулся в Европу. И Мозжухин вновь снимается на студиях Германии и Франции, но уже без прежнего успеха. Среди его новых картин «Тайный Курьер», «Президент», «Адъютант царя», «Белый дьявол».

Приход звука в кино оказался губительным для артиста. И. Мозжухин практически не знал языка, и преодолеть «звуковой барьер» ему не удалось. Фильм с характерным названием «Ничего» (1936 г.) стал последним в судьбе талантливого артиста. И. Мозжухин

¹⁷ Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 3. М., 1961. С. 437–438.

скончался 18 января 1936 г. в Париже и был похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Бесконечно преданный Великому немому, когда-то он сказал о нем прекрасные слова, ставшие смыслом его жизни: «Это моя кровь, нервы, надежды, провалы, волнения... миллионы крошечных “кадриков” составляют ленту моей души».

Европа не была единственным прибежищем для эмигрантов “первой” волны. Часть из них устремилась в Америку, а некоторых своими огнями поманил Голливуд. Сегодня об их судьбе рассказал документальный фильм режиссера М. Шакирова «Голливуд. Русская дорожка»

Со всех сторон Руси великой
Собрался табор многоликий, —
Как видно все пути ведут —
В «уездный город» Холливуд

Так писал о тех днях А. Волошин — бывший офицер, актер, офицер и обладатель еще десятка уникальных профессий, ставший своеобразным летописцем русского Голливуда.

В 2010 г. Голливуду исполнилось 100 лет. В старинном петербургском кинотеатре «Родина» (бывший «Сплендид-Палас» всего на шесть лет моложе юбилея) состоялся фестиваль классических картин американского немого кино. Выступая на его открытии, консул по вопросам прессы и культуры Генерального консульства США в Санкт-Петербурге Эрик А. Джонсон отметил, что в своем становлении американское кино во многом обязано той волне эмиграции, которая хлынула из Европы в Америку в начале XX в. Только в 1907 г. в Америку приехали 1 285 000 человек. Эмигранты в основном стали основателями крупнейших киностудий страны. Так, основатель «Парамаунта» А. Цукор прежде был подмастерьем у меховщика в Венгрии, создатель «Юниверсала» К. Лемме торговал одеждой в Германии, братья Уорнер рекламировали в Польше велосипеды, а Луис Б. Майер из Минска промышлял продажей металлолома.

Вклад русских актеров в американское кино также достаточно высок. Выходцы из России знаменитые артисты Ю. Брикнер и Л. Кедрова были удостоены приза «Оскар». В кино США были

экранизированы многие произведения русской классики — «Анна Каренина», «Воскресение», «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Доктор Живаго» и др. В 1939 г. из Европы в Голливуд приехал великий русский актер М. Чехов, племянник писателя А.П. Чехова. В истории Голливуда он остался не только как артист, но и как блестящий педагог, воспитавший в своей театральной студии таких будущих звезд американского кино, как М. Монро, Ю. Бриннер, Г. Купер, Г. Пек, Э. Куинн и др. М. Чехов снялся в 11 фильмах, среди которых «Песнь о России», «В наше время», «Рапсодия», «Завороженный». За работу в последней картине А. Хичкока он был номинирован на премию «Оскар». Вместе с тем на долю М. Чехова — эмигранта выпало немало горьких минут. Роли, которые ему предлагали, часто были неинтересны или не соответствовали уровню его таланта.

В фильме «Песнь о России»(1943) М. Чехов сыграл роль старого колхозника-партизана. Картина была откликом на события великой войны. Вместе с тем она была типичной для представления американцев о русской действительности. Героиня фильма юная Надя Степанова — талантливая пианистка, живет в родном селе Чайковское. Игру на фортепиано она удачно совмещает с работой трактористкой в поле. Приезд американского дирижера Джона Мередита многое меняет в ее судьбе. Но начинается война, и Надя уходит в партизаны. Их новая встреча происходит в суровых условиях борьбы с врагом. Помимо М. Чехова, в картине снимались многие русские актеры — В. Соколов, Ф. Шаляпин-младший, М. Далматов, К. Шейн и др. Фильм демонстрировался в Европе и, конечно, был на наших экранах. Один шведский критик так отзывался об этой работе: «Много плохого можно сказать о фильме “Песнь о России” и много в нем смешного, но, несмотря на это, он трогает. Потому что он такой наивно-чистый и романтический. Это искренняя американская похвала восточному союзнику»¹⁸.

«Я хочу взглянуть, я должен видеть ваше лицо. Я хочу взглянуть в лицо мужеству», — говорит американский дирижер при встрече с русскими партизанами. «Таких много», — отвечает ему один из

¹⁸ Киноведческие записки. 1997. № 33. С. 119.

колхозников, роль которого играл М. Чехов¹⁹. И зрители в кинотеатрах всегда покрывали эти слова аплодисментами, и в нашей стране, и за рубежом.

В годы Второй мировой войны в США вышло несколько фильмов, рассказывающих о событиях в нашей стране. «Здесь помешательство на картинах», — писал в те дни М. Чехов. К сожалению, многие из них были весьма приблизительны и наивны. В той же «Песне о России» советские колхозники возвращались с полей одетыми в новые, отглаженные блузки с вилами на плечах и под звуки хора девушек из «Евгения Онегина». В письме к М. Добужинскому от 19 апреля 1943 г. М Чехов писал, что ему стыдно смотреть на такие русские сцены в фильмах о России. В той же картине, где он снимался, в доме колхозника перед войной висел его собственный портрет, написанный масляными(!) красками. Однажды на съемке появилась советская делегация. «Пришли советские и говорят: это, знаете, не совсем... Вы бы товарища Ленина повесили на это место. Тотчас же достали Ленина и всадили его в громадную, золотую, массивную раму!!! Советские говорят: надо бы рамочку поскромней... Минуты не прошло, как Ильич оказался в каком-то шнурочке вместо рамы! Тут я наслаждался! Жена консула говорила мне одну любезность за другой, а кончила тем, что вдруг спросила: “Это ваша собственная борода?” Да, им бедным, тоже нелегко»²⁰.

«Для русских Голливуд, как любое место, куда они эмигрировали с любимой родины, был не только прибежищем, но и тюрьмой», — справедливо замечает на этот счет английский киновед Д. Бакстер. Сказывалась не только сложность эмигрантской жизни, но и отчужденность от России. «Лично мне совершенно непонятно, — писал в январе 1946 г. С. Эйзенштейн М. Чехову, — как вы живете, работаете и творчески дышите вне нашей плодотворной родной почвы!»

Эти слова в полной мере можно было бы отнести и ко всем русским актерам-эмигрантам. Очень популярным в Америке был А. Тамиров, которого называли «самым знаменитым русским в Голливуде». Актер МХТ, после гастролей в Нью-Йорке в 1923 г.

¹⁹ Мороз А. Трагедия художника. М., 1971. С. 239.

²⁰ Киноведческие записки. 1997. № 33. С. 121.

он остался в США. «Америка-сказка» встретила его неласково. Вместе с женой одно время они работали официантами в ресторане «Петрушка». А. Тамиров часто выступал в амплуа злодея, «трусливого негодяя», трогательного и комичного. Нашим зрителям он известен лишь по двум фильмам — картине военных лет «Сестра его дворецкого» и по фильму «Черный тюльпан».

Большой популярностью у советских зрителей 1920-х годов пользовалась актриса Анна Стен, сыгравшая главную роль в кинокомедии Б. Барнета «Девушка с коробкой» (1927 г.). В 1930 г. А. Стен уезжает на съемки в Германию, а вскоре оказывается в США. И здесь возникла непредвиденная сложность. По американским стандартам она была слишком пухлой, и ее тут же перевели на строжайшую диету. Однако сделать это оказалось непросто, так как сама «актриса требовала больших плотных ужинов с вином и шампанским». К тому же она и сама любила готовить — варила борщи, жарила шашлыки, а в ресторане обожала блюда русской кухни — «селедку в сметане под рюмочку водки»²¹.

А. Стен снималась в фильмах «Нана», «Убийца Дмитрий Карамазов», «Мы снова живы» (по роману Л. Толстого «Воскресение»), «Брачная ночь» и др. В годы войны пользовался популярностью фильм с ее участием «Девушка из Ленинграда» (1944 г.), известный также под названием «Три русские девушки». Это был своеобразный вариант советского фильма «Фронтовые подружки».

Одним из наиболее востребованных актеров русского Голливуда был В. Соколов. Артист московского Камерного театра, с 1923 г. он уже выступал в Европе, а в 1937 г. переезжает в США. В. Соколов снялся в 110 фильмах, среди которых «Любовь Жанны Кей», «Трехгрошовая опера», «Наполеон», «На дне» и др. В картине «Миссия в Москву» (1943 г.) актер сыграл роль «всесоюзного старосты» М.И. Калинина, а в фильме «Песнь о России» — директора музыкальной школы. Нашим зрителям он запомнился по фильму «Великолепная семерка», где у него была небольшая роль мудрого крестьянина, старосты деревни. Последний раз В. Соколов появился на экране в роли старого казака Степана в фильме «Тарас Бульба» (1962 г.). Батальные

²¹ Васильев А. Русский Голливуд. С. 153–155.

сцены снимались на просторах Аргентины с участием аргентинской армии. Во время одной из таких сцен артист неудачно упал с лошади, получив многочисленные переломы, и 15 февраля 1962 г. скончался в Голливуде.

Юл Бриннер — пожалуй, одна из самых загадочных и магических «звезд» Голливуда середины прошлого века. В его жилах причудливо смешалась швейцарская, бурятская и русская кровь. Сам актер утверждал, что по линии бабушки его род идет от самого Чингисхана. Юлий Борович Бриннер родился в 1920 г. во Владивостоке, его детство прошло в Китае, а юность во Франции. В 1940 г. актер приезжает в США, где начинает работать в театре, а потом сниматься в кино. Ю. Бриннер отдал дань «русской» теме, сыграв Митю в «Братьях Карамазовых» и Тараса Бульбу в одноименном фильме. В картине «Анастасия» у него роль бывшего царского генерала Сергея Бунина, помогающего чудом «спасшейся» великой княгине получить царские деньги из лондонского банка. В «Путешествии» Ю. Бриннер предстал в роли советского майора Сурова, а в шпионском триллере «Змей» он превратился в полковника КГБ Алексея Власова. Огромный успех выпал на долю фильма «Великолепная семерка» (1960 г.), где Ю. Бриннер сыграл роль отважного стрелка Криса. В свое время этот фильм пользовался огромной популярностью в нашей стране и долго не сходил с экранов.

Современный Голливуд переживает уже «третью» волну русской эмиграции. Однако пробиться к вершинам успеха по-прежнему нелегко. Подсчитано, что только 3 % русских актеров получают желанные роли, остальные довольствуются игрой «плохих» русских, вышибал из ресторанов, наемников и террористов. В разные годы в Голливуде работали и продолжают сниматься О. Видов, С. Крамаров, Э. Баскин, Б. Сичкин, И. Жижикин, О. Тактаров, Е. Лазарев и др. Последний запомнился нам по знаменитому фильму «Семнадцать мгновений весны». Е. Лазарев сыграл в нем небольшую роль разведчика, который приводит Штирлица на встречу с женой в кафе «Элефакт».

Незавидной оказалась судьба некогда популярного у нас актера С. Крамарова, приехавшего в 1981 г. в США. Долгое время ему пришлось довольствоваться игрой «плохих» русских. Более заметными

стали фильмы «Любовный роман» и «Москва на Гудзоне», где у него была роль невезучего сотрудника КГБ. После фильма если его и узнавали на улицах, то называли «русским шпионом». С. Крамаров прожил в США 14 лет, однако большего удовлетворения от своей работы так и не получил. Актер скончался после тяжелой болезни 6 июля 1995 г.

Друг С. Крамарова актер О. Видов живет в США с 1988 г. Снимался в фильмах «Красная гора», «Дикая орхидея» и др. Успешно проявил себя в бизнесе, занимаясь прокатом советских мультфильмов. Популярный актер эстрады и кино Б. Сичкин с 1980 г. в США. Сыграл роль Брежнева в политической драме О. Стоуна «Никсон». И. Баскин мелькнул на экране в фильмах «Будучи там», «Москва на Гудзоне», «Любовный роман». В картине «Самолет президента» играл «плохого» русского, зато был в кадре с самим Харрисоном Фордом, о чем с удовольствием рассказывал в фильме «Голливуд. Русская дорожка».

Ряд деятелей русской эмиграции прошлых лет стали героями современных документальных картин. Ценность таких работ особенно велика. Они сохранили для нас не только лица людей, но и неповторимый мир прошлого, ушедшей эпохи, оставшейся в фотографиях, рисунках, кадрах хроники. Один из таких фильмов создан совсем недавно. Его название говорит само за себя: «Последний художник первой волны эмиграции Кирилл Александрович Арнштам». Премьера картины состоялась в петербургском «Доме кино» в 2010 г.

Вместе с родителями К. Арнштам уехал из Петербурга в Париж, когда ему было всего два с половиной года. А уже в 15 лет он становится профессиональным художником. Его рассказ о жизни русской эмиграции 1920–1930-х гг. — одно из интереснейших документальных свидетельств тех лет. Возможно, К. Арнштам один из последних, кто видел А. Гитлера и П. Гиндербурга, проезжавших в открытой машине по Парижу. «Мы приветствовали их взмахом руки».

Герой фильма Кирилл Арнштам приехал в наш город на премьеру своего фильма. Веселый, общительный, он прекрасно говорит по-русски. «Васильевский остров — мой город» и, смеясь, добавляет: «Недавно было 90 лет — первый раз в жизни!» В беседе с автором этих строк К. Арнштам рассказал о «русском Париже», который он

помнит, о своем друге — артисте Жорже Серове, сыне известного художника В. Серова, об актерах И. Мозжухине и А. Тамирове, с которыми он дружил. «Русское кино было тогда очень популярно». Уникальный фильм сохранил для нас эти мгновения ушедшего времени.

С фильмом о художнике К. Арнштаме переключается картина ленинградского кинорежиссера-документалиста Л. Станккинас: «Сомнения. Воспоминания об отце (Федор Шаляпин)». Она была снята в 1987 г., когда Федор Шаляпин-младший, сын великого певца, приезжал в наш город. Вместе с семьей он покинул Россию, когда ему было 18 лет. Однако он никогда не забывал о своих корнях. И вот Ф. Шаляпин вновь в родном городе. Молча стоит возле атлантов Эрмитажа, неторопливо бродит среди пустых кресел Мариинского театра, где когда-то играл его отец. А в это время под сводами театра гремит могучий шаляпинский бас, словно неподвластный времени и судьбе. «Предвидеть ничего нельзя, — говорит на прощание гость. — Хотел бы быть приведением, летать и смотреть, но...» Его последний «прилет» на свою давнюю родину — трогательный и грустный — навсегда остался в кадрах замечательного фильма.

Интересный исторический материал содержится в документальном фильме «Погибли за Францию». Он рассказал о судьбе участников Русского экспедиционного корпуса, боровшегося во Франции в годы Первой мировой войны. Сегодня о тех днях вспоминают с экрана князь Сергей Оболенский, дети и внуки русских солдат, боровшихся на французской земле. И среди них Наталия Малиновская, дочь Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, министра обороны СССР в 1957–1967 гг. Юный Р.Я. Малиновский в 1916 г. был в составе Экспедиционного корпуса, служил пулеметчиком в Особой пехотной бригаде, был награжден за храбрость. По воспоминаниям дочери отец неплохо знал французский язык, постоянно читал газеты и журналы, был в курсе политических событий. После Октябрьской революции 1917 г., он вернулся на родину и в рядах Красной армии стал бороться с А.В. Колчаком. Однако не всем тогда удалось увидеть Россию. «За веру, царя, отечество и Францию, и живот свой положивших». Такие надписи можно сейчас встретить на маленьких русских кладбищах, разбросанных среди

шампанских полей. Одно из них в 1960 г. посетили Н.С. Хрущев и Р.Я. Малиновский, чтобы почтить память тех, чьи имена остались в истории Франции и России.

«Я считал бы свой жизненный путь, тяжелый путь в искусстве завершенным, если бы мне удалось осуществить эту постановку»²², — так написал известный кинорежиссер Ф. Эрмлер перед началом работы над своим последним фильмом «Перед судом истории». Картина создавалась в течение трех лет и была закончена в 1965 г. В центре этого острого историко-публицистического фильма встал образ Василия Витальевича Шульгина — одной из колоритных фигур российской политической жизни начала XX в. Бывший член Государственной Думы, один из организаторов Белого движения — сегодня о его судьбе написано достаточно много. Как известно, на склоне лет он пересмотрел многие из своих прежних представлений, назвав волками тех, кто покинул Родину, «волчьими тропами» пробираясь в свой зарубежный «рай». На многое ему открыла глаза Вторая мировая война. Как написал позднее В.В. Шульгин, русский народ, получивший в руки оружие, не только не «свергнул Советскую власть, а собрался вокруг нее и героически умирал в жестоких боях». А отсюда он сделал важный для себя вывод: «Значит мы ошиблись, этот народ не желает “освобождения” из наших рук», а поэтому все усилия, направленные против новой России, кажутся теперь «трагическими и смешными».²³ Отойдя от политики, с 1931 г. В.В. Шульгин был освобожден. Все последующие годы жил во Владимире, занимался литературной работой.

Вот такой человек встал в центре внимания нового советского фильма. Его авторы меньше всего рассчитывали на то, что бывший пропагандист «белой идеи» будет теперь «исповедоваться» перед камерой, хотя первоначально сценарий назывался «Исповедь». «Наша сверхзадача, — считал Ф. Эрмлер, — сделать фильм, который покажет, что Шульгин осужден самой историей и что он это сегодня понимает»²⁴. С этой целью в картину был введен вымышленный

²² Эрмлер Ф. Документы, статьи, воспоминания. Л., 1974. С. 75.

²³ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 216.

²⁴ Эрмлер Ф. Документы, статьи, воспоминания. С. 77.

персонаж под именем Историка (актер С. Свистунов), ставший своеобразным оппонентом главного героя. К сожалению, этот прием оказался малоудачным. Историк явно проигрывал, находясь рядом с колоритной фигурой В.В. Шульгина. По точному замечанию профессора С. Фрейлиха, это произошло потому, что один был трагичен, а другой статичен, один жил в прошлом, а другой лишь его представлял, подкрепляя свои мысли цитатами из учебника истории²⁵. На одном полюсе этого спора была живая личность, В.В. Шульгин, а на другом лишь «обобщенный персонаж Историка, лишенный даже имени»²⁶. Справедливости ради надо сказать, что первоначально в роли оппонента хотел выступить сам Ф. Эрмлер, но потом он от этого отказался, о чем в конце жизни сожалел.

В.В. Шульгин интересен для нас в фильме, прежде всего, как живой свидетель многих событий, участником которых он был. Это рассказ очевидца, который много знал, видел и пережил. На момент съемок В.В. Шульгин был единственным из оставшихся свидетелей того, как ему (вместе с А.И. Гучковым) 2 марта 1917 г. Николай II вручил текст своего отречения от престола. С этой целью был воссоздан подлинный царский салон-вагон, в котором современный В.В. Шульгин чувствовал себя вполне комфортно, рассказывая, где, что и как происходило. «Память у него феноменальная», — поражался Ф. Эрмлер точности рассказа 86-летнего человека. Исторические документы, фотографии, хроника тех лет, виртуозно смонтированная в общую канву фильма, делали эти воспоминания еще более убедительными и достоверными. А ведь многие сомневались тогда такому приему — доверить пересказ всех исторических событий только одному В.В. Шульгину. «Он у меня будет исповедоваться, будет!» — горячился режиссер. Однако В.В. Шульгин оказался «крепким орешком». Яростные споры иногда просто заходили в тупик, и съемка приостанавливалась. В такой момент звучал его голос: «Фридрих Маркович, давайте лучше говорить о том, что нас сближает, а не разъединяет». И работа продолжалась.

²⁵ Документальное и художественное в современном искусстве / Колл. авт. М., 1975. С. 77–78.

²⁶ Самойлов А. Фридрих Эрмлер. Л., 1970. С. 59.

Съемки фильма проходили под контролем со стороны партийных органов, которым не особо нравилась общая идея ленты. 23 июля 1965 г. председатель Госкино СССР А.В. Романов направил в ЦК КПСС отчет о доработке картины. В нем, в частности, отмечалось, что вся работа проводилась «по инициативе и под наблюдением Комитета госбезопасности СССР, который оказывал съемочному коллективу постоянную помощь. Фильм предназначался для рассмотрения в тех зарубежных странах, где сгруппировалась русская белоэмиграция (США, Канада, Франция, Голландия, Аргентина и др. страны) и для демонстрации в СССР»²⁷. Вопрос о доработке был связан с тем, что в декабре 1964 г. картина была показана в ЦК КПСС, где был высказан ряд критических замечаний, и фильм был возвращен на студию.

Широкоэкранный фильм «Перед судом истории» был выпущен на экран 30 ноября 1965 г. Чаще всего он демонстрировался в «специализированных» аудиториях, и большого проката в стране так и не имел. В апреле 1966 г. Ф. Эмблер пишет письмо А.В. Романову, в котором извиняется за задержку с ответом. «Причина одна — хворь. Семь месяцев в больнице — вот цена за последнюю работу. Но, ежели довелось бы пойти еще раз на такую сделку — пошел бы! Я считаю эту последнюю картину лучшей из своих работ. В моем представлении это и есть совершенство»²⁸.

9 сентября 1966 г. у режиссера случился четвертый инфаркт. И даже после этого он продолжал поддерживать связь со студией, интересовался ее делами. Ф. Эрмлера не стало 12 июля 1967 г. А вот его оппонент в искусстве и в жизни В.В. Шульгин пережил его почти на 10 лет и скончался в 1976 г.

«Здесь обрывается Россия над морем Черным и глухим». Белая армия покидала Крым. Сегодня интерес к этим событиям возрастает. В ноябре 2011 г. в Российской национальной библиотеке была организована выставка «Хроника Галлиполи», рассказывающая об исходе Белого движения, одновременно прошел показ документальных фильмов из цикла «русские без России», где было показано свыше 30 картин.

²⁷ Летопись российского кино. 1946–1965. М., 2010. С. 671.

²⁸ Романов Ал. Немеркнувший экран. М., 1973. С. 165.

По разным оценкам, в октябре 1920 г. около 130 кораблей со 15 тысячами беженцев на борту покинули берега Крыма. «Теперь каждый остается за себя», — напутствовал своих соратников генерал П.Н. Врангель. «Двадцатый год — прощай Россия». 23 декабря около 40 военных кораблей покинули Севастополь. Одним из миноносцев командовал капитан А. Манштейн. Вместе с ним на корабле была и его восьмилетняя дочь Настя. Рассказ Анастасии Ширинской об ее эмигрантской жизни лег в основу документального фильма режиссера В. Лисаковича «Анастасия» (2008 г.).

Бизерта — портовый город в Тунисе — стал последним убежищем русской эскадры. Здесь на броненосце «Георгий Победоносец» А. Ширинская прожила несколько лет. С волнением вспоминает она сегодня о тех днях. «Вон, видите то место, где сейчас купается мальчик? Там стоял броненосец “Георгий Победоносец”. Все, все изменилось кроме мостика. Вот тот мостик, на котором я сижу!» и в знак подтверждения она стукнула по нему палкой. Кстати, эту изящную трость подарил ей мэр Парижа. Корабельная жизнь закончилась 29 декабря 1934 г., когда русская эскадра прекратила свое существование. В 17 часов 25 минут на корабле был спущен Андреевский флаг. Многие на палубе плакали. И сегодня в ее комнате стоят часы, навсегда остановившиеся в это мгновение. А тогда она бросилась с корабля, понеслась на край Белого Мыса, где земля сходится с морем, и крикнула изо всех сил: «Я люблю тебя, Россия!». Ответ пришел только через 70 лет.

Для «русской колонии в Тунисии» наступили трудные дни. Кто-то стал землемером, кто-то строил дороги. Бывший адмирал эскадры М.А. Берекс строчил дамские сумочки из кусков лошадиных шкур, делал ходули и отдавал их детям. Позднее он работал в местной сельскохозяйственной дирекции. А. Ширинская преподавала математику в школе. И сегодня ее уже давно взрослые ученики часто вспоминают, какой строгой, но доброй была «мадам Ширински». И в знак благодарности со всех концов света шлют ей... русскую водку! «А воробушек-то не пьет!» — смеется один из гостей, приехавший на чествование героини».

«Я очень люблю Бизерту», — признается Анастасия Ширинская. И свою книгу воспоминаний она так и назвала — «Бизерта. Последняя стоянка». Сегодня в далекий Тунис вновь приходят корабли под

Андреевским флагом, для экипажа которых А. Ширинская всегда почетный гость. Лихо пляшут на палубе моряки матросское «Яблочко», пожилая женщина в кресле весело поводит плечами в такт песне и, того и гляди, пустится в пляс.

Летом 2008 г. на фестивале неигрового кино «Послание к человеку» документальный фильм В. Лисаковича «Анастасия» получил приз «Золотой Кентавр». Выступая при вручении награды, режиссер сказал: «Это вторая премьера фильма. Первая была месяц назад там, в Бизерте». Я показывал ей. Фильм понравился. Правда, сделала одно замечание: «Я не нашла жены внука». Оплешность была тут же исправлена²⁹.

В период съемок фильма уроженке Санкт-Петербурга Анастасии Ширинской было 95 лет. О судьбе этой удивительной женщины снято еще 2 фильма. В картине показаны и русское кладбище в Бизерте. Над его входом начертаны слова: «блаженны изгнанные правды ради». Сегодня над его сводами нашла и последний покой и последняя изгнанница земли русской Анастасия Ширинская.

Автор картины В. Лисакович — крупный режиссер-документалист, работающий на историческом материале. Главным в искусстве, по его мнению, является человек. «Любой человек, каждая человеческая судьба интересна. И я убежден, что можно создать фильм о каждом человеке и его психологии». Картина «Анастасия» стала прекрасным подтверждением его слов³⁰.

Рассматривая кино как своеобразный источник исторического знания, мы в первую очередь исследуем документалистику. Однако художественный фильм также представляет интерес для историка. Он может нести ценную информацию по вопросам культуры, быта, времени и эпохи, запечатленным на экране. В кадрах многих картин показаны улицы конкретных городов, детали жизни и быта людей. Если мысленно изъять из них игровые сцены, то все остальное останется «таким же документом и источником, как и съемка с того же места в кинохронике»³¹. Разыгрываемый в павильоне исторический

²⁹ Запись автора на премьере фильма в Петербургском доме кино в июне 2008 г.

³⁰ Современный документальный фильм: Сб. М., 1970. С. 220.

³¹ Кузин А.А. Кинофотофоноархивы: Учеб. пособие. М., 1960. С. 65.

сюжет может служить иллюстрацией историческому материалу, если его авторы при создании придерживались конкретных фактов и документов. Особенно это важно при оценке раннего игрового кино. Здесь, по тонкому замечанию киноведа Н. Зоркой, даже «любые, самые неумелые и слабые... натурные куски сохраняют по сей день силу исторического документа»³². В кадрах старых фильмов могут быть запечатлены улицы, дома, памятники, которых уже нет и которые теперь становятся документом ушедшей эпохи.

Вместе с тем художественное кино является и своеобразным источником при оценке идеологической, духовной и культурной ситуации, характерной для страны и нашедшей свое отражение в контексте фильма. В полной мере это можно отнести и к тем немногим художественным фильмам, которые посвящены людям русской эмиграции.

В картине режиссера Ю. Карасина «Берега в тумане...» (1985 г.) рассказывается о бегстве Белой армии из Крыма и первых годах жизни в эмиграции. Действие фильма, поставленного совместно с болгарскими кинематографистами, разворачивается в Турции и Болгарии. Здесь через судьбу белого полковника Егорова авторы размышляют о судьбах русской эмиграции тех лет. Вышедшая в 1970 г. на экраны картина «Бег» пользовалась большой популярностью у зрителей. Авторы сценария и режиссеры А. Алов и В. Наумов взяли за основу несколько произведений М. Булгакова — «Бег», «Белая Гвардия» и «Черное море». Литературным консультантом выступила вдова писателя Е.С. Булгакова. Действие фильма разворачивается в среде русской эмиграции в Крыму, Константинополе и Париже. Основным лейтмотивом их жизни становятся любовь и возмездие. И судьба каждого из них воспринимается как страшный сон — мечта о далекой, занесенной снегом России. «А ничего и не было, — говорит один из героев фильма. — Это все приснилось. Мы доберемся... Снова пойдет снег, и наши слезы заметет».

В фильме блеснул своим талантом замечательный актерский состав — М. Ульянов, Е. Евстигнеев, Л. Савельева, Б. Фрейндлих,

³² Зоркая Н.М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. М., 1976. С. 267.

В.Басов и др. Роль Хлудова великолепно сыграл В. Дворжецкий. Как известно, прототипом его героя послужил реальный генерал Я.А. Слащев, один из видных деятелей Белого движения, автор книги «Крым в 1920 году». В ноябре 1921 г. Я.А. Слащев вернулся на родину, был преподавателем в военной академии. По некоторым данным, М. Булгаков пользовался его записками при создании пьесы «Бег». При этом он не знал, что двое его младших братьев были реальными героями эмигрантской эпохи. Иван и Николай Булгаковы в 1919 г. ушли из Киева с частями Белой армии и разделили судьбу многих эмигрантов. Известно, что Иван Булгаков в 1921 г. в Варне играл в оркестре балалаечников. Потом он был музыкантом в русских ресторанах Парижа, пел песни и исполнял собственные романсы. Сам писатель долгое время считал братьев погибшими.

В трагическом ключе предстают герои зарубежья в фильме А. Панкратова-Черного «Похождение графа Невзорова» (1982 г.). Сценаристами картины выступили создатели «Бега» А. Алов и В. Наумов, взяв за основу известную повесть А. Толстого. По мысли режиссера, ему хотелось рассказать в фильме «историю обывателя, который решил воспользоваться революционными событиями в стране для осуществления своих мещанских мечтаний». Сатирическими нотками отмечена и давняя работа режиссера Б. Светлова «Карьера Спирьки Шландыря» (1926 г.). По сюжету ленты мелкий жулик и авантюрист Спирька бежит за кордон, где становится гордостью белой эмиграции в Амстердаме — бароном Спирькой фон Шпандырем. Фильм запомнился в основном игрой Л. Утесова в главной роли.

В некоторых картинах тема эмиграции не является основной, но играет существенную роль. В картине Л. Лукова. «Две жизни» (1961 г.) рассказывается о судьбах двух людей, оказавшихся по разные стороны баррикад. В финале мы видим, как некогда блестящий русский офицер князь Сергей Нащекин (артист В. Тихонов) работает официантом в маленьком портовом ресторанчике в далеком Марселе. Незавидная судьба и еще одного выходца из России — князя Львова-Щербацкого из фильма С. Герасимова «Люди и звери» (1962 г.). Страх, отчаяние, надежду — все можно прочесть на лице этого человека, роль которого сыграл сам режиссер.

Ряд картин рассказывал о судьбах людей искусства, оказавшихся в эмиграции. Одним из них был великий шахматист А. Алехин, герой фильма режиссера Ю. Вышинского «Белый снег России» (1980 г.). В основу фильма положен роман международного гроссмейстера А. Котова «Белые и черные». «Лишившись Родины, я потерял самого себя», — признавался в одном из интервью композитор С. Рахманинов. Его жизни за рубежом посвящена картина «Ветка сирени». О сложностях личной жизни великого русского писателя И. Бунина рассказал фильм режиссера А. Учителя «Дневник его жены» (2000 г.). Главную роль сыграл кинорежиссер А. Смирнов.

Картина «Анна Павловна» (1983–1986 гг.) посвящена драматической судьбе великой русской балерины. Гастроли в США и Европе, мировой успех и тоска по родине — все это причудливо переплелось в ее жизни и судьбе. «Я не смог бы написать о Павловой ни строки, не нащупав хотя бы контур ее образа, — признавался автор сценария и режиссер Э. Лотяну. — Ключ к нему — документы. Искать их пришлось и в союзе, и за рубежом³³. «Много раз смотрела хронику, снятые на пленку танцы Анны Павловой, — вспоминала о своей работе над фильмом исполнительница главной роли Г. Беляева. — Очень много читала о ней, о ее окружении... Мне надо прожить всю ее жизнь — с 17 лет, когда она впервые вступила на подмостки Мариинского театра, до 49 лет, до ее безвременной кончины в Гааге».

Действие некоторых картин, связанных с проблемами эмиграции, разворачивается в наши дни. В фильме режиссера А. Хрякова «Дом на камне» (1994 г.) русский писатель, покинувший страну 15 лет назад, приезжает на 3 дня в Москву. «И возвращается ветер...» (1991 г.) — так назвал свой фильм — воспоминание известный режиссер и сценарист М. Калик. В картине рассказывается о его жизни в СССР, о его отъезде в Израиль. В кадры фильма органично вошли фрагменты хроники и эпизоды из картин прежних лет. Все это позволило автору глубже посмотреть на свое прошлое с позиции сегодняшнего дня, осмыслить целый пласт минувшей истории. Об этом и рассказывают фильмы, посвященные судьбе русского на чужбине.

³³ Кино и зритель. М., 1983. С. 47.

ЧАСТЬ II. РАЗНОВИДНОСТИ ПОВРЕМЕННЫХ ИЗДАНИЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

П.Н. Базанов

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ — ИСТОРИЧЕСКИЙ ИЛИ АНТИИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (На примере журнала «Русская правда»)

Периодические издания русской эмиграции по праву входят в круг интереснейших источников истории XX в. Общее число периодики, напечатанной в русском зарубежье превышает 4 000 наименования. Среди них можно выделить журналы и альманахи, специально выходившие для публикации источников: «Архив русской революции», «Белое дело» и «Летопись революции». Обязательно нужно упомянуть в этом контексте и специальные научные исторические журналы: «На чужой стороне», «Голос минувшего на чужой стороне», «Историк и современник», «Записки Русского исторического общества в Праге» и «Записки Русской академической группы в США». Много уникального материала можно найти и во всем хорошо известных «толстых» журналах: «Современные записки», «Новый журнал», «Возрождение», «Воля России», «Мосты», «Новый Град», «Социалистический вестник», «Часовой» и др. С точки зрения источниковедения интерес представляют и общеэмигрантские газеты: «Последние новости», «Возрождение», «Руль», «Сегодня», «Новое Русское слово», «Русская мысль» и др. Целых четыре тома

составил аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных в 1917–1991 гг., «Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках»¹. Впрочем, не стоит и идеализировать эмигрантскую периодику. Именно сан-францисский журнал «Жар-птица» «подарил» общественности «Влесову книгу». Многие материалы, напечатанные в русской зарубежной печати, имели очень мало общего с происходившими в XX в. событиями и являлись фантазиями соотечественников. Тем не менее даже самые тенденциозные зарубежные журналы, газеты, альманахи, бюллетени, сборники несли информацию хотя бы о взглядах их авторов или о представлении в определенных кругах реальных событий XX в. и являются незаменимым источником по идеологии различных организаций, групп и течений русского зарубежья.

В этом отношении журнал «Русская правда», фактический орган «Братства Русской Правды» (далее — БРП), может послужить типичным примером.

БРП существовало с 1921 (фактически с июня 1922 г.)² до 1941 г., его основателями были три участника Белого движения, образовавшие Верховный круг БРП³. Создатель организации «Брат № 1» — Сергей Алексеевич Соколов (1878–1936), юрист по образованию. Он более известен как поэт-символист (Сергей Кречетов, в БРП — Брат № 1 пользовался псевдонимами Фор Эвер, фон Эвер и атаман Кречет), правда второго плана, и владелец знаменитого символистского издательства «Гриф». В 1914 г. С.А. Соколов ушел добровольцем на фронт и, будучи раненым, попал в немецкий плен. В годы Гражданской войны он стал одним из идеологов Белого движения и работал редактором «Литературно-политического пресс-бюро» Добровольческой армии. Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский (1872–1929) — потомок пасынка Наполеона I — Евгения Богарне и Николая I, ближайший родственник баварской династии Виттельсбахов, сумевший к началу 1920-х гг. сохранить часть своей собственности

¹ ГПИБ. Стэнфордск. ун-т; Науч. рук., редакция и введение д-ра ист. наук А.Г. Тартаковецкого, Т. Эммонса, и О.В. Будницкого. М., 2003. 006.

² ГАРФ. Ф. Р-6026. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

³ Там же. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

в Германии, благодаря чему мог оказывать финансовую помощь БРП. Символом БПР был герой Белого движения, полковник, глава северо-западников, светлейший князь Анатолий Павлович Ливен (1873–1937), в 1932–1934 гг. после раскола глава БРП. К ним примыкал общественный деятель, писатель, путешественник, генерал Петр Николаевич Краснов (1869–1946).

В более широкую структуру правления «Основной круг» входили: писатель А.В. Амфитеатров, историк В.Л. Бурцев, дипломат С.Н. Палеолог, известный издатель-миллионер Н.Е. Парамонов, первое время издательской частью и получением информации из СССР ведал профессиональный разведчик и контрразведчик полковник В.Г. Орлов. Братство действовало с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения главы Русской Православной Церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого)⁴, положительно к его деятельности относился и философ И.А. Ильин. Местные отделы БРП существовали почти во всех странах, где жили русские эмигранты, но наиболее сильными местными организациями считались латвийский, финляндский, югославский, маньчжурский и эстонский отделы.

В многообразном спектре политических организаций русского зарубежья БРП отличалось «активизмом» и даже склонностью к экстремистской террористической деятельности. Как это ни странно, но БРП действительно имело реально существующие подпольные и партизанские организации на территории СССР. В целях саморекламы, умело проводя пиар-компанию, руководители БРП сильно превышали число своих сторонников в СССР и их террористическую деятельность. На БРП ориентировались остатки сторонников Б.В. Савинкова и С.Н. Булак-Балаховича, отряды белорусских националистов — т. н. «Дружины зеленого дуба» (с 1927 г.) и т. д. БРП предоставляло помощь польской резидентуре «У-6», действовавшей на территории Белорусского военного округа⁵. Особенно активны были в Слуцком округе, где, по данным НКВД, «был создан ряд

⁴ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Т. 1. М., 1994. С. 103.

⁵ Свиреденко Ю.П., Еришов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М., 2000. С. 127.

повстанческих организаций и террористических групп», сотрудничавших со 2-м отделом польского Главного штаба⁶. Местные организации БРП действовали в районах, пограничных с Польшей, и на Северо-Западе СССР соседних с Латвией, Эстонией и Финляндией. Проникали «братчики» в СССР и с Дальнего Востока. В конце 20-х — начале 30-х гг. организация БРП в Китае даже пыталась возглавить и координировать антиколхозные выступления крестьянства. Некоторые формирования возникали сами по себе, а потом уже примыкали к БРП; так, на байкальском участке железной дороги действовала «самочинная организация “Круг”»⁷.

С 1926 г. БРП часто действовало под прикрытием одного из наиболее удачных издательств русской эмиграции «Медный Всадник», владельцем которого был герцог Г.Н. Лейхтенбергский, а директором С.А. Соколов-Кречетов. Под видом представительств издательства в близких к советской границе районах на территории Финляндии, Эстонии, Латвии и Румынии создавались особые отделы для ведения работы в СССР⁸.

Журнал «Русская правда» (Белград, 1922–1933. № 1-72/73) являлся фактическим органом БРП, официально предназначавшимся для распространения в СССР. С 1930 г. он издавался от имени «Русской освободительной казны». Редактировал журнал С.А. Соколов в сотрудничестве с П.Н. Красновым и А.В. Амфитеатовым. «Русская правда» три раза меняла подзаголовки: «Голос свободной русской мысли», с марта 1923 г. «Голос вольной национальной русской мысли», с июня 1924 г. «голос вольной национальной русской мысли». Журнал выходил под лозунгами БРП: «Коммунизм умрет — Россия не умрет!» и «Мы незримы, но мы везде», «Издается для поработенных народов России».

Журнал изначально предназначался для заброски в СССР, только 20 экземпляров распространялось по зарубежью. П.Н. Краснов писал, что практически один С.А. Соколов создал и выпустил 70 номеров «Русской правды». Немногочисленные сотрудники, кого

⁶ РГВА. Ф. 309. Оп. 1. Д. 158. Л. 84.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-5794. Оп. 1. Д. 132. Л. 23.

⁸ Бортневский В.Г. Загадка смерти Врангеля. СПб., 1996. С. 67.

удавалось привлечь в журнал, работали совершенно безвозмездно. «Трудно поверить, — сожалел П.Н. Краснов, — что по существу все эти семьдесят больших номеров, по два печатных листа были составлены одним человеком, С.А. Соколовым. Все статьи были под псевдонимами, а чаще всего анонимны, без подписи и почти все были — его...»⁹. Основными рубриками в журнале были: «Отдел открытой связи Братства РП», «В Советской России», «По белу свету», «Красные анекдоты» и др.

Даже эмигрантские недоброжелатели высоко оценивали журнал «Русская правда», называя «единственной в своем роде, блестящей антисоветской литературой»¹⁰.

Материалы на страницах «Русской правды» часто повторялись. В черных рамках печатались тексты листовок и карикатур, которые выходили также отдельным тиражом. Регулярно публиковались анекдоты из СССР, конечно же, антисоветского содержания.

Периодически публиковались в журнале поэзия, рассказы и отрывки из прозы И.А. Бунина, А.В. Амфитеатрова, А. Аверченко, М. Колосовой, П.Н. Краснова, Е. Дьяковой и др., все антисоветского содержания. Удалось выявить рассказы И.А. Бунина «Третьи Петухи»¹¹ и «Поруганный Спас (Рассказ извощика)»¹². В номере за март 1923 г. напечатан отрывок из книги Аркадия Аверченко «Рай на земле» — «Красные матросы (Славной памяти героев Кронштадтского восстания)» о женских одеждах матросов, голоде в Петрограде и уничтожении матросов в марте 1921 г.¹³

Самый популярный автор — харбинская поэтесса Марианна (настоящее имя Римма) Ивановна Колосова (1903–1964) (подписывавшаяся и «Мариана К.»). Ее отца, православного священника, и жениха расстреляли большевики. Все творчество М Колосовой —

⁹ Краснов П.Н. Памяти борца за Россию (С.А. Соколов-Кречетов) // Часовой. 1936. № 191. С. 19–20.

¹⁰ Цит. по: Добкин А. С.А. Соколов-Кречетов: От «Золотого Руна» к «Русской Правде» // In memoriam: Ист. сб. памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 94.

¹¹ Русская правда. 1926. Март.-апр. С. 12–13 // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 23 об.-24.

¹² Там же. 1930. Янв.-февр. С. 11–12.

¹³ Там же. 1923. Март. С. 7–8.

эпатажные антибольшевистские стихотворения, выделявшиеся даже на общем фоне русской эмиграции, в правых кругах считалась «бардом “Белой армии”». Впоследствии вместе с мужем А.Н. Покровским (создателем первых фашистских организаций на Дальнем Востоке) была выселена японцами в Шанхай, а после 1949 г. переехала в Чили. «Облетевшими всю русскую эмиграцию словами “Отчего мы такая дрянь?” начинается книга А.В. Амфитеатрова “Стена плача и стена нерушимая”»¹⁴. Все ее стихотворения в «Русской правде» воспевали БРП, террор и посылали проклятия сатанинской советской власти: «Родине»¹⁵, «Братский Крест»¹⁶, «Расстрелянному брату»¹⁷, «Брату РП» (стихотворение стало популярной песней белорусских отрядов — «Над отрядом Зеленого Дуба») ¹⁸, «Два слова» (посвящается братьям-террористам)¹⁹, «Взрыв»²⁰ и, наверное, самое известное из цикла — «Брату»:

Оглянись на Родину, мой брат,
Слуги Сатаны еще царят.
Русские во власти темных сил.
И за них никто не отомстил?

и т. д.²¹

Появлялись публикации и малоизвестных авторов. В номере июль — август 1930 г. под псевдонимом Наталья Р. Были напечатаны стихотворение «БРП: Железная воля сковала нам крылья» и рассказ странницы Е. Дьяковой из книги «Тень Антихриста» — «Божье чудо»²².

С.А. Соколов регулярно печатал в журнале псевдонародные частушки:

¹⁴ Крейд В. Словарь поэтов Русского Зарубежья. СПб., 1999. С. 124.

¹⁵ Русская правда. 1931. Март.-апрель. С. 7.

¹⁶ Там же. № 7–8. С. 4.

¹⁷ Там же. 1930. Янв.-февр. С. 5.

¹⁸ Там же. 1927. Март.-апр. С. 11 // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 55.

¹⁹ Там же. 1928. Март.-апр. С. 4 // Там же. Л. 67 об.

²⁰ Там же. Ноябрь.-дек. С. 9 // Там же. Л. 86.

²¹ Там же. 1930. Март.-апр. С. 5.

²² Там же. Сент.-окт. С. 8–9.

Во саду ль растет крапива,
Там, где прежде виноград.
Фу ты, ну ты, как красиво
Вместо Питер Ленинград²³.

Мы устали от тоски
Таем год от года...
Соловки вы, Соловки,
Русская свобода²⁴.

Как отмечалось выше, «Русская правда» была заполнена анекдотами советского происхождения, которые запоминали во время рейдов в СССР, т. н. «ходоки». Ленинградская специфика большинства из них объясняется просто. Главе финляндского отдела А. Толю (А.Н. Антонов-Дядик) и его подчиненным легче всего было услышать в мегаполисе, что-либо антиправительственное. Например:

Загадка

Вопрос: Из русской азбуки вырезали много букв, и «ять», и «фиту», и «ерь», и «ижицу», а вот в России все живет плохо. Какие три буквы надо вырезать, чтобы в России полегчало.

Ответ: Г.П.У²⁵.

В журнале «Русская правда» очень часто печатались «братские памятки, заповеди, наказания», призывы к борьбе с советской властью, террору и партизанскому движению, материалы против экономической политики первых пятилеток, коллективизации. В номерах за 1930–1933 гг. подробно освещается тема голода в СССР. Подробно было описано убийство советского посла в Польше П.Л. Войкова, в котором русские эмигранты видели, прежде всего, участника убийства в 1918 г. царской семьи. Эмигрантская пресса утверждала, что при теракте с руки П.Л. Войкова слетел перстень Николая II. Характерно заглавие статьи «Слава Борису Коверде, мстителю за русскую честь»²⁶. Сбор денег «Русской Освободительной Казной» на помощь Б.С. Коверде имел для эмигрантов символическое

²³ Там же. 1924. Авг. С. 4.

²⁴ Там же. 1931. Май.-июнь. С. 12.

²⁵ Там же. 1923. Март. С. 11.

²⁶ Там же. 1927. Май.-июнь. С. 1 // Там же. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 34.

и принципиальное значение. Выделим из других публикаций наиболее примечательные «Письмо царского генерала П.Н. Краснова»²⁷. Некий «Русский из Италии» (скорее всего, кто-то из семьи Амфитеатровых) в 1923 г. написал панегирическую статью «Как начинался фашизм»²⁸.

Рубрика «По белу свету» была наполнена сообщениями о международной жизни, как борются во всех странах мира с коммунистами и какую агрессивную политику проводит Коминтерн. Другая рубрика — «В Советской России» печатала «сообщения» о партизанских и террористических успехах БРП в СССР. Если относиться серьезно к этим сообщениям, то получается, что в СССР продолжалась Гражданская война, с массовыми налетами на здания ЧК-ГПУ в уездных городах, нападениями на погранзаставы, убийствами коммунистов и регулярными террористическими актами. Все это, скорее всего, придумывалось С.А. Соколовым в качестве пиар-акций, но именно эти подробности вызывали у современников здоровый скепсис. Проверить, насколько эти факты соответствуют действительности, сейчас практически невозможно, так как оперативные документы ОГПУ до сих пор засекречены и нет возможности сравнить их с материалами из «Русской правды». Кроме того, С.А. Соколов мог выписывать из советских газет сообщения о пожарах, взрывах и т. д. и приписывать БРП, а наши органы с удовольствием отмечали во внутренних материалах, что это не бесхозяйственность, а вредительство белоэмигрантов из-за границы.

В каждый номер журнала, предназначенный для России, вкладывались листовки типа: «Всероссийская Национальная Революция», «Земля крестьянам», «Православная Христианская Русь», «Всероссийский Земский Собор» и даже «Крестьянство!.. Валом вали за твоим родным Братством Русской Правды». Заглавия листовок были отражением основных лозунгов организации и печатались на страницах «Русской правды»²⁹.

Лозунги и стихотворения БРП на страницах номеров «Русской правды» вызывают у современных исследователей обвинения

²⁷ Там же. 1928. Март.-апр. С. 4 // Там же. Л. 67 об.-67 об.

²⁸ Там же. 1923. Март. С. 11–12.

²⁹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. С. 233.

в несерьезности и грубой псевдонародности. В этом мнении сошлись даже монархист М.В. Назаров и демократ А.И. Добкин. Последний даже считал: «начавшая с претензий на “высокий стиль” и “интеллигентность”, эстетически ориентированная на элитарную периодику “Русская Правда” вскоре заговорила с читателем “более понятным народу” языком ростопчинских афиш. Возможно, что стиль журнала изменился не без опосредованного влияния ОГПУ»³⁰.

С этой точкой зрения можно было бы полностью согласиться, если не учитывать отношение к агитации БРП современников. Редакция журнала «Часовой» в 1930 г. считала преимуществом «Русской правды» то, что она «ведется прекрасно — все статьи и воззвания написаны простым и понятным языком. Для крестьян и рабочих, для красноармейцев, для всех русских людей умеет находить «Русская правда» сильные, понятные им, возбуждающие их на смертельную ненависть и непримиримую борьбу слова». «Отдельные лозунги крепко запоминаются и западают в сердце (“Чтобы Русская свеча не погасла”; “Основное правило — ни в чем не быть похожим на коммуниста — веруй в Бога, береги семью, будь хозяйственником, будь государственным, строй свой РУССКИЙ быт, веруй крепко-накрепко — коммунизм умрет — Россия не умрет!”). Очень удачно перефразированы некоторые большевицкие формулы, например: “Мир хатам — война комиссарам”»³¹.

Выступало БРП за установление в СССР клерикальной власти православного духовенства, за то, чтобы привести к власти Русское Христианское Правительство и снова из безыменного Советского Социалистического Союза стать Российской Христианской Державой³². Под влиянием С.А. Соколова происходила демонизация советской власти, большевизм представлялся как антихристов, сатанинская власть. Во всех изданиях постоянно подчеркивались развитие кощунственной, религиозной, атеистической пропаганды

³⁰ Добкин А. С.А. Соколов-Кречетов: От «Золотого Руна» к «Русской Правде». С. 93.

³¹ Братство Русской Правды // Часовой. 1930. № 23. С. 22.

³² Братская памятка 1932 г. 1-е изд. [Томпсон, Конн.]: изд-е Сев.-Амер. Центра БРП, 1932. С. 6.

в СССР (книгоиздание, периодика, плакаты, музеи и т. д.) и политика массового уничтожения храмов, осквернения мощей святых, репрессии против духовенства. Из этого делался вывод о пришествии «красного Антихриста», предтечи Сатаны³³.

Именно БРП получила благословение Русской Православной Церковью за рубежом и официально признана самой близкой по духу организацией. Митрополит Антоний (Храповицкий) — глава Архиерейского Синода РЗПЦ 20 сентября 1927 г. даровал БРП особую «Благословенную Грамоту», освящающую борьбу и антикрасный террор³⁴. Она была напечатана в «Русской правде»³⁵ и десятками тысяч отдельных оттисков посылалась в Россию.³⁶ В 1930 г. он благословил оружие и боевую работу и даровал «Молитву о России БРП»³⁷, которая печаталась во всех правых русских зарубежных периодических изданиях и была выпущена в виде листовки. В «Русской правде» регулярно печатались пастырские послания: «Пастырское послание Митрополита Антония ко всем православным Русским людям Подъяремной России и в Зарубежье. Митрополит Антоний 30 апр. 1930 г.»³⁸, «Из архипастырского послания Митрополита Антония ко всем православным людям».³⁹ На Архиерейский Синод самое благоприятное впечатление произвела передовица об уничтожении Храма Христа Спасителя как символа России и нации⁴⁰.

Краткая политическая программа укладывалась в 12 «Всероссийских лозунгов БРП», которые декларировали: свободу религий, охрану национального быта, равенство перед законом, частную собственность, свободу торговли и промышленности, классовый и сословный мир, беспартийный суд и законопорядок, признание

³³ Сын Человеческий. Да услышат голос мой // Русская правда. 1928. Март-апр. С. 10.

³⁴ Русская правда. 1927. Сент.-окт. С. 1 // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 50.

³⁵ Русская правда. 1927. Сент.-окт. С. 1.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-5794. Оп.1. Д. 132. Л. 3 об.

³⁷ Опул. в кн.: Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20-40-е гг. XX века). М., 2000. С. 222–223.

³⁸ Русская Правда. 1930. Март-апр. С. 1–2.

³⁹ Там же. 1931. № 7–8. С. 15.

⁴⁰ Там же. С. 1.

за крестьянами земельной собственности, полученной во время революции, самоуправление, национальную автономию и сохранение единства русской державы, амнистию за участие в революции и гражданской войне, созыв Всероссийского Земского Собора для установления нового порядка без комиссаров и т. д.⁴¹

Для пояснения довольно эклектичной программы печатались листовки: «Наказ БРП»⁴², «Девять Русских заповедей»⁴³, «Десять заповедей Русского» (также было издание на папиросной бумаге, размером 5 на 30 см, с дополнительным пунктом об установлении православной власти в России, подписано — Братство «Русской правды»)⁴⁴.

Основными лозунгами организации, неизменно отражавшимися в названиях отдельных листовок, были: «Всероссийская Национальная Революция», «Земля крестьянам», «Православная Христианская Русь», «Всероссийский Земский Собор» и даже «Крестьянство!.. Валом вали за твоим родным Братством Русской Правды»⁴⁵. Последний лозунг повторялся в нескольких вариантах: «Граждане России! Вали Валом за родным всенародным Братством Русской Правды!»⁴⁶, «Народ! Вали Валом за родным Братством Русской Правды!»⁴⁷.

Большое внимание БРП уделяло национальному вопросу — исключительно в духе идеологии Белого движения. «Бессмысленно и глупо дробят Россию на мелкие части, создаются Украинские, Татарские, Узбекские, Мордовские республики, уничтожают все русское, губят большую Русскую культуру, насаждавшуюся веками,

⁴¹ Там же. 1928. Март-апр. С. 10; Июль-авг. С. 4; 1930. Сент-окт. С. 12; 1932. № 69. С. 9; Всероссийские лозунги БРП // Братская памятка 1932 г. 1-е изд. [Томпсон, Конн.]: изд-е Сев.- Амер. Центра БРП, 1932. С. 3.

⁴² ГАРФ. Ф. Р-6026. Оп.1. Д. 22. Л. 22.

⁴³ Там же. Л. 23.

⁴⁴ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library Bakhmeteff Archive [далее BAR], M.A. Taube Papers. Box. 11. Эмигрантское монархическое движение.

⁴⁵ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. 2-е изд., испр. С. 233.

⁴⁶ Русская правда. 1930. Май-июнь. С. 316.

⁴⁷ Там же. Сент.-окт. С. 1. — То же на аналогичной листовке.

все для того, чтобы потом легче было распродать и саму Россию, как распродают ее хлеб, ее золото, ее музейные и государственные драгоценности»⁴⁸.

Освещался и любимый в правых кругах «еврейский вопрос». Доктор исторических наук О.В. Будницкий на основании номеров за 1926 г. считает: «Несомненно, центральной тактической идеей Братства был терроризм, а средством пропаганды — антисемитизм⁴⁹. Действительно, был даже лозунг «Долой Советскую Еврейскую Власть!»⁵⁰, отождествлявший коммунистов и евреев, хотя чаще встречается трактовка советской власти как инородческой, заграничного Коминтерна и красного Дьявола. Печатались листовки: «Бей змею в голову» (с антисемитским рисунком двух лиц еврейской национальности в виде двуглавого орла)⁵¹, «Недомыслие от Многомыслия (М.Е. Салтыков-Щедрин)» (против масонов и евреев и раскольников и иже с ними младороссов)⁵². Н.Е. Маркову 2-му понравилось официальное издание БРП — плакат (форматом А-4) «Памяти Мучеников», с лозунгами: «Знайте, Русские люди, кто и как **убил вашего** Государя!»⁵³.

Правда, обоснованно опасаясь обвинений в антисемитизме, С.А. Соколов неоднократно давал на страницах своего журнала и печатал отдельные листовки с подобного рода пояснениями: «По еврейскому вопросу помнить: Братья РП не погромщики. Наш враг — комиссар и заядлый коммунист, кто бы он ни был, Русский или нерусский. Из евреев только *красный* еврей наш враг. Мирного еврейского обывателя, его жену и детей не трогать!»⁵⁴.

⁴⁸ Там же. 1928. Июль-авг. С. 5 // Гуверовский архив. Коллекция Николаевского, кор. 300, папка 18.

⁴⁹ Будницкий О.В. Братство Русской Правды последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 118.

⁵⁰ Русская правда. 1927. Май-июнь // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 34.

⁵¹ Там же. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 518. Л. 209.

⁵² Там же. Ф. Р-6026. Оп. 1. Д. 22. Л. 165.

⁵³ BAR N.E. Markov Papers. Box. 1 Item: Печатные материалы.

⁵⁴ Русская правда. 1930. Май-июнь. С. 16; 1931. № 67. С. 15; Март-апр. С. 15; № 68. С. 15; 1932. № 69. С. 7–8; № 70. С. 15; 1933. № 71. С. 15 и др.; Часовой. 1930.

Вместе с тем в «Русской правде» появлялись и частушки подобного содержания:

Расскажи-ка, например
Что за штука Триэсер
Пролетарская семья
Три сруля да русский я⁵⁵.

Более всего отношение к еврейскому вопросу можно проследить по рубрике «Красные анекдоты» в журнале «Русская правда», где на два антисемитских анекдота давался один юдофильский. Кроме классического про гражданина «подъевреивающего трамвай», приведем подлинный анекдот, популярный в 1920-е гг.:

«В Петербурге, теперешнем Ленинграде, подъезжает вагон трамвая к остановке. Кондуктор кричит:

— Литейный!

А еврей-коммунист, сидя в публике, поправляет:

— Бывший Литейный, теперь проспект Володарского.

Едут дальше. Кондуктор кричит:

— Владимирский!

А еврей поправляет:

— Бывший Владимирский. Теперь товарища Нахимсона!

Едут дальше. Кондуктор кричит:

— Каменнотровский!

А еврей поправляет:

— Бывший Каменнотровский! Теперь Красных Зорь.

Обозлился кондуктор. Не выдержал.

— Чего Вы лезете, гражданин? Я же не говорю Вам: “бывшая жидовская морда”»⁵⁶.

В советский период анекдот из антисемитского превратился в юдофильский. Можно сравнить его с тестом из сборника, опубликованным в американском издательстве третьей «волны» эмиграции:

№ 36. С. 27; Бюллетень Георгиевского отдела БРП в С.А.Ш.А.» 1930. № 6. С. 2; Братская памятка 1932 г. 1-е изд. [Томпсон, Конн.]: изд-е Сев.- Амер. Центра БРП. 1932. С. 12.

⁵⁵ Русская Правда. 1924. Авг. С. 4.

⁵⁶ Там же. 1930. Ноябрь.-дек. С. 8–9.

«Трамвай идет по Ленинграду. Кондуктор объявляет остановки:

— Площадь Урицкого.

— Бывшая Дворцовая, — комментирует старый еврей.

— Улица Гоголя!

— Бывшая Малая Морская.

— Проспект 25 Октября!

— Бывший Невский.

— Замолчите, наконец, товарищ еврей, бывшая жидовская морда»⁵⁷.

Как было отмечено выше, на три антисемитских анекдота С.А. Соколов печатал один юдофильский:

«Где собака зарыта.

Один старый еврей, ограбленный дочиста во время погрома, удрал из Украины в Берлин и у всех спрашивает, где находится могила Карла Маркса.

— Да Вам-то почему интересно? — говорят ему.

— Почему интересно? Вы говорите, почему интересно? А как же мне не интересно! Меня же красноармейцы ограбили, меня же избили и дочку мою Сарочку изнасиловали. И все говорят, по Карлу Марксу. Так вот я себе и говорю: надо же посмотреть, где собака зарыта»⁵⁸.

Историк С. Кулешов на основании номера «Русской правды» за март-апрель 1930 г. так оценил содержание журнала: «Несмотря на заверения авторов “Русской правды” о приверженности национальному равноправию, ксенофобия выпирала с ее страниц. Говорилось “о грузинском жулике Сталине, горбоносом Лейбе Троцком”, сумасшедшем Ильиче, который сгнил от сифилиса, заведя Россию в тупик и предав ее в руки инородцев. Словом, черносотенный душок от издания шел явственный»⁵⁹ К этому примешивалась своеобразная «демонология враждебной стороны: “Оглянись на Родину, мой Брат, слуги Сатаны еще зарят. Русские во власти темных сил и за

⁵⁷ 1001 избранный советский политический анекдот / Сост. и ред. Ю. Телесин. Tenefly, 1986. С. 152.

⁵⁸ Русская Правда. 1923. Март. С. 11.

⁵⁹ Звезда и свастика: большевизм и русский фашизм. М., 1994. С. 290.

них никто не отомстил?»⁶⁰. В другом номере, отмечая целенаправленную политику уничтожения памятников русским царям, полководцами великим людям России, отмечалось: «Вместо них красные понаставили всюду памятники своего гнилому сифилитику “Ильичу”, погубившему Россию, и всякой другой каторжной сволочи, как сумасшедший еврей Карл Маркс, изобретатель социализма, еврейка Роза Люксембург, Карл Либкнехт и др.»⁶¹. С другой стороны, среди подобной ругательной критики проскальзывают и пророчества, своеобразно реализовавшиеся в наши дни: «Тогда, оглянувшись на свое прошлое, вы сами удивитесь, как вы могли верить, повиниться и служить таким ничтожествам, таким изуверам, каковы наш Ильич, грузин Сталин-Джугашвили, юркие еврейчики Зиновьев и Троцкий, ряженные под мужичков Калинин, Рыков и Ворошилов, либо исполнительный жандарм Буденный. Разве это правители? Это сатанинская насмешка над многомиллионным Русским народом!»⁶².

Доставалось не только отечественным большевикам, но и основателю коммунизма. Карл Маркс провозглашался «пророком зла, ненависти и крови», а также политическим неудачником. «Он “топил” всех несогласных с ним беспощадной клеветой: Бакунина и Лассаля, например, он оклеветал, говоря, что они наймиты Русского и Прусского правительств, за то что они “смели” вести самостоятельную линию, не спрашивая его, Маркса»⁶³.

С.А. Соколов разработал четыре основных вида «оружия народа»: повсеместная повстанщина, низовой противокрасный террор, вредительство красному аппарату, братская пропаганда — в 16 «братских способах для уничтожения антихристовой власти»⁶⁴, являющихся, по сути, катехизисом партизанской антигосударственной

⁶⁰ Там же. С. 290. — Это стихи М. Колосовой // Русская правда. 1930. Март-апр. С. 5.

⁶¹ Там же. 1928. Июль-авг. С. 8 // Гуверовский архив. Коллекция Николаевского, кор. 300, папка 18.

⁶² Там же. 1931. № 7–8. С. 7 // Там же, папка 16.

⁶³ Там же. 1933. № 71. С. 1.

⁶⁴ *Зубарев Д.И.* «Красная чума» и белый терроризм (1918–1940 гг.) // Индивидуальный политический террор в России XIX н. XX вв.: Материалы конференции. М., 1996. С. 165; см. также: Русская правда. 1931. Май-июнь. С. 1.

борьбы. В своих агитационных материалах Братство призывало к созданию в Советской России своих ячеек, проведению антикоммунистической пропаганды, организации широкого террора против чекистов, советских и партийных работников, саботажу и вредительству, в особенности предназначенного для экспорта товара. Регулярно печатались «Братские правила», определявшие тактику БРП⁶⁵. Местные организации должны были возникать самотеком по мере ознакомления населения с «Русской правдой» и листовками, на которых приносилась клятва верности БРП⁶⁶. Ставка делалась на подпольное движение, тайные группы, скрытую вербовку членов организаций, строгую иерархию в самом БРП. Для народа С.А. Соколовым сочинялись незамысловатые вирши:

Помогай, народ, повстанцу,
Братства Русского посланцу!
Он народный твой герой.
За него ты стой горой⁶⁷!

Пропагандировался «низовой террор», направленный против чекистов, агентов ГПУ, ответственных совработников, председателей и секретарей местных советов, рабселькоров, рядовых коммунистов и комсомольцев. Обычно призывы к борьбе с низшим большевистским активом начинались с лозунга «Бей не только змею, да не пропускай и змеенышей».

В рубрике «Советы для всех» предлагалось даже «Подстреливать коммунистов из небольшого лука с отравленными стрелами. Кончики стрел мажь стрихнином с салом. Одна малая царапина — смерть»⁶⁸. Еще более подробно и увлекательно рассказывалось об этом в другом номере: стрелу рекомендовалось сделать из рыболовного крючка, а лук можно заменить обычной рогаткой⁶⁹. Предлагалось писать надписи и лозунги БРП, портить памятники

⁶⁵ Братская памятка 1932 г. 1-е изд. С. 6–7.

⁶⁶ Русская правда. 1930. Июль-авг. С. 5–6.

⁶⁷ Там же. 1932. № 69. С. 7.

⁶⁸ Там же. 1928. Сент.-окт. С. 16.

⁶⁹ Там же, Июль-авг. С. 8 // Гуверовский архив. Коллекция Николаевского, кор. 300, папка 18; Братская памятка 1932 г. 1-е изд. С. 8–9.

Революции, сжигать библиотеки ячеек ВКП(б)⁷⁰. В последних номерах «Русской Правды» эти советы попали уже в «Братские правила» (п. 17). Предлагалось писать партийный девиз («Коммунизм умрет — Россия не умрет!») углем или мелом на всех видных местах или сделать оттиск на резиновых перчатках для максимальной быстроты; кроме стрихнина годился уже и тараканий яд⁷¹. «Низовой» террор получал отражение и в стихах для народа:

Братский наш такой наказ:
Коммунистов бей ты враз!
Бей обрезаем, бей колом,
Бей крестьянским топором⁷²!

Погоди, чекист, постой-ка!
Вот нагрянет Братска «тройка»
Ты услышишь только — хлоп!
И получишь пулю в лоб⁷³.

Рад ты, Сталин, иль не рад
Качай, братцы, аппарат!
Раскачаем, а потом
Прямо в яму мы спихнем.⁷⁴

Печатались и листовки с прямыми призывами к террору против коммунистов и комсомольцев. Например, «Бей змею в голову всюду, где встретишь»⁷⁵ и «Белорусский террор — Божий Меч» (Бобруйский отдел)⁷⁶.

Регулярно раздавались призывы убить И.В. Сталина с конкретным намеком, где это можно сделать: «Сталин ездит от Кремля на дачу в Горки, пускает целый ряд автомобилей, и неизвестно, в каком

⁷⁰ Русская правда. 1928. Сент.-окт. С. 16 // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 74. Л. 81 об.

⁷¹ Там же. 1932. № 71. С. 11.

⁷² Там же. 1931. № 67. С. 7.

⁷³ Там же. 1932. № 69. С. 10.

⁷⁴ Там же. № 68. С. 7.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. Р-6026. Оп.1. Д. 22. Л. 37.

⁷⁶ Там же. Ф. Р-5794. Оп.1. Д. 132. Л. 19.

едет он сам, этот подлый, трясущийся от страха сатрап»⁷⁷. Генсек ВКП(б) был любимым персонажем для карикатур БРП. Например, рисунок с отрубленной головой И.В. Сталина на штыке и подпись «Новогоднее поздравление БРП товарища Сталина», или его волокут к виселице люди с повязками БРП и стихи под картинкой:

Ночью Сталину не спится,
Все веревка ему снится.
Слышит он из ада клич:
Заждался тебя Ильич⁷⁸.

В номерах журнала «Русская правда» и на многих листовках печатались вирши следующего содержания:

Собирай-ка, братцы, силу,
Рой для Сталина могилу.
В ту могилу мы потом
Кол осиновый забьем⁷⁹!

Черт хохочет без оглядки,
Пляшет с Сталиным вприсядку.
Ну и Сталин, молодец!
Загубил ты Русь вконец⁸⁰!

Неоднократно в листовках и «Русской правде» печатались призывы к саботажу, «итальянским» забастовкам и вредительству против советской власти: «Вредили, вредим и будем вредить!»⁸¹. С другой стороны, издевательскими были материалы о сфабрикованном «Процессе Промпартии»⁸². Полностью отрицалась развязанная в конце 1920-х гг. кампания о вредителях среди интеллигенции и специалистов с высшим и средним дореволюционным образованием: «Народ! Не верь красным сказкам про спецов-вредителей, подкупленных иностранцами»⁸³.

⁷⁷ Русская правда. 1930. Март-апр. С. 7.

⁷⁸ Там же. 1932. № 71. С. 6.

⁷⁹ Там же. 1931. № 67. С. 8.

⁸⁰ Там же. 1932. № 69. С. 8.

⁸¹ Там же. С. 5; 1933. № 72. С. 3.

⁸² Там же. 1930. Ноябрь.-дек. С. 1–2.

⁸³ Там же. 1931. Янв.-февр. С. 9, Март-апр. С. 9.

БРП активно выступало против экономической политики ВКП(б), откровенно высмеивая первую и вторую пятилетку.

Пятилетка, ну дела!
Для народа кабала.
Что ни дальше, будет хуже,
Подтяни живот потуже⁸⁴.

Пятилетка, ну дела!
Для народа кабала.
А вторая будет хуже,
Подтяни живот потуже.⁸⁵

Что останется после пятилетки?
От Ленина — портрет,
От Сталина — декрет,
От рабочего — скелет,
От крестьянина и того нет⁸⁶.

Вся русская эмиграция была в ужасе от методов проведения коллективизации. Определяя раскулачивание как геноцид русского народа, а коллективизацию как новое крепостное право, БРП призывало к вооруженному восстанию как к единственному способу не умереть от голода в СССР. «Русская правда» как орган одной из самых антисоветских организаций совершенно не стеснялась в выражениях:

«Русский Царь Александр Второй уничтожил крепостное право
Да будет его имя благословенно вовеки!
Инородец-коммунист Сталин восстановил крепостное право
Да будет его имя проклято вовеки!»⁸⁷

Ходи, изба, ходи, печь,
Хозяину негде лечь.
Как загнали нас в колхоз,
Сел в ухаб советский воз⁸⁸!

⁸⁴ Там же. № 67. С. 6.

⁸⁵ Там же. 1932. № 70. С. 10.

⁸⁶ Там же. 1931. Март-апр. С. 12.

⁸⁷ Там же. 1930. Сент.-окт. С. 3.

⁸⁸ Там же. 1932. № 70. С. 8.

За границу хлеб сдавать
Сталиным нацелено.
В поле колос подбирать
Нам и то не велено⁸⁹.

Колхоз для крестьян — что для зверя капкан,
Попадешь одной ногой — ударит по другой.
Будет твоя судьба — обратишься в крепостного раба,
Потому пускай туда красного петуха⁹⁰.

Эти частушки должны были привлекать обездоленное сельское население СССР к БРП. Действительно, в годы коллективизации, в особенности в пограничных районах, на фоне стихийных крестьянских восстаний активизировалась работа БРП.

Журнал «Русская правда» регулярно печатал обращения к партийно-государственной элите СССР: руководству Красной Армии, членам ГПУ, советского аппарата и даже коммунистической партии с предложением провести бескровный государственный переворот, не дожидаясь массового народного восстания: «когда проснется народ и возьмет родную дубину». Выпускались даже специальные листовки, обращенные к вышеперечисленным группам. «Русская правда» регулярно декларировала призывы к спасению России путем термидорианского переворота к «сознательным чекистам — «или оставаться верными коммунистами, продолжать разрушать Россию... или понять опасность и, спасая себя и Россию, взять на себя арест и расправу с теперешними тиранами... Кто-то должен взять на себя бремя власти и стать диктатором, правителем, президентом, “Бонапартом...”»⁹¹.

Первоначально «Русская правда» нелегально печаталась в типографии «Пресса» А.Д. Веревкина в Берлине (в 1922–1923), причем

⁸⁹ Там же. С. 12.

⁹⁰ Там же. 1928. Ноябрь.-дек. С. 3.

⁹¹ Там же. 1932. № 69. С. 7–8; См. также: Соловьев М.С. «Дольше годы мы ждать не можем...» (Деятельность Организации Великого князя Николая Николаевича, Русского общевоинского союза, Братства Русской правды на Северо-Западе Советской России, в Прибалтике и Финляндии в 1920-х — начале 1930-х гг.) / М-во просвещения РФ; СПбГУ. СПб., 2008. С. 22.

с типографией сносился А.К (А.Н. Кольберг. — П.Б.), позднее А.Д. Веревкин, «прогорев» с типографией, уехал в Ригу⁹², а издание журнала было перенесено в Белград. «Русская Правда» издавалась и в уменьшенном размере на тонкой легкой бумаге — такая форма именовалась «походной»⁹³ — для удобства переправки в Россию. Об издании журнала на тонкой папиросной бумаге для этих целей сообщает и А. Смирнов, работавший с делом П.Н. Краснова в ЦА ФСБ⁹⁴.

П.Н. Краснов приводил уже после смерти С.А. Соколова мнения эмиграции про «Русскую правду». «Люди сведущие за границей, как, например, сенатор С.Е. Крыжановский, бывший долгое время товарищем министра внутренних дел в императорской России и сотрудником П.А. Столыпина, говорил про этот журнал, что он является самым нужным и жизненным делом для России в эмиграции»⁹⁵.

Адрес пересылки писем для «Русской правды», присланных из СССР, в письмах знакомым за границу давался следующий: «Budapest Föposta 70 Szamu Fiok»⁹⁶.

Журнал «Русская правда» является одновременно антиисторическим и историческим источником. С одной стороны, боевые, партизанские, террористические успехи БРП, как правило, не имеют ничего общего с реальными событиями. С другой стороны, в анализе внутреннего положения в СССР на страницах журнала появляется информация о реальных фактах нашей истории 1920–1930-х гг., о которой советская историческая наука предпочитала даже не упоминать. И, наконец, «Русская правда» — это источник по истории БРП, экстремистской идеологии правой русской эмиграции, взглядов и фольклора антисоветского подполья и оппозиционных элементов в СССР. Наш юбиляр, член.-корр. РАН, доктор исторических наук Р.Ш. Ганелин давно интересовался идеологией правой русской

эмиграции. В его известных статьях «Российское черносотенство и германский национал-социализм»⁹⁷, «Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму»⁹⁸ и «Правое крыло первой волны русской эмиграции о политической роли либерализма в начале XX в.»⁹⁹ раскрывается влияние антисемитизма на формирование идеологии ультраправых русского зарубежья. В этом отношении история БРП и ее фактического органа — журнала «Русская правда» дополняет многие положения и тезисы вышеупомянутых работ Р.Ш. Ганелина.

⁹⁷ Ганелин Р.Ш. Российское черносотенство и германский национал-социализм // Национальная правая прежде и теперь. СПб., 1992. Ч. 1. С. 130–151; Перепечатана в сборнике: Диссиденты, неформалы, демократы. Т. 3: Против ненависти. СПб., 2008. С. 46–63.

⁹⁸ Ганелин Р.Ш. Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: История и культура. СПб., 1998. С. 211–218.

⁹⁹ Ганелин Р.Ш. Правое крыло первой волны русской эмиграции о политической роли либерализма в начале XX в. // Власть, общество и реформы в России (XVII — начало XX вв.): Материалы научно-теоретич. конф. 8–10 дек. 2003 г. / РГИ СПбГУ, Отделение ист.-филолог. наук РАН, СПб. ин-т истории РАН. СПб., 2004. С. 354–363.

⁹² ГАРФ. Ф. Р-5794. Оп. 1. Д. 132. Л. 6.

⁹³ Братство Русской Правды. С. 22.

⁹⁴ Смирнов А. Атаман Краснов. М., 2003. С. 201.

⁹⁵ Краснов П.Н. Памяти борца за Россию (С.А. Соколов-Кречетов) // Часовой. 1936. № 191. С. 20.

⁹⁶ Русская Правда. 1924. авг. С. 16.

О.Н. Кузнецова

«ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ РОССИИ В ПРАГЕ»
КАК ИСТОЧНИК О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1917 ГОДУ

Институт Изучения России в Праге был создан в 1924 г. в рамках «Акции русской помощи в Чехословацкой республике», которая получила достаточное освещение в современной историографии¹. В Праге насчитывалось шестьдесят пять различных организаций, созданных в рамках этой Акции². Одним из таких центров был «Русский научный Институт сельскохозяйственной культуры», созданный в мае 1924 г. в Праге при объединении Земгор. Этот проект стал результатом соединения двух инициатив: «Института крестьянской культуры», выдвинутого С.С. Масловым и А.Н. Челинцевым, и проекта К.Р. Кочаровского. В сентябре 1924 г. данный Институт был переименован в «Институт изучения России»³, где был учрежден Совет, в состав которого входили известные русские ученые-эмигранты: К.Р. Кочаровский, С.С. Маслов, А.Н. Челинцев, а также А.П. Марков, С.Н. Николаев, Н.Ф. Новожилов, А.В. Пешехонов, Ф.С. Сушков, В.М. Чернов, Г.И. Шредер. Первое заседание совета состоялось 10 сентября 1924 г., где было выработано и позднее утверждено Положение об Институте, в котором, в частности, говорилось: «В настоящее время назрела потребность в особых ученых, а не только учебных институтах, которые в систематическом ряде исследований вырабатывали бы научную истину.

© О. Н. Кузнецова, 2012

¹ См. об этом: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». М., 1997; *Серапионова Е. П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (1920–1930-е гг.). М., 1995; и др.

² ГАРФ. Ф. 5776. Оп. 2. Д. 204. Список адресов русских организаций в Праге (март 1930 г.).

³ Там же. Ф. 5775 — Фонд Института изучения России. Положение Ф. 5775. Оп. 1. Д. 245.

О.Н. Кузнецова. «Записки Института изучения России в Праге» как источник о деятель-

Обществоведение, чтобы обратиться в науку и чтобы стать базой положительного общественного строения, должно организовать свои “социальные лаборатории” подобные тем лабораториям естествознания, без которых были бы невозможны колоссальные успехи последнего. Насколько велика и многосложна Россия и как страна, и как народ, и как разворачивающаяся культура — настолько же велика и плодотворна, а вместе с тем трудна и ответственна задача ее научного познания и задача организации социальных лабораторий для этого самопознания»⁴. Таким образом, основными целями Института явились создание системы исследований для научного изучения России, разработка научных методов и подходов, а также привлечение компетентных научных сил. Перед Институтом были поставлены следующие задачи: 1) предоставить возможность русским ученым и исследователям продолжать в Чехословакии работу по изучению России; 2) привлекать к работе молодые исследовательские силы; 3) принимать меры для успешного изучения России. По Положению Институт делился на кабинеты, по следующим направлениям: кабинет социальной структуры и социальных движений во главе с В.М. Черновым, кабинет государственного устройства и управления во главе с Г.И. Шредером, кабинет народного хозяйства и экономической политики во главе с А.В. Пешехоновым, кабинет сельского хозяйства и кооперации во главе с С.С. Масловым и кабинет духовной культуры во главе с Н.Ф. Новожиловым.

Важной частью практической деятельности всех научных центров в эмиграции была публикация собственных трудов. Институт изучения России не стал здесь исключением: было начато издание «Записок Института изучения России в Праге», где публиковались, во-первых, исследовательские работы сотрудников Института, во-вторых, фактические обзоры текущих событий, в-третьих, обзоры литературы по отдельным вопросам, а также хроникальные заметки о жизни самого Института, которые представлялись ценными, полезными и интересными. Этот принцип был соблюден в двух изданных книгах «Записок», в частности, первый раздел первой книги содержал работы А.Н. Челинцева, А.В. Пешехонова, раздел

---

⁴ Там же. Л. 8.

«Библиография» представлял рецензии на советские работы, в частности, на вышедшую в СССР в 1924 г. работу С.Г. Струмилина «Бюджеты русских рабочих и крестьян в 1922–23 гг.». Заметим, что первая книга Записок Института не была пропущена в Россию. Посланные туда экземпляры были возвращены из Москвы, о чем с горечью было заявлено в разделе «Хроника» «Записок Института изучения России». Таким образом, Институт был лишен возможности обмена с советскими научными учреждениями. Большинство опубликованных в «Записках» работ не подвергались еще тщательному разбору, поэтому в рамках заявленной темы предпринята попытка анализа такого источника, как опубликованная в Записках Института статья Д.А. Лутохина⁵ «Земельный вопрос в деятельности Временного Правительства», которая находится в ГАРФ и практически неизвестна современным исследователям⁶. При этом в нашей статье делается акцент не столько на рассмотрении аграрной политики Временного правительства, сколько на составе и деятельности ярких представителей министерств каждого из его составов, на столкновении их концепций и подходов при решении проблем в работе Временного правительства России в 1917 г. Констатируя наличие обширной литературы по аграрной политике в работе Временного правительства⁷, выделим здесь монографию

⁵ Лутохин Долгат Александрович (1886–1942) — российский издатель, публицист. Родился в 1886 г., в 1903 г. поступил в Петербургский Технологический институт, учился в Париже, Берлине, затем на юридическом факультете Петербургского университета. В мае 1918 г. стал экспертом по финансовым вопросам в Главном комитете Бумажной промышленности и торговли. В 1921 г. был избран председателем одиннадцатого промышленно-экономического отдела Русского технического общества, также возглавлял журнал «Вестник литературы», был организатором выпуска журналов «Экономист» и «Утренники». В 1922 г. Д.А. Лутохин был арестован, а в 1923 г. был выслан из Советской России в Берлин, затем переехал в Прагу, а в 1927 г. с помощью М. Горького вернулся в СССР, жил в Ленинграде, где и умер в 1942 г. // Две судьбы. Питирим Сорокин и Долгат Лутохин / Авт. Ю. Дойков (Директор Центра по изучению истории эмиграции г. Архангельск). Высшее образование в России. 2000. № 4. С. 135–141.

⁶ ГАРФ. Ф. 5775. Оп. 1. Д. 246.

⁷ См. об этом: *Мальшева С.Ю.* 1) Российское Временное правительство 1917 года. Казань, 1999; 2) Временное правительство России. Современная отечественная историография. Казань, 2000.

В.И. Старцева «Внутренняя политика Временного правительства»⁸, а также статью В.Л. Телицына⁹, в которых содержится анализ борьбы либерального и социалистического подходов в аграрной политике. Как отмечал в своей работе В.И. Старцев, издание первого же постановления по земельному вопросу стало серьезным испытанием для Временного правительства. «Правительство уже столкнулось с фактами аграрных волнений... для кадетских элементов во Временном Правительстве не было тайной, что эсеры давно разработали проект передачи всей земли в руки крестьян и распределили ее по трудовой норме без всякого выкупа. Эсеры соглашались ждать с решением земельного вопроса до Учредительного Собрания и вели соответствующую агитацию в народе. Только большевики призывали крестьян к немедленному решению земельного вопроса, не дожидаясь Учредительного Собрания»¹⁰. Кадеты же собирались проводить свой земельный проект, по которому предусматривалась выплата возмещения помещикам и покупка земли крестьянами в собственность. Поэтому кадеты вынуждены были скрывать свои истинные намерения, чтобы не отталкивать от себя заранее массу крестьянства. В то же время каждый день промедления с изданием какого-либо акта по земельному вопросу грозил разрастанием крестьянского движения. По мнению В.И. Старцева, здесь заключалось противоречие: Временное правительство признавало срочность и неотложность аграрного вопроса и в то же время откладывало его решение до Учредительного собрания.

С точки зрения В.Л. Телицына, при разработке аграрной реформы во Временном правительстве столкнулись две основные и полярные позиции — либеральная и эгалитарная. Первая определялась признанием необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, т. е. передачей земли малоземельным крестьянам,

⁸ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

⁹ *Телицын В.Л.* Февральская революция и аграрный вопрос: теория и практика // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 168–181.

¹⁰ *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. С. 213.

ликвидацией нерентабельных помещичьих хозяйств и последующим государственным налоговым регулированием. Вторая позиция сводилась к признанию факта существования крестьянского малоземелья и необходимости передачи всей помещичьей земли в руки крестьян. Особо В.Л. Телицын подчеркивал, что в среде крестьянства наиболее популярными были взгляды социалистов с их уравнильно-передельным принципом.

В упомянутой выше работе Д.А. Лутохина содержатся важные свидетельства и оценки политики начального периода Февраля 1917 г., который, по его мнению, был периодом наименьшего внимания к земельному вопросу. Указывая на состав министерства земледелия, Д.А. Лутохин писал, что «на момент переворота руководство было возложено на комиссаров — членов Государственной Думы». Это были Н.К. Волков, И.П. Демидов, С.В. Востротин — представители партии кадетов, а также кн. И.С. Васильчиков, гр. И.И. Капнист — октябристы, 4 марта в должность министра земледелия вступил А.И. Шингарев, как известно, один из лидеров кадетской партии во Временном правительстве. По мнению П.Н. Милюкова, «Шингарев был облечен тяжелой обязанностью обеспечения столицы продовольствием и не менее тяжелой задачей — столкнуться с левыми течениями в аграрном вопросе»¹¹.

Как известно, 19 марта 1917 г. появилось специальное постановление Временного правительства по вопросу о земле, в котором, в частности, говорилось: «Земельный вопрос не может быть проведен в жизнь путем захвата. Насилия и грабежи — самое дурное и опасное средство в области экономических отношений. Земельный вопрос должен быть решен путем закона, принятого Народным представительством...»¹² Таким образом, Временное правительство призвало ждать Учредительного собрания, на котором земельный вопрос предполагалось решить в первую очередь. Для первого состава Временного правительства — кадетско-октябристского, в первую очередь необходимо было решить основные вопросы, такие как «овладением аппаратом высшего управления государством»¹³ (о чем

¹¹ Милюков П.Н. История второй русской революции. Мн., 2002. С. 41.

¹² Вестник Временного правительства. 1917 год. 21 марта.

¹³ Милюков П.Н. История второй русской революции. С. 40.

свидетельствовали пункты программы первого состава Временного правительства), поэтому декларации первоначального периода формулировали только общие принципы по вопросу о земле и никаких решений по аграрному вопросу принято не было.

Значимым в аграрной политике Временного правительства было постановление от 21 апреля 1917 г. об учреждении Главного и местных земельных комитетов, которое содержало перечень мер для решения земельного вопроса Учредительным собранием¹⁴, а также состав Главного земельного комитета. По Положению в него входили: министр земледелия, товарищ министра, 25 членов и управляющий делами Комитета, представители губернских земельных комитетов, 6 представителей от Всероссийских крестьянских организаций, представители от Временного комитета Госдумы, всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и от всероссийского кооперативного союза, 11 представителей от политических партий по одному от каждой — эсеры, народные социалисты, меньшевики, большевики, трудовики, кадеты, прогрессисты, октябристы, группа центра, националисты, независимые правые, представители от крупных научных экономических обществ и другие лица. Во главе Главного земельного комитета в качестве его председателя был назначен профессор А.С. Постников¹⁵.

В статье Д.А. Лутохина нашла отражение дискуссия представителей различных политических партий и сил, состоявшаяся при открытии Главного Земельного комитета 19 мая 1917 г. Из нее видно, что глава этого Комитета проф. А.С. Постников полагал, что основной принцип трудового землевладения, провозглашенный проектом аграрной программы партии народной свободы, где земли должны перейти земледельческому населению, в общем, совпадает с лозунгами других демократических и крестьянских партий. В возникших прениях представитель трудовой группы М.Е. Березин считал, что лучшим средством для устранения аграрных эксцессов будет объявление Временным Правительством всей земли национальной

¹⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Журнал № 58 от 21 апреля 1917 года. Т. 1. С. 326–328.

¹⁵ Там же.

собственностью. Социалист-революционер Н.Я. Быховский доказывал, что эксцессов пока не так много, как можно было ожидать, отмечал факты, свидетельствующие о скромности крестьянских требований, несмотря на революционную эпоху. Представитель Прогрессивного блока С.И. Шидловский и кадет Н.Н. Черенков возражали Березину, полагая, что национализировать землю может только Учредительное собрание. Министр продовольствия А.В. Пешехонов высказался за создание «атмосферы доверия» путем углубления и расчищения поля деятельности по упорядочиванию аграрных отношений, для правовых организаций крестьянских масс. Представитель ЦК РСДРП(б) И.Т. Смилга заявил, что только организованный захват крестьянами всей земли явится действительным революционным актом и устранил нынешнюю разруху в аграрной области, что земельные комитеты на местах должны способствовать такому захвату и направлять его по широкому руслу. Ему отвечал министр земледелия и лидер социалистов-революционеров В.М. Чернов, по мнению которого само понятие организованного захвата является логическим нонсенсом, поскольку захват противоречит всякой организации и может привести лишь к дезорганизации. Как признавал впоследствии В.М. Чернов, «Главному земельному комитету была предоставлена широкая автономия. Этот орган, в котором правым принадлежало незначительное большинство, сумел парализовать деятельность эсера В.М. Чернова». Однако, оценивая деятельность Главного Земельного комитета, В.М. Чернов отмечал, что на первой сессии был избран относительно однородный президиум, который установил тесный контакт с Исполнительным комитетом Совета крестьянских депутатов. В аграрной политике образовался «треугольник», в центре которого находился президиум Главного земельного комитета, а по бокам — эсеровское министерство земледелия и Совет крестьянских депутатов», что, по мнению В.М. Чернова, приводило к неразрешимым трудностям в принятии предложенных ими мер со стороны Временного правительства¹⁶.

¹⁶ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. М., 2007. С. 223.

В целом, дискуссии в Главном Земельном комитете носили острый характер, что, в частности, нашло отражение в «Трудах второй сессии Главного Земельного Комитета»¹⁷, на которую собрались депутаты с докладами с мест. В результате Главным земельным комитетом было принято решение о направлении работы: «В основу земельной реформы должна быть положена та мысль, что все земли сельскохозяйственного назначения должны перейти к использованию трудового земледельческого населения — на этой основе должен быть разработан проект земельной реформы. До созыва Учредительного Собрания никакое окончательное решение земельного вопроса не может быть никем принято и тем более осуществлено»¹⁸. При этом Комитет предложил разработать общегосударственный план поземельного устройства, при этом, как отмечал в своей статье Д.А. Лутохин, наибольшие споры вызвал вопрос о переходе к трудящемуся населению всех земель. По требованию В.М. Чернова было проведено повторное голосование, где 14 членов Комитета высказались за сохранение слова «все», 4 против, 9 воздержались¹⁹. Сам В.М. Чернов комментировал этот спор на первой сессии Главного земельного комитета по вопросу о том, что «Земельная реформа должна основываться на идее передачи всех сельскохозяйственных земель в пользование трудящемуся крестьянству...», позднее не-социалисты «сплотились и потребовали убрать из формулировки слово “все», сначала оно было исключено, но после вмешательства министра земледелия и повторного голосования было сохранено, что, по мнению В.М. Чернова, продемонстрировало непостоянство кадетской оппозиции и отсутствие у нее политической смелости... В рядах правых не было единства; кроме того, они не были заинтересованы в работе органа, решения которого им не нравились»²⁰.

¹⁷ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 года». Пг., 1917.

¹⁸ Лутохин Д.А. Постановление ГЗК от 20 мая 1917 года.

¹⁹ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 года». Л. 314.

²⁰ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. С. 223.

В целом же, по мнению Чернова сессия Главного земельного комитета выразила безоговорочную поддержку министерству земледелия.

Решение земельного вопроса Временным правительством зависело в первую очередь от его состава. 4 мая министерство земледелия возглавил В.М. Чернов, лидер партии эсеров, в июле из министерства земледелия было выделено министерство продовольствия во главе с А.В. Пешехоновым, сторонником коалиции социалистов с либералами. Д.А. Лутохин характеризовал это явление как пополнение власти представителями революционной демократии. Подтверждением развития этих процессов может служить уступка со стороны Временного правительства требованиям Совета крестьянских депутатов, когда 1 июня 1917 г. министру юстиции по соглашению с министрами финансов, земледелия, торговли и промышленности было поручено разработать проект постановления о мерах к сохранению неприкосновенного земельного запаса до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием. Происходило перемещение реальной власти в принятии решений о земле на местный уровень. Д.А. Лутохин утверждал, что в нарушении прав земледельцев оказались виновными и многие местные общественные организации, выносившие постановления революционного характера в аграрном вопросе. Кроме того, свидетельством несогласованности действий центральной власти может служить приказ министра юстиции П.Н. Переверзева о прекращении сделок с землей. Д.А. Лутохин утверждал, что «Большое возбуждение вызвала отмена министром юстиции Переверзевым сделанного 17 мая “Частного распоряжения о приостановке земельных сделок”»²¹. Отмена распоряжения последовала по настоянию Временного Правительства. В.М. Чернов писал, что распространился упорный слух, что 25 мая этот приказ был отменен под давлением большинства министров Временного правительства²². Похожая ситуация сложилась и с «Инструкцией земельным комитетам», изданной министром земледелия В.М. Черновым

²¹ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 года». Л. 314 об.

²² Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. С. 225.

в июле 1917 г. В ней подтверждалось право комитетов забирать земли, которые их владельцы не могли обрабатывать и распределять среди крестьян. Как писал Д.А. Лутохин: «В то время многие упрекали В.М. Чернова, что его инструкция является попыткой помимо Временного Правительства разрешить основные вопросы аграрной политики. Другие наоборот оценивали Инструкцию как “публицистическую статью”, написанную так, что всякий может толковать ее как хочет»²³. В.М. Чернов писал, что министерство внутренних дел и министерство земледелия придерживались диаметрально противоположных точек зрения. Кабинет отвергал ключевые с точки зрения социалистов-революционеров и В.М. Чернова, как министра земледелия, законопроекты, в то время как центральная власть решала вопросы государственного устройства и только начинала разработку проектов для принятия их Учредительным собранием в будущем. Это было одной из основных проблем и в работе Главного Земельного комитета и министерства земледелия — отсутствие единой законодательной базы и последовательных мер для решения земельного вопроса.

В июне 1917 г. произошли изменения как в составе Временного правительства, так и в способах разрешения аграрного вопроса. В своей Декларации от 8 июля 1917 г. Временное Правительство указывало, что «мероприятия Временного Правительства определяются... аграрными программами, принятыми демократическим партиями, а также в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земель в руки трудящихся. На этой основе разрабатывается проект, который будет предложен на рассмотрение Учредительного Собрания». В то же время Временное правительство предполагало провести следующие мероприятия: ликвидировать прежнюю землеустроительную политику, обеспечить полную свободу Учредительного собрания в деле распоряжения земельным фондом страны (в частности, в вопросе о праве собственности на землю), а также упорядочить земельные отношения в интересах государственной обороны и продовольствия путем

²³ Труды второй сессии Главного земельного комитета. Заседания 1–2 июля 1917 года». Л. 316 об.

расширения земельных комитетов. Сложность и в то же время необходимость решения аграрного вопроса привели к целому ряду столкновений внутри Временного правительства. Во многом, как отмечал Д.А. Лутохин, это было связано с изданием циркуляров по земельному и продовольственному вопросу рядом министерств одновременно с министерством земледелия (в частности, циркуляра И.Г. Церетели по земельному вопросу от 17 июля 1917 г.). В.М. Чернов писал позднее: «После выступления большевиков и его поражения “правые подняли голову”... главной мишенью антисоветской кампании стал В.М. Чернов, возглавил атаку на него Милюков»²⁴. 9 августа Временное Правительство посвятило аграрному вопросу специальное заседание. Заслушав двухчасовой доклад В.М. Чернова²⁵, Временное правительство отнеслось к его предложениям более чем равнодушно. Сам В.М. Чернов утверждал, что его атаковало правое крыло, обвинив его в публикации проектов законов, еще не одобренных Временным правительством, после чего на местах начиналось их исполнение. По нашему мнению, социалисты хотели принятия более решительных и действенных мер в решении земельного вопроса в рамках собственной аграрной программы.

Отдельно следует остановиться на характеристике Д.А. Лутохиным кампании, развернувшейся против В.М. Чернова. В.М. Чернов вышел из состава Временного правительства, поскольку его отставка была предрешена расхождениями во взглядах на аграрный вопрос с большинством правительства, что подтверждал сам В.М. Чернов²⁶. Управление министерством земледелия с 20 июля до конца сентября 1917 г. перешло в руки товарища министра П.А. Вихляева. В сентябре 1917 г. на пост министра земледелия был назначен С.Л. Маслов, было опубликовано очередное воззвание Временного правительства, где за основу был взят законопроект В.М. Чернова, в котором главными

²⁴ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. С. 234.

²⁵ В своей работе В.М. Чернов ссылается на Д.А. Лутохина, что подтверждает факт отношений между Черновым и Лутохиным.

²⁶ Чернов В.М. Великая русская революция. Воспоминания председателя Учредительного Собрания. 1905–1920. С. 238.

стями был контроль за изменениями прав на землю, охрана сельскохозяйственных имений от обесценения, а также принятие мер к удовлетворению крайней земельной нужды местного населения путем образования земельного фонда для предоставления его в пользование населения. Как писал В.М. Чернов, С.Л. Маслов внес в его проект ряд изменений, «чтобы провести его через “игольное ушко” Временного правительства»²⁷, но 24 и 25 октября Временное правительство пало.

Таким образом, характеризуя, опубликованную в «Записках института изучения России» статью Д.А. Лутохина как источник для рассмотрения аграрного вопроса в работе Временного правительства, следует заметить, что она представляла собой определенный взгляд из эмиграции и оценку недавно произошедших событий с точки зрения борьбы внутри Временного правительства по земельному вопросу, работу двух различных составов министерства земледелия и деятельность Главного земельного комитета.

В целом, можно утверждать, что создание различных органов — это попытка регулирования экономических процессов и разработка определенных мер сначала со стороны кадетов, а впоследствии социалистов, возглавлявших министерство земледелия. Заметим, что практика принятия решений в вопросе о земле во Временном правительстве не имела системного характера как по причине частой смены составов министерства и их взаимодействия с Временным правительством в целом, так и в отсутствии программы, которую возможно было реализовать в условиях 1917 г. Таким образом, ни один состав министерства земледелия не решил и не мог решить аграрную проблему в России в связи с острой политической борьбой и откладыванием этой жгучей проблемы до Учредительного собрания. В итоге победа в борьбе за землю осталась за большевиками, пришедшими к власти в Октябре 1917 г.

²⁷ Там же. С. 239.

М.А. Воскресенская

Н.А. БЕРДЯЕВ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ПУТЬ»

Русский эмигрантский журнал «Путь» издавался в Париже с 1925 по 1940 г. Редактировал издание Н.А. Бердяев при участии Б.П. Вышеславцева и Г.Г. Кульмана. Имена авторов в большинстве своем принадлежали кругу Серебряного века и «философского парохода»: с журналом сотрудничали С.Н. Булгаков, П.М. Бицилли, Б.К. Зайцев, В.В. Зеньковский, Л.П. Карсавин, Н.О. Лосский, А.М. Ремизов, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, Л. Шестов и др. Название журнала, равно как во многом и авторско-редакторский состав, отсылает читателя к одноименному московскому издательству начала XX в., выпускавшему религиозно-философскую литературу. Журнал также позиционировался как орган религиозно-философской мысли.

В редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции», открывавшей первый номер нового издания, формулировалась его миссия: способствовать сохранению и развитию русской духовной культуры как необходимому условию будущего возрождения России¹. Духовность трактовалась интеллектуальными силами, объединившимися вокруг этого издания, прежде всего, в православном ключе, однако журнал «Путь» не был богословским по содержанию и не являлся трибуной церкви. На его страницах представлены религиозно-философские размышления о судьбе покинутой Родины, о ее истории и культуре, современном состоянии и перспективах развития. В число наиболее обсуждаемых вопросов входил дискурс русской революции. Тон этому разговору задавал Н.А. Бердяев.

Тема революции стала одним из ведущих направлений всего философского и публицистического творчества мыслителя. На

© М. А. Воскресенская, 2012

¹ Духовные задачи русской эмиграции // Путь. 1925. № 1. С. 3–8.

протяжении нескольких десятилетий он неоднократно возвращался к осмыслению ее причин, социокультурной природы и цивилизационных последствий. Неприятие им революционного насилия и проявлений бездуховности оставалось неизменным, однако с течением времени гневный антиреволюционный пафос постепенно уступал место более взвешенным оценкам политического процесса и его участников, причем как сторонников революции, так и ее противников.

Н.А. Бердяев пытался дать объективный анализ произошедшим в России событиям. Он не был сторонником каких-то определенных политических сил, ни в каких контрреволюционных организациях не состоял, в политических заговорах против советской власти не участвовал, хотя и к сотрудничеству с новым режимом тоже не стремился. Еще находясь в России, он пришел к выводу о закономерности революции и свержения как царизма, так и буржуазии. Покинув Родину не по своей воле, продолжал выступать против реставрационных настроений монархических кругов эмиграции. Судя по многочисленным публикациям в журнале «Путь», в своих обращениях к эмигрантской среде Н.А. Бердяев неустанно подчеркивал «невозможность возврата к тому, что было до революции и войны»², «неотвратимость и неотменимость факта революции, с которой нужно начинать теперь всякую деятельность»³.

Мыслитель внутренне не принял революцию, он не разделял ее целей и идеалов. Тем не менее, ему пришлось смириться с ее бесповоротностью. Он писал: «Не признавать революцию есть словосочетание, лишенное реального смысла. Я не люблю революции и не вижу в ней самой ничего хорошего, она ужасна, отвратительна в своих образах, она есть тяжкая расплата. Но я признаю, что революция свершилась, и что после нее начинается новый период нашей истории»⁴. Философ пытался повернуть эмигрантское сознание

² Бердяев Н.А. Евразийцы // Там же. С. 134.

³ Бердяев Н.А. Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли) // Там же. 1926. № 4. С. 180.

⁴ Там же. — См. также: Бердяев Н.А. Утопический этатизм евразийцев («Евразийство. Опыт системного изложения») // Там же. 1927. № 8. С. 141.

от «дореволюционных» умонастроений к «пореволюционным»⁵, донести до собратьев по изгнанию мысль о бесплодности внешней борьбы с большевизмом. Он упорно доказывал: любое выступление «старорежимных» сил не только получит отпор со стороны Красной Армии, но и натолкнется на жесткое сопротивление всего народа, сплотит его вокруг советской власти. Народ не хочет возвращения свергнутого режима и не допустит этого: «Большевицкая власть для крестьян, для рабочих, для красноармейцев, для новой интеллигенции, порожденной революцией, превращается в охрану от призрака реставрации, от дореволюционных настроений и устремлений»⁶. Н.А. Бердяев полагал, что советская власть будет свергнута только после того, как сам народ восстанет против нее⁷.

Выступая убежденным противником политического радикализма в борьбе с большевистским режимом, Н.А. Бердяев отнюдь не проявлял лояльности к большевизму, но он принял революцию как данность, как непреложный факт. Он желал свержения коммунистической системы, но принципиально расходился с правомонархическими лидерами в представлениях о средствах борьбы с нею и о путях последующего развития страны. Н.А. Бердяев отвергал популярную в эмигрантской среде идею реставрации монархии: «Сама идея реставрации есть идея насилия и кровопролития, она не хочет считаться с органическими процессами в народной жизни, с преодолением революции изнутри, имманентно»⁸. Выступая против «абсолютизации относительных и преходящих исторических форм»⁹, он не цеплялся, в отличие от многих, за монархические идеалы. Философ справедливо утверждал: «Монархия в старом смысле стала в наши дни утопией»¹⁰. Он напоминал: «Монархия не

⁵ Бердяев Н.А. 1) Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли). С. 177; 2) Дневник философа (О духе времени и монархии) // Путь. 1927. № 6. С. 110–111.

⁶ Бердяев Н.А. Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли). С. 177.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 180.

⁹ Бердяев Н.А. Ответ на письмо монархиста // Путь. 1926. № 3. С. 142.

¹⁰ Бердяев Н.А. Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли). С. 179.

была у нас даже свергнута, она сама пала от разложения, от потери веры в нее»¹¹. Не уповал он и на монархические лозунги «спасения России»: «Никогда наши “правые” не защищали “вдов и сирот”, они предпочитали устраивать еврейские погромы»¹².

Н.А. Бердяев не считал возможным оправдывать насилие монархистов революционным насилием: «Нельзя сравнивать революцию, которая есть болезнь и разлив хаотической стихии, с монархией, которая претендует быть устойчивым порядком жизни. Более всего крови проливают революции и более всего совершают насилий, это бесспорно. Но революции не имеют нормативного характера. Насилия же, к которым склонны правые монархические партии, смертные казни, тюрьмы, преследования инаковерующих и инакомыслящих, носят характер нормативный, возводятся в закон жизни»¹³. По мнению Н.А. Бердяева, мотивы агрессивных устремлений сторонников и противников революции были общими — и теми, и другими двигали, в первую очередь, мстительные чувства: «Революция всегда есть явление мести, в ней подымаются мстители за несправедливость и угнетение прошлого, за крепостное право, за испытанную бедность, за унижение человеческого достоинства. Всякая месть духовно отвратительна и для христианина неприемлема. Но месть за революцию еще отвратительнее мести революционной, в ней мстят за утерю своего привилегированного положения, не сознавая своих грехов»¹⁴.

Призывая не идеализировать ни революцию, ни дореволюционный строй¹⁵, Н.А. Бердяев находил много общего в моральном (точнее — аморальном) облике противоборствующих сторон: «Наиболее легко преступают пределы различия между добром и злом крайние правые — монархисты и националисты, и крайние левые — коммунисты. В этом они схожи по духу, по типу»¹⁶. Мыслитель с горечью

¹¹ Там же. С. 180.

¹² Бердяев Н.А. Дневник философа (О духе времени и монархии). С. 110.

¹³ Бердяев Н.А. Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли). С. 180.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 181.

¹⁶ Бердяев Н.А. Дневник философа (О средствах и целях, о политике и морали, о политике христианской и политике гуманистической, о двух пониманиях задач эмиграции) // Путь. 1929. № 16. С. 86.

замечал, что готовность политической эмиграции использовать любые средства борьбы против советской власти мало отличается от «культурной разрушительности большевиков»¹⁷. Любые политические цели общественного движения философ считал заблуждениями. Политика, по его убеждению, сама по себе не способна коренным образом преобразовать и усовершенствовать общество. Крайности революции и контрреволюции сходились и в этом ошибочном уповании на политику: «Монархия сейчас есть рожденная ненавистью к настоящему утопия совершенного общественного строя. Она играет ту же роль, какую играл социализм в течение всего XIX в., который также был утопией совершенного социального строя»¹⁸. Не разделяя ложных политических целей, Н.А. Бердяев резонно замечает: «Если человек хочет любить только монархическую Россию, то, значит, любовь к России и к русскому народу не является у него первичной и главенствующей, им движет любовь к государству и государственной форме, а не к своей земле и своему народу»¹⁹.

Возрождение России для мыслителя было связано совсем не с возвращением дореволюционных порядков: «Главная сейчас задача есть задача духовного просветления народных слоев, всколыхнувшихся от революции, пробуждения в них религиозного и национального сознания»²⁰. Чувство разразившейся катастрофы, охватившее его после революции, сменилось настроенностью на длительную и глубокую духовную работу. Будучи религиозным мыслителем, основу цивилизационного развития России он видел в духовном преображении народа: «Русским людям нужно прививать благородное почитание творческих усилий духа, уважение к мысли, любовь к человеческому качеству»²¹.

Н.А. Бердяев настаивал на том, что важнее задумываться о содержании жизни государства и общества, чем о ее социальных формах,

¹⁷ Бердяев Н.А. Евразийцы. С. 134.

¹⁸ Бердяев Н.А. Иллюзии и реальность в психологии эмигрантской молодежи // Путь. 1928. № 14. С. 14.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же.

²¹ Бердяев Н.А. Евразийцы. С. 139.

будь то монархия или республика. По его убеждению, государственное устройство — это технический вопрос, а основополагающим является вопрос о том, «какой дух движет властью и определяет жизнь общества»²². К этой мысли он возвращался неоднократно, вновь и вновь убеждая читателя: «Важны не цели, не идеологии, а духовная основа жизни, духовные истоки жизни, по которым определяется “путь”. Не новые идеологические цели нужно ставить политике, а новые духовные основы и истоки для нее найти, то есть исходить из духовного возрождения, из нового духа жизни. Это предполагает ограничение сферы политики, недопущение ее главенства над жизнью и ее вампирического развития. Важны не новой идеологии люди, а *нового духа люди*»²³.

Под духовностью Н.А. Бердяев понимал, прежде всего, приверженность христианской истине. Исходя из этого, главной задачей эмиграции он считал не военно-политическое насильственное «низвержение революции», а ее духовное развенчание: «Нужна непримиримая духовная борьба с коммунистической идеологией, с безбожием и бесчеловечием коммунистической диктатуры, с ложью и обманом, с деморализацией и обездушиванием, но не с новой, пореволюционной рабоче-крестьянской Россией, которую свергнуть нельзя, а можно лишь просветлять и облагораживать»²⁴.

Вместе с тем мыслитель не оставлял без внимания и вопрос о материальных условиях жизни народа, понимая, что именно это явилось главным фактором революции. Вину за революцию он возлагал не только на консервативные «правые» силы и нигилистические «левые», но и на деятелей «русского духовного ренессанса». Н.А. Бердяев с горечью констатировал, что «духовная аристократия» предавалась утонченным эстетическим и интеллектуальным разговорам вместо действенных попыток изменить жизнь общества, в то время как на улицах проливалась кровь. «Утопическое упадничество» культурной элиты повлекло за собой ее отрыв от реальной жизни народа. Этот раскол показал, насколько чуждой оказалась «аристократия

²² Бердяев Н.А. Ответ на письмо монархиста // Путь. 1926. № 3. С. 144.

²³ Бердяев Н.А. Дневник философа. С. 88.

²⁴ Там же. С. 94.

духа» самым насущным проблемам общества: «Духовные течения начала XX века недостаточно понимали религиозное значение социального вопроса. Проблема “хлеба” есть не только материальная, но и духовная проблема, проблема отношения человека к человеку»²⁵. Н.А. Бердяев вынужден был признать: «Борьба за дух, за духовную жизнь и духовное творчество привела к разрыву с широким социальным движением русской интеллигенции и народных масс...»²⁶. Преодолеть этот болезненный разрыв так и не удалось.

На протяжении всего советского периода имя Н.А. Бердяева находилось в нашей стране под абсолютным запретом. Его объявляли ярким контрреволюционером и антикоммунистом. Отчасти это мнение справедливо, хотя сам мыслитель всегда стремился создать объективную картину русской революции, выявляя не только «правду и ложь коммунизма», но и истинное лицо монархизма. Штрихи к этой картине добавлялись на страницах журнала «Путь» в течение полутора десятилетий.

За границей Н.А. Бердяев постоянно подвергался нападкам со стороны праворадикалов, обвинявших его в симпатиях советской власти и даже в популяризации сталинского режима. Далеко не всегда его мысли о переменах, происходивших в послереволюционной России, встречали понимание в среде российской политической эмиграции. Одним из ярких свидетельств такого неприятия стало открытое письмо, опубликованное в парижской эмигрантской газете «Возрождение» под хлестким заглавием: «Идеологическое возвращенство». Автором письма был один из публицистов журнала «Путь» В.Н. Ильин, укрывшийся под псевдонимом П. Сазонович. Называя Н.А. Бердяева «апологетом революции», который «поставил революцию по правую сторону Христа, а всех контрреволюционеров обрек вечным мукам», он дает мыслителю убийственное определение: «Перед нами — розовый с ярко-красными переливами генерал от несомненной революции христианства»²⁷.

²⁵ Бердяев Н.А. Русский духовный ренессанс начала XX века и журнал «Путь» (К десятилетию «Пути») // Путь. 1935. № 49. С. 18.

²⁶ Там же. С. 12.

²⁷ Сазонович П. Идеологическое возвращенство // Возрождение. 1935. 2 февр.

Несмотря на бесконечное непонимание со стороны и «правых» и «левых», несмотря на определенную утопичность его религиозно-философских интерпретаций сложнейших политических процессов, размышления Н.А. Бердяева по сей день не теряют своей актуальности. Негативный опыт российского общества, уже четверть века пребывающего в состоянии духовного кризиса и ценностного вакуума, побуждает прислушаться к глубоким суждениям мыслителя.

И. Н. Слепнёв

О ПЕРВОЙ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ «ВОСПОМИНАНИЙ» С. Ю. ВИТТЕ

Мемуары Сергея Юльевича Витте были написаны им в течение 1907–1912 гг., в период после отставки с поста председателя Совета Министров. В определенном смысле эти мемуары можно назвать эмигрантскими, хотя Витте никогда не был эмигрантом. Однако по ряду причин наиболее хронологически близкую к современности часть мемуаров он вынужден был писать за границей, в Германии и Франции, и затем строжайшим образом хранить их вначале в Бельгии (в Брюсселе), а затем во Франции (в Париже и Байонне — курортном городе вблизи Биаррицы, привычного места отдыха семьи Витте).¹ Трехтомные мемуары были изданы только в 1922–1923 гг. в Берлине издательством «Слово», почти сразу же дважды переизданы в Советской России.² Классическими в настоящее время стали московское издание 1960 г. и вновь подготовленное по архивным первоисточникам петербургское издание 2003 г.³

Сведения о первой газетной публикации мемуаров С. Ю. Витте в берлинской эмигрантской газете «Руль» стали достоянием историографии благодаря публикации в 1963 г. статьи Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина, посвященной политико-публицистической полемике Витте в печати в 1907–1915 гг.⁴ В связи с этим представляется

¹ Подробнее о судьбе мемуаров см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Витте — мемуарист. СПб., 1994.

² Витте С. Ю. 1) Воспоминания. Т. 1–3. Берлин, 1922–1923; 2) Воспоминания. Т. 1–3. М.; Пг., 1923–1924; 3) Воспоминания. 2-е изд. Т. 1–2. Л., 1924. — С тех пор мемуары многократно переиздавались. Однотомное англоязычное издание появилось несколько ранее первого русскоязычного (берлинского) издания.

³ Витте С. Ю. 1) Воспоминания. Т. 1–3. М., 1960; 2) Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. [В 2 т., 3 кн.]. СПб., 2003.

⁴ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии

актуальным подробнее остановиться на том, в какой исторической обстановке появилась первая газетная публикация мемуаров, и характеристике комплекса обстоятельств, способствовавших ее появлению. Почему именно эмигрантская газета кадетского направления стала своеобразной трибуной для публикации мемуаров? И, наконец, какое данная публикация имела значение для издания самой газеты и как повлияла на дальнейшую судьбу мемуаров?

Первый номер газеты «Руль» вышел 16 ноября 1920 г. в переломный момент в истории белого движения и российской эмиграции, когда были прорваны перекопские укрепления и войска Врангеля готовились к эвакуации из Крыма по морю. Издателями газеты выступил талантливый триумвират в составе юриста и издателя И. В. Гессена, профессора, специалиста по торгово-промышленному праву и одновременно практика-предпринимателя А. И. Каминки и В. Д. Набокова — выходца из семьи, принадлежавшей к слою высшей российской бюрократической элиты, министра юстиции в период краткого существования Крымского краевого правительства. Представляется, что личности соредкторов газеты, скромно обозначенных в качестве «участующих в издании», как нельзя лучше подходили для решения насущной задачи адаптации военно-мобилизационного, непримиримо настроенного к врагам сознания русской эмиграции к новым реалиям, складывающимся после завершения мировой войны и постепенного угасания гражданской войны на территории бывшей Российской империи. В условиях, когда во весь рост встали задачи государственного строительства и восстановления разрушенных в годы войн и революций мирохозяйственных связей, эти люди оптимально сочетали в себе преемственность старого и нового, еще только начинавшего формироваться мироустройства.

Связь с С. Ю. Витте будущих соредкторов «Руля» А. И. Каминки и И. В. Гессена уходит по меньшей мере на полтора десятилетия назад,

и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 298–374. — Статья до сих пор не утратила своего научного значения, о чем свидетельствует факт независимой публикации ее на сайте Отделения ГПНТБ СО РАН (электронный адрес: <http://www.prometeus.nsc.ru>). Статистика сайта зафиксировала на конец 2011 г. более десяти тысяч посещений странички со статьей пользователями сети Интернет).

в 1904 г. — ко времени публикации аналитического двухтомного издания «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности».⁵ Известно и о более тесных контактах И. В. Гессена с С. Ю. Витте, который использовал его как профессионала-правоведа, способного грамотно описать и по достоинству оценить роль Манифеста 17 октября в российской истории. В своих воспоминаниях Гессен приводит факт знакомства с мемуарами Витте в 1910 г. при встрече с ним во французском курортном городе Биаррице.⁶

В период гражданской войны И. В. Гессен эмигрировал в Финляндию, где в 1920 г. получил предложение от крупного немецкого издательского дома «Ульшштейн и К^о» заняться издательским делом — организовать русскоязычные издательство и газету. Решение было дальновидным и коммерчески просчитанным. В начале 1920-х гг. в Берлине осела значительная масса эмигрантов из охваченной пламенем гражданской войны России. Германская столица стремительно превратилась в эпицентр небывалого расцвета русскоязычных книгоиздания и прессы. В значительной степени успеху издательского дела способствовали свирепствовавшая в это время в Германии гиперинфляция и «легкость», по выражению И. В. Гессена, добывания средств в эмигрантской среде.

Воспоминания Витте всплыли из небытия в начале 1920 г., совпав по времени с периодом организации издательства «Слово» и газеты «Руль». Во время поездки в Данию Гессену во второй раз довелось соприкоснуться с мемуарным наследием С. Ю. Витте при встрече в Копенгагене с его вдовой, графиней М. И. Витте. Встреча произошла, по словам И. В. Гессена, спустя пять лет после смерти графа Витте.⁷ Из Парижа графине «только что» были переданы от В. А. Маклакова «несколько десятков хранившихся там в сейфе тетрадей» с записями мемуаров. В разговоре с графиней речь шла о возможности публикации сенсационных мемуаров в Америке.⁸

⁵ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности работало под председательством С. Ю. Витте в 1902–1905 гг.

⁶ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 19.

⁷ То есть ориентировочно не ранее февраля 1920 г.

⁸ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. С. 18–19.

Идея газетной публикации мемуаров возникла не случайно. По мере того, как удалялся по времени период Первой мировой войны и революций, усиливался интерес к событиям и персоналиям минувшей эпохи. Неутолимый интерес к событиям недавнего прошлого, перевернувшим жизнь миллионов людей, выживших в огне мировой и гражданской войн, отражался в ежедневных выпусках газеты «Руль».

Уже во втором номере газеты (17 ноября 1920 г.) было опубликовано сообщение из Копенгагена о предстоящей вскоре публикации мемуаров бывшего российского министра иностранных дел А. П. Извольского. 12 декабря 1920 г. (№ 23) в «Руле» появилось сообщение из Рима о том, что «Le Temps» начал печатать подробные извлечения из третьего тома «Мыслей и воспоминаний» О. Бисмарка, публикация которого в Германии была запрещена судебным решением. В этом же номере была напечатана библиографическая статья Владимира Набокова о публикации писем Вильгельма II к Николаю II. В различных выпусках газеты неизменно мелькали сообщения о всех наиболее заметных изданиях переписки и мемуаров военных и государственных деятелей различных стран: переписки Николая II и Александры Федоровны, мемуаров главы германского генерального штаба Э. Людендорфа, министра иностранных дел Австро-Венгерской империи О. Чернина и др.

Не прошло и месяца с начала выпуска газеты, как в номере за 8 декабря 1920 г. (№ 19) было опубликовано краткое сообщение о том, что издательство «Слово» получило из Америки мемуары графа Витте. Данное известие публиковалось экстренно, так как речь шла о событиях предшествовавшего дня. В нем говорилось, что мемуары были приобретены издательством «Слово» и подготовлены в настоящее время к изданию. В сообщении упоминались 17 «внушительных тетрадей», содержащих сделанные под диктовку графа Витте не только воспоминания о его государственной деятельности, но и личные автобиографические сведения. «Кроме того, — сообщалось далее, — 9 тетрадей переписаны с его собственной рукописи и содержат его соображения о положении России, характеристику русских государственных деятелей, государей, при коих он служил, различных общественных деятелей, с которыми он встречался, и т. д.»

«Человек выдающегося практического ума, тонкий наблюдатель, граф Витте в течение нескольких десятков лет стоял на вершинах государственного управления России и несколько раз в наиболее критические моменты играл решающую роль в судьбах страны» — так выглядела характеристика личности Витте, отрывки из воспоминаний которого предполагалось представить в ближайшее время читателям «Руля».

Первоначально выбор публикаторов пал на сюжеты о российской императорской чете Николае II и Александре Федоровне и германском императоре Вильгельме II. Причем явно бросалось в глаза критичное отношение к императорским особам из ушедшего в небытие прошлого. Сарказм и ирония сквозят в названиях некоторых подразделов опубликованного в номерах от 6 и 7 января (24 и 25 декабря 1920 г.) 1921 г. сюжета «Император Вильгельм II»: «Суетливость», «Адмиральский мундир», «Соревнование», «Роминтен», «Заискивание и домогательство», «Беседа с Вильгельмом», «Домашний быт», «Проводы», «Сюрприз», «Условия Николая II».

Учитывая круг интересов соредакторов, закономерна публикация в числе первых сюжетов главы «Манифест 17 октября» (номер от 1 января (19 декабря 1920 г.) 1921 г.). Публикация имела 10 подразделов («Развитие событий», «Записка С. Ю. Витте», «Приглашение к царю», «Положение в Петербурге», «Поручение», «Обсуждение Манифеста», «Борьба», «Подписание манифеста», «Недовольство графом Витте», «Серафим Саровский»). В конце публикации как бы в знак подтверждения подлинности публикуемых мемуаров была воспроизведена подпись графа Витте.

При знакомстве с газетной версией мемуаров обращает на себя внимание следующая особенность: повествование о принятии Манифеста 17 октября ведется и от лица Витте, и от третьего лица. Если в первых двух подразделах («Развитие событий» и «Записка С. Ю. Витте») повествуется от первого лица, то начиная с подраздела «Приглашение к царю» мы читаем мемуары Витте, изложенные в третьем лице: «На другой день 10-го октября в три часа дня граф Витте имел счастье явиться к Его Величеству...»; «В течение 12 и 13 октября граф Витте не имел никаких сведений из Петергофа...»; «15-го октября утром граф Витте вновь отправился в Петергоф...»

и т. д. и т. п. С раздела «Недовольство графом Витте» изложение вновь ведется от первого лица.

При выявлении этой особенности газетной публикации мемуаров сразу возникает вопрос, *зачем* потребовалось переиначивать «Воспоминания», тратить дополнительно время и труд на изложение мемуаров в третьем лице? Ведь сами по себе любые мемуары предполагают прямую речь от лица мемуариста. А публикация подлинных мемуаров графа Витте представляла, безусловно, для читателей газеты материал сенсационного характера.

Очевидно, не требует доказательства тот факт, что Витте не писал свои мемуары в третьем лице, в каком виде они кусками опубликованы в «Руле». Данная странность газетной версии текста становится объяснимой, если вспомнить о встрече С. Ю. Витте с И. В. Гессеном в Биаррице, во время которой и произошло первое знакомство Гессена с мемуарами Витте. По-видимому, в газете была опубликована сохранившаяся у Гессена запись цельного фрагмента сюжета о подготовке и принятии Манифеста 17 октября (6 подразделов: от «Приглашение к царю» до «Подписание манифеста»). Вместе с тем эта публикация, на наш взгляд, является дополнительным аргументом в пользу высказанного в 1963 г. мнения Б. В. Ананьича и Р. Ш. Ганелина о том, что мемуары во время публикации в газете не были полностью готовы к изданию, и в противоположность тому, что утверждалось при их анонсировании в номере за 8 декабря 1920 г.

Работа по подготовке мемуаров к печати была весьма трудоемкой и требовала значительного времени. Наиболее актуальные, свежие для того времени сюжеты воспоминаний писались Витте за границей и входили не в стенографические диктовки воспоминаний, а в собственноручные записи Витте, выполненные его весьма непростым для чтения почерком. По-видимому, в интересах оперативности газетной публикации Гессен и решил воспользоваться своим конспектом, сделанным во время чтения ему самим Витте главы мемуаров о Манифесте 17 октября, дополнив его отрывками из расшифрованной рукописи «Воспоминаний». Эти дополнения легко выделяются по повествованию в первом лице.

В связи с тем, что публикация мемуаров в «Руле» — первая на русском языке, требует внимания характеристика общественно-

политической направленности газеты и исторической обстановки, в которой они публиковались. Достаточно исчерпывающая информация содержится в передовой статье самого первого номера, вышедшего 16 ноября 1920 г.

В качестве первоочередной задачи газеты авторы передовицы И. В. Гессен и В. Д. Набоков видели участие в объединении свободной русской печати на антибольшевистской позиции, «любви к родине и неистребимой веры в ее грядущее освобождение и возрождение». Определялась преемственность с дореволюционными кадетами, которые, с одной стороны, «в течение почти полутора десятка лет вели борьбу против бесправия одних и деспотизма других, против псевдо-патриотической фальши, прикрывавшей алчные крепостнические аппетиты господствующего владельческо-бюрократического класса». С другой стороны, подчеркивалось, что кадетское движение выступало «против разрушительных лозунгов бланкизма и утопий марксизма, явившихся духовным источником русского большевизма и с самого начала подорвавших дело русской революции». Вместе с тем перед лицом свершившегося факта революции и в рамках ответственности за разрушительные революционные события говорилось о том, что именно это направление «употребило все силы для удержания и укрепления подлинных завоеваний революции: политического и социального раскрепощения, создавшей основы широкой демократии и коренных социальных преобразований».

Подчеркивая объективность нового издания, авторы передовицы утверждали, что партийное прошлое не предопределяет характер газеты. Тем не менее в передовице заявлялось: «Мы остаемся на платформе партии народной свободы, мы по-прежнему считаем, что ей предстоит роль в воссозданном русском государстве, что основные принципы ее идеологии и политического мирозерцания, на которых мы непреклонно стоим, выйдут из переживаемых испытаний обновленными и укрепленными».

Социально-политическая платформа газеты определялась следующей формулой: «В области политики — демократический либерализм, а в области социальной — радикальный реформизм». При этом еще раз делался акцент на том, что данная платформа никогда не была близка революционному направлению. Безусловно, это

было весьма важное заявление в условиях остроты постановки вопроса в эмигрантской среде о степени виновности оппонентов самодержавия в развязывании революционных событий.

Глубокий гражданский пафос звучал в словах передовицы: «Мы не собираемся ни обвинять других, ни оправдывать себя. Роковым ходом событий мы лишь вынуждены поднять оборванную нить и в новых условиях, на новой почве опять начать все ту же борьбу за политическую свободу — против нового насильника, уже три года калечащего русскую жизнь». Громко звучала декларация убежденности в невозможности эволюции большевизма и какого-либо с ним компромисса, невозможности «восстановления России при существовании советской власти, поскольку «каждый день хозяйничанья этой власти продолжает и довершает дело разрушения России, ее культурных и хозяйственных ценностей». Большевизм расценивался как «уродливый и болезненный результат старых ошибок власти и господствовавших классов, — результат, достигнутый благодаря потрясениям великой войны».

В разделе «Проповедь гражданского мира» говорилось об ошибочности представлений о возможности «прекращения вооруженной борьбы с большевиками и возвращения к мирному труду». Такая позиция характеризовалась как печальное и опасное в государственном отношении явление, не учитывающее конкретные условия, подобно проповеди непротивления злу насилием в 80-х гг. XIX в., которая являлась «симптомом охватившей общество реакции». Вместе с тем в передовице говорилось о необходимости борьбы против догматизма, против попыток «замкнуть живую политическую мысль» строго в рамках партийной «программы» и «тактики». Читателей заверяли, что этой ошибки соседей справа и слева в газете «постараются избежать».

Одним из самых острых вопросов в новых условиях эмиграции оставался вопрос об отношении к Советской России. Несмотря на ярко выраженную антибольшевистскую направленность передовицы, в ней отмечалась прямая угроза «полного разложения социальных и государственных связей» в условиях распространения «атаманщины», стихийных восстаний даже в центральных областях советской России. Проповедь усиления гражданской войны в таких

условиях объявлялась неуместной и особенно опасной в момент, «когда все внимание и все заботы должны сосредоточиться на подготовке государственного аппарата и предупреждении распыленной анархии, которая подорвет связь не только между отдельными частями, но и отдельными губерниями и уездами России».

Газета не могла не признавать складывавшиеся политические реалии. В номере от 24 ноября 1920 г. констатировалось, что «Активная борьба против русского большевизма — практически сейчас безнадежный лозунг». Страницы газеты пестрели сообщениями о попытках советской России налаживания торгово-экономических отношений с Англией и Германией, о культурных миссиях М. Горького и А. Луначарского. Выходили критические статьи В. Набокова по материалам публикаций английского фантаста Г. Уэльса в «Sunday Express» о его поездке в Советскую Россию. Регулярно печатались статьи А. И. Каминки о концессиях в советской России.

В новогодней передовице, озаглавленной «Итоги и перспективы» (номер от 1 января (19 дек 1920 г.) 1921 г.), говорилось о том, что на фоне разрухи, вызванной ужасающей пятилетней войной, с сопутствовавшей ей жуткой инфляцией, безработицей, нехваткой продовольствия и товаров, забастовками, напряженностью в международных отношениях — «в центре внимания и вождения становится несчастная разоренная Россия. Поскольку ощущается недостаток в продуктах, с каждым днем дорожающих, постольку глазам рисуются богатейший рынок сырья, какой всегда представляла Россия».

Газета подводила горький итог несбывшимся надеждам эмиграции на скорое крушение большевизма: «Когда в октябре 1917 г., вопреки желанию многих большевиков, им удалось захватить валяющуюся беспризорно власть, не было ни одного человека, который не был бы уверен, что они могут продержаться не более двух-трех недель. И затем сколько раз казалось и предсказывалось, что не сегодня-завтра им придет верный конец, все пророчества оказывались неверными. И сейчас, после последнего крушения Врангеля, опадении большевиков, так сказать, говорить не принято, неловко, нужно считаться с ними, как со всяким существующим правительством». Далее следовали штатные заявления о неизбежности краха большевизма. На фоне сделанной констатации эти заявления напоминали

скорее формальную дань изначально установленной позиции. Следовательно, можно сделать вывод, что непримиримый антибольшевизм газеты играл и своего рода роль стандартного клише, призванного способствовать удержанию в орбите влияния газеты непримиримо настроенной к советской власти части подписчиков и читателей.

Вследствие жесткой антисоветской риторики газета заслужила в Советской России репутацию «злой». В этом отношении она не вписывалась в процессы нормализации политических и торгово-экономических отношений между Советской Россией и Веймарской Германией. Поэтому руководство «Руля» вынуждено было дистанцироваться от придерживавшегося официальной линии на улучшение германско-российских отношений издательства Ульштейнов — предприятия, выступавшего в качестве юридической, экономической и информационной основы газеты.

Столь обширное отступление от темы публикации мемуаров Витте оправдано необходимостью подробнее обрисовать историческую обстановку, выяснить, что в мемуарах С. Ю. Витте оказалось созвучно текущему моменту. На наш взгляд, одним из значимых обстоятельств явилось то, что тональность мемуаров государственника Витте соответствовала процессу воссоздания новых властных структур в послевоенных государствах, пришедших на смену рухнувших имперских режимов. Выстраивались новые межгосударственные отношения, требовавшие внутренней и внешней стабильности, которая была возможна при условии легитимации действующих властей.

Жанр публикации в периодической печати в отношении мемуаров Витте оказался довольно благосклонен. Трудно назвать еще какие-либо мемуары государственного деятеля, которые столь же охотно публиковались и до настоящего времени продолжают публиковаться в периодической печати. Такой интерес обусловлен тем, что С. Ю. Витте являлся непосредственным участником, а нередко и одним из главных действующих лиц ряда судьбоносных событий русской истории. Он был одним из ведущих идеологов и непосредственным проводником политики модернизации России. На его счету заключение Портсмутского мира в русско-японской

войне. Витте председательствовал во вновь образованном Совете Министров в начальный период первой русской революции. Ему принадлежит заслуга подготовки и принятия Манифеста 17 октября 1905 г. В его мемуарах отражены интереснейшие подробности работы различных российских ведомств, в частности, министерства путей сообщения и министерства финансов, а также даны характеристики многим известным современникам Витте.

Не без оснований можно предполагать, что определенную роль в успешном начале десятилетнего пути «Руля» должна была сыграть и сыграла публикация в конце 1920 — начале 1921 г. отрывков из мемуаров С. Ю. Витте. Изначально положительно восприняв идею создания издательства «Слово», И. В. Гессен скептически отнесся к предложению участвовать в организации издания газеты. Более того, он вспоминал, что с его стороны «не только не проявилось никакой инициативы, но оказано было даже упорное противодействие».⁹ Причинами было, во-первых, сомнение в принципиальной возможности работы в Берлине бывшего «редактора “Речи”, до конца не перестававшей настаивать, чтобы Германия была разбита».¹⁰ Во-вторых, не придавало энтузиазма нежелание выносить сор из «эмигрантской избы» вследствие разногласий относительно способов и форм борьбы. Кроме того, по признанию Гессена, его подсознательно угнетало «ощущение деградации в смене крупного петербургского органа печати, каковым была “Речь”, интересовавшая и европейское общественное мнение, на скромный беженский листок».¹¹ Впрочем, по свидетельству современника, «Руль» с первого номера перенял внешние атрибуты «Речи». Размах же освещаемых в «Руле» событий не шел ни в какое сравнение с масштабами «скромного беженского листка», газета явно входила в число лидирующих среди органов эмигрантской прессы.

Своих читателей издатели видели среди самых широких эмигрантских слоев с самыми разными политическими взглядами и убеждениями. «Богатые и бедные, старые и юные, политические

⁹ Там же. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Там же. С. 115.

деятели и просто обыватели, правые и левые, профессора, писатели, врачи, артисты, студенты, купцы, рабочие» — перечисляли предполагаемый «читательский электорат» в передовице первого номера газеты И. В. Гессен и В. Д. Набоков.

По признанию И. В. Гессена, секрет успеха периодического подписного издания ему открыл при основании в 1898 г. газеты «Право» опытный редактор — издатель «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич. Он наставлял: «Если подписка на Новый год дает увеличение хотя бы на один экземпляр, смело продолжайте. Но если число подписчиков даже на одну только единицу уменьшится, немедленно ликвидируйте».¹² Публикация мемуаров, имевших в определенной мере сенсационный характер, без сомнения, одной из целей имела увеличение числа подписчиков «Руля».

Тираж газеты быстро набирал обороты, в лучшие времена достигая нескольких тысяч экземпляров. Сеть распространения газеты в короткое время охватила около 30 стран, в том числе почти всю Западную и Восточную Европу, страны Балтии, Америку и Палестину. Гессен впоследствии вспоминал: «Газету выписывали буквально во все части света, и проникала она в такие места... [в которых] совершенно загадочным казалось присутствие... соотечественника, испытывающего потребность в русской газете».¹³

Таким образом, публикация в «Руле» стимулировала интерес к «Воспоминаниям» С. Ю. Витте как среди широких слоев русской эмиграции в разных странах мира, так и в советской России, способствуя их распространению и переизданиям с той или иной степенью полноты.

¹² Там же. С. 39.

¹³ Там же. С. 139.

А.А. Дудина

«СКАНДИНАВСКИЙ ЛИСТОК», ЕГО РЕДАКТОРЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛЛЕКТИВА СОТРУДНИКОВ ГАЗЕТЫ

Возникновение периодических изданий русского зарубежья обычно связывают с послереволюционной русской эмиграцией. Действительно, до начала 20-х годов XX в. очень сложно найти русские издания, печатавшиеся в какой-либо из зарубежных стран. В этом отношении исключением является Швеция. Следствием малочисленности¹ колонии русских послереволюционных эмигрантов в этой стране стало то, что ими не было создано практически ни одного значительного периодического издания². В то же время до революции — в годы Первой мировой войны — в Стокгольме издавалась торгово-промышленная газета «Скандинавский листок». Это издание сумело продержаться почти четыре года (с апреля 1915 по декабрь 1918 г.³) и, по мнению исследователей, стало важным фактором в налаживании товарообмена между Россией и Швецией в этот непростой период⁴.

© А. А. Дудина, 2012

¹ Hammar T. Sverige åt svenskarna: Invandringspolitik och asylrätt 1900–1932. Stockholm, 1964. S. 252–252.

² После революции в Швеции издавались всего два русских периодических издания. Газета «Русский курьер» была органом эмигрантской организации «Союз рабочей интеллигенции» (Hammar T. Sverige åt svenskarna... S. 254), а газета «Эхо России» была органом заговорщической организации «Белый крест», которая в 1919 г. осуществила ряд покушений на большевиков, находившихся в Швеции (Lundberg S. Ryssligan: Flyktningarna från öst och morderna i Bollstanäs 1919. Lund: Nordic Academic Press, 2004. S. 29–47). Обе газеты издавались крайне непродолжительное время.

³ Bibliografisk beskrivning för SKANDINAWSKIJ LISTOK (1915): Svenska dagstidningar 1900–2009 // Nya Lundstedt, tidningar i Kungl. biblioteket — Sveriges nationalbibliotek: [Электронный документ] (http://tidning.kb.se/nld/ny/tidning_all.asp?tidnid=1981). Проверено 05.03.2012.

⁴ Новикова И.Н. Торгово-промышленная газета «Скандинавский листок» как источник для изучения российско-шведских экономических отношений периода

А.А. Дудина. «Скандинавский листок», его редакторы и деятельность коллектива со-

Газета не только активно пропагандировала идею экономического сближения между странами, но и всячески способствовала этому, печатая на своих страницах всю ту информацию, которая могла бы пригодиться русскому коммерсанту и нехватка которой ощущалась в то время. В этом отношении «Скандинавский листок» анализировался как источник по истории русско-шведских⁵ и экономических⁶ отношений в годы Первой мировой войны. Однако судьбы редакторов этой интереснейшей газеты, деятельность редакторско-издательского коллектива, а также сотрудничество с газетой крупнейших шведских ученых того времени еще ни разу не рассматривались в научных публикациях. Между тем эти темы заслуживают особого внимания, так как помогают лучше понять специфику данного издания. Поэтому целью данной статьи является рассмотрение различных начинаний коллектива «Скандинавского листка», а также раскрытие биографий его создателей.

Деятельность коллектива «Скандинавского листка», непосредственно не связанную с изданием газеты, условно можно разделить на три направления — справочную, издательскую и просветительскую.

Справочная деятельность. Материалы, печатавшиеся в газете, были очень разнообразны и содержали много практической информации. Однако ни объем, ни слишком разные интересы читателей не позволяли опубликовать всего; к тому же сложно было каждый раз предугадать, какая именно информация в данный момент будет необходима тому или иному коммерсанту. Поэтому редакция давала различные справки в ответ на запросы, которые поступали к ним в большом количестве⁷. Только за первый год существования газеты редакцией было получено более 1200 писем. В основном это были за-

Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Девятой ежегодной Международной научной конференции (10–11 апреля 2007 г.) / Под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2008. С. 235–249.

⁵ Там же.

⁶ Дудина А. Газета «Скандинавский листок» как источник истории экономических отношений в годы Первой мировой войны // Историография и источниковедение отечественной истории: Сб. науч. статей (Вып. 6). СПб., 2011. С. 304–311.

⁷ Стокгольм, 4 января // Скандинавский листок. 1916. № 112. С. 2.

просы из России — о наличии товаров, о фирмах, запрещениях вывоза и ввоза и т. п. Редакция заявляла, что отвечала на них по мере сил, а в начале 1916 г. в газете был даже введен особый отдел — «Почтовый ящик»⁸. Впоследствии подписчики «Скандинавского листка» могли также обращаться в редакцию за различными справками и советами по «вопросам, связанным с русско-скандинавским товарообменом»⁹, а в 1917 г. при редакции газеты был даже открыт особый справочный отдел, который не только предоставлял различные справки и указания, например, о ситуации на скандинавском рынке или о запрещенных к вывозу товарах, но и помогал русским фирмам, «желающим получить представительство» шведских товаров: интересующиеся «благоволят обращаться в Справочный отдел “Скандинавского Листка”, где сосредоточены запросы шведских экспортеров»¹⁰.

Издательская деятельность. Считая, что выпуск одной газеты недостаточно, издательским коллективом было создано несколько отдельных изданий. Первым из них стал справочник «Вся Швеция», предназначенный в основном для русских торгово-промышленных кругов. Выпуск его планировался сначала на январь¹¹, но потом был перенесен на февраль 1916 г.¹² В основном справочник рассылался заранее на него подписавшимся, а оставшееся небольшое количество экземпляров можно было приобрести в редакции газеты, а также в крупных магазинах Стокгольма¹³. К апрелю 1916 г. почти весь тираж разошелся, и в скором времени планировался выпуск второго издания¹⁴. Справочник рекламировался как торгово-промышленный указатель и справочная книга, а также «настолярная книга экспортеров и импортеров»¹⁵. В сентябре 1916 г. печатался и в скором времени должен был выйти в свет очерк «Стокгольм и окрестности»¹⁶.

⁸ 1915 — 1 апреля — 1916 // Там же. № 148. С. 3.

⁹ Скандинавский листок. 1916. № 143; 146.

¹⁰ Там же. 1917. № 275. С. 3.

¹¹ Там же. 1916. № 112. С. 4.

¹² Там же. № 124.

¹³ Там же. № 138.

¹⁴ 1915 — 1 апреля — 1916. С. 3.

¹⁵ Скандинавский листок. 1916. № 138.

¹⁶ Там же. № 213.

Другим справочным изданием, связанным со «Скандинавским листком», был торгово-промышленный календарь «Скандинавия». Он был создан под редакцией И. Г. Лурье (редактора газеты) и к весне 1918 г. выходил уже третьим изданием¹⁷ — на 1918 г. он должен был выйти примерно в апреле, при этом «значительно дополненным и расширенным в сравнении с прошлыми изданиями»¹⁸. К тому времени первые два издания были уже распроданы, а на третье была массовая предварительная подписка¹⁹. Очевидно, потребность в таком справочнике была велика.

В 1918 г. редакция предполагала начать издание на шведском языке журнала «Варяг» — в первую очередь для лучшего ознакомления шведского общества с Россией. По замыслу, журнал должен был стать по крайней мере ежемесячным²⁰. «На страницах “Варяга” мы будем знакомить читателя с различными областями русской жизни, как промышленными, так и общественными. (...) В данном отношении редакция, кроме своих специальных корреспондентов в России, имеет возможность получать непосредственно материал, в виде статей, от самых выдающихся представителей науки и финансового мира»²¹. Предполагалось, что в журнале «примут участие виднейшие русские и шведские экономисты, общественные деятели, знатоки финансового права»²². Редакция «Варяга», равно как и главный редактор, должны были быть теми же, что и у «Скандинавского листка»²³. К сожалению, никаких подтверждений того, что журнал реально издавался, найти не удалось. Возможно, этот проект так и остался только очередной идеей редакции.

Упоминалось и о подготовке к изданию ряда торгово-промышленных изданий и книг на шведском и русском языках, «цель которых содействовать не только экономическому, но и культурному

¹⁷ 2 марта 1918 г. // Скандинавский листок. 1918. № 365-6. С. 2.

¹⁸ 6 апреля 1918 г. // Там же. № 375-76. С. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ 2 февраля 1918 г. // Там же. 1918. № 358. С. 2; № 360. С. 3.

²¹ Там же // Скандинавский листок. 1918. № 358. С. 2.

²² Там же. № 360. С. 3.

²³ Там же.

сближению соседних государств»²⁴. Конкретных изданий пока не называется, однако можно предположить, что одним из них была найденная в каталоге Королевской библиотеки (Kungliga biblioteket) г. Стокгольма книга «Den stora ryska revolutionen 1917»²⁵. В качестве издательства книги указано «Издательство Скандинавского листка» («Skandinaviskij listoks forlaget») ²⁶. Автором книги (предположительно, мемуаров) был Константин Михайлович Оберучев, полковник, революционный деятель, впоследствии — эмигрант²⁷. Также одним из новых планов было издание учебных пособий по русскому языку для собиравшихся его изучать шведов, ведь в них в то время чувствовался «огромный недостаток»²⁸.

Просветительская деятельность. Одним из наиболее интересных начинаний коллектива издателей «Скандинавского листка» была организация ряда различных лекций. Предположительно они начались в июне 1917 г. Первая из упоминаемых в газете лекций на тему «Перспективы шведско-русских торговых отношений» состоялась в пятницу 1-го июня в помещении Академии наук и была организована правлением акционерного общества «Шведская Экспортная и промышленная выставка». Читал ее И. Г. Лурье, редактор «Скандинавского листка»²⁹.

Впрочем, тогда это начинание, видимо, не имело продолжения, так как только в начале 1918 г. редакция заявила именно о цикле публичных лекций, первая из которых должна была состояться

²⁴ 6 апреля 1918 г. // Там же. № 375-76. С. 2.

²⁵ Русское название указано как «В дни революции»; более дословный перевод со шведского — «Великая русская революция 1917 г.».

²⁶ Regina // Kungliga biblioteket: [Электронный документ] (http://www.kb.se/soka/kataloger/regina?func=find-b&request=000535229&find_code=SYS&local_base=KBS01). Проверено 05.03.2012.

²⁷ Оберучев Константин Михайлович: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.). Путеводитель. Т. 5. 2001 // Архивы России: [Электронный документ] (http://guides.rusarchives.ru/browse/gbfond.html?bid=204&fund_id=708017). Проверено 05.03.2012.

²⁸ 2 февраля 1918 г. // Скандинавский листок. 1918. № 358. С. 2.

²⁹ Перспективы шведско-русских торговых отношений // Там же. 1917. № 288. С. 3.

26 января. Свое новое начинание авторы объясняли усилившимся интересом Швеции к России: «Целый ряд книг и брошюр, а также не сходящие с газетных столбцов статьи о России свидетельствуют, что потребность ознакомления с различными областями русской жизни в Швеции растет с каждым днем»³⁰. Желая способствовать русско-скандинавским отношениям не только посредством издания печатного органа, но и «живым словом», редакция и решила организовать в Швеции целую серию публичных лекций. Первую из них должен бы читать в скором времени ставший редактором «Скандинавского листка» доктор Г. Г. Александров, как уже упоминалось, недавно вернувшийся в Швецию после трехмесячного пребывания в России. Лекция была заявлена как «Впечатления от поездки по теперешней России»³¹.

В феврале редакция сообщала, что «“Скандинавский Листок”, как известно уже нашим читателям, организовал ряд публичных лекций и тем самым сделал шаг вперед для основания русско-шведского общества, потребность в котором ощущалась уже давно»³². В апреле 1918 г. предполагалось, что это общество будет основано в самом скором времени³³. На весну 1918 г. были запланированы три лекции³⁴. Славист и «знаток истории русской культуры» Альфред Йенсен должен был читать лекцию «Петр Великий и его время» (на шведском языке) — она была запланирована на первую половину апреля. На вторую половину апреля была назначена лекция известного историка и археолога Туре Арне, «создавшего новую теорию варяжского периода истории» — «Шведско-русские сношения тысячу лет тому назад» (на русском языке — что было особо подчеркнуто в газете). Сообщалось, что обе лекции «будут богато иллюстрированы картинами волшебного фонаря». Последняя лекция серии — «Промышленность Великороссии до войны» была отнесена на май, и читать ее должен был уже вступивший в должность

³⁰ 23 января 1918 г. // Там же. 1918. № 355. С. 1.

³¹ Там же.

³² 2 февраля 1918 г. // Там же. № 358. С. 2.

³³ 6 апреля 1918 г. // Там же. № 375-76. С. 2.

³⁴ Лекции «Скандинавского листка» // Там же.

редактора «Скандинавского листка» доктор Г. Александров. Очевидно, первые две из них состоялись, так как объявленная в газете лекция Туре Арне была заявлена как третья (правда, случилось это только 16 мая, вместо второй половины апреля)³⁵.

Сотрудничество шведских ученых со «Скандинавским листком» — Туре Арне, Альфред Енсен и др. В феврале 1918 г. редакцией было заявлено, что сотрудничать с газетой дали свое согласие «известные знатоки» России — «профессор И. А. Лундель», «доктор философии Альфред Енсен», «доктор философии лектор Р. Экблум», «доктор Антон Карлгрэн», «доктор философии ученый-археолог Туре Арне»³⁶. Стоит отметить, что это были действительно очень крупные ученые, хорошо известные в Швеции и в настоящее время и часто цитируемые в современных исторических работах.

Так, уже упоминавшийся в связи с лекциями историк-славист Туре Арне³⁷ является автором многочисленных исторических трудов по истории России, в том числе очень известной работы «Det stora Svitsjod. Essayer om gångna tidens svensk-ryska kulturförbindelserna», охватывающей различные сюжеты в истории русско-шведских отношений — от колоний викингов в России до связей Карла Линнея с Академией наук Российской империи³⁸. Именно эта книга (отметим, что в то время только-только вышедшая из печати) даже рекламировалась в «Скандинавском листке» (в вольном переводе редакции «Из истории русско-шведских сношений»)³⁹.

Альфред Енсен, второй из ученых, принимавших участие в публичных лекциях «Скандинавского листка», — известный славист и переводчик русской классики⁴⁰, «делом жизни которого было ознакомление

³⁵ Скандинавский листок. 1918. № 386.

³⁶ 2 февраля 1918 г. // Там же. № 358. С. 2.

³⁷ Подробнее о нем см.: Arne, Ture Johnsson // Nordisk Familjebok: Konversationslexikon och realencyklopedi: Uggleupplagan, 1904–1926. Bd. 34. Stockholm, 1922. S. 294.

³⁸ Arne T. Det stora Svitsjod: Essayer om gångna tidens svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm: Geber, 1917.

³⁹ Скандинавский листок. 1918. № 359. С. 3.

⁴⁰ Jensen Alfred Anton // Nordisk Familjebok: Konversationslexikon och realencyklopedi: Uggleupplagan, 1904–1926. Bd. 12. Stockholm, 1910. S. 1347–1348. —

шведов с современной ему славянской художественной литературой», был также советником Нобелевского комитета⁴¹. Любопытно, что именно он взял на себя труд перевести напечатанную издательством «Скандинавского листка» книгу полковника Оберучева⁴².

Видным славистом был также и Рихард Экблум, профессор славянских языков Упсальского университета, занимавшийся, в частности, русско-скандинавскими языковыми контактами⁴³ и впоследствии ставший «одним из столпов шведской славистики»⁴⁴. Славяноведом был и преподавателем Упсальского университета был и И.А. Лундель⁴⁵.

Отчасти славистом был и Антон Карлгрэн — в 1923–1953 гг. он занимал должность профессора славянской филологии в Копенгагенском университете⁴⁶. Однако большую известность впоследствии он получил как журналист и исследователь современной ему советской истории. «Он был большим авторитетом по вопросам, касавшимся всего того, что было связано с Советским Союзом в 1920-х годах» («...store svenske auktoriteten vad gällde Sovjetunionen på 1920-talet»), а его книга «Большевистская Россия», опубликованная в 1925 г., привлекла к себе большое внимание⁴⁷.

Йенсен был известен переводами на шведский язык таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев и др.

⁴¹ Sjöberg A. Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenotum») // Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975. S. 10.

⁴² Regina... Проверено 05.03.2012.

⁴³ В 1914 г // Русские и шведы: От Рюрика до Ленина: [Электронный документ] (<http://russkie-i-shvedy.ru/v-1914-g.html>). Проверено 05.03.2012.

⁴⁴ Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV — начала XX вв. // Вестник Новгородского Государственного университета. 2006. № 38. С. 40.

⁴⁵ Славяноведение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Электронная библиотека Библиотекарь.Ру): [Электронный документ] (<http://bibliotekar.ru/bes/217.htm>). 05.03.2012.

⁴⁶ Anton Karlgren // Den Store Danske: Gyldendals åbne encyklopædi: [Электронный документ] (http://www.denstoredanske.dk/Samfund,_jura_og_politik/Sprog/Sprogforskeres_biografier/Anton_Karlgrén). Проверено 05.03.2012.

⁴⁷ Rysk spegel: Svenska berättelser om Sovjetunionen — och om Sverige / Red. K. Gerner, K.-G. Karlsson. Lund: Nordic Academic Press, 2008. S. 67.

Таким образом, к разнообразной деятельности, которой занимался или пусть даже только планировал заниматься коллектив «Скандинавского листка», удалось привлечь виднейших шведских интеллектуалов своего времени, профессионально занимавшихся Россией или русско-шведскими отношениями. Этот факт, а также то, что редакторы и издатели не стали ограничиваться одним только изданием газеты, несомненно свидетельствует о большом энтузиазме и предприимчивости создателей «Скандинавского листка». Поэтому, наверное, одним из наиболее интересных вопросов, связанных с исследованием газеты, является вопрос о личностях издателей и редакторов, в разное время занимавшихся ею.

Редакторы «Скандинавского листка». В коллектив «Скандинавского листка» входили как русские, так и шведы⁴⁸, однако наибольший вклад в развитие газеты сделали двое из его главных редакторов — Исаак Григорьевич Лурье и Григорий Григорьевич Александров.

Биографические сведения Исаака Григорьевича Лурье известны в основном благодаря двум публикациям — книге Елены Глоговской «Белорусы на Гданьском побережье» (Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim)⁴⁹ и статье на сайте Шведского радио (Sveriges Radio) «Существовали ли отношения между БНР и Швецией?» («Ці існавалі стасункі паміж БНР і Швецыяй?»), составленной в основном по материалам интервью с научным сотрудником отдела военной истории и международных отношений Института истории Национальной Академии наук Республики Беларусь Владимиром Ляховским⁵⁰. В первую очередь И.Г. Лурье стал известен благодаря своей деятельности на посту консула Белорусской Народной Республики в Дании. Исаак Григорьевич Лурье родился 11(23) августа 1890 г. в городе Пинске. Он получил достаточно хорошее и разностороннее образование — после реального училища в Пинске закончил Демидовский

⁴⁸ Bibliografisk beskrivning för SKANDINAWSKIJ LISTOK... Проверено 05.03.2012.

⁴⁹ Głogowska H. Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim. Toruń, 2003.

⁵⁰ Ці існавалі стасункі паміж БНР і Швецыяй? // Vitryska — Беларуская | Sveriges Radio: [Электронный документ] (<http://sverigesradio.se/sida/artikel.aspx?programid=2215&artikel=1979377>). Проверено 05.03.2012.

юридический лицей и Московский Императорский Археологический институт, где в 1911 г. защитил диссертацию («obroniń doktorat»)⁵¹. Впоследствии, уже будучи редактором «Скандинавского листка», в объявлениях, где указывались его часы приема, он был представлен как ученый-археолог⁵². О его образованности говорило и то, что он знал несколько иностранных языков — помимо русского и белорусского владел шведским, датским, французским, немецким и идишем⁵³. К сожалению, больше о раннем периоде жизни Лурье узнать ничего не удалось. Известно лишь то, что до того, как заняться «Скандинавским листком», он уже имел опыт редакторской деятельности — до этого он входил в редакционную коллегию «Пинского листка»⁵⁴.

О наиболее интересном Стокгольмском периоде его жизни тоже известно не очень много⁵⁵, и в основном из самой газеты. Так, при прощании с Лурье как с редактором, в газете было написано немало лестных слов в его адрес. «По его инициативе был принят ряд мер к наиболее широкому ознакомлению России со Скандинавией, ее промышленностью и торговлей»⁵⁶. В заслугу ему ставились редактирование и составление выходящего уже третьим изданием торгово-промышленного календаря «Скандинавия», организация поездки русских журналистов и коммерсантов по шведским промышленным центрам и, самое главное, инициатива в организации при Российской экспортной палате особого Скандинавского отдела⁵⁷. Судя по всему, Лурье имел значительные связи с Экспортной палатой — в ней 22 января 1918 г. по инициативе «Скандинавского листка» в Петрограде им был сделан доклад о русско-скандинавской торговле и ее перспективах⁵⁸. Но что является более существенным,

⁵¹ Głogowska H. Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim... S. 14.

⁵² Скандинавский листок. 1916. № 224. С. 3.

⁵³ Głogowska H. Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim... S. 14.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ В книге Глоговской лишь как факт упоминается редакторская работа Лурье в «Скандинавском вестнике» в 1915–1918 гг.

⁵⁶ 2 марта 1918 г. // Скандинавский листок. 1918. № 365-6. С. 2.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Скандинавский отдел русской экспортной палаты // Там же. № 357. С. 2.

его уход с должности редактора газеты был связан с назначением на должность представителя Российской экспортной палаты в Стокгольме. «Приветствуя г. Лурье на новом ответственном посту в той же области русско-скандинавского экономического сближения, мы желаем ему успеха в его работе, значение которой в переживаемый нами момент является особенно важным»⁵⁹ — такими словами провела его редакция.

Как проходила и когда закончилась его деятельность на этом посту, сказать сложно, но с августа 1920 г. он занимает еще более интересный пост — консула Белорусской Народной Республики⁶⁰ в Дании⁶¹ и ее торгового агента⁶². Его опыт работы в Стокгольме, должно быть, во многом помог ему в этом — относительно давние связи со шведскими деловыми кругами помогали ему пытаться налаживать отношения между Швецией и уже Белоруссией. Благодаря ему руководство БНР могло налаживать связи с определенными бизнес-кругами Швеции и быть в курсе того, как шведские газеты комментируют ситуацию вокруг Белоруссии («дзеячы БНР мелі магчымасць наладжваць сувязі з пэўнымі бізнэс-коламі Швецыі і ведаць, якім чынам шведскія газеты каментуць сітуацыю вакол Беларусі, дзякуючы Ісаку Лур'е»⁶³). Для этого он даже создал в Копенгагене особое пресс-бюро и переводил шведские газеты для руководства БНР — для того, чтобы они имели представление о том, как относятся к Восточной Европе и, в частности, к Белоруссии шведские политические и деловые круги⁶⁴. По сведениям упомянутого Владимира Ляховского, в архивных материалах (за 1919–1921 гг.) сохранились эти переводы со шведских газет, из которых следует, что шведские политики и бизнесмены проявляли в то время интерес к региону. Таким образом, с уходом из редакции «Скандинавского листка»

⁵⁹ 2 марта 1918 г.

⁶⁰ Самопровозгласившееся государство, даже после присоединения белорусских территорий к СССР продолжавшее борьбу за международное признание своей независимости.

⁶¹ *Głogowska H.* Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim... S. 14.

⁶² Ці існавалі стасункі паміж БНР і Швецыяй?.. Проверено 05.03.2012.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

работы И. Г. Лурье над идеей сближения Скандинавии и России, пусть и в изменившемся варианте, не прекращалась и, возможно, при иных исторических обстоятельствах смогла бы привести к большим успехам. Хотя в дальнейшем его жизнь уже не была связана со Швецией⁶⁵, несомненно, его работа имела определенное значение.

На посту редактора «Скандинавского листка» И.Г. Лурье заменил еще один «доктор» — Г.Г. Александров. Его судьба также была не вполне обычной — а возможно, даже более примечательной и более трагичной, чем у его предшественника. Информация о нем зачастую и более противоречива — сказывается его вовлеченность в политические дела. Григорий Григорьевич Александров родился 7 марта 1886 г. в Выборге⁶⁶. По политическим взглядам он был социал-демократом, а впоследствии вступил в большевистскую партию⁶⁷ и даже был членом боевой организации в Хельсинки⁶⁸. Впрочем, вряд ли можно говорить о нем только как о рьяном революционере — с 1910 г. он переезжает в Швецию и учится в Упсальском университете, где занимается филологией и даже защищает диссертацию⁶⁹. Так, сферой его научных интересов было изучение творчества шведского поэта Эсайаса Тегнера и других членов Готского союза — литературного общества эпохи романтизма⁷⁰. Пост редактора «Скандинавского листка» он занимал с февраля по ноябрь 1918 г. Можно, однако, предполагать, что в дни октябрьской революции он все-таки был в России — в конце января 1918 г., когда «Скандинавский листок»

⁶⁵ Подробнее см.: *Głogowska H.* Białorusini na Wybrzeżu Gdańskim... S. 14–16.

⁶⁶ Списки жертв // Мемориал: Жертвы политического террора в СССР: [Электронный документ] (<http://lists.memo.ru/d1/f319.htm>). Проверено 05.03.2012.

⁶⁷ Подтверждение его членства в ВКП(б) есть также в: Списки жертв... Проверено 25.05.2011.

⁶⁸ *Björkegren H.* Ryska posten: De ryska revolutionärerna i Norden 1906–1917. Stockholm, 1985. S. 355.

⁶⁹ Ibid. S. 355.

⁷⁰ *Брауде Л.Ю.* Готский союз // Краткая литературная энциклопедия (ФЭБ: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор»): [Электронный документ] (<http://feb-web.ru/feb/kle/Kle-abc/ke2/ke2-3022.htm>). Проверено 05.03.2012.

объявил о серии публичных лекций и Александров должен был читать первую из них «Впечатления от поездки по теперешней России» — при этом оговаривалось, что он пробыл там три месяца и только что вернулся⁷¹. Впрочем, нельзя сказать определенно, каковы были цели этой поездки.

Таким образом, после революции Александров остался в Швеции. Помимо работы в «Скандинавском листке» он также возглавлял некий «союз русской рабочей интеллигенции»⁷² и был вовлечен в дипломатическую работу. Нельзя указать точных дат, но согласно одним данным в это время он работал переводчиком при «старом» (имеется в виду царском) представительстве России⁷³. По другим же сведениям, Александров работал и в Советской дипломатической миссии В. Воровского в Стокгольме⁷⁴. Когда в конце 1918 г. даже полуофициальные отношения Швеции с Советской Россией были разорваны, представительство Воровского было отозвано⁷⁵. Александров же, имея кроме того хорошие контакты со шведскими властями, смог остаться в Швеции и в декабре 1921 г. даже получил шведское гражданство⁷⁶. Впрочем, с большевиками связи не прерывались, и за то, что в 1920 г. Александров был переводчиком у нелегально находившегося в Швеции Александра Шляпникова, а также за ведение переговоров с большевиками относительно условий возвращения в Советскую Россию русских эмигрантов, в 1922 г. шведское гражданство было у него отнято⁷⁷, и, очевидно, он вынужден был вернуться в Россию. Согласно одним данным, после революции он был театральным режиссером в Москве⁷⁸. В литературе нет сведений о его дальнейшей судьбе, и только благодаря данным сайта

⁷¹ 23 января 1918 г. // Скандинавский листок. 1918. № 355. С. 1.

⁷² Hammar T. Sverige åt svenskarna... S. 254.

⁷³ Ibid.

⁷⁴ Björkegren H. Ryska posten... S. 355.

⁷⁵ Воровский Вацлав Вацлавович // Дипломатический словарь (Словари и энциклопедии на Академике): [Электронный документ] (http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_diplomatic/346/ВОРОВСКИЙ). Проверено 05.03.2012.

⁷⁶ Hammar T. Sverige åt svenskarna... S. 254.

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Björkegren H. Ryska posten... S. 355.

«Мемориал» удалось узнать о том, что Александров все же был репрессирован⁷⁹. Согласно этим данным, в 1936 г. он занимал должность научного консультанта при Северо-Кавказском краевом управлении по делам искусств и проживал в Пятигорске. Он был арестован 11 августа 1936 г. и 10 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР был обвинен в «шпионаже в пользу шведской и норвежской разведок» и «активном участии в антисоветской террористической организации». Был расстрелян в то же день (реабилитирован 8 декабря 1956 г.)⁸⁰.

⁷⁹ Отметим, что имя Г.Г. Александрова было в так называемых «Сталинских списках» — то среди лиц, осужденных по личной санкции Сталина или его ближайших соратников (Сталинские списки // Мемориал: Жертвы политического террора в СССР: [Электронный документ] (<http://stalin.memo.ru/names/index.htm>). Проверено 05.03.2012).

⁸⁰ Списки жертв... Проверено 05.03.2012.

А.С. Соколов

ИЗДАТЕЛЬ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛА «ВОЛЯ РОССИИ» (г. Прага) ЕГОР ЕГОРОВИЧ ЛАЗАРЕВ

1990-е годы и первое десятилетие XXI в. в российской историографии отмечены повышенным интересом исследователей к истории российской послереволюционной диаспоры и, в частности, эмигрантской печати.¹ Ее центры находились в Праге, Берлине, Париже и других городах Европы, Азии и Америки.

© А. С. Соколов, 2012

¹ Приведем здесь только краткий выборочный список публикаций по этой теме: Алексеев А.Д. Литература Русского зарубежья: Книги 1917–1940. СПб., 1993; Николюкин А.Н. Литература Русского зарубежья в ИНИОН // Россия и современный мир. М., 1993. Вып. 1; Михайлов О.Н. Литература Русского зарубежья. М., 1995; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1996; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.). СПб., 1996; Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: Печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4; Залевский В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире: 1918–1939 гг.: Справочник. СПб., 1998; Литературная энциклопедия Русского зарубежья (1918–1940) / Гл. ред. А.Н. Николюкин: В 4 т. М., 1997–2003; Агеносов В.В. Литература Русского зарубежья (1918–1996). М., 1998; Издательское и библиографическое дело Русского зарубежья (1918–1998): Учеб. пособие. СПб., 1999; Жирков Г.В. Между двух войн: Журналистика Русского зарубежья (1920–1940 годы): Учеб. пособие. СПб., 1998; Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб., 2000; Русское зарубежье: Политика, экономика, культура // Факты и версии: Историко-культурологический альманах. Кн. 3 / Гл. ред. В.Ю. Жуков. СПб., 2002; Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. М., 2003–2006; Базанов П.Н. и др. Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг. Энциклопедический справочник. СПб., 2005; Кудрявцев В.Б. Периодические и непериодические

В данной статье затронуты некоторые аспекты истории эмигрантской газеты и журнала «Воля России» и основные события жизни и деятельности их издателя Егора Егоровича Лазарева (1855–1937 гг.).

В сентябре 1920 г. в Праге группой левых эсеров-эмигрантов начала издаваться ежедневная газета «Воля России» (с 12 сентября 1920 г. (№ 1) по 9 октября 1921 г. вышло 327 номеров). В январе 1922 г. она была преобразована вначале в еженедельник (с 9 января 1922 г. по 3 августа 1922 г.), а с 15 сентября 1922 г. в ежемесячный «журнал политики и культуры», до 1927 г. печатавшийся в Праге, а затем в Париже до июля 1932 г. (При этом главная контора и редакция журнала по-прежнему находились в Праге). Редакторами издания в разное время были В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, О.С. Минор, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин. С 1923 г. лидирующую роль в редакции журнала играл литературный критик и публицист М.Л. Слоним.

Финансовая база газеты и журнала состояла из доходов, поступавших от подписчиков и розничной продажи, а также сравнительно небольшой финансовой помощи, выделяемой чехословацким правительством Т.Г. Масарика по специальной программе поддержки русских эмигрантов². Журнал, ставший вскоре одним из самых известных «толстых» изданий эмиграции, распространялся в розницу и по подписке во многих странах Европы, а также в США и Китае. Периодически и по возможности «Воля России» через советско-финляндскую границу нелегально переправлялась и в СССР.

Издание имело свои идейные позиции и самостоятельное политическое направление, обоснованные такими деятелями партии

коллективные издания Русского зарубежья (1918–1941): Справочник: В 2 ч. М., 2011; и др.

² См. об этом: Порочкина И.М. Российская эмиграция первой волны о Т.Г. Масарике // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. статей. СПб., 2000. С. 77–79; Махаткова Р. Помощь российской эмиграции в Чехословакии // Там же. С. 420. См. так же: Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии: Сб. статей. М., 2008; Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е гг.). М., 1995; Сабурова Л. Н. Культурно-просветительная деятельность российской эмиграции в Чехословакии. 1920–1930-е годы. М., 2004; Русская эмиграция в Чехословакии: Сборник. СПб., 1997.

социалистов-революционеров, как В.М. Зензинов, В.М. Чернов и др.³ В редакционной статье первого номера газета писала: «В эти страшные годы испытаний мы, связанные идейно и лично со всем революционным прошлым нашей родины, продолжаем твердо верить в светлое будущее русского народа. Живыми остаются для нас все светлые традиции русской революции — свобода, народовластие, социальная справедливость... Только через демократию ведет дорога к социализму. Поэтому мы глубоко убеждены, что только революционно-организованная внутри самой советской России демократия сумеет найти себе пути к лучшему будущему, что только внутренние силы самого русского народа выведут Россию на верный путь»⁴.

Газета, а в особенности журнал изначально дистанцировались от позиций и идей монархистов, т. н. непримиримых республиканско-демократических кругов, правых социалистов и теоретиков религиозного социализма. Общим с их взглядами и изданиями был только антибольшевизм «Воли России». Отвергая большевистскую антидемократическую идеологию и практику, критикуя насильственный, декретный социализм, журнал писал: «Большевики явили первый опыт введения социализма посредством подавления свободы, объявив буржуазным предрассудком то, что было добыто человечеством в результате долгой борьбы: свободу личности, мысли, собраний, слова, печати... Человек — выше класса, и человеческая правда важнее классово-утопии. Фантастические схемы коммунизма несут в себе обман и ложь. В этом источник их осуждения и неизбежного конца»⁵. Провозгласив себя продолжателями дела революционного народничества,⁶ понимая бесперспективность попыток реставрации прежней дореволюционной родины, редакция

³ См., напр.: Чернов В.М. 1) Исповедь навыворот // Воля России. 1923. № 13; 2) Конструктивный социализм. Прага, 1925; М., 1997.

⁴ Воля России. 1920. № 1 (12 сентября). С. 1. — См. также: ГАРФ, ф. Р-5959 (Редакция газеты «Воля России»).

⁵ Воля России. 1922. № 11. С. 9. — См. также: Там же. 1922. № 26 / 27. С. 6; 1922. № 28. С. 6–8; 1924. № 3. С. 34; 1925. № 7 / 8. С. 152.

⁶ См. об этом, напр.: Там же. 1925. № 7 / 8. С. 143; Лазарев Е.Е. Моя жизнь: Воспоминания. Прага, 1935. С. 31.

журнала, отражая взгляды левых кругов эмиграции, надеялась (на фоне кризиса большевистской политики начала 1920-х годов) найти пути сближения и диалога с культурными силами внутри советской России, которые могли бы стать опорой будущего демократического возрождения страны и нации. «Мы последовательно и неуклонно защищаем демократический социализм против большевистской диктатуры и коммунистических искажений. Но мы не хотим заниматься одной лишь критикой большевистского режима и стараемся стать “лицом к России”, то есть изучать процессы, протекающие за фасадом большевистской системы», — заявлял журнал.

С приходом в редакцию «Воли России» М.Л. Слонима издание приобретает и свое особое художественное направление. Будучи профессиональным литературным критиком и публицистом, Слоним периодически публикует рецензии и литературно-критические обзоры в рубрике «Среди книг и журналов», а также регулярно печатает очерки о наиболее ярких творцах и событиях не только русской зарубежной, но и советской литературы⁷. Во многом по его инициативе на страницах журнала появились незаурядные творения советских авангардных писателей — И. Бабеля, Л. Леонова, В. Маяковского, А. Белого, Б. Пастернака, Е. Замятина, Б. Пильняка, К. Тренева, М. Волошина, О. Форш и др. Из литераторов-эмигрантов с журналом сотрудничали А. Ремизов, М. Цветаева, К. Бальмонт, В. Ходасевич, Б. Зайцев, Н. Берберова, М. Осоргин и другие писатели и поэты, которым была несвойственна ярая, бескомпромиссная непримиримость к новой России, характерная, например, для

⁷ См., напр., его очерки, посвященные молодой пореволюционной советской литературе: творчеству группы «Серрапионовы братья» (Воля России. 1922. № 1. С. 46–54); литературным портретам И. Бабеля (Там же. 1928. № 1. С. 106–117), Л. Леонова (Там же. 1932. № 4/6. С. 130–140); обзоры советской беллетристики, отражавшей идейные, бытовые и нравственные проблемы нового общества середины — второй половины 1920-х годов («Голубые города» // Там же. 1925. № 11. С. 129–141) и другие работы. О нем см. также: Зверев А.М. 1) Журнал политики и культуры: «Воля России» // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература: Реферативный журнал. Сер. 7: Литературоведение. М., 1996. № 4. С. 89–106; 2) «Воля России» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940: В 4 т. М., 1997–2003. Т. 2. М., 2000. С. 77–85.

И. Бунина, А. Куприна, З. Гиппиус, Д. Мережковского, А. Аверченко и других известных представителей русской литературы. (Интересный факт. Когда у М.И. Цветаевой в феврале 1925 г. родился сын Георгий, редакция «Воли России» подарила ей красивую детскую коляску.) Журнал также предоставлял свои страницы талантливой литературной молодежи, не успевшей проявить себя в России, а в эмиграции отвергаемой другими изданиями.

От начала выхода «Воли России» и до завершения издания в 1932 г. его бессменным издателем, в той или иной степени формировавшим также и лицо журнала, был участник народнического движения в России, авторитетный деятель эмиграции, один из основателей Партии социалистов-революционеров Егор Егорович Лазарев. Расскажем далее об основных событиях его незаурядной жизни.

Е.Е. Лазарев родился 24 апреля (6 мая н. ст.) 1855 г. в селе Грачевка Бузулукского уезда Самарской губернии в семье крепостных крестьян⁸. Учился в самарских церковно-приходском и уездном училищах, в самарской гимназии (1867–1874). С 1873 г. входил в самарские народнические кружки, вел революционную пропаганду среди крестьян Бузулукского уезда. 10 (22) августа 1874 г. был арестован и привлечен к дознанию по делу «о пропаганде в Империи» (так называемый «Процесс 193-х»). Находился в заключении до 1878 г., судом особого присутствия признан невиновным и освобожден за недостаточностью улик. В 1878 г. призван на военную службу, принимал участие в русско-турецкой войне на Кавказском фронте под Карсом в чине рядового 159-го пехотного Гурийского полка. В 1880 г. уволен в запас, жил в с. Грачевка, занимаясь крестьянским хозяйством и являясь частным поверенным при съезде мировых судей Бузулукского уезда. В июне 1883 г. познакомился с Л.Н. Толстым в его самарском имении, расположенном на реке Тананык, в последующие годы находился с ним в переписке (Лазарев стал прототипом революционера Набатова в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»)⁹. В 1884 г. в результате предательства и показаний С.П. Дегаева арестован

⁸ Лазарев Е.Е. Моя жизнь: Воспоминания. Прага, 1935. С. 5.

⁹ Большаков Л.Н. Набатов — Лазарев // Урал. 1963. № 4, 5.

за пропаганду среди военных и выслан в с. Татаурово Читинского округа Забайкальской области, где работал учителем в созданной им сельской школе. Там же познакомился с американским журналистом и путешественником Джорджем Кеннаном, изучавшим в Сибири российскую тюремную систему и политическую ссылку¹⁰. В сентябре 1887 г. по окончании ссылки вернулся на родину, в феврале 1888 г. вновь арестован за антиправительственную деятельность и в административном порядке выслан на 5 лет в Балаганский уезд Нижнеудинского округа Иркутской губернии. В июле 1890 г. через Японию бежал в Северо-Американские Соединенные Штаты (так в то время назывались современные США). Побег был подготовлен группой ссыльных во главе с М.А. Натансоном, чтобы подкрепить ведущую в Америке Дж. Кеннаном критику карательной системы царизма и с помощью американского общественного мнения помочь политическим заключенным в России.

В Америке Е.Е. Лазарев жил в г. Сан-Франциско, в г. Денвер (штат Колорадо), в г. Милуоки (штат Висконсин), в г. Нью-Йорк, работал на фермах, заводах, наборщиком в типографии, организовал «Американское общество помощи сибирским ссыльным», участвовал в деятельности созданных здесь С.М. Степняком-Кравчинским, Л.Б. Гольденбергом и др. «Американского общества друзей русской свободы» и журнала «Свободная Россия» («Free Russia»). Летом 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго Лазарев общался с приехавшим в Соединенные Штаты писателем В.Г. Короленко, которого затем познакомил с героем — прототипом его будущей повести «Без языка»¹¹.

В марте 1894 г. Е.Е. переехал в г. Лондон по приглашению здешних лидеров русской эмиграции, затем в г. Париж, где стал представителем лондонского «Фонда Вольной русской прессы» (ФВРП),

¹⁰ Лазарев Е.Е. Джордж Кеннан // Воля России. 1923. № 8/9, 11, 13. — См. также: Кеннан Джордж. Сибирь и ссылка / Пер. с англ. Т. 1–2. СПб., 1906; Меламед Е.И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981.

¹¹ Подробнее об этом см.: Соколов А.С. Российская политическая эмиграция в Америке в конце XIX века // Новый часовой. 1999. № 8/9. С. 33; 2001. № 11 / 12. С. 47 и др.; Соколов А.С. Россия на Всемирной выставке в США в 1893 году // Ученые записки С.-Петербургского филиала Российской таможенной академии, 1997. № 2 (4). С. 218.

организованного с целью издания и распространения в России и за рубежом революционной литературы. Во время кампании, развязанной французским правительством против «анархистов», в июле 1894 г. выслан из Франции за принадлежность к революционной организации, жил в Лондоне. Женившись на вдове русского эмигранта Ю.А. Лакиер, в феврале 1896 г. переехал в Швейцарию, в местечко Божу близ г. Кларана (Bougy sur Clarens), где получил во владение молочную ферму. Дом Лазарева, молочная ферма и кефирное заведение при ней стали прибежищем и местом отдыха для многих российских политических эмигрантов. С 1900 г. — член «Аграрно-социалистической лиги», в 1901 г. — один из организаторов Партии социалистов-революционеров, ее делегат на Амстердамском конгрессе II Интернационала (1904 г.).

В 1907 г. Егор Егорович вернулся в Россию. Был экспертом по аграрным вопросам для фракции эсеров II Государственной думы, издал ряд брошюр по программным и тактическим вопросам. Свои тексты в этот период и позже публиковал также под именем Г. Лазарев и псевдонимом Семенов А. В 1909–1910 гг. секретарь редакции журнала «Вестник знания» (С.-Петербург). В 1910 г. за принадлежность к радикальной партии арестован, приговорен к ссылке в Сибирь, замененной в 1911 г. высылкой за границу. С 1911 г. жил в Швейцарии. Был необоснованно обвинен Департаментом полиции МВД России в причастности к убийству П.А. Столыпина. В августе 1914 г. — участник Совещания лидеров эсеров в Божу (Швейцария), где обсуждались отношение партии к Первой мировой войне и тактика партии в новых условиях. В годы войны — «оборонец». В 1915 г. был одним из редакторов эсеровской газеты «Новости» (г. Париж, 1914–1915 гг.), призывавшей к оборончеству.

Весной 1917 г., прибыв в Россию, уехал на родину в Поволжье. Избран членом Самарского губернского комитета социалистов-революционеров. Примкнул к правым эсерам, поддерживал Временное правительство. Крайне негативно воспринял большевистский Октябрьский переворот. Участвовал в работе 4-го съезда Партии эсеров (Петроград, ноябрь — декабрь 1917 г.). Избран депутатом Учредительного собрания от Самары (фракция эсеров). После его разгона в январе 1918 г. — возглавлял в августе — сентябре того

же года ведомство народного просвещения в антибольшевистском Комитете членов Учредительного собрания (КОМУЧ, 1918–1919 гг.). В 1919 г. с чехословацким корпусом эвакуировался в г. Владивосток, затем через США перебрался в Чехословакию. Жил в Праге, участвовал в деятельности эмигрантских организаций эсеров, издавал левodemократическую газету «Воля России» (1920–1922 гг.), которая затем (с 1922 г.) трансформировалась в одноименный журнал. В Праге входил в группу умеренных, левых эсеров, в 1920-е гг. сторонников культурного сотрудничества эмиграции с Советской Россией, объединявшихся вокруг журнала «Воля России» и выступавших с идеей т. н. «конструктивного социализма». Являлся одним из учредителей Пражского Земгора (17 марта 1921–14 апреля 1933 гг.). Был делегатом 2-го, 3-го и 4-го конгрессов Социалистического рабочего интернационала. Пользовался большим авторитетом в среде демократической и социалистической эмиграции. Периодически публиковал свои статьи и очерки в эмигрантских изданиях. В 1935 г. опубликовал мемуары «Моя жизнь», охватывающие период до 1888 г. Архив Е.Е. Лазарева находится в ГАРФ (г. Москва), в коллекции «Русского заграничного исторического архива в Праге»¹².

¹² ГАРФ. Ф. Р-5824 (Е.Е. Лазарев).

Э. В. Летенков

ЖУРНАЛ «НОВАЯ РУССКАЯ КНИГА» (1922–1923 гг.).
КРАТКИЙ ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ

Существуют два способа ознакомить читателя с содержанием исследуемого журнала. Первый заключается в его пересказе, сопровождаемом обычно более или менее удачным комментарием. Второй способ сложнее для восприятия, но, как нам кажется, является более объективным, заключающим в себе возможность представить периодическое издание таким, каким оно было в действительности, без осовременивания его содержания. Иными словами, он предоставляет читателю свободу размышления, не навязывая ему жестко сформулированного мнения исследователя. Такую возможность предоставляет библиографический метод. Им мы и воспользуемся.

Ежемесячный критико-библиографический журнал под редакцией профессора А. С. Яценко издавался в Берлине в указанные в названии сообщения годы. Раньше (в 1921 г.) под той же редакцией выходила «Русская книга», и, по мысли А. С. Яценко, она являлась непосредственным предшественником нового журнала. Выяснение обстоятельств этих перемен не входит в нашу задачу. Она сводится к другому. Мы хотим ознакомить читателя с содержанием нового журнала, насколько это будет возможно в краткой форме, и попытаться понять, можно ли было справиться с задачей, сформулированной в январском номере 1922 г.: «Служить объединению, сближению и восстановлению русской литературы»¹ теми средствами, которыми располагает периодическое издание.

Подобная задача журнала представляется явно идеалистической, как несбыточными видятся и условия ее достижения, которые пытаются соблюдать издатели. По мере своих сил они стремятся создать

из журнала «мост, соединяющий зарубежную и русскую печать»², отказываясь от какой бы то ни было политической борьбы. «На русскую литературу, где бы она ни создавалась, здесь или там <издатели смотрят> как на единую»³ и не противопоставляют эмиграцию Советской России. «В сущности, — считают они, — и там, и здесь она болеет одними и теми же болями, болями нашей темноты, заблужденности, смуты, братоубийственного раздора, и живет одними и теми же надеждами, — на лучшее, свободное и культурное будущее нашей великой родины»⁴.

Ежемесячные книжки журнала складываются из постоянных шести рубрик и объявлений. Открывают номер (после передовой «От редакции», если таковая есть) так называемые «Общие статьи». Даже названия их в первом номере свидетельствуют о том, что заявленные редакцией намерения искренни. Открывает январскую книжку статья Андрея Белого «Культура в современной России» (С. 2–6), за ней следует эссе Алексея Ремизова «Крюк. Память петербургская» (С. 6–10). Завершает этот комплекс Илья Эренбург статьей «Новое искусство в России» (С. 10–13).

Отдел «Критика и рецензии» тоже является постоянным в журнале. За ним следуют: «Хроника и разные заметки», «Писатели», «Пресса», «Книжная летопись» и обширный отдел объявлений (но не рекламы), свидетельствующий о материальных трудностях существования журнала и одновременно о том, что даже и в сложном финансовом положении издатели не забывают о своей главной задаче — разговоре о литературе, не опускаются до печати разноликой рекламы, которая, конечно же, принесла бы больший доход, чем объявление маленького книжного магазина в далеком Харбине.

Но обратимся, как и обещали, к журналу, лишь предупредив о том, что печатаемая часть (содержание первых шести номеров) является отрывком работы, объемлющей все содержание журнала.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

№ 1

От редакции. С. 1.

I. Общие статьи

1. *Белый А.* Культура в современной России. С. 2–6.
2. *Ремизов А.* Крюк. Память петербургская. С. 6–10.
3. *Эренбург И.* Новое искусство в России (Статья в форме письма). С. 10–13.

II. Критика и рецензии

4. М. Кузьмин. Эхо. Стихи. Птб., 1921 г.; Н. Гумилев. Огненный Столп. Птб., изд. Петрополис. 1921. *Н. Минский*. С. 14–16.
5. С. Есенин. Исповедь хулигана. Трерядница. М., 1921 г. *Гр. Алексей Н. Толстой*. С. 16–17.
6. С. Есенин. Трерядница. Исповедь хулигана. М., изд. Имажинисты. 1921 г. *И. Эренбург*. С. 17–18.
7. Ремизов. Шумы города. Ревель, изд. Библиофил. 1921 г. Ц. 90 мар.; Огненная Россия. Ревель, изд. Библиофил, 1921 г. Ц. 60 мар. *С. Сумский*. С. 18–19.
8. Ф. Сологуб, Фимиамы. Птб., изд. Странствующий энтузиаст. 1921 г.; Небо голубое. Стихи. Ревель, изд. Библиофил, 1921 г.; Сочтенные дни. Ревель, изд. Библиофил, 1921 г.; Царица поцелуев. Новелла. Изд. Владимира Григорьева. На правах рукописи. Птг., 1921 г. *Ю. Офросимов*. С. 19–20.
9. Анна Ахматова, Anno Domini. МСМХХI. ПТб., книгоиздательство Петрополис. 1921 г. *С. Сумский*. С. 20–21.
10. Литературный альманах «Грани». Кн. 1. Берлин, 1922 г. *Н. Яковлев*. С. 21–22.
11. И. Эренбург. Неправдоподобные истории. Берлин, изд. С. Ефрона. 1921 г. *Роман Гуль*. С. 22.
12. Г. Росимов. Стихи об утерянном. Берлин, изд. И. П. Ладыжников. 1921 г. *В. Станкевич*. С. 23.
13. Александр Кусиков. Искандар-Намэ. М., изд. Имажинисты. 1921 г.; Ас Баррак. Берлин, изд. Скифы. 1922 г. *Н. Э.* С. 24.
14. Нестор Котляревский. Девятнадцатый век. Отражение его основных мыслей и настроений в словесном художественном

творчестве на западе. Птб., изд. Наука и школа. 1921 г. VIII+298 с. in 8°. *Евг. Ляцкий*. С. 24–25.

15. Нестор Котляревский. Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова (Опыт школьного изложения истории русской словесности за вторую половину XIX века). Птб., 1919 г. *Ев. Л.* С. 25–26.

16. Владислав Ходасевич. Путем зерна. М., изд. Творчество. 1920 г. *Ю. О.* С. 26.

III. Хроника и разные заметки

17. П. Гальцов. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.). С. 27–31.
18. А. Белый. Вольная философская ассоциация. С. 32–33.
19. Положение издательского дела в России. С. 33.
20. В. Линковский. Русская книга в Латвии и валютные условия. С. 33–34.
21. «Дом искусств» в Берлине. С. 34.
22. Бюллетень «Дома Искусств».
23. Н. З. Петербургское книгоиздательство «Петрополис». С. 34–35.
24. Отделение книгоиздательства «Возрождение» в Берлине. С. 35.
25. Ежемесячник нового искусства.
26. Издательство С. Ефрон.
27. Издательство «Эпоха».
28. Тейбнеровская библиотека на русском языке. С. 36.
29. Издательство «Русское Творчество» в Берлине.
30. Книгоиздательство «Библиофил» в г. Ревеле.
31. Издательство А. Г. Сыркина в Берлине.
32. Книгоиздательство «Огоньки».
33. Общество для торговли книгами с Россией.

IV. Писатели

34. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов⁵ за 1918–1922 г. С. 37–45.

⁵ Продолжение сведений, данных в девяти номерах «Русской Книги» за 1921 г. (*Примечание редакции*).

V. Пресса

35. Русские периодические издания за пределами Советской России⁶ в 1922 г. С. 46–48.

VI. Книжная летопись

36. Русские книги, появившиеся в 1918–1922 вне Советской России⁷.

1. Беллетристика и детская литература. С. 49–50.
2. Политика, экономика, история, искусство. С. 50–51.
3. Естествознание, техника, сельское хозяйство, медицина. С. 51.
4. Смесь. С. 51–52.

Далее на 22 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц в журнале отсутствуют).

37. Книгоиздательства «Мысль» (Берлин). С. 53.
38. Книгоиздательства «Огоньки».
39. Издательства «Грани». С. 54.
40. Фирмы К. В. Хирземанна⁸ (K. W. Hiersemann) (Лейпциг). С. 55.
41. Книгоиздательства «Геликон» (Берлин). С. 56.
42. Книгоиздательства «Литература». С. 57.
43. Книгоиздательства «Знание». С. 58.
44. Ежемесячного литературно-художественного журнала «Жар-птица». С. 59.
45. Книгоиздательства «Слово». С. 60.
46. Издательства «Скифы» (Берлин). С. 61.
47. Конторы объявлений «Russage». С. 62.

⁶ В списке указаны 89 изданий в 16 странах.

⁷ Дополнение к сведениям в девяти номерах «Русской Книги» (Примечание редакции). Список нумерованный, содержит 138 позиций (Э. Л.).

⁸ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

48. Книгоиздательства С. Ефрона. С. 63.
49. Бюро по экспорту и импорту русских книг. С. 64.
50. Русского книжного магазина «Град Китеж».
51. Издательства «Восток» (Берлин).
52. Издательства и книготорговли Ольги Дьяковой и К^о (Берлин).
53. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина (Берлин). С. 65.
54. Книжного магазина и библиотеки Товарищества «Родина».
55. Издательства «Библиофил».
56. Русского универсального издательства и книжного магазина при нем «Книжный Салон». С. 66.
57. Российско-Болгарского книгоиздательства.
58. Книгоиздательства и книжного склада «Книга». С. 67.
59. Ежемесячного журнала «Современные записки».
60. Издательства «Глагол»
61. Ежедневника «Воля России» (Прага).
62. Органа заграничной делегации Р. С. Д. Р. П. «Социалистический Вестник». С. 68.
63. Ежедневной политической, литературной и экономической газеты «Новый мир» (Буэнос-Айрес).
64. Литературной, политической и экономической газеты с большим торгово-промышленным отделом «Время» (Берлин).
65. Демократического органа русской эмиграции «Русская сила».
66. Двухнедельного журнала, посвященного защите культурных, правовых и экономических интересов русской эмиграции «Голос эмигранта».
67. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России» (Берлин).
68. Органа русской народной мысли «Грядущая Россия».
69. Ежедневной литературной общественно-политической и экономической газеты «Вольная Литва» (Ковно). С. 69.
70. Газеты «Новый путь».
71. Ежедневной политической, литературной и общественной газеты в Варшаве «Свобода».
72. Единственной на Балканах большой политической и литературной газеты «Русское дело» (София).
73. Ежедневной литературно-политической газеты «Эхо» (Ковно).

74. Независимой демократической газеты «Сегодня» (Рига).
75. Ежедневной газеты «Варшавские отклики».
76. Общественно-политической и литературной газеты «Свободная речь» (София).
77. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж). С. 70.
78. Органа русской освободительной национально-государственной мысли «Русская жизнь».
79. Ежедневной общественно-политической и торгово-промышленной газеты «Шанхайская жизнь».
80. Еженедельного журнала «Смена веж».
81. Газеты «Новое время» (Белград).
82. Большой демократической, политико-экономической и литературной газеты «Утро».
83. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь» (Берлин). С. 71.
84. Товарищества Издательства «Свободная Россия».
85. Русской газеты «Новый мир».
86. Самой распространенной в Соединенных Штатах и Канаде кооперативной газеты «Русский голос» (Нью-Йорк).
87. «Нового русского слова».
88. Ежедневной газеты г. Харбина «Русский голос».
89. Литературно-художественного и общественного ежемесячного журнала «Сполохи». С. 72.
90. Издательства И. П. Ладыжникова. С. 3–4 (обложка).

№ 2

I. Общие статьи

1. Пильняк Б. Заказ наш. С. 1–2.
2. Лукомский Г. Итоги и задачи русской художественной деятельности за границей (1919–1921). С. 3–4.

II. Критика и рецензии

3. Бор. Пильняк. Рассказы. Книга первая. Изд. «Звенья». М., 1920. 114 с. Яценко А. С. 5–6.

4. Петербургский сборник 1922. Изд. журн. «Летопись Дома Литераторов». Зин. Венгерова. С. 6–8.
5. Генерал А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Выпуски 1-ый и 2-ой. Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917 года. Издание И. Поволоцкого в Париже. В. Станкевич. С. 8–10.
6. И. Эренбург. А все-таки она вертится. Изд. «Геликон». Берлин. 1922. *Ив. Пуни*. С. 10–12.
7. Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания М. Горького, К. Чуковского, А. Блока, Георгия Чулкова, Бор. Зайцева, Н. Телешова, Евг. Замятина. Издательство З. И. Гржебина. Птб. — Берлин. 1922. *И. Левитан*. С. 12–13.
8. Проф. Швитгау. Революция и Народное Хозяйство в России (1917–21). Изд. Центр. Т-ва Кооператив. Изд-ва. 378 с. Ц. 60 мар. *П. Берлин*. С. 13–14.
9. Ал. Блок. Собрание Сочинений. Стихи. Том I и II. Изд. «Слово». Берлин. 1921. Том. III. Изд. 3-е, дополненное. Изд. «Алконост». Птб., 1921. *Ю. Офросимов*. С. 14–15.
10. Сергей Есенин. Пугачев. Изд-во «Имажинисты». 1922. *И. Э. С.* 15–16.
11. В. И. Немирович-Данченко. На кладбищах (воспоминания). Изд. «Библиофил». Ревель. 1921. Федор Иванов. С. 16–17.
12. Марина Цветаева. Разлука. Стихи. Изд-во «Геликон». Берлин. 1922; «Стихи к Блоку». Изд-во «Огоньки». Берлин. 1922 (Вместо рецензии). *Илья Эренбург*. С. 17.
13. Валерий Брюсов. Последние мечты. Изд. «Творчество». М., 1920. 63 с. *Роман Гуль*. С. 18.
14. Илья Эренбург. «Кануны» (стихи 1915–21 г.) Изд. «Мысль». Берлин. 1921. *Роман Гуль*. С. 18–19.
15. Осип Мандельштам. *Tristia*. Изд-во «Петрополис». Птг., 1922. *Илья Эренбург*. С. 19.
16. Тэффи. Так жили. Рассказы. Изд. «Северные Огни». Стокхольм. 1922; Черный Ирис. Рассказы. Изд. «Северные Огни». Стокхольм. 1922. Федор Иванов. С. 20.
17. Д. Ратгауз. «Мои песни». Книгоиздательство Ольги Дьяковой и К°. Берлин. 1922. *Ю. О. С.* 20.
18. Н. Агнивцев. «Мои песенки». Изд. «Литература». Берлин. 1921. *Ю. О. С.* 20–21.

19. Георгий Иванов. «Сады». Третья книга стихов. Изд-во «Петрополис». 1921. Ю. *Офросимов*. С. 21.
20. «Артисты Московского Художественного театра за рубежом». Изд-во «Наша Речь». Прага. 1921. Ю. О. С. 21.
21. Издание научных книг в России. Л. *Багров*. С. 21–22.
22. К. Umansky. Das Schicksal der Kunst in Sowjet-Russland. Berlin. 1921. *Георгий Лукомский*. С. 22–23.
23. Книги, присланные в редакцию для отзыва. С. 23–26.

III. Хроника и разные заметки

24. По книжным лавкам Москвы (Письмо американского журналиста из Москвы). Ю. Ф. *Геккер*. С. 27–28.
25. Реформа архивного дела в России 1918 г. Проф. М. *Полиевктов*. С. 29–31.
26. Русские книжно-гравюрные собрания Парижа. Г. *Лукомский*. С. 31–32.
27. Московский Альманах. С. 32.
28. Привет петербургских писателей берлинским.
29. Издательство «Франко-Русская печать» в Париже.
30. Книгоиздательство С. Д. Зальцмана в Берлине. С. 32–33.
31. Русская книга и газета в Турции. С. 33.
32. Палата поэтов в Париже.
33. «Книжная лавка».
34. Издательство З. И. Гржебина в Берлине.

IV. Писатели

35. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.⁹ С. 34–42.
36. Писатели о себе¹⁰

⁹ Продолжение сведений, данных в предшествующих номерах журнала.

¹⁰ «С нынешнего номера мы предполагаем ввести в отделе писателей особую рубрику «Писатели — о себе», где в непринужденной и индивидуальной форме писатели смогут рассказать о своей жизни за бурные годы революции.

- Бор. Пильняк. С. 42–43.
- И. С. Соколов-Микитов. С. 43–44.
37. Литература и искусство в Сибири и на Дальнем Востоке (1919–22 г.) (Заметки и характеристики очевидца). *Давид Бурлюк*. С. 44–48.

V. Пресса

38. Русские периодические издания за пределами советской России в 1922 г.¹¹ (дополнение к списку в первом номере). С. 49.

VI. Книжная летопись

39. Русские книги, появившиеся в 1918–1922 вне Советской России¹².
1. Беллетристика и детская литература. С. 50–51.
  2. Политика, экономика, история, искусство. С. 51–52.
  3. Естествознание, медицина, сельское хозяйство. С. 52.
  4. Учебники и смесь.

Далее на 22 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц в журнале отсутствуют).

40. Бюро иностранной науки и техники научно-технического отдела В.С. Н. С. Р. С. Ф. Р. С. 53.

Обстоятельства революционного и смутного времени многих писателей ставили в такие неожиданные положения, заставляли их столь многое и не вполне обыкновенное переживать, что даже краткий рассказ их о своих жизненных приключениях и злоключениях может представить общий интерес не только для будущих историков, но и для современников» (*Примечание редакции*).

¹¹ В списке указаны 13 изданий в 8 странах.

¹² Дополнение к сведениям в предшествующих номерах журнала (*Примечание редакции*). Список нумерованный, содержит 138 позиций (*Э. Л.*).

41. Ежемесячного литературно-художественного журнала «Жар-птица». С. 54.
42. Центрального книжного склада «Образование» в Берлине. С. 55.
43. Фирмы К. В. Хирземанна¹³ (K. W. Hiersemann). С. 56.
44. Товарищества «Книга». С. 57.
45. Книгоиздательства С. Ефрона. С. 58.
46. Издательства «Грани». С. 59.
47. Журнала «Вещь» под редакцией Эл. Лисицкого и И. Эренбурга издательства «Скифы». С. 60.
48. Издательства «Скифы». С. 61.
49. Медицинского издательства «Товарищество «Врач» в Берлине. С. 62.
50. Книгоиздательства «Геликон». С. 63.
51. Русского универсального издательства. С. 64.
52. Акционерного общества «Славянское издательство» в Праге (реклама книг). С. 65.
53. Русского книгоиздательства и книжного магазина Т-ва Гликсман (реклама самоучителей и словарей иностранных языков). С. 66.
54. Русского книгоиздательства и книжного магазина Т-ва Гликсман (реклама книг по технике, математике и естествознанию). С. 67.
55. Акционерного общества «Славянское издательство» в Праге (реклама типографского, литографского и экспедиционного отделов). С. 68.
56. Книжного магазина «Заря». С. 69.
57. Книгоиздательства «Огоньки».
58. Русско-украинского книжного магазина и библиотеки (Вена). С. 70.
59. Типография Германа Гольдберг.
60. Фирмы «Max N. Maisel» — единственного представительства для Соединенных Штатов журнала «Новая Русская Книга». С. 71.
61. Всеславянского книжного магазина, книгоиздательства и книжного склада М. И. Стефанович и К^о (Белград).

¹³ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

62. Издательства «Наша Речь» (Прага). С. 72.
63. Издательства А. Ф. Девриен.
64. Книгоиздательства «Русь» в Вене. С. 73.
65. Издательства и книготорговли Ольги Дьяковой и К^о.
66. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина.
67. Издательства И. П. Ладыжникова (о повышении цен).
68. Русского книжного магазина «Знание» в Константинополе. С. 74.
69. Издательства русской типографии в Берлине Е. А. Гутнова.
70. Русского книжного магазина «Град Китеж».
71. Журнала «Новая Русская Книга» (об открытии в нем отдела объявлений «Спрос и предложение труда».
72. Издательства «Восток». С. 75.
73. Книжного магазина Ярослава И. Торжичка в Праге.
74. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь».
75. Экспедиционной конторы А. Вармут (Прием книг для отправки в Россию и другие окраинные государства).
76. Книжно-газетной экспедиции и контрагентства М. И. Борисова «Дальний Восток» (Харбин).
77. Петербургского журнала «Летопись», издаваемого Домом литераторов.
78. Ежемесячного большого литературного и общественно-политического журнала «Современные записки». С. 76.
79. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России».
80. Ежедневной рабоче-крестьянской газеты «Свободная Россия» (Чикаго).
81. Ежемесячного литературного издания «Русская Мысль» (Прага).
82. Товарищества издательства «Свободная Россия». С. 77.
83. Органа русской освободительной национально-государственной мысли, ежедневной газеты «Новая русская жизнь».
84. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж).
85. Издательства «Восток».
86. Ежедневной газеты «Рижский курьер».

87. Ежедневной литературно-политической газеты «Эхо» (Ковно).
88. Независимой демократической газеты «Сегодня» (Рига).
89. Газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). С. 78.
90. Ежедневной газеты «Последние известия» (Ревель).
91. Двухнедельного журнала, посвященного защите культурных, правовых и экономических интересов русской эмиграции, «Голос эмигранта».
92. Большого общественно-политического и литературного еженедельника «Воля России» (Прага).
93. Ежедневной газеты г. Харбина «Русский голос».
94. Литературно-политической и экономической газеты с большим торгово-промышленным отделом «Время».
95. Единственной на Балканах большой политической и литературной газеты «Русское дело» (София).
96. Газеты «Новое время» (Белград).
97. Литературно-художественного и общественного ежемесячного журнала «Сполохи». С. 79.
98. Медицинского и естественно-научного издательства «Пировское товарищество».
99. Научного книгоиздательства «Сотрудник».
100. Издательства И. П. Ладыжникова (книги Д. С. Мережковского). обложка.
101. Издательства И. П. Ладыжникова (книги русских классиков). обложка.

№ 3

I. Общие статьи

1. Яценко А. О новых путях в «новом» искусстве. С. 1–3.

II. Критика и рецензии

2. Илья Эренбург. Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: Мосье Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина Эрколэ Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши.

- В дни мира, войны и революции в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, об иудейском племени, о конструкции и о многом ином. Берлин, изд-во «Геликон». 1922 (354 с.). А. Яценко. С. 4–6.
3. А. Ветлугин. Третья Россия. «Франко-русская печать». Париж. 1922 (397 с.). А. Яценко. С. 6–7.
  4. М. М. Шкапская. «Mater Dolorosa». Петербург. 1922. Бор. Пильняк. С. 7–8.
  5. Ирина Одоевцева. Двор чудес. Изд-во «Мысль». Петроград. 1922. Елизавета Полонская. Знаменья. Изд-во «Эрато». Петроград. 1922. И. Э. С. 8–9.
  6. Жар-птица, № 6. Изд. А. Э Когана «Русское Искусство». Берлин. 1922. И. Левитан. С. 9–10.
  7. Федор Иванов. «Узор старинный». Кн-ство «Мысль». Берлин. 1922 г. А. Дроздова. С. 10.
  8. «Собачья доля». Петербургский сборник рассказов А. Ремизова, Е. Замятина и др. Кн-ство «Слово». Берлин. 1922. А. Д. С. 10–11.
  9. Григорий Бостунич. Масонство и русская революция. Сербия. 1922. Илья Эренбург. С. 11–12.
  10. Ив. Наживин. Во мгле грядущего. Повести. Изд-во «Детинец». Вена. 1921 (203 с.). Федор Иванов. С. 12.
  11. Е. Нагродская. Правда о семье моей жены. Изд-во О. Дьяковой. Берлин. 1922 (166 с.) И. С. 12–13.
  12. Е. Чириков. «Смердяков русской революции» (Роль Горького в русской революции). Изд. А. Паскалев. София. 1921 (56 с.). И. Василевский (Не-Буква). С. 13–14.
  13. Былое № 18. Петроград. 1922 (256 с.). Б. Н. С. 14–16.
  14. Дела и дни. Исторический журнал. Книга вторая. Госиздат. 1921 (240 с.). Б. Н. С. 16–17.
  15. В. Шульгин. 1920 год. Российско-Болгарское книгоиздательство. София. 1922. В. Станкевич. С. 17–19.

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ ДЛЯ ОТЗЫВА¹⁴

16. Издательства «ACADEMIA» — 2 книги.
17. Издательства «БИБЛИОФИЛ» — 2 книги.
18. Издательства «ГЕЛИКОН» — 1 книга.
19. Издательства Ладыжникова — 3 книги.
20. Издательства «Огоньки» — 3 книги.
21. Издательства «И. ОТТО» — 1 книга.
22. Издательства «ПЕТРОПОЛИС» — 2 книги.
23. «РОССИЙСКО-БОЛГАРСКОГО КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА» — 1 книга.
24. «РУССКОГО УНИВЕРСАЛЬНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА» — 7 КНИГ.
25. Издательства «РУСЬ» — 1 книга.
26. Издание «СЛАВЯНСКОГО ОБЩЕСТВА В БОЛГАРИИ» — 4 книги.

Кроме того, было прислано еще 22 книги.

III. ХРОНИКА И РАЗНЫЕ ЗАМЕТКИ

27. Русская книга во Франции. *Евг. Зноско-Боровский*. С. 22–26.
28. Русская книга в Константинополе. *В. Крымский*. С. 26–27.
29. Русская пресса в Юрьеве в период 1914–21 г. (Обзор). *К. Вревский*. С. 27–28.
30. Религиозно-общественное издательство «СВЕТ РАЗУМА». С. 28.
31. Закон о печати в Латвии. С. 28–29.
32. Медицинский отдел при издательстве И. П. Ладыжникова. С. 29.
33. Письмо в редакцию. *Евгений Лундберг*.
34. Философское общество при Петроградском университете.
35. Нео-филологическое общество в Петербурге. *Г. Лозинский*. С. 30.

¹⁴ Список размещен на С. 19–21.

36. Жизнь писателей в Москве.
37. Кружок имени В. В. Розанова.
38. (Экспедиция в Афганистан из Москвы)¹⁵.
39. (Принятие в ведение Академии наук Сухумского ботанического сада).
40. (Наказание за нарушение авторских прав).
41. (Начало работ по составлению Словаря писателей Северо-Кавказа).
42. (Создание в Москве Государственного комитета по охране памятников природы). С. 30–31.
43. (Новые издания «Истпарта»). С. 31.
44. (О представлении драмы А. Р. Кутеля «Николай I»).
45. (О начале выхода журнала «Орфей» в Петербурге).
46. (О музеях Москвы).
47. (О письме проф. Н. Н. Фатова в «Известиях» с просьбой о предоставлении ему материалов о Л. Н. Андрееве, для работы над монографией).
48. (Об открытии музеев в Петербурге).
49. (Двухлетний юбилей московского Дома печати).
50. (О положении дел в Госиздате).
51. (О новом поэтическом течении — «иллюминистах»).
52. (Книгоиздательство при «Литературном Особняке»).
53. (Итоги работы Центральной книжной палаты).
54. (О регистрации частных издательств и периодических изданий). С. 31–32.
55. (О борьбе поэтических направлений в Москве). С. 32.
56. (Политическая цензура всех рукописей при петербургском отделении Госиздата).
57. (О начале издания петербургским отделением Госиздата журнала «Новая Книга»).
58. (О создании в Саратове музея имени Н. Г. Чернышевского его сыном — Михаилом Николаевичем).
59. (Об издательствах «Задруга», «Северные Дни»).

¹⁵ Взятые в скобки названия даны нами. В журнале эта хроника напечатана без названий.

60. Книжные новинки Советской России. С. 32–33.

IV. Писатели

61. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.¹⁶ С. 34–40.

62. Писатели о себе.

А. Ветлугин. С. 40–41.

Александр Дроздов. С. 41–42.

Евг. Ив. Замятин¹⁷. С. 42–43.

Александр Кусиков. С. 43–45.

V. Пресса

63. Русские периодические издания за пределами Советской России¹⁸ в 1922 г (Дополнение к списку в первом номере). С. 46.

VI. Книжная летопись

64. А. Русские книги, появившиеся в 1918–1922 вне Советской России¹⁹.

1. Беллетристика и детская литература. С. 47–48.

2. Политика, экономика, философия, религия, история и искусство. С. 48–49.

3. Естествознание, медицина и сельское хозяйство. С. 49.

4. Учебники и смесь.

¹⁶ Продолжение сведений, данных в предшествующих номерах журнала.

¹⁷ Автобиография Е. И. Замятина была написана для петербургского журнала «Вестник Литературы» (*Примечание редакции*).

¹⁸ В списке указаны 14 изданий 8 стран.

¹⁹ Дополнение к сведениям в предшествующих номерах журнала (*Примечание редакции*). Список нумерованный, содержит 113 позиций, которые распределены по 4 рубрикам следующим образом: 1 — 54, 2 — 43, 3 — 7 и 4 — 9 (Э. Л.).

Б. Книги, появившиеся на Дону за период генерала Деникина. (Из материалов ген.-шт. полковника Я. М. Лисового)²⁰.

1. Литература о Добровольческой армии. С. 50.

2. Биографический отдел.

3. Издания по территориальным вопросам.

4. Экономические вопросы. С. 50–51.

5. Рабочий вопрос. С. 51.

6. Литература по внешним вопросам.

7. Литература по церковным вопросам.

8. Литература по разным вопросам (Антисоветская в изд. «Освага»).

9. Беллетристика. С. 52.

10. Великая европейская война.

11. Гражданская война.

12. Суд.

13. Литература о Востоке.

14. Литература Кубани.

15. Литература Терека.

16. Литература Дона.

17. Собрание узаконений и распоряжений правительства.

18. Журналы.

Далее на 30 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц в журнале отсутствуют).

65. Книгоиздательства С. Ефрона (Берлин). С. 53.

66. Книгоиздательства «Знание» (Берлин). С. 54.

67. Книгоиздательства «Геликон» (Берлин). С. 55.

68. Книгоиздательства «Отто Кирхнер и К^о» (Берлин). С. 56.

²⁰ Список нумерованный, содержит 157 позиций, которые распределены по 18 рубрикам следующим образом: 1 — 13, 2 — 26, 3 — 10, 4 — 7, 5 — 3, 6 — 1, 7 — 4, 8 — 53, 9 — 12, 10 — 2, 11 — 1, 12 — 2, 13 — 1, 14 — 3, 15 — 2, 16 — 9, 17 — 2, 18 — 6.

69. Центрального книжного склада «Образование» в Берлине». С. 57.
70. Фирмы К. В. Хирземанна²¹ (K. W. Hiersemann) (Лейпциг). С. 58.
71. Издательства «Мысль» (Берлин). С. 59.
72. Русского универсального издательства (Берлин). С. 60.
73. Книжного магазина М. Н. Майзея (Нью-Йорк). С. 61.
74. Издательства З. И. Гржебина (Петербург — Берлин). (Русская литература). С. 62.
75. Издательства З. И. Гржебина (Петербург — Берлин) (Учебники и книги для внешкольного чтения. Биографии замечательных людей). С. 63.
76. Издательства «Скифы» (Берлин). С. 64.
77. Издательства «Скифы» (Берлин) (Новые книги). С. 65.
78. Русского книжного магазина «Град-Китеж» (Берлин). С. 66.
79. Литературного ежемесячника «Эпопея» (Берлин).
80. Товарищество «Польпраса» (Варшава).
81. Книгоиздательства «Литература» (Берлин). С. 67.
82. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина (Берлин).
83. Центрального на Литве книжного склада З. Л. Каганского (Ковно). С. 68.
84. Типографии Германа Гольдберга (Берлин).
85. Книжного магазина и библиотеки С. О. Латкина «Родное слово» (Лондон). С. 69.
86. Издательства А. Ф. Девриена (Берлин).
87. Книжно-газетной экспедиции «Россия» (Берлин). С. 70.
88. Русского книжного магазина и издательства «Заря» (Берлин).
89. Издательства «Грани» (Берлин). С. 71.
90. Книгоиздательства «Русь» (Вена).
91. Русский книжный магазин и библиотека в Вене Я. М. Перский. С. 72
92. Издательства «Восток».
93. Книгоиздательства «Библиофил» (Ревель).
94. Издательства и книготорговли «Ольга Дьякова и К^о» (Берлин). С. 73.

²¹ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

95. Книжного и газетного бюро А. Г. Маршака.
96. Варшавского книжного магазина М. J. Freid.
97. Книгоиздательства С. Ефрон (Берлин).
98. Издательства «Возрождение» (Берлин). С. 74.
99. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь» (Берлин).
100. Книжного магазина и издательства Германа Кауфмана (Берлин).
101. Журнала «Летопись» (Петербург).
102. Органа социал-демократической мысли журнала «Заря» (Берлин). С. 75.
103. Ежедневного журнала «Еврейская трибуна» (Париж).
104. Ежемесячного большого литературного и общественно-политического-журнала «Современные записки» (Париж).
105. Ежемесячного литературного издания «Русская мысль» (Париж).
106. Ежедневной рабоче-крестьянской газеты «Свободная Россия». (Чикаго). С. 76.
107. Ежедневной общественно-политической и торгово-промышленной газеты «Шанхайская жизнь» (Шанхай).
108. Товарищества издательства «Свободная Россия» (Владивосток).
109. Ежедневной демократической, политико-экономической и литературной газеты «Утро» (Нью-Йорк).
110. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России» (Берлин). С. 77.
111. Большой ежедневной газеты «Накануне» (Берлин).
112. Демократического органа русской эмиграции «Русская сила» (Берлин).
113. Литературно-политической и экономической газете с большим торгово-промышленным отделом «Время» (Берлин).
114. Двухнедельного журнала, посвященного защите культурных, правовых и экономических интересов русской эмиграции. «Голос эмигранта» (Берлин).
115. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж).

116. Органа русской освободительной национально-государственной мысли ежедневной газеты «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс).
117. Ежедневной общественной экономической и литературной газеты «Волыньское слово» (Ровно).
118. Ежедневной газеты «Рижский курьер» (Рига). С. 78.
119. Независимой демократической газеты «Сегодня» (Рига).
120. Ежедневной газеты «Варшавские отклики» (Варшава).
121. Единственной на Балканах большой политической и литературной газеты «Русское дело» (София).
122. Ежедневной газеты «Последние известия» (Ревель).
123. Общественно-политической и литературной газеты «Свободная речь».
124. Ежедневной литературно-политической газеты «Эхо» (Ковно).
125. Ежедневной беспартийной независимой газеты «Либавское русское слово» (Либава).
126. Газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). С. 79.
127. Большого общественно-политического и литературного еженедельника «Воля России» (Прага).
128. Ежедневной газеты «Русский голос» (Харбин).
129. Ежедневной кооперативной газеты «Русский голос» (Нью-Йорк).
130. Книжно-газетной экспедиции и контрагентства М. И. Борисова «Дальний Восток» (Харбин).
131. Ежедневной литературной, общественно-политической и экономической газеты, органа независимой демократической мысли «Вольная Литва» (Ковно).
132. Газеты «Новое время» (Белград).
133. Газеты «Новый мир» (Буэнос-Айрес).
134. Литературно-художественного и общественного ежемесячного журнала «Сполохи» (Берлин). С. 80.
135. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин) (Русские классики). С. 3 (обложки).
136. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин) (Книги Д. С. Межковского). С. 4 (обложки).

I. Общие статьи

1. Тукалевский Вл. Литературные рисовальщики. С. 1–2.
2. Голлербах Э. Книжная иллюстрация. С. 3–4.
3. Голлербах Э. «Апокалипсис» Розанова. С. 5–10.

II. Критика и рецензии

4. Гр. Алексей Толстой. Любовь — книга золотая. Берлин. Изд-во «Москва. 1922 (91 с.). Ал. Др. С. 11.
5. П. Муратов. Три рассказа. Изд-во «Геликон». Берлин. 1922. А. Ветлугин. С. 11–12.
6. Уптон Синклер. Джимми Хиггинс. Роман. Перев. М. А. Дьяконова. Госиздат. Птб. 1922. А. Ветлугин. С. 12–13.
7. Юрий Слезкин. Ольга Орг. Роман. «Русское Универсальное Издательство». Берлин. 1922. — Ветер. Роман. «Русское Универсальное Издательство». Берлин. 1922. Федор Иванов. С. 13.
8. Илья Эренбург. Портреты русских поэтов. Изд-во «Аргонавты». Берлин. 1922. О. С. 13–14.
9. Владимир Амфитеатров-Кадашев. Очерки истории русской литературы. «Славянское издательство». Прага. 1922. (4 нумер. и 264 с.). А. Бем. С. 14–15.
10. Иван Евдокимов. Север в истории русского искусства. Издание Союза Северных кооперативных союзов. Вологда. 1921. Н. Пинегин. С. 15–16.
11. А. Е. Пресняков. Московское царство. Общий очерк. Изд-во «Огни». Птг. 1918. Евг. Л-ий. С. 16.
12. Дом Литераторов. Пушкин. Достоевский. Птб. 1921. Евг. Ляцкий. С. 16–17.
13. Мысль. Журнал Петербургского Философского Общества. под. ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосского (№ 1. январь-февраль). Изд-во «Academia». Птб. 1922 (188 с.). Ц. 1 зол. руб. Sergius. С. 17–19.
14. Э. Л. Радлов. Этика (Из серии «Введение в науку». Философия. Вып. VIII). Изд-во «Наука и Школа». Птб. 1921 (80 с.). Sergus. С. 19.

15. Среди коллекционеров. № 1–12. М., 1921. № 1–2. М., 1922. Э. Голлербах. С. 20–21.

16. Иван Лукаш. Голое Поле (Книга о Галлиополи, 1921 г.). София, 1922 (77 с.). А. Ветлугин. С. 22.

17. «Вперед». Сборник статей, посвященных памяти П. Л. Лаврова. Под ред. П. Витязева. Изд-во «Колос». Птг., 1920 (64 с.); П. Л. Лавров. Социальная революция и задачи нравственности. Старые вопросы. С примеч. П. Витязева. Птг., Изд-во «Колос». 1921 (150 с.); Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Под ред. П. Витязева. Вып. I-й. Птг., Изд-во «Колос». 1921 (90 с.). Б. Н-ский. С. 22–23.

18. Генерал А. И. Спиридович. История большевизма в России от возникновения и до захвате власти (1883–1903–1917). С приложением документов и портретов. Париж, 1922 (477 с.). Ц. 16 фр. Б. Н-ский. С. 23–25.

III. Хроника и разные заметки

Наука и литература в Советской России

19. Действия и распоряжения правительственной власти. С. 26.

20. Жизнь литературных организаций. —

21. Жизнь научных обществ и учреждений. С. 26–28.

22. Издательское дело. С. 28–30.

23. Периодические издания. С. 30–32.

24. Книжные новинки. С. 32–34.

IV. Писатели

25. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.²² С. 35–37.

26. Адреса петербургских литераторов и ученых. С. 37–42.

27. Писатели о себе.

Гр. Алексей Н. Толстой. С. 42–43.

И. Г. Эренбург. С. 43–45.

²² Продолжение сведений, данных в предшествующих номерах журнала.

V. Пресса

28. Русские периодические издания за пределами Советской России²³ в 1922 г (Дополнение к списку в первом номере). С. 46.

VI. Книжная летопись

29. А. Русские книги, появившиеся в 1918–1922 вне Советской России²⁴.

1. Беллетристика и детская литература. С. 47–48.

2. Политика, экономика, философия, история, критика, религия. С. 48.

3. Естествознание, медицина, техника, сельское хозяйство. С. 48–49.

4. Учебники и смесь. С. 49.

Б. Литература по философии, появившаяся в Советской России в 1918–20 гг.²⁵

Дм. Чижевский. С. 49–50.

Далее на 30 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц объявлений в журнале отсутствуют).

30. Книгоиздательства С. Ефрона (Берлин). С. 51.

31. Книгоиздательства «Знание» (Берлин). С. 52.

32. Книгоиздательства «Геликон» (Берлин). С. 53.

²³ В списке указано 11 изданий 5 стран.

²⁴ Дополнение к сведениям в предшествующих номерах журнала (*Примечание редакции*). Список нумерованный, содержит 90 позиций, которые распределены по 4 рубрикам следующим образом: 1 — 53, 2 — 26, 3 — 5 и 4 — 6 (Э. Л.).

²⁵ Список составлен корреспондентом из Киева, и, как заявляет редакция, «не претендует на полноту». В нем учтены книги, вышедшие в СПб (10 наименований), в М (15), в Киеве (6), Харькове (1), Казани (1). Всего — 33.

33. Фирмы К. В. Хирземанна²⁶ (K. W. Hiersemann) (Лейпциг). С. 54.
34. Центрального книжного склада «Образование» (Берлин). С. 55.
35. Издательства «Эпоха» (Берлин). С. 56.
36. Книжного магазина М. Н. Майзеля (Нью-Йорк). С. 57.
37. Издательства «Скифы». С. 58.
38. Международного обозрения современного искусства «Вещь» (Берлин). С. 59.
39. Книгоиздательства «Наша речь». С. 60.
40. Русского универсального издательства. С. 61.
41. Российского книготоргового товарищества (Берлин). С. 62.
42. Книгоиздательства «Огоньки» (Берлин).
43. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина (Берлин). С. 63.
44. Книгоиздательства «Литература» (Берлин).
45. Издательства «Библиофил» (Ревель). С. 64.
46. Издательства «Восток» (Берлин).
47. Художественного издательства «Academia» (Берлин-Петербург). С. 65.
48. Книгоиздательства «Франко-Русская печать» (Париж). С. 66.
49. Книгоиздательства «Русская печать» (Париж).
50. Русского универсального издательства (Берлин). С. 67.
51. Книжного магазина и склада «Грани» (Берлин).
52. Издательства А. Ф. Девриен (Берлин). С. 68.
53. Книгоиздательства «Отто Кирхнер и К°» (Берлин).
54. Книжного магазина и библиотеки С. О. Латкина «Родное слово» (Лондон). С. 69.
55. Издательства и книготорговли «Товарищества Культура» (Константинополь).
56. Книжно-газетной экспедиции и контрагентства М. И. Борисова (Харбин). С. 70.
57. Книжного, транспортно-экспедиционно-посылочного отдела Русско-Балтийского Ллойда (Берлин).
58. Типографии Германа Гольдберга (Берлин). С. 71.
59. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина (Берлин).

²⁶ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

60. Издательства и книготорговли Ольги Дьяковой и К° (Берлин).
61. Русского книжного магазина «Град Китеж» (Берлин). С. 72.
62. Литературного ежесеместника «Эпопея» (Берлин).
63. Антикварной книжной торговли Б. Ривлина (Берлин).
64. Книгоиздательства «Наука и Жизнь» (Берлин-Рига). С. 73.
65. Агентства по продаже бумаги (Papier-Agentur&Kommission — G.M. V. H.). (Берлин).
66. Единственного на всю Южную Америку книжного магазина Г. Капланского (Париж).
67. Издательства Е. А. Гутнова в Берлине.
68. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь» (Берлин). С. 74.
69. Ежемесячного большого литературного и общественно-политического журнала «Современные записки».
70. Петербургского журнала «Летопись», издаваемого Домом литераторов.
71. Органа социал-демократической мысли журнала «Заря» (Берлин).
72. Ежемесячного литературного издания «Русская Мысль» (Прага). С. 75.
73. Ежедневной рабоче-крестьянской газеты «Свободная Россия» (Чикаго).
74. Еженедельного журнала «Еврейская трибуна» (Париж).
75. Товарищества издательства «Свободная Россия».
76. Ежедневной общественно-политической и торгово-промышленной газеты «Шанхайская жизнь». С. 76.
77. Издательства «Наука и Школа» (Петроград).
78. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России» (Берлин).
79. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж).
80. Новой большой ежедневной газеты «Накануне» (Берлин).
81. Большой демократической, политико-экономической и литературной газеты «Утро». С. 77.
82. Демократического органа русской эмиграции «Русская сила» (Берлин).
83. Ежедневной общественной экономической и литературной газеты «Волынское слово» (Ровно).

84. Двухнедельного журнала, посвященного защите культурных, правовых и экономических интересов русской эмиграции «Голос эмигранта».

85. Органа русской освободительной национально-государственной мысли, ежедневной газеты «Новая русская жизнь» (Гельсингфорс).

86. Литературной, политической и экономической газеты с большим торгово-промышленным отделом «Время».

87. Русской антибольшевистской газеты «Русское эхо» (Шанхай).

88. Ежедневной газеты «Рижский курьер» (Рига). С. 78.

89. Независимой демократической газеты «Сегодня» (Рига).

90. Ежедневной газеты «Варшавские отклики» (Варшава).

91. Единственной на Балканах большой политической и литературной газеты «Русское дело» (София).

92. Ежедневной газеты «Последние известия» (Ревель).

93. Общественно-политической и литературной газеты «Свободная речь» (София).

94. Ежедневной литературно-политической газеты «Эхо» (Ковно).

95. Ежедневной беспартийной независимой газеты «Либавское русское слово» (Либава).

96. Газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк). С. 79.

97. Еженедельника «Воля России» (Прага).

98. Ежедневной газеты г. Харбина «Русский голос».

99. Самой распространенной в Соединенных Штатах и Канаде кооперативной газеты «Русский голос» (Нью-Йорк).

100. Книжно-газетной экспедиции и контрагентства М. И. Борисова «Дальний Восток» (Харбин).

101. Ежедневной литературной общественно-политической и экономической газеты «Вольная Литва» (Ковно).

102. Газеты «Новое время» (Белград).

103. Ежедневной политической, литературной и экономической газеты «Новый мир» (Буэнос-Айрес).

104. Издательства Е. А. Гутнова в Берлине. С. 80.

105. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 3 (обложка).

106. Книгоиздательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 4 (обложка).

I. Общие статьи

1. Голлербах Э. Русская философия и ее судьба. С. 1–4.

II. Критика и рецензии

2. Алексей Толстой. Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты). Издание «Геликон». Берлин, 1922. И. Соколов-Микитов. С. 5.

3. М. П. Гершензон и В. И. Иванов. Переписка из двух углов. Изд-во «Огоньки». Москва-Берлин. МСМХХII. И Левитан. С. 5–7.

4. Ю. Верховской. Солнце в заточении. Стихи. К-во «Мысль». Птг., 1922. Ю. О. С. 7.

5. Дельвиг. Неизданные стихотворения, под ред. М. А. Гофмана. К-во «Картонный домик». Птб., 1922. Ю. О. С. 7–8.

6. Федор Иванов. «Красный Парнас». Литературно-критические очерки. Изд-во «Русское Универсальное Издательство». Берлин, 1922 (130 с.). Роман Гуль. С. 8–9.

7. Начало. Альманахи. Вып. 1 и 2–3. Иваново-Вознесенск, 1921 и 1922. (188 и 170 с.). Б. Н. С. 9–10.

8. Из области новых течений русской экономической мысли (Труды «Высшего Семинария с.-х. экономии и политики»). Проф. А. Чаянов. С. 10–12.

9. А. С. Орлов. Начало возрождения кооперации в России. Издание Объединенного Комитета Русских Кооперативных Организаций в Англии. Проф. Д. Пестржецкий. С. 12–14.

10. Пьер Бризон. История труда и трудящихся. Пер. с франц. М. Дьяконова. Птб., Государственное издательство, 1921 (446 с.). Ц. 10.000 р. П. Берлин. С. 14.

11. А. Ракетов. Очерки экономического и финансового положения современной России. По официальным данным. Изд. Акц. О-ва «Варрак». Ревель, 1921 (78 с.). Цена не обозначена. П. Берлин.

12. Проф. В. Тотомианц. История экономических и социальных учений. Изд. «Объединение Земских и Городских Деятелей за границей». Париж, 1921 (281 с.). Ц. 10 фр. П. Берлин. С. 15.

13. Boris Mirsky. Les Juifs et la Revolution Russe. Préface de M. Reinach. J. Pavolozky, Editeurs. Paris, 1921 (70 с.).
14. Морской сборник (на правах рукописи). Ред. кап. II ранга Монастырев. № 2. Бизета (Тунис). Февраль, 1922 (92 с.). *Б. Н.*
15. Н. П. Даурец. Семеновские застенки (записки очевидца). Издание «Маяк». Харбин, 1921 (77 с.). Ц. 50 сен. *Б. Н.* С. 15–16.
16. Я. Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. М., Госиздат, 1921 (84 с.). *Б. Н.* С. 16.

Книги, присланные в редакцию для отзыва²⁷

17. Издательства «ВАРРАК» — 2 книги.
18. Издательства «ГЕЛИКОН» — 1 книга.
19. Издательства «О. ДЪЯКОВОЙ и К^о» — 6 книг.
20. Издательства «ДЕТИНЕЦ» — 5 книг.
21. Издательства «С. А. ЕФРОН» — 1 книга.
22. Издательства «И. П. ЛАДЫЖНИКОВА» — 11 книг.
23. Издательства «ОГОНЬКИ» — 2 книги.
24. Издательства «И. ОТТО» — 1 книга (журнал «Русская Мысль»).
25. Издательства «РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО» — 4 книги.
26. Издательства «РУСЬ» — 3 книги.
27. Издательства «СКИФЫ» — 2 книги.

Кроме того, было прислано еще 27 книг.

III. Хроника и разные заметки

А. Русская книга в эмиграции

28. Международная книжная выставка во Флоренции (Впечатления). *И. Галактионов.* С. 20–22.

²⁷ Список размещен на С. 16–19.

29. Русская книга на выставке во Флоренции. *Г. К. Лукомский.* С. 22–24.
30. Союз русских книгоиздателей и книготорговцев в Германии. С. 24–25.
31. Книжный рынок в Латвии (Письмо из Риги). *В. Линковский.* С. 25–26.
32. Условия экспорта книг из Германии. С. 26.
33. Новые издательства в Берлине. С. 26–27.

Б. Наука и литература в Советской России

34. Действия и распоряжения правительственной власти. С. 27.
35. Жизнь литературных обществ и организаций. С. 27–28.
36. Жизнь научных обществ и учреждений. С. 28–31.
37. Издательское дело. С. 31.

IV. Писатели

38. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.²⁸ С. 32–39.
39. Адреса петербургских литераторов и ученых (Продолжение). С. 39–40.
40. Писатели о себе.
Сергей Есенин. С. 41–42.
Иван Наживин. С. 42–43.
41. В редакцию Новой русской книги. *Борис Пильняк-Вогау.* С. 43.

V. Пресса

- А. Периодическая печать в эмиграции²⁹. С. 44.
- Б. Периодическая печать на Дальнем Востоке³⁰. С. 44–45.

²⁸ Продолжение сведений, данных в предшествующих номерах журнала.

²⁹ В списке указано 14 изданий 3 стран.

³⁰ Обзор положения периодической печати (в том числе и в Китае).

В. Периодическая печать в Советской России³¹. С. 46–48.

VI. Книжная летопись

42. А. Русские книги, появившиеся вне Советской России³².

1. Беллетристика и детская литература. С. 49–50.
2. Политика, экономика, техника, религия, искусство. С. 50.
3. Учебники.

Б. Книжные новинки Советской России

1. О Некрасове. С. 50–51.
2. О Пушкине. С. 51.
3. О Достоевском.
4. О Кропоткине.
5. О Короленко.

Далее следует обзор новинок по различным областям знаний. С. 51–54.

Далее на 30 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц объявлений в журнале отсутствуют).

43. Книгоиздательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 55.
44. Фирмы К. В. Хирземанна³³ (K. W. Hiersemann) (Лейпциг). С. 56.
45. Книжного магазина М. Н. Майзеля (Нью-Йорк). С. 57.
46. Издательства «Скифы» (Берлин). С. 58.
47. Издательства «Мысль» (Берлин). С. 59.
48. Русско-французского книжного магазина Л. З. Родштейна (Париж). С. 60.

³¹ Обзор положения периодической печати.

³² Дополнение к сведениям в предшествующих номерах журнала (*Примечание редакции*). Список нумерованный, содержит 90 позиций, которые распределены по 3 рубрикам следующим образом: 1 — 66, 2 — 20, 3 — 4 (Э. Л.).

³³ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

49. Книгоиздательства «Геликон» (Берлин). С. 61.

50. Книгоиздательства «Academia» (Петроград). С. 62.

51. Центрального книжного склада «Образование» (Берлин). С. 63.

52. Книгоиздательства «Огоньки» (Берлин).

53. Книжного магазина и библиотеки С. О. Латкина (Лондон). С. 64.

54. Книжно-газетной экспедиции и контрагентства М. И. Борисова (Харбин).

55. Русского книжного магазина и издательства «Маяк» (Берлин). С. 65.

56. Русско-украинского книжного магазина и библиотеки (Вена).

57. Издательства «Эпоха» (Берлин). С. 66.

58. Книгоиздательства «Знание» (Берлин).

59. Издательства и книготорговли Ольги Дьяковой и К^о (Берлин).

60. Товарищества «Русско-маньчжурская книготорговля» (Харбин). С. 67.

61. Российского книготоргового товарищества (Берлин).

62. Русского книжного магазина «Град-Китеж» (Берлин).

63. Товарищества «Польправа» (Варшава).

64. Периодического военно-научного журнала «Военный Сборник» (Белград).

65. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь» (Берлин). С. 68.

66. Ежедневной литературно-политической и финансовой газеты «Вечерняя Пресса» (Константинополь).

67. Новой большой ежедневной газеты «Накануне» (Берлин).

68. Издательства Е. А. Гутнова в Берлине. С. 69.

69. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России» (Берлин).

70. Ежемесячного большого литературного и общественно-политического журнала «Современные Записки» (Париж).

71. Ежемесячного литературного издания «Русская Мысль» (Париж).

72. Литературной, политической и экономической газеты с большим торгово-промышленным отделом «Время» (Берлин). С. 70.

73. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж).
74. Русской антибольшевистской газеты «Русское эхо» (Шанхай).
75. Независимой демократической газеты «Сегодня» (Рига).
76. Газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).
77. Большого общественно-политического и литературного еженедельника «Воля России» (Прага).
78. Газеты «Новое время» (Белград).
79. Ежедневной политической, литературной и экономической газеты «Новый мир» (Буэнос-Айрес).
80. Издательства Е. А. Гутнова в Берлине. С. 71.
81. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 72.
82. Книгоиздательства «С. Ефрон» (Берлин). С. 73.
83. Книгоиздательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 74.

№ 6

I. Общие статьи

1. Тукалевский Вл. «Содержание» новой литературы. С. 1–3.
2. Ашукин Николай. Современность в литературе. С. 4–6.

II. Критика и рецензии

3. Алексей Толстой. О некоторых критиках («Утренники», № 2). *Илья Эренбург*. С. 7–8.
4. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, со сводом вариантов. Под редакцией, со вступительными статьями и объяснительными примечаниями Валерия Брюсова. Том I, часть 1. Государственное Издательство. М., 1920. *Евг. Ляцкий*. С. 8–9.
5. И. Соколов-Микитов. Кузовок. Изд-во «Грани». Берлин, 1922 (62 с.). *Я. Яценко*. С. 9–10.
6. Борис Пастернак. Сестра моя Жизнь. Стихи. Изд-во Гржебина. М., 1922 (136 с.). *Илья Эренбург*. С. 10–12.
7. Книги по русскому искусству, изданные в России и за границей: «Казанский Музейный Вестник», «Среди Коллекционеров», «А. Бенуа», «Серов», «К. Сомов» — Э. Эрнста, «Волга и Бурлаки», —

- Силуэты русских художников», «Последние итоги живописи» — С. Маковского, «Жар-Птица». *Г. К. Лукомский*. С. 12–14.
8. Вера Фигнер. «Запечатленный труд». Часть I. Изд-во «Задруга». М., 1921 (348 с.). *Б. Н-ский*. С. 14–15.
9. Литературные записки. № 1 и 2, от 25 мая и 23 июня с. г. Литературно-общественный и критико-библиографический журнал. Ред. Б. И. Харитон. Изд-во «Логос». Птг., 1922. *Б. Н.* С. 15–16.
10. Экономист. Птб., 1922. № 1. Экономическое возрождение. Издание «Права». 1922. № 1. *Д. Далин*. С. 16–17.
11. Красная Голгофа. Сборник, посвященный памяти товарищей, погибших за рабоче-крестьянское дело. Под ред. И. Жуковского и З. Мокина. Изд. газ. «Амурская правда». Благовещенск, 1920 (144 с.). *Б. Н.* С. 17.
12. В. Нарышкина-Витте. Записки девочки. Изд. автора. Лейпциг. 1922 (142 с.). *Б. Н.*
13. Н. П. Зеленов. Трагедия северной области (Из личных воспоминаний). Париж, 1922 (77 с.). Ц. 4 фр. *Б. Н.* С. 17–18.
14. В. Воинов. Горюнова Радость. Сказка с иллюстрациями Вл. Белкина. Изд-во «Библиофил». Ревель (96 с.). *В. Яновская*. С. 18.

Книги, присланные в редакцию для отзыва³⁴

15. Издательство «ACADEMIA» — 1 книга.
16. Издательство «АЛКОНОСТ» — 16 книг.
17. Издательство «БИБЛИОФИЛ» (Ревель) — 1 книга.
18. Издательство «ГЕЛИКОН» — 5 книг.
19. ГОСИЗДАТ И ЕГО ОТДЕЛЕНИЯ — 16 книг.
20. Издательство «ГРАНИ» — 1 книга.
21. Издательство А. Ф. ДЕВРИЕНА — 4 книги.
22. Издательство С. Ефрон — 2 книги.
23. Издательство «ЛИТЕРАТУРА» — 2 книги.
24. Издательство «МЫСЛЬ» — 3 книги.
25. Издательство «НАША РЕЧЬ» — 2 книги.
26. Издательство «ОГОНЬКИ» — 3 книги.

³⁴ Список размещен на С. 18–22.

27. Издательство «РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО» — 2 книги.
28. РУССКОЕ УНИВЕРСАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО — 2 книги.
29. Издательство «СКИФЫ» — 5 книг.
30. Издательство «ФРАНКО-РУССКАЯ ПЕЧАТЬ» — 3 книги.
31. Издательство «ЭПОХА» — 18 книг.

III. Хроника и разные заметки

32. Петербургские письма (Книжный кризис — Возрождение журналистики — Дом Литераторов). Я. Лившиц. С. 23–25.
33. Действия и распоряжения Советской власти. С. 25–26.
34. Возобновление предварительной цензуры. Положение о Главном Управлении по делам литературы и издательства (Главлит). С. 26.
35. Жизнь научных обществ и учреждений. С. 26–28.
36. Жизнь литературных организаций. С. 28.
37. Издательское дело. С. 28–29.
38. Издательство «АЛКОНОСТ». С. 29–30.

IV. Писатели

39. Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 г.³⁵ С. 31–35.
40. Адреса петербургских литераторов и ученых. С. 35–38.
41. Писатели о себе.
42. Андрей Соболев. С. 38–40.
43. Александр Яковлев. С. 41.

V. Пресса

44. А. Периодическая печать в эмиграции³⁶. С. 42.
45. Б. Периодическая печать на Дальнем Востоке³⁷. С. 42–43.

46. В. Периодическая печать в Советской России. С. 43–44.
47. Положение советской провинциальной печати. С. 44.

VI. Книжная летопись

48. А. Русские книги, появившиеся вне Советской России³⁸.
49. Беллетристика и стихи. С. 45.
50. Политика, экономика, мемуары и искусство. С. 45–46.
51. Техника и сельское хозяйство. С. 46.
52. Учебники и смесь.

Далее на 30 страницах (включая 3 и 4 страницы обложки) опубликованы объявления без общего заголовка и в той последовательности, в какой информация о них помещена ниже (номера страниц объявлений в журнале отсутствуют).

53. Издательства И. П. Ладыжникова. С. 47.
54. Фирмы К. В. Хирземанна³⁹ (K. W. Hiersemann) (Лейпциг). С. 48.
55. Книжного магазина М. Н. Майзеля. С. 49.
56. Издательства «Скифы». С. 50.
57. Русского книжного магазина «Москва» в Берлин. С. 51.
58. Русско-французского книжного магазина Л. З. Родштейна в Париже. С. 52.
59. Издательства Я. Поволоцкого в Париже. С. 53.
60. Издательства «Геликон» (Берлин). С. 54.
61. Издательства Вальтер и Раппа (Рига). С. 55.
62. Русского универсального издательства (Берлин). С. 56.
63. Издательства Северные огни (Стокгольм). С. 57.
64. Издательства «Academia» (Петроград). С. 58.
65. Издательства «Огоньки» (Берлин). С. 59.
66. Центрального книжного склада «Образование» (Берлин).

³⁵ Продолжение сведений, данных в предшествующих номерах журнала.

³⁶ В списке указано 9 изданий 7 стран.

³⁷ Обзор положения русскоязычной периодической печати (в том числе и в Китае).

³⁸ Дополнение к сведениям в предшествующих номерах журнала. Список нумерованный, содержит 58 позиций, которые распределены по 4 рубрикам следующим образом: 1 — 23, 2 — 27, 3 — 5, 4 — 3 (Э. Л.).

³⁹ Издательство, книжная торговля, антиквариат.

70. Книгоиздательства и книжного магазина «Отто Кирхнер и К^о» (Берлин). С. 60.
71. Издательства учебных пособий А. Г. Сыркина (Берлин).
72. Издательства «Эпоха» (Берлин). С. 61.
73. Издательства «Восток» (Берлин).
74. Книжного магазина и антиквариата Иосифа Бера и К^о (Берлин). С. 62.
75. Книжного склада и контрагентства М. И. Борисова (Харбин).
76. Книжного магазина «Орион» Российского книготоргового товарищества (Берлин). С. 63.
77. Единственного русского книжного магазина в Шанхае «Русское книжное дело».
78. Русского книжного магазина «Град-Китеж» (Берлин).
79. Товарищества «Русско-Маньчжурская книготорговля» (Харбин).
80. Книгоиздательства «Знание» (Берлин). С. 64.
81. Ежедневной политической, общественной и литературной газеты «За Свободу!» (Варшава).
82. Г. А. Касьяна (Русское книжное дело и библиотека для общественного пользования) (Буэнос-Айрес).
83. Швейцарского отделения кооперативного издательства «Задруга» (Женева).
84. Ежемесячного большого литературного и общественно-политического журнала «Современные Записки» (Париж).
85. Издательства Е. А. Гутнова в Берлине. С. 65.
86. Журнала, посвященного пропаганде русского сценического искусства за границей «Театр и жизнь» (Берлин).
87. Ежедневной политической, экономической и литературной газеты «Голос России» (Берлин).
88. Ежемесячного литературного издания «Русская Мысль» (Прага).
89. Большой ежедневной газеты «Накануне» (Берлин). С. 66.
90. Ежедневной литературно-политической и финансовой газеты «Вечерняя Пресса» (Константинополь).
91. Газеты «Русь» (София).
92. Еженедельника «Воля России» (Прага).
93. Ежедневной газеты г. Харбина «Русский голос».

94. Большой ежедневной газеты «Последние новости» (Париж).
95. Двухнедельного журнала, посвященного защите культурных, правовых и экономических интересов русской эмиграции «Голос эмигранта».
96. Литературной, политической и экономической газеты с большим торгово-промышленным отделом «Время» (Берлин).
97. Издательства Е. А. Гутнова (Берлин). С. 67.
98. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 68.
99. Книгоиздательства С. Ефрона (Берлин). С. 3 (обложки).
100. Издательства И. П. Ладыжникова (Берлин). С. 4 (обложки).

П.Мажара

ЖУРНАЛ «СЛУЖБА СВЯЗИ ЛИВЕНЦЕВ
И СЕВЕРОЗАПАДНИКОВ»
КАК ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ РОССИИ В ЭМИГРАЦИИ

Среди многочисленных изданий русской военной эмиграции первой волны выделяется недолго просуществовавший журнал «Служба связи ливенцев и северозападников», сумевший собрать уникальные мемуарные свидетельства о гражданской войне на северо-западе России.

Журнал издавался объединением ливенцев, ветеранов Северо-Западной армии, служивших в т. н. «Ливенском отряде». В январе 1919 г. в Либаве Светлейшим князем Анатолием-Леонидом Павловичем Ливеном был сформирован «Либавский добровольческий стрелковый отряд», более известный как «Ливенский отряд»¹. Отряд участвовал в отвоевании Латвии у большевиков, в том числе во взятии Риги 22 мая 1919 г. После переброски на Нарвский фронт, под Петроград, отряд был переформирован в 5-ю (Ливенскую) дивизию 1-го стрелкового корпуса Северо-Западной армии.² После провала осеннего наступления 1919 г. армия отступила на территорию Эстонии и в 1920 г. прекратила свое существование.

Делом жизни князя Ливена в эмиграции стало издание документов и воспоминаний по истории Белого дела. Вместе с генералом Алексеем Александровичем фон Лампе и герцогом Георгием Николаевичем Лейхтенбергским Ливен по предложению барона

© П. Мажара, 2012

¹ Родзянко А.П. Воспоминания о Северо-Западной армии // Белая борьба на Северо-Западе России / Сост., науч. ред. и комм. С.В. Волкова. М., 2003. С. 196–199.

² Рутыч[-Рутченко] Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 259.

П.Мажара. Журнал «Служба связи ливенцев и северозападников» как продолжение Белого

Петра Николаевича Врангеля сумел основать серию «Белое дело», которая выходила с 1926 по 1933 г. Всего вышло 7 томов материалов по истории гражданской войны³. В 1929 г. в честь десятилетия взятия Риги стараниями Светлейшего князя на пожертвования была выпущена «Памятка Ливенца», в которой были опубликованы воспоминания самого князя, принявшего от него командование отрядом Климента Ивановича Дыдорова⁴ и многих других ливенцев.

В конце того же 1929 г. вышел первый номер журнала «Служба Связи Ливенцев» (название со 2-го номера — «Служба Связи Ливенцев и Северозападников», с 6-го номера — «Служба Связи»). Во главе нового издания стал князь Ливен. Дело издания журнала взяло на себя объединение ливенцев в Данциге⁵. Обязанности ответственного редактора были возложены на подпоручика Юрия Николаевича Коваленко. Всего за период с 1929 по 1936 г. вышло 8 номеров журнала⁶. Декларировалось намерение выпускать по 2 номера в год, но финансовые трудности не позволили его реализовать. Последние номера журнала выходили с большим интервалом. Цель журнала была обозначена в самом его названии: поддержка связи между рассеянными по всему свету членами бывшего Ливенского отряда, солдатами и офицерами Северо-Западной армии «вплоть до того дня, когда возрождающаяся Россия потребует вновь

³ Белое дело: Летопись белой борьбы: Материалы, собранные и разобранные бароном П.Н. Врангелем, герцогом Г.Н. Лейхтенбергским и светл. князем А.П. Ливеном / Ред. А.А. фон Лампе. Берлин, 1926–1933. В 7 т.

⁴ 24 мая 1919 г. в лесном бою у станции Роденпойс (территория Латвии) князь Ливен был тяжело ранен. Командование отрядом принял капитан Дыдоров (Волков С.В. Комментарии // Белая борьба на Северо-Западе России. С. 643; Рутыч[-Рутченко] Н.Н. Белый фронт... С. 257).

⁵ Отделения объединения ливенцев были также в Греции, Латвии, Эстонии и Франции. Сам князь Ливен, остзейский немец, проживал в эмиграции в Латвии, на небольшом хуторе, оставшемся от его родового имения Межотне (Рутыч[-Рутченко] Н.Н. Белый фронт... С. 263).

⁶ Служба связи ливенцев. Декабрь 1929 г. № 1; Служба связи ливенцев и северозападников. Май 1930 г. № 2; Служба связи ливенцев и северозападников. Ноябрь 1930 г. № 3; Апрель 1931 г. № 4; Октябрь 1931 г. № 5; Сентябрь 1932 г. № 6; Апрель 1934 г. № 7; Июль 1936 г. № 8.

жертвенную службу всех верных своих сынов»⁷. Князь Ливен и его боевые товарищи продолжали в эмиграции сохранять веру в конечную победу над коммунизмом, издание специального журнала было для них продолжением Белого дела в эмиграции. Благодаря этому периодическому изданию сохранялась связь между участниками Белого движения на Северо-Западе, создавалась своя собственная историческая традиция, велась пропаганда идей белых в эмигрантской среде.

В каждом номере журнала помещался политический обзор, неизменно составлявшийся князем Ливеном. Основным же содержанием каждого номера становились, прежде всего, публикации воспоминаний участников Белого движения на Северо-Западе, в первую очередь ливенцев. Журнал просил своих читателей присылать для публикации мемуары и документы по истории гражданской войны. Публиковались на страницах журнала и литературные произведения мемуарного характера Александра Ивановича Куприна и Леонида Федоровича Зурова, видных русских писателей, участвовавших в Белом движении на Северо-Западе⁸. Но для современного исследователя истории гражданской войны, пожалуй, в первую очередь представляют интерес многочисленные публикации мемуарных свидетельств рядовых ее участников: солдат, нижних чинов. Эти люди редко имели возможность донести до широкого круга читателей свою личную историю гражданской войны, свой собственный взгляд на события, в которых им довелось принимать непосредственное участие. Журнал же предоставлял им такую возможность, возможность поделиться с читателем своим уникальным опытом участия в гражданской войне. Мемуары публиковались в каждом номере. Публиковались также и документы по истории отряда и Северо-Западной армии⁹.

На страницах журнала уделялось внимание общественной жизни в эмиграции. Публиковались материалы объединения ливенцев,

⁷ Служба связи ливенцев и северозападников. Май 1930 г. № 2. С. 1.

⁸ Куприн А.И. Павлик Шувалов // Служба связи ливенцев и северозападников. Май 1930 г. № 2. С. 7–8; Зуров Л.Ф. Смерть Бориса // Там же. Октябрь 1931 г. № 5. С. 17–18.

⁹ Служба связи ливенцев и северозападников. Октябрь 1931 г. № 5. С. 39–45.

Общества бывших русских военнослужащих в Латвии. Журнал пристально следил за событиями эмигрантской жизни, участвовал в чествовании генерала Николая Николаевича Юденича по случаю его семидесятилетия¹⁰.

Журнал отдавал долг памяти павшим в годы войны в Латвии и под Петроградом. Публиковались списки павших ливенцев, уточнения и дополнения к ним¹¹. Публиковались и некрологи постепенно уходивших из жизни в эмиграции ливенцев и северо-западников.

Журнал поддерживал обратную связь с читателями, которые сами во многом и были его авторами. На страницах журнала находилось место для читательских откликов, объявлений.

С № 4 появился специальный отдел для молодежи. Статьи для этого отдела писались самим князем Ливеном и носили политико-просветительный характер. Статьи были выдержаны в крайне правом духе, имели четкую антисоветскую направленность («Большевизм и религия»¹², «Еврейство и франмасонство»¹³, «Новый человек» [о попытке создания человека нового типа в Советском союзе]¹⁴).

Князь Ливен был человеком монархических убеждений, соответственно и журнал имел правое направление, но цели восстановления монархии в нем не декларировались. В политических обзорах, которые делал Светлейший князь, регулярно критиковались левые и либеральные политические силы в Европе за слабое противостояние угрозе коммунизма. При этом решительные действия крайне правых, уже пришедших к власти во многих европейских странах к тому времени, вызывали неизменное одобрение. Образцом противостояния левым силам стала для князя Ливена Италия Муссолини: «...фашистское правительство [в Италии] принимает драконовские меры против внутренних своих большевиков и до сих пор великолепно с ними справляется»¹⁵; «...в Европе демократический

¹⁰ Там же. С. 3–9, 47–50.

¹¹ Там же. Май 1930 г. № 2. С. 47–50; Ноябрь 1930 г. № 3. С. 46–47; Апрель 1931 г. № 4. С. 39–40.

¹² Там же. Апрель 1931 г. № 4. С. 45–52.

¹³ Там же. Октябрь 1931 г. № 5. С. 52–61.

¹⁴ Там же. Сентябрь 1932 г. № 6. С. 45–50.

¹⁵ Там же. Май 1930 г. № 2. С. 17.

парламентаризм не способен справиться с красной опасностью <...> положение может быть спасено исключительно противопоставлением правой диктатуры — диктатуре пролетариата. Первая страна, пошедшая по этому пути, была Италия, где фашистская партия, возглавляемая энергичным и талантливым “дуче” Муссолини, бескровно расправившись с остальными партиями, доведшими Италию до края гибели, взяла на себя бремя правления и до сих пор справляется с этой тяжелой задачей на благо всей страны»¹⁶. По-новому организованная модель единовластия представлялась как оптимальная модель для ответа на текущие политические вызовы. «Люди жаждут иметь вождя, который показал бы им верный путь. Один вождь появился, но он остался в единственном числе. Он имел и имеет успех. Он свою страну организовал, ввел порядок, сумел удовлетворить законные требования рабочего класса, одновременно он сумел поднять пыл национального патриотизма и указал своему народу путь к воссозданию Империи, основанной на единении всего народа, поддерживающего своими повсеместными организациями хорошо вооруженную армию и могучий флот. Этот вождь — Дуче — Муссолини»¹⁷. В статье 1932 г., из которой приведена последняя цитата, Ливен пишет далее о том, что у дуче нашлись и подражатели, и переходит к обстоятельному анализу деятельности Адольфа Гитлера. Гитлер, по словам Ливена, до образца «не дорос»¹⁸. Князь критиковал Гитлера, прежде всего, за недостаточную решительность в действиях. Два года спустя, когда вышел следующий номер «Службы связи», решительность фюрера едва ли вызывала у кого-то сомнения, но критическое отношение Ливена к нему сохранилось. В очередном политическом обзоре князь мечтает о некоем «оздоровленном истинным христианством и очищенном от вредного шовинизма»¹⁹ национал-социализме, который мог быть

¹⁶ Там же. Ноябрь 1930 г. № 3. С. 13.

¹⁷ Там же. Сентябрь 1932 г. № 6. С. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Апрель 1934 г. № 7. С. 20. — Следует оговориться, что, говоря о шовинизме, Ливен имел в виду, прежде всего, взгляды идеологов национал-социализма на Россию и славян. Статьи, которые он публиковал в «Службе связи», о еврейском вопросе и истории масонства, по своим идеям вполне совпадали с тем,

стать спасительной альтернативной коммунизму. Ливен не дожидаясь времени Второй мировой войны, когда иллюзии по поводу возможности подобного очищения окончательно рассеялись. Прекратил к тому времени свое существование и журнал.

Немало внимания уделялось в журнале и жизни в Советской России. Тщательно анализировалась политическая и экономическая ситуация в стране. В своих обзорах ситуации в СССР Ливен пытался выискивать уязвимые места у своего противника, которые потенциально могли бы привести к его поражению. В статье 1930 г. князь указывал на следующие слабые, по его мнению, места: атеизм, колхозная система и ситуация с внешней торговлей²⁰. Суть идеи Ливена в данном случае состояла в надежде на то, что проводимая большевиками насильственная политика коллективизации, гонений на церковь, продажа на экспорт значительного количества зерна при нехватке продовольствия внутри страны приведут к крупному по своему размаху народному бунту. Эти надежды подогревались деятельностью таких организаций, как Братство Русской Правды. Князь Ливен был начальником Прибалтийского центра Братства, организации, пытавшейся вести борьбу с Советской властью методами террора и партизанской борьбы²¹. На страницах журнала «Служба связи» публиковались хвалебные отзывы о деятельности братства²², но в действительности больших результатов она не принесла, а вскоре и вовсе полностью прекратилась²³.

Анализируя экономическую и социальную политику советской власти, Ливен приходил к выводу, что СССР готовился к большой

что писалось по этому поводу нацистами (см., напр.: Еврейство и франкмасонство // Служба связи ливенцев и северозападников. Октябрь 1931 г. № 5. С. 52–62).

²⁰ Служба связи ливенцев и северозападников. Май 1930 г. № 2. С. 20.

²¹ Будницкий О.В. Братство Русской Правды — последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 142–143.

²² Служба связи ливенцев и северозападников. Май 1930 г. № 2. С. 29–30; Ноябрь 1930 г. № 3. С. 17–18.

²³ Будницкий О.В. Братство Русской Правды... С. 143. — См. также: Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы: Очерк истории национально-трудового союза (1924–1948). М., 2003. С. 20.

войне, необходимой для торжества мировой революции. Не уделяя внимания анализу внутривластных разногласий (в том числе по внешнеполитическим вопросам), он именно так интерпретировал политику индустриализации и насильственной коллективизации²⁴. Естественно, что при этом Ливен возлагал надежды на грядущую войну как на путь к крушению коммунизма.

В целом, следует отметить, что описание реалий советской жизни на страницах журнала было далеко от того, чтобы показывать действительное положение вещей в СССР. Ливен располагал крайне ограниченной информацией о происходившем в России. Террористические организации белых, вроде Братства Русской Правды, были пристальным объектом внимания ОГПУ, которое внедряло своих агентов, занималось дезинформацией при помощи последних²⁵. Отсюда возникала переоценка способности поднять крупное восстание на территории, контролируемой большевиками. Тем не менее статьи о СССР в журнале представляют интерес тем, что показывают, какой образ советского государства создавался у читателя-эмигранта того времени.

С середины 1930-х журнал стал испытывать серьезные финансовые затруднения, седьмой номер журнала вышел в 1934 г., через два года после выхода предыдущего, а последний, восьмой, номер вышел еще спустя два года. Тогда же, в середине 1930-х гг., у князя развилась тяжелая сердечная болезнь. 3 апреля 1937 г., вернувшись с лечения на Кеммерском курорте (Латвия) домой, Светлейший князь Ливен внезапно скончался²⁶. После его смерти журнал перестал издаваться.

Долгое время журнал оставался библиографической редкостью, сегодня он постепенно становится более доступным для широкого круга исследователей. Небольшое количество мемуаров, опубликованных в нем, было переиздано в сборнике воспоминаний «Белая борьба на Северо-Западе России», подготовленном

²⁴ Служба связи ливенцев и северозападников. Апрель 1931 г. № 4. С. 7–11.

²⁵ Об агентах в БРП см.: Будницкий О.В. Братство Русской Правды... С. 141–143; Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы... С. 20–21.

²⁶ Рутыч[-Рутченко] Н.Н. Белый фронт... С. 266.

С.В. Волковым²⁷. Номера журнала со 2 по 6 за период 1930–1932 гг. на сегодняшний день доступны пользователям Интернета благодаря сайту «archive.org», электронной библиотеке исторических источников²⁸.

Журнал «Служба связи ливенцев и северозападников» стал интересным, хотя и не самым заметным явлением в политической и культурной жизни военной эмиграции первой волны. Как исторический источник он важен не только для историков гражданской войны, но и для исследователей общественно-политической жизни эмиграции, ее военной мысли, истории крайне правых направлений политической мысли.

²⁷ Белая борьба на Северо-Западе России.

²⁸ «Internet archive» URL : <http://www.archive.org/details/sluzhbasviaziliv00live/> Состояние на 31.10.2011.

В. Г. Гаврилов

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВИТЯЗЕЙ ВО ФРАНЦИИ (1928–1984 ГГ.)

Молодежные и детские движения и организации возникли в XIX и развились в полной мере в XX в. После революции 1917 г. в русском зарубежье множество организаций занималось воспитанием детей и молодежи, многие из них почти бесследно исчезли, некоторые существуют до сих пор. К числу последних относятся соколы, русские скауты-разведчики, Русское студенческое христианское движение (РСХД) и витязи.

Отличительной чертой Национальной организации витязей (НОВ), выделившейся в 1934 г. из РСХД, является ее девиз «За Русь, за веру!», а также то, что она «не является ветвью уже существующих международных мировых движений»¹, сохраняя на протяжении более 75 лет полную самостоятельность.

Идея русского православного и национального движения молодежи (позже получившего имя «Витязи») возникла у уроженца Гатчины, студента Технологического института Николая Федоровича Федорова (1895–1984)².

В 1919 г. Н.Ф. Федоров вступает добровольцем в ряды Северо-Западной армии генерала Юденича и отступает вместе с ней до Эстонии. В 1921 г. он становится председателем «Христианского союза русской молодежи» в Ревеле и предлагает в качестве эмблемы Союза существующий поныне знак витязей — белый крест на синем фоне, в красном ромбе. В 1923 г. Христианский союз русской молодежи становится русским отделом YMCA (Young Men Christian Association).

© В. Г. Гаврилов, 2012

¹ Пособие для начальников отрядов и палаток. Париж; СПб., 2001. С. 7.

² Николай Федорович Федоров — основатель «Национальной Организации Витязей». [Вологда], 2007.

В 1926 г. под давлением эстонских властей русский отдел был закрыт, и Николай Федорович переезжает в Париж, где продолжает работу с молодежью при YMCA. В 1927 г. весь русский отдел переходит в Русское студенческое христианское движение (РСХД)³, при котором в 1928 г. возникает первая дружина витязей.

В 1934 г. парижские витязи выходят из РСХД и становятся самостоятельной организацией, во главе которой Н.Ф. Федоров оставался в течение 50 лет до конца своей жизни.

До II Мировой войны работа НОВ широко развивалась во Франции, в Парижском районе и в провинции. Одновременно действовали дружины витязей в Чехословакии, Германии, Латвии, Эстонии и Болгарии (следует отметить, что это были витязи РСХД).

Во время войны закрылись все центры витязей в странах восточной Европы, зато скоро были восстановлены дружины во французской провинции. В 1954 г. возникли новые центры в Марокко и в Аргентине, в 1958 г. в Бельгии и в 1959 г. в Австралии⁴.

С 1992 г. витязи появились в России, сначала в Петербурге, потом в Нижегородской области, Карелии, Подмоскovie и на Байкале.

Витязи во Франции (сначала в составе Юношеского отдела РСХД, потом как самостоятельная Национальная организация витязей) всегда имели одно или несколько периодических изданий. Эти издания или сведения о них в основном хранятся в архиве Национальной организации витязей в Париже (на улице Лекурб, дом 91, рядом с храмом Серафима Саровского; архив НОВ не описан и недостаточно систематизирован), а также в личных архивах руководителей и членов организации. Для удобства разделим историю периодической печати витязей на несколько неравных периодов. Конечно, это только самая предварительная периодизация, требующая своего развития.

1-й период — от появления витязей до выделения в самостоятельную организацию (1928–1934 гг.).

³ Об этой организации см.: *Окороков А.В.* Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации: 1920–1990 гг. М., 2003. С. 128–129.

⁴ Последние два существуют до сих пор.

2-й — от выделения в самостоятельную организацию до оккупации немцами Парижа (1934–1940 гг.).

3-й — военный (1940–1945 гг.).

4-й — от окончания II Мировой войны до смерти основателя витязей Н.Ф. Федорова (1984 г.).

Первый период

Представлен одним изданием. В апреле 1928 г. с подзаголовком «Орган кружков Юношеского отдела Русского студенческого христианского движения за рубежом» под редакцией Н.Ф. Федорова и А.Ф. Шумкиной выходит журнал «**За Русь, за веру**», с первым упоминанием именно о витязях⁵. В следующем году вышел в свет 2-й выпуск этого журнала, с более подробными материалами о них⁶. Выходил ли этот журнал в дальнейшем, на данный момент неизвестно.

Также следует упомянуть, что в 1931 г. рижской дружиной витязей РСХД выпущен журнал «**За веру, за правду**»⁷. В первой половине 1930-х гг. группа гимназистов и одновременно витязей из Даугавпилса (Латвия) издавала свой журнал «**Паломник**»⁸.

Второй период

После разрыва парижских витязей с РСХД появляется новый журнал «**Витязь**». 1-й номер выходит около 1935 г., 2-й и 3-й — в 1938 г. В подзаголовке 3-го номера указано «Журнал Национальной организации витязей» (редактор — К.Б. Гудима). После войны, как увидим, этот журнал возобновляется с продолжением нумерации.

В феврале 1939 г. в ежемесячном приложении к газете «Православная Русь» («Детство и юность во Христе») под редакцией

⁵ Адрес редакции совпадает с адресом РСХД в Париже: 10, Boulevard Montparnasse, Paris 15°. Указана также цена — 2 франка.

⁶ Часть его сохранилась в машинописной копии в подшивке «Н. О. В.: Устав: 1927–1933» (Архив НОВ).

⁷ *Плюханов Б.В.* РСХД в Латвии и Эстонии: Материалы к истории Русского Студенческого Христианского Движения. [Париж,] 1993. С. 119.

⁸ Нельзя служить Богу, не служа миру: 19 октября 2009 // Сайт Русского православного собора свв. апп. Петра и Павла в Монреале <http://peterpaul.sobor.ca/ru/?p=1964>

Н.Ф. Федорова вышел «**Отдел национальной организации «Витязь»**», предполагавшийся как особое периодическое издание⁹. Имел ли 1-й выпуск продолжение, неизвестно.

Третий период

Во время войны проходила полуподпольная работа витязей, но о периодических изданиях этого периода неизвестно. Скорее всего, их и не было, по причине, с одной стороны, технических трудностей, с другой стороны, в связи с сокращением работы в них не было потребности.

Четвертый период

В декабре 1945 г. выходит 1-й номер журнала «**Костер**», который продолжает издаваться до сих пор. Сначала это был «Листок связи 1-й дружины НОВ» под редакцией В.В. Звегинцева. Он так писал во вступлении: «Это и связь между нами... это и возможность для Витязей помещать свои статьи, рассказы своего сочинения, свои пожелания и мысли, это и есть случай печатать материал, могущий их заинтересовать»¹⁰. После короткого перерыва «Костер» возобновляется сначала как журнал Парижского округа НОВ, а потом как «Детско-юношеский журнал Национальной Организации Витязей», издается непосредственно Центром НОВ под личной редакцией Н.Ф. Федорова вплоть до 1964 г. (№ 41)¹¹. После 4-летнего перерыва он становится изданием Парижского округа НОВ под редакцией князя С.С. Оболенского, занимавшего этот пост более 20 лет, и беспрерывно выходит в свет с ноября 1968 г.

Имеется роспись содержания первых 10 номеров журнала¹², а также от возобновления в 1968 г. до середины 1980-х гг.¹³ Это всевозможные материалы для детей и юношества по православной

⁹ 30 лет Бельгийскому Округу Н.О. Витязей: 1958–1988 / Под ред. Ю.В. Осташкова. Брюссель, 1988. С. 3–4.

¹⁰ Костер. 1988. № 159/200. Декабрь. С. 21.

¹¹ В 1953–1960 гг. тираж «Костра» составляет от 110 до 200 экземпляров.

¹² Костер. 1947. № 11. С. 3.

¹³ См., напр.: Там же. 1979. № 100. Январь. С. 33–48; 1980. Декабрь. № 111. С. 46–48 и т. д.

вере, родиноведению (история России, ее география, культура, научные открытия, архитектура, литература и т. д.), а также рассказы, стихотворения, сказки, комиксы, сценарии небольших постановок, пословицы, поговорки, загадки и т. д. Журнал имел большое количество черно-белых иллюстраций.

В «Костре» (особенно при приближении 50-летия НОВ) печатались статьи по истории организации витязей (в рубриках «Из жизни НОВ», «Хроника НОВ»): напр., «Список отрядов (1927–1947 г.)», «Из истории лагерей “Русь”» («Владимирский лагерь в Тури», «Алексеевский лагерь в Напуль», «Суворовский лагерь в Лаффрей»)¹⁴ и др.

С середины 1970-х гг. «Костер» имел подзаголовок «Журнал-пособие» (для проведения отрядных сборов и для занятий родителей с детьми).

В 1975–1976 гг. редакция журнала проводит конкурс «с выдачей призов» для детей не старше 16 лет по русским памятникам (призы — подписка на 5 и 10 номеров «Костра», русская книга, русская граммофонная пластинка и балалайка)¹⁵.

С прекращением выпуска других журналов в «Костер» переходит хроника жизни организации, а с 1979 г. до сих пор в нем печатаются приказы по организации.

В 1949 г. возобновляется «Витязь» — сначала, как и до войны, в качестве «Журнала (или «Сборника») Национальной организации витязей». До 1960 г. очень непериодично выходит несколько номеров. В 1966 г. этот журнал снова возобновляется как орган Объединения Молодежи Витязей с подзаголовком «Юношеский журнал». Сохраняется старая нумерация выпусков и через дробь — новая. Тираж составляет от 100 до 250 экземпляров. Имеется ропись содержания 20 номеров за 1966–1972 гг.¹⁶ В таком виде журнал выходит до февраля 1975 г., когда прекращает свое существование.

С октября 1954 г. по июнь 1969 г. Центром НОВ издавался «Белый Крест» — «Вестник Штаба НОВ», содержащий в себе официальные

¹⁴ Там же. 1975. № 69/110. Декабрь. С. 6–8; 1984; № 132. Июнь. С. 15–28.

¹⁵ Там же. 1975. № 68/109. Ноябрь. С. 16.

¹⁶ Витязь. 1970. № 10/24. С. 28–29; 1972. № 20/34. С. 37–39.

сообщения, приказы, хронику, статьи на идеологические и педагогические темы. Тираж колебался от 80 до 120 экземпляров. Всего вышло 22 номера.

Следует отметить, что в 1961 г., первый и единственный раз после окончания II Мировой войны, не вышло ни одного периодического издания НОВ.

С мая 1964 по май 1979 г. издавался журнал «У Витязей», с подзаголовком «Из жизни НОВ» (сначала как приложение к «Костру», потом к «Белому Кресту», а с апреля 1967 г. — как самостоятельный «информационный сборник»), в котором давалась хроника жизни организации, а также часто делались публикации из архива организации. Журнал имел пометы: «рассылается бесплатно», «только для работающих членов НОВ», «не подлежит передаче посторонним лицам». Тираж составлял от 60 до 150 экземпляров.

В 1978–1979 гг. парижская группа Объединения молодежи витязей (ОМВ) выпускает 3 номера «Черновики ОМВ», в которых публиковались материалы собраний этой группы. Первый выпуск вышел тиражом 40 экземпляров¹⁷. Издание рассылалось бесплатно¹⁸.

Таким образом, видим, что к началу 1980-х гг. у витязей в Париже остался один журнал «Костер», который перенял функции всех остальных изданий. Впрочем, следует отметить, что в Брюсселе (Бельгия) до середины 1980-х гг. продолжает издаваться «Искра» — детско-юношеский журнал Бельгийского округа НОВ (начал выходить в 1962 г. как издание 4-й дружины НОВ в Брюсселе), а в Сиднее (Австралия) с июня 1966 г. до настоящего времени выходят «Вести витязей».

Периодические издания витязей требуют дальнейшего изучения и могут иметь интерес для изучения не только истории данного движения, но и истории русской педагогической мысли и практики, а также интересов, культуры, быта немалой части детей и молодежи русского зарубежья во Франции и в некоторых других странах почти с начала эмиграции до сегодняшнего дня.

¹⁷ Черновики ОМВ. 1979. № 2. Март. С. 1.

¹⁸ Там же. 1979. № 3. Май. С. 36.

И. П. Воронин

ОТНОШЕНИЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЫ
К СОБЫТИЯМ В СССР НАКАНУНЕ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по публикациям газеты «Голос России»)

Еженедельная общественно-национальная газета «Голос России», выходявшая в столице Болгарии Софии с 18 июня 1936 г. по 9 августа 1938 г., оставила свой яркий след в истории журналистики русского зарубежья. От других эмигрантских изданий предвоенного периода ее отличало то, что издавалась она целой семьей недавних беженцев из советской России.

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953), его младший брат Борис (1898–1989), сын Ивана Юрий (1915–2003) бежали в Финляндию из карельских лагерей и довольно быстро получили широкую известность благодаря своим публикациям в зарубежной и эмигрантской прессе («Последние Новости», «Современные Записки», «Иллюстрированная Россия» и др.). Тамара Владимировна Солоневич, жена Ивана, выехала из СССР легально, заключив фиктивный брак с немецким подданным. После побега мужа семья воссоединилась не сразу, в Гельсингфорсе Тамара бывала лишь наездами.

В Софию трое Солоневичей приехали, имея на руках около сотни франков, все прочие сбережения ушли на дорогу. По счастью, на третий день по приезде Иван получил от издательства «Знамя России» гонорар за чешское издание своей знаменитой книги «Россия в концлагере» — 8000 левов. На жизнь этого вполне хватало, а вот для реализации долгосрочного издательского проекта было явно недостаточно. Дефицит покрыли обычным для семьи Солоневичей, но необычным для истории мировой журналистики способом: Борис зарабатывал средства для выпуска первых номеров газеты на ринге вольно-американской борьбы.

© И. П. Воронин, 2012

И. П. Воронин. Отношение эмигрантской прессы к событиям в СССР накануне Второй

«Деньги на газету, — писал И. Л. Солоневич в передовице первого номера “Происхождение и цель «Голоса России», — исключительно наши личные деньги, преимущественно от гонораров иностранной печати, от чешского издания моей книги и от шведского издания книги брата, от лекций и, наконец, от гонораров брата, полученных им на поприще профессиональной борьбы... Денег этих немного. Ни от какой организации денег мы брать не будем, потому что это означало бы подчинение газеты какому-то партийному заказу и потому, что если газета не сможет себя окупить — с нею не будет смысла возиться: мы перейдем полностью на иностранную печать»¹.

И еще одна цитата из программной передовицы:

«Единственная эмигрантско-политическая цель газеты — это, если удастся, хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода, а внутри себя мужества в этом честно раскаяться, — нам не по пути, и разговаривать нам с ними не о чем.

Технически газета рассчитана так: русский читатель, живущий, скажем, в Гельсингфорсе, получает ежедневную русскую газету на пятый день. Следовательно, все злободневные новости он уже знает из местных газет. Ему нужна газета, которая раз в неделю дала бы по возможности исчерпывающую и толковую информацию о России. Вот это “Голос России” и будет делать. И будет говорить **только о России** и ни о чем другом. Никаких негусов, Холливудов, гангстеров — ничего, что России и нас непосредственно не касается: у нас и своих дел — довольно. А о дальнейшем — читатель увидит по самой газете»².

Настоящим «гвоздем» первого номера «Голоса России» стало «Открытое письмо П.Н. Милюкову». Без всяких китайских церемоний Солоневич бросал издателю «Последних Новостей», на страницах которой публиковалась «Россия в концлагере», тяжкие обвинения:

¹ Солоневич И.Л. Происхождение и цель «Голоса России» // Голос России. 1936. 18 июня. № 1.

² Там же.

«Неофициально, в частном письме Вы зажали мне рот Вашими условиями об “умолчаниях и воздержаниях”, а публично, в газете, позволили себе заявить, что мне-де была предоставлена полная свобода сказать все, что я сказать имею. Следовательно, если не по отношению ко мне, то по отношению к Вашим читателям Вы поступили заведомо недобросовестно <...>

И так как Вы, **зная** реальное положение вещей, продолжаете сознательно вводить в заблуждение Ваших читателей, то я, будучи вынужденным еще раз пойти на нарушение правил газетного этикета, позволяю себе напомнить Вам, что в том же Вашем злополучном письме об “умолчаниях” и “воздержаниях” Вы писали:

«Мы прекрасно знаем, что жажда войны господствует в интеллигентных кругах СССР (и не в них одних, конечно), но наше течение считает правильным литвиновский пацифизм...»

<...> на страницах Вашей газеты из номера в номер идет пропаганда литвиновской дипломатии. Эта пропаганда сразу рухнула бы, как карточный домик, если бы Вы допустили — “без умолчаний и воздержаний” констатацию того трагического факта (конечно, трагического: от хорошей жизни никто войны не жаждет), что войны жаждет, **как минимум**: а) самый культурный слой страны — интеллигенция и б) самый многочисленный слой страны — крестьяне. О какой обороноспособности страны может идти речь? И п р о т и в к о г о Вы призываете обороняться подмандатную Вам часть русской эмиграции? И в какое положение будет она поставлена, если в этом “последнем и решающем бою” она — по милости Вашей, — окажется на той стороне баррикады, на которой будут отсиживаться Сталин и Литвинов, и п р о т и в той стороны, на которой будут отстаивать свои права на человеческое существование почти полтора миллиона русских людей? <...>

Ввиду этого я, в качестве человека, пережившего если и не все, то большую часть всего, что переживает русский народ, чувствую за собой нравственное право предъявить Вам, Павел Николаевич, следующие обвинения:

1. Что будучи сами прекрасно осведомленным об истинном положении вещей, Вы, по мотивам поддержки литвиновской дипломатии, предпочитаете сознательно вводить в заблуждение эмиграцию,

допуская не только объективные ошибки в освещении положения в СССР, но идя и на продуманную, субъективную лживость этого освещения.

2. Что, обзывая “пораженцев” предателями и прочими нехорошими вещами, Вы тем самым обзываете предателями и ту часть русского народа, которая не имеет возможности, как имеем мы с Вами, сидеть в безопасности иностранных территорий и под охраной иностранных штыков, а пребывает под охраной, так сказать, русских штыков на территориях лагерей, колхозов и прочих неудобноуспеваемых мест.

3. Что, будучи лидером партии либеральной и демократической, Вы применяете к Вашим читателям весьма нелиберальный и недемократический прием, предполагая их простаками, которым об истинном положении вещей на их Родине рассказывать нельзя.

4. И, наконец, что в тот трагический момент нашей истории, когда единство, хотя бы и относительное, русского народа по обе стороны рубежа может стать вопросом жизни и смерти России — Вы заведомо и с целью поддержки литвиновской дипломатии срываете это единство, систематически сообщая эмиграции ложные и лживые данные о подсоветских массах и, таким образом, ставя Вашу часть эмиграции в лагерь тех, кого русский народ считал и считает своими безусловными, непримиримыми и смертельными врагами.

Само собой разумеется, что если Вы найдете удобным и возможным оспаривать правильность приведенной мною Вашей фразы — Ваше письмо может быть представлено на любой третейский суд³.

Милюков от полемики отказался, или, точнее сказать, — отмолчался. А Солоневич по просьбе читателей некоторое время спустя опубликовал письмо Павла Николаевича полностью.

Из других материалов первого номера отметим статью И.Л. «Нужна ли эмиграция России?»

«Первый вопрос такого рода, — писал Солоневич, — был задан одной из слушательниц наших лекций об СССР и застал нас врасплох: “то есть как это так — будет ли нужна?” — “Ну, найдем ли мы

³ Солоневич И.Л. Открытое письмо П.Н. Милюкову // Голос России. 1936. 18 июня; № 1.

там работу, встретят ли нас, как своих, или как чужих, или как врагов... найдется ли нам место на родине, найдем ли мы общий язык с теми, кто все эти годы провел под большевиками?"

Таких и в этом роде вопросов было задано довольно много. Такие и в этом роде вопросы, вероятно, интересуют, а, может быть, и мучают многих русских людей рассеяния. <...>

Большинство будет чувствовать себя у себя дома. И — больше ничего. <...>

Следовательно, всякий русский человек, знающий хоть что-нибудь (например, хотя бы только иностранные языки), всегда найдет себе применение. А об "общем языке" и говорить нечего. Московский студент ненавидит большевиков гораздо острее, чем парижский. По той, чрезвычайно простой, причине, что парижский студент знает большевиков по газетам, а московский — по собственным бокам.

Вопроса же об "иностранной конкуренции" вообще не может и ставиться: работы будет такая масса, что на всех хватит. Придется восстанавливать чудовищное количество разрушенных ценностей, придется удовлетворить культурные потребности разбуженных революцией, но культурно неудовлетворенных масс: учить, лечить, писать, строить, и пр. и пр. Культурных сил для всего этого в России не хватит и после пяти пятилеток»⁴.

Контакт с читательской аудиторией опытный журналист Солоневич установил сразу. Газета велась в стиле задушевной беседы старых знакомых. Читатели могли задавать любые, самые нелицеприятные вопросы, а редакция старалась удовлетворить их законное любопытство. Естественно, такой открытый диалог с публикой был непривычен для большинства эмиграции. Но если для ее «верхов» он был просто-напросто неприемлем, то у «низов» вызывал приятное удивление. Эти «низы» очень быстро приняли Солоневичей за своих. Точку зрения же эмигрантской элиты резче всего высказал (в частном письме и уже после смерти Ивана Лукьяновича) профессор Иван Александрович Ильин. «Голос России», по его мнению, издавался «в тоне трактирной демагогии», а сам издатель был

⁴ И<ван> С<олоневич>. Нужна ли эмиграция России? // Там же.

«бессовестным алкоголиком» и «играл в эмиграции роль политического распутина»⁵. Оставим эти утверждения на совести монархического мыслителя...

Что же в первую очередь интересовало тех, кто поверил Солоневичам, что называется, с первого выпуска газеты? Конечно, главные вопросы касались положения дел в Советской России. Но были и такие: «Почему новая орфография?» и «Почему в Софии?». И.Л. отвечал на них одноименными статьями. В частности:

«Наши друзья нас предупреждали: новая орфография произведет на эмиграцию, в особенности на ее национальную часть, для которой газета и рассчитана, весьма неблагоприятное впечатление. Мы все-таки взяли новую орфографию, исходя из таких соображений:

По новой орфографии сейчас пишет и читает вся Россия. Как бы мы ни относились к старой орфографии, которая начала отмирать уже во времена Империи, мы должны отдать себе ясный отчет: к старой орфографии возврата нет. Нет никакой возможности переучивать сотню миллионов людей на "звЪзды, сЪдла, цвЪл, приобрЪл". Нет ни возможности, как нет и необходимости. Ее ввели большевики, хотя ее выработала Императорская Академия Наук. Но большевики ввели и метрическую систему, и новый стиль, и построили Днепрогресс. Не будем же мы от одного отталкивания от большевиков отменять новый стиль, метрическую систему и взрывать Днепрогресс?

Очень возможно, что не стоило вводить ни нового стиля, ни тратить в голодные годы сотню миллионов руб. на Днепрострой. Но и то, и другое, и третье являются фактами, вросшими в народную жизнь. С ними надо считаться, точно так же, как и с новой орфографией. Это — вопрос не принципа и не "знамени" — это вопрос техники и здравого смысла»⁶.

Через несколько лет, уже во время бурной полемики с эмигрантскими вождями, Солоневич возвращается к этой теме в менее дипломатических выражениях:

⁵ Ильин И.А. В.Ф. Баумгартену, 7 октября 1953 г. // Ильин И. А. Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). Кн. 2. М., 1999. С. 238–239.

⁶ <Солоневич И.Л.> Почему новая орфография // Голос России. 1936. 25 июня; № 2.

«Началось совсем с пустяков: с новой орфографии. Люди стали на дыбы: “Как так — большевицкая орфография?” Во-первых, не большевицкая, а орфография, выработанная и одобренная Императорской Академией наук. Во-вторых, что же вы думаете, переучивать всю Россию на “цвЪл, приобрЪл, надеван”?! “Обязательно переучим”. Хотелось сказать: ну и дурачье»⁷.

Но тогда, в 1936 г., он этого не сказал. И на читательский вопрос «Почему в Софии?» отвечал тоже вполне изысканно, более аргументированно и, даже можно сказать, философски. Дорвавшись наконец-то до настоящего дела — при этом дела знакомого и любимого — Солоневич минусы бытия старательно обращает в плюсы:

«Целый ряд наших читателей спрашивает — почему “Голос России” издается в Софии, а не, скажем, в Париже или Берлине?

Отвечаем: в Париж нас не пустили, а Берлин нас не устраивает. София, при всех прочих ее технических недостатках, устраивает нас все же лучше, чем большинство других стран.

Дело в том, что “Голос России” газета никак не “злободневная”. И мы считаем, что если наш читатель узнает о сто двадцать пятом зигзаге сталинской генеральной линии на пять дней позже, — это никакой роли не играет, как не играет, в сущности, никакой роли и этот зигзаг. Но София перед многими другими столицами имеет огромное неопределимое преимущество в том, что здесь, оценивая международные перспективы России и междунациональные опасности, грозящие нашей стране, мы можем допустить роскошь полной независимости.

Попросим читателей подумать:

Рижское “Сегодня” принуждена восхвалять Ульманиса. Варшавский “Меч” — наследников Пилсудского. Берлинское “Новое Слово” — Гитлера. Харбинский “Наш Путь” — липовое Манджоу-Го и липовое миролюбие Японии. “Последние Новости” — товарища Блюма и благородство великих демократий, снабжающих людей, которые за эти демократии проливали свою кровь — всякими карт д’идатите и прочими волчьими паспортами.

⁷ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936–1940 гг. М., 1997.

Мы не вправе бросить упрек ни фашистскому “Нашему Пути”, который вынужден становиться на японофильскую точку зрения, ни “Последним Новостям”, вынужденным становиться на франкофильскую точку зрения: “на чем возу едешь, тому и песенку пой”. Мы же собираемся петь только русскую песенку и только для России. Все эти “возы” скрипят свои собственные песни и в большинстве случаев песни ясно и ярко антирусские.

Очень невесело русской газете попадать в такое положение, когда приходится восторгаться мудростью халтурного манчжурского императора, стыдливо бормотать о том, что раздел России — не такая уж собственно и плохая вещь <...> София имеет одно несомненное преимущество: здесь газета может быть независимой.

Мы даже не будем говорить о том, что если где-либо эмиграция и чувствует себя, как у себя дома, то это в Болгарии и Югославии. Здесь в Болгарии русские сокола маршируют с нашим трехцветным флагом, и военные отдают этому флагу честь. Дело даже и не в этом. Дело в том, что ни при каком полете фантазии Болгарию нельзя обвинить в каких-либо эксплуатационных, оккупационных или колониационных планах по отношению к России. Отсюда мы можем с большей или меньшей свободой говорить и о Японии, и о Польше, и о Гитлере. Свобода эта, правда, не так уже велика: если допустить слишком уж резкую констатацию некоторых фактов и некоторых appetitов данного правительства, то это правительство запретит ввоз газеты. А газета, которая не доходит до читателя, — никому не нужна. Налаживать же нелегальную доставку — долго и хлопотно и в первое время — нам не под силу.

Но, по крайней мере — здесь, в Софии не приходится никому кланяться: и то хлеб»⁸.

Главный интерес читающей публики привлекали, безусловно, передовицы, написанные бойким пером Ивана Солоневича. Тема номер один, так сказать, главный вопрос текущего момента — это вопрос о пораженчестве и оборончестве. В эмиграции было довольно много сторонников у обоих течений. Первые полагали, что нужно поддержать любую новую интервенцию ради свержения власти большевиков

⁸ Солоневич И. Л. > Почему в Софии? // Голос России. 1936. 2 июля; № 3.

и даже всячески способствовать ее организации. Вторые, своеобразно трактуя понятие патриотизма, выступали за поддержку существующей власти в случае войны. Дискуссия не казалась голым теоретизированием и в 1936 г., вряд ли она кажется таковой и сегодня, через шесть десятков лет после окончания Второй мировой войны. Конечно, не мог пройти мимо этого диспута и издатель новой газеты.

«Подходя к вопросу о пораженчестве и оборончестве, болезненному, как обнаженный нерв, — писал Солоневич, — хотел бы сразу оговориться: я не считаю “предателями” даже и тех людей, которые готовы с винтовками в руках идти в ряды красной армии и в этих красных рядах защищать интересы, честь и достоинство России. Нет, они не предатели. Но они люди, трагически и, по-видимому, безнадежно запутавшиеся. Запутаться здесь немудрено. <...>

Итак, “Сталин защищает Россию”. Вот сам же заявил: “ни одной пяди своей земли не отдадим”. Пустяки. Прижмут — отдаст. До сих пор большевики отдали:

лимитрофам — ряд русских уездов,

Польше — ряд русских губерний,

Румынии — Бессарабию,

Турции — Карскую область с ее чудовищными естественными богатствами,

Японии — КВЖД. <...>

Нет, ни изнутри, ни вовне Сталин России не защищает. Вопрос на данном отрезке времени может идти **о защите России от Сталина**⁹.

Записываясь в лагерь так называемых пораженцев, редактор «Голоса России» отдавал себе ясный отчет. И все-таки Солоневич был пораженцем особого покроя. Этот его подход к устоявшимся и не очень терминам стал отличительной особенностью авторского стиля. Не влево, не вправо, а вглубь — и все в этом же роде. Парадокс: борец со старыми фразеологизмами был неутомимым творцом новых словоформ. Итак, пораженец...

«Желаем ли мы войны? — вопрошает И. Л. — Вот вопрос, которого и ставить не стоит. Да, **мы** желаем. А Керенский не желает. Ну — и что дальше? А дальше решительно ничего... <...>

⁹ Солоневич Ив. Истерика и цена // Там же.

Спор о том, желаем ли мы войны или не желаем, имеет только один-единственный результат: ко всем бесконечным нашим распрям присоединяется еще одна — из-за выеденного яйца. Не стоит об этом и разговаривать.

Весь вопрос о пораженчестве и оборончестве поставлен насквозь неправильно.

Для всей эмиграции он должен быть сформулирован так:

“Если будет война, то что мы будем делать тогда?”

Для национальной части:

«Если будет война, то как бы нам **извернуться** таким способом, чтобы и от большевизма, и от захватчиков отделаться возможно дешевой ценой».

Вопрос должен ставиться о цене. А не о программах.

И еще: о технике изворачивания¹⁰.

Помимо внешнеполитических проблем, Иван Солоневич старается не оставлять без внимания и комментария ни одного маломальски значимого факта внутренней жизни СССР. Тем более не мог он промолчать о событии, которое позже вошло в советские учебники истории как «разгром троцкистско-зиновьевского блока». В 1936 г. его называли скромнее: «процесс шестнадцати». Процесс этот, напомним, увенчался смертными приговорами Г.Е. Зиновьеву, Л.Б. Каменеву и другим бывшим сподвижникам Л.Д. Троцкого. Издатель «Голоса России» откликнулся на вести из Советской России в том числе и пространной статьей «Скорпионы в банке».

«В ночь на 25 августа в подвалах московского ГПУ расстреляны предпоследние остатки “ленинской гвардии”, — писал он. — С этими остатками советская власть поторопилась: не подождала даже тех 72-х часов, которые по “закону” полагаются между приговором и казнью. <...> Остатки Ленинской гвардии были расстреляны спешно и скорострельно — или, по выражению советских газет, “пристрелены, как бешеные собаки”. Жаль. Очень жаль, что этих бешеных собак не пристрелили в 1917 году, — но это уже — **наша вина**.

Расстрелы 25-го августа — это еще не термидор... Если проводить параллели с другой “великой и бескровной”, то этот расстрел

¹⁰ Там же.

больше всего напоминает гибель Дантона. Это не термидор — но это большой шаг к термидору. Это означает сужение социальной и всякой другой базы диктатуры до острия штыка — причем неизвестно еще, что и как будет делать этот штык.

Из миллионов большевицких казней — это, пожалуй, первая, которую мы встречаем с удовлетворением. Не потому, что в этой звериной грызне мы считали бы Сталина носителем какой-то приемлемой для нас идеи — а потому, что этим расстрелом с крайней резкостью подчеркнуты две вещи:

Большевизм по самой своей сути может удерживаться только путем резни.

Большевизм в лице обвиняемых зиновьевского процесса показал себя такую трусливой и подлой гадиной, какую он до сего времени себя еще не показывал.

Все эти “герои” и “вожди”, в честь которых еще вчера переименовывались города России, герои и вожди, которые еще позавчера слали на расстрел тысячи русских людей — сегодня, спасая свою подлую жизнь, — с заискивающей покорностью вторили Вышинскому: да, мы бандиты, да, мы трусы, убийцы и прочее и прочее. <...>

Из шестнадцати расстрелянных — десять евреев, один армянин и пятеро русских. Всем им предъявлено обвинение в принадлежности к троцкистской оппозиции... Отсюда нехитрым умам эмиграции с великою легкостью можно сделать вывод о, так сказать, национальном перерождении Сталина.

Что касается “троцкизма”, то этот термин обладает такую же юридическую ясностью, как и другие советские термины этого рода: “белобандит”, “вредитель”, “спекулянт”. В лагерях я видал студентов, которым был приклеен «троцкизм» и которые Троцкого повесили бы с великим удовольствием — ежели бы он им попался. <...>

Зиновьевский процесс не внес ничего нового в уже привычную практику такого рода трагических инсценировок. Совершенно так же, как это было и в предыдущих процессах? — промпартии, меньшевиков и пр. — в процессе начисто отсутствуют:

**какие бы то ни было документы и
какие бы то ни было свидетели»¹¹.**

¹¹ Солоневич Ив. Скорпионы в банке // Там же. 1 сент.; № 11.

Солоневич убежден: никакой идеологической подкладки и предвудущие, и этот последний процессы не имеют. Идет просто-напросто борьба за власть. Но вот что оказалось удивительным: полтора года назад в «России в концлагере» он предсказывал, что старая гвардия революции доживает последние дни. И теперь это пророчество сбылось. Впрочем, Иван Лукьянович от славы пророка отрещивается, поскольку в своей книге объяснял, почему это неизбежно. Сталину не нужны конкуренты — вот главный мотив.

«Сейчас сталинизм стоит почти перед катастрофой, — убеждает Солоневич эмигрантского читателя. — Война надвигается. Миллиарды, отнятые от умирающего с голода мужика и вложенные в самолеты, — оказываются нерентабельными — и Сталин знает это, вероятно, лучше, чем знаю я: “Кадры решают все”, “Внимание к головке”, “Подбор людей” и прочее в этом роде — ибо за всеми этими танками, бомбовозами, газами и прочим — людей нет или почти нет. <...>

Расстрел зиновьевцев — первый крупный расстрел коммунистов за годы революции, — означает разгром партийного аппарата и на верхах, и, что существеннее, — на низах.

Именно в этом и заключается его объективное значение.

Остается неясным: сколочен ли аппарат актива настолько крепко, чтобы он — на шее русского народа — мог заменить разоряемый аппарат партии»¹².

Грядущая война... В том, что она разразится, нет никаких сомнений. Точно так же Иван Лукьянович уверен в том, что эта война заставит большевиков поднять знамя патриотизма. Здесь он уже настоящему пророчествует, хотя опять ссылается на исторический опыт и объективные обстоятельства:

«Сталин точно так же будет защищать русскую землю — от немцев, как защищал бы ее Мамай, ежели бы немцы вздумали вырвать из его рук господство над этой землей. Сталин точно так же будет защищать территорию бывшей Российской Империи, как испанцы, заведя в Нидерландах инквизицию, “защищали” и Нидерланды

¹² Там же.

(конечно, и инквизицию) от французских королей. За эвакуацию защиту — спасибо»¹³.

В сентябре в Нюрнберге проходил VIII съезд Германской национал-социалистической рабочей партии (НСДАП). Вожди Третьего рейха, все поголовно, клеймили в своих речах мировое зло — коммунизм, и призывали стереть его с лица земли. «Разоблаченный большевизм: речи Адольфа Гитлера и Альфреда Розенберга на Нюрнбергском конгрессе Национал-социалистической германской рабочей партии 8–14 сентября 1936 г.» — под таким названием русское берлинское издательство «Новое Слово» (существовало при одноименной газете) выпустило брошюру с русским переводом главных выступлений съезда. «Каждая немецкая хозяйка почувствует облегчение, когда мы получим Урал, Сибирь и Украину», — сказал, в частности, фюрер. Сомневаюсь, что эта его фраза вошла в русское издание, но утверждать категорически не берусь, ибо в руках этой брошюры не держал.

Речь министра пропаганды Геббельса в сборник почему-то не включили. В ней не было ничего про Урал и Сибирь, зато очень много — по существу главной темы съезда, т. е. антибольшевистской борьбы. Доклад Геббельса назывался «Большевизм в теории и на практике». Несмотря на риск быть обвиненным в пропаганде нацизма, нельзя все-таки удержаться от воспроизведения одного афоризма, произнесенного в этой речи доктором Геббельсом: «Большевизм — это диктатура худших». Хотя бы для того, чтобы вспомнить, что Солоневич очень любил формулу Вл. Соловьева: монархия — диктатура совести. И социалистические эксперименты — и в СССР, и в Германии — Иван Лукьянович называл диктатурой бессовестности, а еще — диктатурой импотентов. Правда, было это немного позже. Солоневич умел предсказывать, но не был пророком. И накануне Второй Мировой его оценки звучат более сдержанно.

«Нюрнбергские речи застали меня несколько врасплох, — признавался Солоневич в передовице № 14 «Голоса России» от 22 сентября 1936 г. — Прежде, чем оценивать их перед лицом русской

¹³ Солоневич Ив. После расстрелов и перед расстрелами // Там же. 1936. 8 сент.; № 12.

эмиграции, нужно бы многое сказать о том, как расценивается гитлеризм с подсоветской точки зрения. Мне кажется, что эта расценка приблизительно совпадает с расценкой эмиграции. Ее можно было бы в очень грубых чертах сформулировать так: свернул шею коммунистам — вот это молодец. Собирается от нас оттяпать Украину — ну это, извините, посмотрим.

Постараемся со всей доступной нам точностью установить роль третьего рейха в современной жизни Европы. Буржуазная демократия или демократическая буржуазия западной Европы в подавляющей своей массе предпочитает Сталина Гитлеру, — в том гипотетическом случае, ежели такой выбор станет перед ней вплотную, и в том убеждении, что от такого выбора она сумеет увильнуть. Мне кажется, что Сталин гораздо больше дипломат, чем Гитлер, хотя бы уже по одному тому, что такого стажа подпольщины, грабежей, убийств, разбоев, ссылок и прочего у Гитлера не было — и слава Тебе, Господи. <...>

Для человека, способного шевелить мозгами вне зависимости от теорий и от мзды, должно было бы быть абсолютно ясно, что гитлеризм, при прочих его достоинствах и пороках, при его огромном национальном пафосе и при его более или менее идиотской теории расизма, сыграл действительно всемирно-историческую роль: он сломал коммунизм в Германии, в которую были устремлены самые главные чаяния, агенты и деньги Коминтерна. И он стал на пороге резни между “социализмом в одной стране” и резни в масштабах “мировой пролетарской революции”.

Мы, русские, э т у роль гитлеризма ощущаем всем нутром своим»¹⁴.

Итак, Германия на весь мир провозглашала себя лидером антикоммунистической борьбы. В глазах русских эмигрантов, как минимум, национальной части эмиграции, так оно и представлялось. Немногие из числа тех, что разделял справедливую ненависть по отношению к большевикам, были способны сохранить трезвость рассудка.

«Собирается ли Германия воевать и в действительности — мы этого не знаем. Но большевизм сейчас воевать, конечно, не собирается —

¹⁴ Солоневич И.Л. > Нюрнбергские речи // Там же. 22 сент.; № 14.

в этом отношении он поистине является “фактором мира”, ибо при первых же выстрелах войны ему свернут шею русские же мужики и сам большевизм в этом прекрасно осведомлен. <...>

Мне кажется (трудно утверждать это категорически), что бесконечный ряд процессов и крупных, и мелких, и катастрофических, и, так сказать, молекулярных — подводит мир к окончательной разделке с коммунизмом. По всему своему положению Германия в этой разделке не может не принять на себя основной, ведущей роли. Но для нас, русских, вопрос заключается еще вот в чем: в какой именно степени антибольшевистские планы Германии сплетаются с антирусскими. Можем ли мы с уверенностью сказать, что за борьбой против коммунизма — борьбой искренней и беспощадной — не скрывается наш старый знакомец *Drang nach Osten*. В архив истории он как будто еще не сдан. Не будем грамматически анализировать фразу Гитлера о том, как жила бы Германия, если бы у нее были такие области, как Урал, Сибирь, Украина. Жила бы хорошо, если бы ей не пришлось, как приходилось нам — веками отвоевывать эти области от Азии. Едва ли Германия будет жить хорошо, если эти области придется ей отвоевывать от России. <...>

Пока что — национальная часть русской эмиграции обязана идти параллельно гитлеризму, однако — никак не подчиняясь ему. Сейчас мы, эмиграция, союзник весьма не великой ценности — хотя и тут ценность нашу мы намного могли бы поднять, если бы мы были хоть как-нибудь организованы. Но когда из миллионной массы русских штабс-капитанов, рассеянных по Бог знает каким углам земного шара — в Россию прорвется хоть десять тысяч — эти десять тысяч будут силой, с которой придется разговаривать. Наша задача, задача сегодняшнего дня — политически подготовить эти десять тысяч и морально не дать им закиснуть. Что мы и стараемся делать».¹⁵

«Голос России» завоевывал эмиграцию едва ли не стремительнее, чем «Россия в концлагере». Боевая газета боевых братьев с самого начала, что называется, произвела впечатление на публику. Иван Солоневич как автор бестселлера — уже выходящего за эмигрантские рамки — очень быстро стал заметной фигурой, новой «звездой»

¹⁵ Там же.

русского зарубежья, то ли потенциальным вождем, то ли властителем дум. Многим казалось, что ненадолго...

«С первых же номеров его газета стала популярной, — пишет в своих воспоминаниях “новопоколенец” Б.В. Прянишников, — ею зачитывались, с нетерпением ожидая выхода следующего номера. Быстро рос ее тираж, принося семейству неслыханный по эмигрантским масштабам доход»¹⁶.

«И.Л. Солоневич, известный нам по своим изумительной ценности очеркам, печатавшимся в свое время в “Последних Новостях”, решил издавать газету о России, — сообщал журнал “Часовой”. — Четыре первых номера уже появились. Газета производит прекрасное впечатление своей бодростью и свежестью мысли. В первом номере помещено открытое письмо П.Н. Милюкову, в котором И.Л. Солоневич предьявляет П. Н. Милюкову наиболее тяжкое обвинение, какое можно предьявить политическому эмигранту. Именно, он утверждает, что П.Н. Милюков действует в эмиграции по линии поддержки наркоминдела СССР, и с этой целью редактируемые им “Последние Новости” сознательно и систематически помещают заведомо лживую политическую информацию»¹⁷.

Впрочем, это писалось публично... Неофициально, «не для печати», редактор того же “Часового” В.В. Орехов прямо высказывал свой скепсис относительно ближайшего будущего «Голоса России». В письме к генералу А.А. фон Лампе, руководителю 2-го (германского) отдела РОВС, от 8 июля 1936 г. он сообщал:

«Очень бойко пошли первые номера газеты Солоневича. Успех заслуженный. Но я считаю, что так, как сейчас, газета долго выдержать не сможет. Солоневичи выдохнутся через 3–4 месяца. Обратиться же в обычный маленький эмигрантский еженедельник — это вообще будет его гибель. Не скрою от Вас, что я предложил Солоневичу координировать наши действия. Я считаю, что сейчас хорошо поставленная газета-еженедельник будет иметь большой успех. Конечно, надо найти средства (кстати, небольшие),

¹⁶ Прянишников Б.В. Незримая паутина. М., 2004. С. 498.

¹⁷ <Орехов В.В> «Голос России». Изд. И.Л. Солоневич. Еженедельная газета. София // Часовой. 1936. № 171. С. 22.

но это, мне думается, можно преодолеть. Для «Часового» сейчас нельзя получить и гроша, для газеты же кое-что раздобыть можно. Жду сейчас от Солоневича ответа»¹⁸.

Примерно через неделю генерал ответил: «**Очень** меня интересуется проект газеты с Солоневичем, с интересом бы принял в ней сильное участие...»¹⁹.

Ничего из этой затеи, впрочем, не вышло. И на то были причины.

Во-первых, в РОВСе далеко не все разделяли мнение фон Лампе. Иные бросались и необоснованными обвинениями в адрес «подозрительных братьев». Это подтверждают, например, строки из письма генерала Абрамова тому же фон Лампе (начало сентября 1936 г.): «Взятое направление “Голосом России” — пока еще не меняется, и потому газета встречает всеобщее одобрение. Но к авторам у нас отношение сдержанное и весьма настороженное; к последнему имеются достаточные основания, хотя и недокументальные»²⁰. Фон Лампе ответил: «Постараюсь узнать что могу об интересующих Вас лицах. Мне очень интересна характеристика Солоневичей — о них говорят плохо, но к этому не приводят решительно никаких данных»²¹.

Во-вторых, Солоневичи сами предпочитали держать дистанцию и издавать газету без посторонней помощи и водительства. Причем инициатором такой политики был, конечно, Иван. Борис же вступил в РОВС еще в Финляндии, и его деятельность в этом направлении принесла впоследствии немало проблем. Впрочем, отдавая минимальную дань политкорректности, издатель «Голоса России» все-таки «слал на добровольную цензуру» свои писания генералу Абрамову.

Начальник канцелярии Императора Кирилла Владимировича контр-адмирал Гаральд Карлович Граф практически повторяет опасения В.В. Орехова в письме генералу А.С. Олехновичу от 11 июля 1936 г.:

¹⁸ В.В. Орехов — А.А. фон Лампе, 8 июля 1936 г. // ГАРФ, ф. 5853, оп. 1, ед. хр. 60, л. 87.

¹⁹ А.А. фон Лампе — В.В. Орехову, 14 июля 1936 г. // Там же, л. 88.

²⁰ Ф.Ф. Абрамов — А.А. фон Лампе, 4 сентября 1936 г. // Там же, ед. хр. 61, л. 222.

²¹ А.А. фон Лампе — Ф.Ф. Абрамову, 7 сентября 1936 г. // Там же, л. 224.

«Газеты Солоневичей я пока еще не видел. Я полагаю, что они довольно быстро скиснут, ибо давать интересные информации о положении внутри Р<оссии> весьма трудно, не имея в своем распоряжении соответствующего информ<ационного> аппарата. Остается, значит, комментировать советские газеты, а это нелегко делать, чтобы комментарии были бы интересными»²².

Как видим, весть о новом мощном импульсе антибольшевистских сил быстро докатилась и до Российского Императорского Дома. И если в документах и письмах Императора Кирилла до поры до времени фамилия Солоневичей не упоминается, то в официальной переписке начальника канцелярии Государя Г.К. Графа уже во второй половине 1936 г. она звучит практически ежемесячно. И вот в каком ключе:

«Теперь в Софии обосновались бр<атя> Солоневичи, которые лучше чем кто-либо дают возможность понять происходящее в России, и в этом отношении они очень интересны»²³.

«Солоневичи присылают свою газету Его Величеству, что, по видимому, доказывает их лояльность, но в то же время по установкам они пока что не наши. Впрочем, многое является и заблуждением. Они стараются доказать, что в Р<оссии> жаждут войны, и это только может спасти положение. Против этого возражать не приходится, но это не значит, что мы сторонники интервенции. Вообще углублять этот вопрос я считаю скорее вредным, ибо не от нас будет зависеть, начат или предотвратит войну против России»²⁴.

Изо всех сил пытающаяся изобразить из себя «придворную» организацию Младоросская партия с ревностью следила за первыми успехами «Голоса России». Надо отдать должное: издательская деятельность у младороссов была поставлена на высокий уровень, и любых потенциальных конкурентов ожидал «ласковый прием»

²² АРИД, ф. 8, оп. 1, д. 121; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 854, 11 июля 1936 г. генералу А.С. Олехновичу.

²³ Там же; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 769, 9 августа 1936 г. Представителю ЕВ в Царстве Болгарском генералу М.К. Войцеховскому.

²⁴ Там же; Письмо Канцелярии Е. И. В. № 854, 1 сентября 1936 г. генералу А.С. Олехновичу.

вне зависимости от географии. Тем более, напомним, предложение «второсоветчиков» о сотрудничестве, сделанное еще в Финляндии, Иван Солоневич отверг. Надо же было как-то отвечать. И младороссы ответили.

В сентябре 1936 г. С. Попандопуло в той же «Бодрости» публикует памфлет «Повторение пройденного»²⁵, в котором утверждает, что ничего нового о советской России Солоневичи не сказали, что все это давно известно эмигрантам. Довольно-таки многочисленные печатные органы «второй советской» партии столь же бодро подхватывают почин. Наконец, весной 1937 г. в издательстве вышла и отдельная пропагандистская брошюра Бориса Чернавина, посвященная братьям Солоневичам²⁶.

Не обходит своим вниманием автора «России в концлагере» и демократический орган печати «Новая Россия» под редакцией А.Ф. Керенского. В одном из номеров помещаются сразу две статьи о «Голосе России» — профессора В.В. Чернавина, предшественника Солоневичей по побегу, и самого Керенского²⁷. Обе статьи Иван Солоневич воспроизводит в своей газете и на обе отвечает.

В числе «Горестных мыслей» (так озаглавлена публикация в «Новой России») В.В. Чернавина были и такие:

«Я во многом не приемлю Солоневича: для меня неприемлемы резкий полемический тон его газеты, часто личная полемика (что по-советски называется “склоку разводить”); неприемлемы его приемы — опубликование частного письма, для такого опубликования не предназначенного; непонятно его личное раздражение против газеты “Последние Новости”, которая оказала ему такую огромную помощь, печатая более года его фельетоны, благодаря чему он и получил известность в эмиграции; но для меня нет сомнения в том, что факты советской действительности Солоневич сообщает

²⁵ Попандопуло С. Повторение пройденного // Бодрость! 1936. 6 и 13 сентября; № 97, 98.

²⁶ Чернавин Б. В союзе с Троцким: Правда о братьях Солоневичах. Прага: Изд-во отдела пропаганды Младоросской партии в Ч. С. Р., 1937.

²⁷ Чернавин В.В. Горестные мысли // Новая Россия. 1936. № 11; Керенский А.Ф. «Голос России» и голоса из России // Там же.

добросовестно и освещает отношение русского населения к советской власти правильно.

Я не разделяю и монархических убеждений Солоневича, не думаю, чтоб в России монархические тенденции могли иметь успех, но его отношение к русскому народу и ненавистной советской власти для меня ближе, чем отношение многих демократических деятелей, знающих советскую Россию только по печатным материалам. Думаю, что и находящиеся сейчас по ту сторону границы “трудящиеся” поймут гораздо легче Солоневича, чем эмигранта, примирившегося с советской властью».

Керенский пошел дальше и разразился объемной статьей, из которой приведем пространную выдержку.

«Что делать? — восклицал Александр Федорович. — Прежде всего хотя бы намек на этот вопрос хочется найти, когда читаешь “Голос России”, газету, издаваемую и созданную братьями Солоневичами, последними по времени героическими беглецами из ада концлагерей.

“Голос России” — это уже не голос из России. Это не личный рассказ и не пересказ чужих настроений, это политическое дело от имени России.

В своей статье проф. Чернавин — сам написавший замечательную книгу о рыболовном промысле в концлагере — совершенно прав: братья Солоневичи дали одну из самых жутких фотографий СССР. Какой бы “черносотенный” налет не накладывали на эту фотографию политические писания И.Л. Солоневича — правда остается правдой, и мы никогда не забудем, что пережили сами авторы, прежде чем начать свой орган в Софии.

Но зачем этот орган нужен? Конечно, не только и не столько для того, чтобы в совершенно свободных условиях продолжать печатать живые снимки с с о в р е м е н н о й России. Кроме правды о Р о с с и и, у “Голоса России” есть политическая цель. “Единственная эмигрантско-политическая цель газеты — это, если удастся, хоть как-нибудь сгладить ненужные и часто бессмысленные раздоры в национальном лагере эмиграции. Именно в национальном. Те люди и те течения, которые активно делали революцию и которые до сего времени не нашли вне себя повода и внутри себя мужества в этом честно раскаться — нам не по пути? и разговаривать нам с ними не о чем”.

Вот вам и “Голос России”! Голос прошлой дореволюционной России! В революции нужно, оказывается, каяться. <...>

Разве, промучавшись девятнадцать лет большевизмом, нельзя было понять, что взрыв распутинской монархии и все последовавшие *после* этого события революции в какой-то только очень малой степени зависели от доброй воли “Шульгина” и злой воли “Керенского”? Какое значение тут может иметь покаяние и перед кем? И опять, по слову самого же И. Солоневича («Голос России», № 5) — его газета осталась верна “трагической и проклятой нашей традиции ставить интересы группы, партии выше интересов России”.

Весь огромный, исключительной ценности материал о современной России пойдет на службу ветхим, изношенным эмигрантским — да и то еще очень провинциальным — идейкам времен первых лет гражданской войны, недоброй памяти Освага, да бурцевского “Общего Дела” 1919–1920 гг. Никакой стаж концлагерей и побегов нас *не* убедит — народная, крестьянская Россия никак в революции *не* кается, вернуть царя и помещиков не хочет и их не пустит. Значит, нужно искать спасения на новых путях. А этих путей газета, называющая себя “Голосом России” — *не* знает.

Эмиграция и без этой газеты знала, что в России среди прочих сохранились поклонники довоенного “Нового Времени” или “Голоса Москвы”, сохранились и рыцари “Белой мечты” и даже «верноподданные своего Государя». В данном случае удивительно только, что такая идейная ветхость оказалась совместима с таким буйным расцветом жизненных сил, с такой способностью зорко видеть и талантливо писать.

И нужно совершенно искренне сказать: несчастье в том, что “Голос России” голосом России не оказался и политически не только нам всем ничего нового не сказал, но еще и захотел повернуть “национальную” эмиграцию лет на 15 назад. Опоздание немалое; пожалуй, непоправимое».

На подобные публикации Иван Лукьянович, по своему обыкновению, отвечает подробно и вдумчиво. Но если с Чернавным, в силу общей судьбы, обходится мягко, в очередной раз приглашая его писать для «Голоса России», то Керенского бьет нещадно:

«Ваши, Александр Федорович, установки гораздо более ветхи, чем мои: за годы революции вы ничему не научились, я кое-чему подучился: отсюда и “зоркость глаза”. Идея монархизма может быть и ветхая идея — действительно ветхая — такая же ветхая, как идея собственности, Родины, Семьи, как идея Бога.

Все, решительно все, что только можно было сделать в разрушении, в революции, в отрицании этих “ветхих идей”, уже сделано. Теперь возвращается ветер на круги своя... Теперь ветхость идеи — за Вами. А будущее — это мы. В а ш а революция дошла до предела. Дальше ей идти некуда. Еще некоторое время пооколачивается в кровавом нынешнем тупике — и рухнет в то, что Вы называете реакцией»²⁸.

Не менее резко Солоневич реагировал на выпады со стороны «Последних Новостей» и прочих демократических изданий. Одна из ведущих авторов, из тех, кто определял лицо газеты, Екатерина Дмитриевна Кускова передовицу Ивана Лукьяновича о «расстреле 16-ти» назвала диким воем, который слишком глуп, чтобы привлечь внимание или вызвать эмоции. Другой, еще более левый орган печати, — «Социалистический Вестник» — процитировав Кускову, написал: «Зрелище христиан по паспорту, восторженно рукоплещущих палачу у свежей могилы замученных морально и затем расстрелянных жертв, омерзительно».

От ответа социалистам Солоневич не удержался:

«“Социалистический Вестник” весьма напрасно и весьма неосторожно задевает вопрос о моем христианстве. Да, признаю — я христианин очень плохой. С христианством у меня не выходит — и не только “по паспорту”. Насчет рубашки — отдавать случалось. Но ежели меня пробовали ударить по правой ланите, то я всегда норовил своротить обе челюсти, и правую, и левую. В большинстве случаев это удавалось»²⁹.

Споры с идейными противниками никак нельзя считать чем-то из ряда вон выходящим: на том стоит и стоять будет русская политическая публицистика. Той же полемике с Кусковой можно было бы посвятить, наверное, целую главу нашей книги, тем более,

²⁸ Солоневич Ив. Мои ответы // Голос России. 1936. 18 авг.; № 9.

²⁹ Солоневич Ив. Еще: о реакции, кровожадности и о прочих вещах в этом роде, а также просто о честности // Голос России. 1936. 29 сент.; № 15.

что пикировки со «злой старушкой» начались еще до издания «Голоса России» на страницах «Последних Новостей», а закончились уже после Второй мировой войны. Однако все-таки воздержимся от этого: ничего особенного, за исключением примет эпохи, это был в общем-то типичный эмигрантский спор сторонников монархии и республики.

Итак, уже в первые полгода своего существования газета Солоневичей стала выделяться в ряду эмигрантских органов печати. У нее появились свои почитатели и противники. В дальнейшем пропасть между первыми и вторыми все усиливалась: оппоненты зачастую опускались до травли, а сторонники — до безудержного восхваления. Но никого из русских эмигрантов, в той или иной степени интересовавшихся «политикой», «Голос России» не оставил равнодушным.

Интерес к газете Солоневичи поддерживали с помощью лекционных турне, осенью 1936 г. они объехали всю Югославию, а летом 1937 г. выступали во Франции, в Бельгии и Швейцарии.

С 1937 г. при «Голосе России» начинает действовать одноименное издательство, выпустившее в свет за четыре года около 20 наименований книг и брошюр³⁰.

Яркая антисоветская позиция издателей и их активная деятельность не остались незамеченными советскими спецслужбами. В результате взрыва бомбы 3 февраля 1938 г. погибли Тамара Владимировна Солоневич и секретарь редакции студент Николай Михайлов. Опасаясь новых покушений, Иван и Юрий Солоневичи переезжают в Берлин. Горячая полемика с верхами эмиграции (в первую очередь, с РОВСом) приводят к тому, что болгарские власти закрывают «Голос России». Через несколько месяцев, в октябре 1938 г. начинает выходить «Наша Газета», основным лейтмотивом которой становится создание и организация Штабс-капитанского

³⁰ Подробнее см.: *Воронин И.П.* Издательская деятельность И.Л. Солоневича в эмиграции (1936–1940) // Наука, культура и политика русской эмиграции: Сб. ст. и материалов всероссийской научной конференции: СПб. 24–26 июня 2002 г. / Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2004 (Труды Т. 162). С. 45–52.

(народно-имперского) движения, которое, по мысли Ивана Солоневича, должно подготовить правящий слой для России после свержения советской власти.

«Наша Газета» прекратила свое существование в январе 1940 г. Попытка издавать вместо нее двухнедельный журнал под названием «Родина» была также не слишком успешной — вышло только 6 номеров.

Во время Второй мировой войны — Солоневич в ссылке в германской провинции. На предложение ведомства Геббельса о сотрудничестве он ответил отказом.

А. Н. Кашеваров

«ПРАВОСЛАВНАЯ РУСЬ» —
ВЕДУЩЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЦЕРКВИ

Родиной этого самого известного из всех периодических изданий Русской Зарубежной Церкви являлся Иовлевский монастырь в селе Ладомирово на Карпатах в Словакии. У истоков издания «Православной Руси» стоял архимандрит Виталий (Максименко), который в дореволюционный период был известен на всю Россию своей издательской деятельностью в Почаевской Успенской лавре. В 1902 г. Волынский епископ Антоний (Храповицкий) назначил его начальником типографии, которая за годы руководства ею Виталием превратилась в одну из самых современных — с восемью печатными станками, количество работников возросло с 6 до 150 человек¹. После того, как лавра оказалась на территории польского государства, Виталий за свою православную и русофильскую позицию был арестован и затем выдворен польскими властями за пределы страны. Вместе с церковными русскими беженцами он был принят в Югославию.

Архимандрит Нафанаил (Львов) так вспоминал о деятельности Виталия по воссозданию монашеского печатного братства: «Услышав в Югославии о том, что одно русское село на Пряшевской Руси хочет перейти в православие, но нет священника, который взялся бы это село обслуживать, о. Виталий бросил налаженную, спокойную жизнь в Сербии, где он — всей России, да и всей Православной Церкви известный пастырь, пользовался почетом и значением, и направился один в село Ладомирово. Поселился он впрочем, не в этом селе, а в соседнем более крупном селении — Свиднике, где снял помещение во

© А. Н. Кашеваров, 2012

¹ Виталий (Максименко), архимандрит. Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955.

втором этаже над корчмой, и поставил там с трудом приобретенную старую печатную машину, стал печатать воззвания, листки, потом молитвенники, служебники. Медленно, очень медленно стали собираться около него сначала трудники, студенты и священники, а потом и иноки. Из иноков одним из первых был игумен Савва (Струве), сын известного общественного и политического деятеля, правнук знаменитого русского астронома».² В 1924 г. трудами Виталия была закончена постройка храма в находящемся неподалеку от Свидника селе Ладомирово. Туда и переехал архимандрит Виталий с монашеским печатным братством преподобного Иова Почаевского.

С 1925 г. в типографии начал издаваться церковный календарь. Со временем был напечатан целый ряд богослужебных книг: «Служебник», «Требник», «Великий сборник», «Помянник», несколько молитвословов³. В 1928 г. начала выходить газета «Православная Карпатская Русь» — «церковно-народный орган православного движения на Карпатской Руси и Восточной Словакии». Целью этого издания была «борьба за восстановление православия среди завлеченного в унию с Римом населения Карпатской Руси». Епископ Григорий (Граббе) в своих воспоминаниях особо подчеркивал миссионерскую направленность газеты и всей издательской деятельности монашеской общины в Ладомирово: «Миссию на Карпатской Руси основал покойный архиепископ Виталий (Максименко). Ему было очень трудно, потому что он приехал без всяких средств. Тяга к православию там у населения была. Вначале «Православная Карпатская Русь» ставила целью борьбу с унией и занималась местными карпатскими проблемами. Главное — защита православия и миссия... У владыки Виталия уже был опыт миссионерской работы в Почаеве, где он вызвал большое народное движение. Вся Волынь была под его влиянием. О. Виталий зажег интерес к православию у простых людей»⁴.

² Нафанаил, архимандрит. Страничка из жизни обители преп. Иова // Хлеб небесный. 1940, июль. Харбин.

³ Всеволод (Филиппьев), инок. Святорусское откровение миру: Избранные статьи. М., 2005. С. 6.

⁴ Звукозапись беседы епископа Григория с сотрудником редакции, лето 1991 г. // Фонд «Православной Руси» архива Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США).

Постепенно «Православная Карпатская Русь» начала рассылаться по всему русскому рассеянию и, по свидетельству того же епископа Григория, очень понравилась председателю Архиерейского Синода митрополиту Антонию (Храповицкому), хорошо знавшему и любившего ее издателя архимандрита Виталия.

Карпаты, где находился монастырь преподобного Иова, были в ведении Сербской Православной Церкви — ее Мукачевского и Прешовского архиерея, хотя духовенство для служения в монастыре ставилось священноначалием Русской Православной Церкви за границей. В эти годы русское церковное зарубежье глубоко переживало разделение, происшедшее между Синодом русских архиереев за границей и митрополитом Евлогием (Георгиевским). «Православная Карпатская Русь» старалась способствовать примирению в Русской Церкви. Позиция газеты была близка отношению к этой проблеме со стороны Сербской Православной Церкви. Несомненно, сочувствуя РПЦЗ, ради скорейшего наступления времени церковного единения, иерархия Сербской Православной Церкви старалась избегать резких оценок и действий по отношению к «парижанам» во главе с митрополитом Евлогием.

Первым редактором газеты короткое время являлся протоиерей Всеволод Коломацкий, затем его сменил иеромонах Серафим (Иванов), окончивший Белградский богословский факультет. В 1934 г. после посвящения архимандрита Виталия в сан епископа и назначения в США иеромонах Серафим, возведенный в сан архимандрита, стал настоятелем монастыря в Ладомирово и начальником книгопечатания⁵. К тому времени уже семь лет «Православная Карпатская Русь» выходила в свет как местное издание. Но на 1935 г. по инициативе ее нового редактора Серафима 2 октября 1934 г. объявлена была подписка на православную, церковную, литературную газету «Православная Зарубежная Русь».

Цели газеты были сформулированы так:

1) укрепить православное церковное самосознание русских эмигрантов, помочь им найти себя в Церкви Христовой;

⁵ Всеволод (Филиппев), инок. Святорусское откровение миру. С. 16–17.

2) повествовать читателям о чудных явлениях промысла Божия, и в наше время творящего велики чудеса, обычно замалчиваемые равнодушной, по большей части к религии политической прессой;

3) рассказывать о святых угодниках Божиих и современным нам подвижниках;

4) благовествовать посильно о великих благодатных духовных сокровищах, заключенных в недрах Церкви и многим православным христианам поныне мало известных;

5) осведомлять читателей об общецерковных событиях и вообще о религиозной жизни русского зарубежья, а равно имеющих отношение к вере политических событиях;

6) стоять за общецерковное объединение всего русского зарубежья;

7) раскрывать религиозные заблуждения иноверцев, сектантов, оккультистов, теософов и прочих врагов Православной Церкви;

8) бороться с воинствующим безбожием и раскрывать полную его несостоятельность;

9) освещать движение и рост православия на Карпатской и Пряшевской Руси.

Перед самым выходом в последнем номере «Православной Карпатской Руси» в объявлении слово «зарубежная» было опущено, и газета вышла 7 января 1935 г. под названием «Православная Русь». Только в подзаголовке значилось, что это орган «православного движения в зарубежной Карпатской и Пряшевской Руси»⁶. Таким образом, «Православная Карпатская Русь» заявила о себе как об общецерковном издании, расширила свое название и стала просто «Православной Русью». Под этим названием она регулярно выходила до декабря 1942 г., имея читателей по всему зарубежью в 48 различных государствах. К 1939 г. ее тираж достигал 2500 экземпляров, что для церковного зарубежного органа немало⁷.

«Православная Русь» становилась печатным органом, объединявшим всех тех людей, которые вышли из России после событий 1917 г. и связывали возрождение страны не с политическими

⁶ Константин, архимандрит. Возникновение «Православной Руси» // Православная Русь. 1972. № 23.

⁷ Серафим, епископ. «Православная Русь» в Америке // Там же. 1947. № 1.

силами, но с возрождением в православии. Позиция «твердого стояния в православии и рассмотрения в отношении верности ему всего, что бы ни происходило в мире», пусть даже в сферах, казалось бы, ничего общего не имеющих с религией, привлекла к газете тех, кто пришел, может быть, тяжелым путем опытного познания к убеждению в единственной верности этой позиции.

О том, сколь широка была география русского рассеяния в 1930-х годах и сколь значительно внимание к «Православной Руси», свидетельствует раздел «Почтовый ящик», в котором велась переписка с читателями. Помимо беженцев «Православную Русь» читали и те русские люди, кто никуда не бежал от большевиков, но волей исторических обстоятельств оказался за пределами СССР — в Польше, Прибалтике, Финляндии, Бессарабии, Манчжурии.

«Православная Русь» доходила и до Москвы, по крайней мере, отдельные ее номера. Об этом можно судить по появлению в заграничном издании Московской Патриархии журнале «Голос Литовской православной епархии» (1938, № 4) официального опровержения руководства РПЦ из Москвы на публикацию «Православной Руси».

В 1934 г. у «Православной Руси» появилось приложение «Детство и юность во Христе», которое ставило своей задачей воспитание в верности Христу и сплочение через этот журнал русского православного юношества в рассеянии. О том, что это издание, основателем которого был инок Алексей Дехтерев, было в целом успешным, свидетельствует обширная корреспонденция читателей, находившая место на страницах журнала. Оформление к материалам приложения готовил лучший иконописец зарубежья архимандрит (в описываемое время — монах) Киприан (Керн). Активное участие в этом издании, материалы которого исключали какие-либо споры, обиды и пристрастные мнения, так тесно связанные с миром взрослых, принял приехавший в 1939 г. с Дальнего Востока архимандрит Нафанаил (Львов). Из-за увеличившегося объема работ в книгопечатне издание детского приложения было приостановлено в 1941 г.

Важным событием в жизни Иовлевской обители в Ладомирово и ее типографии стал приезд туда в 1940 г. главы Русской Зарубежной Церкви митрополита Анастасия (Грибановского). Несколько раз монастырское издательство в конце 1930-х гг. посещал известный

духовный писатель Иван Шмелев. Одним из сотрудников типографии в это время был будущий глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий (Устинов). Митрополит Лавр (Шкурла), предшественник нынешнего главы Русской Зарубежной Церкви, также начинал монашеское служение в монастырской печатне в Ладомирово⁸.

«Перед самой Второй мировой войной “Православную Русь” за правдивое и решительное отстаивание общерусских церковных интересов запретили к распространению в Польше и Латвии⁹. В Польше в 1920–1930-е гг. было отобрано у православных и по большей части взорвано около 800 храмов, духовенство, сопротивлявшееся полонизации или пользовавшееся особым пастырским успехом, бросалось в тюрьмы и лагеря, запрещалось в служении и высылалось за границу¹⁰. На страницах газеты публиковались свидетельства такого преследования православных христиан со стороны польских властей.

В 1930-е гг. с «Православной Русью» начали сотрудничать выдающийся русский философ и мыслитель И.А. Ильин, профессор Н.Д. Тальберг, церковный публицист и писатель? будущий архиепископ Аверкий (Таушев).

«Православная Русь» живо следила за всем, что было связано с церковной жизнью в СССР. Публикации на эту тему проникнуты состраданием к русскому народу, надеждой на то, что «под игом России советской живет Русь Православная». Примечательна статья «Молебен у родной земли», где рассказывалось о служении Камчатского архиепископа Нестора (Анисимова) в китайском г. Сахалине, расположенном на берегу реки Амура против находящегося на советской территории г. Благовещенска. На том берегу была слышна проповедь Нестора, призывавшая русских православных братьев обратиться к Богу — «Мы же будем молиться за страдающий русский народ, томящийся в плену у себя на родине,

⁸ Всеволод (Филиппьев), инок. Святорусское откровение миру. С. 9–10.

⁹ Там же.

¹⁰ Постеловский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья // Церковь и время. 1991. № 1. С. 51.

о спасении его от власти жестокой и безбожной, и о вразумлении вас, помраченных умом...»¹¹.

Во второй половине 1930-х гг. в Европе укрепились антикоммунистические силы. Многие деятели РПЦЗ возлагали свои надежды на эти внешние силы так же, как в годы гражданской войны надеялись на помощь союзников, а на Украине — немцев. Эти надежды на помощь «варягов» отражались и в некоторых публикациях «Православной Руси» того времени, выражавших идею о том, что «Россия находится под оккупацией “Интернационала”, а немецкие войска идут сокрушить его». Суждения в статьях, где высказывались подобные мысли, естественно, не могут не вызвать несогласие у современных российских читателей. Вместе с тем следует отметить, что в годы Второй мировой войны, находясь на оккупированной немцами территории Словакии, «Православная Русь» прежде всего, занималась своим непосредственным делом — укреплением читателей в православии.

«С 1941 г. несмотря на запреты немцев, “Православная Русь”, всеми правдами и неправдами, при помощи русских переводчиков и карпаторуссов — словацких солдат, проникла в оккупированные немцами русские области и читалась там с определенным интересом. Редакция получала “оттуда” в свое время немало трогательных благодарственных отзывов».¹² В конце 1941 г. для русских людей, находившихся на оккупированной территории или вывезенных для работы в III-м рейхе, было создано специальное приложение-вкладка под названием «Православная Русь». Примечателен подзаголовок этого приложения, отражавший позицию редакции издания, а также и руководства РПЦЗ в годы Второй мировой войны: «зарубежная Русь — родной освобожденной Руси».

В конце 1942 г. «Православная Русь» вместе со многими другими периодическими изданиями была закрыта словацкой администрацией по требованию немцев. В мае 1943 г. удалось возобновить издание, а в августе 1944 г. вышел его последний «европейский номер»¹³.

¹¹ Православная Русь. 1940. № 21.

¹² *Серафим*, епископ. «Православная Русь» в Америке // Там же. 1947. № 1.

¹³ *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М., 2002. С. 270.

В августе того же 1944 г. монашеская печатная община эвакуировалась из обители по существу в неизвестность...

Следующий номер был датирован уже 18(31) января 1947 г., адрес редакции значился следующий: русский Свято-Троицкий монастырь в штате Нью-Йорк. В редакционном заявлении говорилось, что «Православная Зарубежная Церковь в настоящее время осталась единственной организацией, которая может и должна объединить все зарубежье. В ней могут пребывать вместе и монархисты, и социалисты, и беспартийные. Все, кто в Бога верует, — в Церкви братья. Братская любовь во Христе — это такая мощная связующая сила, которой нет равной в мире...». Редакция особо подчеркивала, что «Православная Русь» как общецерковный орган избирает не способ полемики, «а углубление в истине православия и особенно в догмате Церкви... Начинаем мы свою работу в Америке с малыми силами, на собственные скромные средства, а потому просим, прежде всего, старых наших друзей и подписчиков, потом и всех церковно-настроенных русских зарубежных посылить нас, особенно вначале. Подписывайтесь сами, находите других подписчиков, посылайте жертвы в издательский фонд «Православной Руси», знакомьте с газетой своих друзей, хотя бы и без подписки. Свято-Троицкий монастырь гарантирует выход, по крайней мере, пяти номеров, на которые и принимается подписка, дальше уже будет зависеть от читателей»¹⁴.

Примечательно, что первое время газета выходила раз в месяц. А когда прибывшая «иноческая типографская дружина Иова Почаевского» освоила работу на линотипах, газета перешла на двухнедельное и даже еженедельное издание. В ней появились постоянные отделы: догматический, проповеднический, противосектантский, агиографический (современные подвижники духа и новомученики), а также отдел общецерковной хроники, материалы которого позволяли читателям иметь широкую картину церковной жизни зарубежья. В отделе «Спутник проповедника» помещались подробные конспекты проповедей, по 2–3 конспекта в каждом номере. В другом постоянном отделе называвшемся «И свет во тьме

¹⁴ Православная Русь. 1947. № 1.

светит» редакция стремилась «передать гласности материалы о борьбе за веру СССР и о современных мучениках и исповедниках русских».

Касаясь американского, точнее джорданвилльского периода, истории «Православной Руси» (Джорданвилль — небольшое селение в штате Нью-Йорк, где расположен основанный в 1928 г. Свято-Троицкий монастырь), важно отметить, что когда 1 декабря 1946 г. в Свято-Троицкий монастырь прибыла «типографская иноческая дружина», здесь уже существовала маленькая монашеская община во главе с архимандритом Пантелеимоном (Нижником), который юридически являлся владельцем монастыря. Несомненно, что приезд уже сформировавшегося монашеского братства во главе со своим настоятелем Серафимом (в Америку из Европы прибыло 13 человек) внес изменения в жизнь этой обители. Несмотря на это основатель Свято-Троицкого монастыря иеромонах Пантелеимон (Нижник) немало способствовал устройству типографской общины на новом месте. В слове, произнесенном архиепископом Виталием (Максименко) в 1950 г. в джорданвилльском Свято-Троицком монастыре и опубликованном в «Православной Руси», особо подчеркивалась задача продолжения издательской деятельности Иовлевского братства на новом месте и в новых условиях¹⁵.

По воспоминаниям главы РПЦЗ митрополита Лавра (Шкурла), «первые впечатления по приезде в сам монастырь были следующие: никаких зданий тогда не было, кроме коровника и жилого дома»¹⁶. Несмотря на эти малопригодные для издательской работы условия, прибывшие в Америку из Европы 13 человек уже «с 1947 г. начали работу в печатне. Работали на линотипах. Начали издавать «Православную Русь», печатать брошюры, церковно-богослужбные книги. С 1950 г. начали печатать англоязычную литературу: молитвословы, жития святых»¹⁷, — так возобновилась издательская деятельность. Условия для нее изменились к лучшему лишь к концу

¹⁵ Там же. 1950. № 18. С. 7–8.

¹⁶ Цит. по: *Всеволод (Филиппов)*, инок. Святорусское откровение миру. С. 30.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 31.

1950-х гг., когда монастырь отстроился — были построены здания братского корпуса с типографией, семинарии с библиотекой.

В августе 1949 г. в Свято-Троицкий монастырь прибыл архимандрит Константин (Зайцев), до этого служивший клириком РПЦЗ в Южном Китае. Почти сразу же после прибытия по приглашению архиепископа Виталия (Максименко) он стал редактором журнала «Православная Русь» и оставался на этом посту более четверти века. Как известно, своеобразие того или иного печатного издания во многом зависит от личности его редактора. В связи с этим следует отметить особую роль в истории «Православной Руси» архимандрита Константина, который являлся человеком многогранной образованности, свободно владевшим европейскими языками, церковно-общественным деятелем зарубежья и, наконец, представителем эмигрантской богословской элиты. Он был не только известным богословом, но и опытным издателем и редактором. В частности, в межвоенный период участвовал в издаваемых в Париже П.Б. Струве газетах «Возрождение» и «Россия и славянство», печатался в харбинском церковном журнале «Хлеб небесный»¹⁸. Почти в каждом номере редактируемой архимандритом Константином «Православной Руси» помещалась его статья. Под влиянием его писательских и редакторских трудов в значительной степени складывалась идеология Русской Православной Церкви за границей.

Архимандрит Константин очень переживал, когда видел проникновение в церковную среду духа, чуждого, по его мнению, «православной русскости». В то же время, будучи представителем «петербургской культуры», он стал в монастыре при американском селении Джорданвилль связующим звеном с исторической Россией. «Ни капли лжи или лукавства нигде и ни в чем» — такой девиз можно отнести к жизни и трудам архимандрита Константина, который был православным идеалистом в самом совершенном проявлении этого понятия. Он не думал о сохранении своего здоровья, о том, чтобы снискать себе расположение вышестоящих и т. п.¹⁹

¹⁸ *Всеволод (Филиппов)*, инок. Путь святых отцов: Патрология. Джорданвилль, 2006. С. 557–558.

¹⁹ *Православная Русь*. 1998. № 24.

Почти в каждой своей публикации? обвиняя советскую власть в богоборчестве — борьбе не только с религией, но и с ее приверженцами, преследовании граждан за их религиозные убеждения, веру, создании искусственных помех деятельности Церкви и т. п., авторы «Православной Руси» в то же время были далеки от идеализации того свободного мира, в котором они жили. Так, без всякого восторга описывал архимандрит Константин западный уклад жизни второй половины XX в. Например, в статье «В чем основная беда и где спасение?» он отмечал следующее: «Сгущается атмосфера свободного мира. Разложение в полном ходу всяческое. Проявляется оно с наибольшей яркостью в молодом поколении... Нечто чудовищное происходит в области секса. Ни семья, ни вера во всех ее исповеданиях... никакого сколько-нибудь значительного оздоровления не вносят. В зародыше наблюдаются некоторые проявления здоровой реакции общественности... Общей картины это не меняет — устрашающей и угнетающей»²⁰. Причины этого разложения, по утверждению автора статьи, «коренятся в самом “свободном” мире, как таковом».

Большой поддержкой для архимандрита Константина было то, что настоятель монастыря — архиепископ Аверкий (Таушев) являлся его искренним единомышленником и постоянным автором «Православной Руси», выступавшим против пренебрежения к основам православной веры среди некоторых православных иерархов и проявления беспринципности или двуличия в среде Русской Зарубежной Церкви — те, кто призывал к «стоянию в истине», должны, прежде всего, сами соответствовать этому призыву. Архиепископ Аверкий неоднократно полемизировал на страницах журнала с теми православными богословами, которые допускали возможность обновления формулировок христианских догматов с целью более точного раскрытия их содержания для современных верующих. «Мы решительно отвергаем всякую модернизацию нашей святой непорочной веры в духе нечестивого богоотступнического времени»²¹. «Истинное православие только то, — писал

²⁰ Константин, архимандрит. В чем основная беда и где спасение? // Там же. 1970. № 6.

²¹ Там же. 1976. № 1.

архиепископ Аверкий, — которое не принимает и не допускает ни в чем — ни в учении, ни в практике церковной — никаких новшеств, противных слову Божию и постановлениям Вселенской Церкви»²².

По инициативе архимандрита Константина произошло восстановление ежемесячного приложения для молодежи, но уже под другим названием — «Православная жизнь», а также «церковно-богословско-философского ежегодника» «Православный путь». Также Константин начал отдельное независимое от «Православной Руси» издание журнала на английском языке — «Orthodox life». В этом начинании проявилась дальновидность архимандрита Константина. В то время в монастыре не было монахов американцев. И вот в таком монастыре, где среди братии иной речи кроме русской нельзя было услышать, Константин начал издание журнала на английском языке, ныне являющегося ведущим англоязычным изданием Русской Зарубежной Церкви.

В 1948 г. при Свято-Троицком монастыре была открыта духовная семинария. Для преподавания в ней был приглашен ряд ведущих авторов «Православной Руси», выступавших на ее страницах в качестве историков и публицистов, — протопресвитер Михаил Помазанский, воспитанник Киевской духовной академии, Н.Д. Тальберг, правовед, известный еще в дореволюционной России консервативный политический деятель, профессор И.М. Андреев и др. Последний до своего бегства из СССР во время Второй мировой войны принадлежал к так называемой катакомбной Церкви. Оказавшись за рубежом, Андреев поддерживал связь с другими вышедшими из советской России катакомбниками и публиковал в «Православной Руси» под псевдонимом «Андреевский» очерки и статьи о них и их жизни в условиях богоборческого режима.

В журнале «Православная Русь» также печатались важные для осмысления судеб Русской Церкви в XX в. статьи о взаимоотношениях РПЦЗ, Московской Патриархии и других русских православных юрисдикций, в особенности Американского митрополичьего округа и Русского Западно-европейского экзархата Константинопольского Патриархата.

²² Там же. 1986. № 4.

Россиян, которые не желали возвращаться в СССР после окончания Второй мировой войны и получили название Пи-Ди (от англ. displaced person), означающее перемещенных лиц, советская власть считала изменниками родины, поэтому принадлежать к пастве Московской Патриархии они не могли. Всю духовную заботу об этих беженцах взяла на себя Русская Зарубежная Церковь.

В послевоенные годы «Православная Русь» постоянно помещала объявления и призывы о помощи беженцам в их различных нуждах. Вторая волна эмиграции, о вере которой свидетельствуют построенные ею во многих странах мира храмы, стала основной читательской аудиторией «Православной Руси». Для оказавшихся на Западе в годы второй мировой войны представителей русской церковной эмиграции «Православная Русь» стала органом, где они, наконец, могли сказать правду о гонениях на религию и Церковь в СССР. К этой категории авторов «Православной Руси» принадлежала, например, Е.Н. Лопушанская, бывшая секретарем репрессированного в 1937 г. Глуховского епископа Дамаскина (Цедрика). Публиковавшиеся ею в «Православной Руси» статьи о епископах-исповедниках были впоследствии изданы в Сан-Франциско отдельной книгой²³.

Некоторые видные представители второй волны российской эмиграции, печатавшиеся в периодических изданиях РПЦЗ, назвали эту волну религиозной и политической, совершившей свой трагический исход с родины во время войны, когда советская власть насчитывала только 25 лет своего существования». Ее религиозность выражалась в строительстве многочисленных храмов. Этим, по мнению известного церковного историка и писателя протоиерея Д. Константинова, вторая волна российской эмиграции, к которой он сам принадлежал, резко отличалась от «не слишком религиозной» первой, чьей духовной опорой были храмы, построенные за рубежом еще до революции²⁴. Однако большинство клириков и мирян, принадлежавших к первой волне русской эмиграции, не были согласны с подобного рода утверждениями. Представители первой

²³ Лопушанская Е. Епископы-исповедники. Сан-Франциско, 1971.

²⁴ Полян П.М. Кругосветное путешествие Димитрия Константинова // Русская мысль. 1998. 23–29 июля.

волны эмиграции отмечали более высокий уровень культуры и духовных запросов «белой эмиграции», отличавший ее от бывших советских граждан, «пи-дийцев», лишенных в советской школе даже основ религиозного обучения²⁵.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов вошли в историю как трагический период последних попыток руководства СССР радикально, в кратчайшие сроки решить «религиозную проблему» в стране. Времена хрущевской «оттепели» обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом. Сильнейший удар был нанесен по Русской Православной Церкви как самой влиятельной и многочисленной в стране. В ходе антирелигиозной кампании 1958–1964 гг. число приходо-сократилось почти вдвое, духовных семинарий — с 3 до 8, монастырей — с 63 до 18, а особым постановлением о налогах был нанесен тяжелый удар по экономической основе РПЦ, был проведен также ряд акций, направленных на ограничение издательской деятельности Патриархии.²⁶ Журнал «Православная Русь» не остался безучастным зрителем разворачивавшихся гонений. В ряде публикаций, помещенных в журнале в начале 1960-х гг., раскрывался механизм новой антицерковной кампании и содержался официальный призыв священноначалия РПЦЗ к мировому общественному мнению защитить Церковь в СССР от начавшихся гонений.²⁷ Несмотря на то что священноначалие РПЦ в меру своих возможностей прилагало усилия по защите Церкви от начавшихся гонений, «Православной Русью» Московская Патриархия была объявлена «инструментом коммунистического правительства» и даже «орудием атеистов для ликвидации религии». В послании 1962 г., обращенном даже не к патриарху Алексию I, а к русскому народу, глава РПЦЗ митрополит Антоний (Грибановский) обвинил РПЦ, назвав

²⁵ См., напр.: Болдырев О., протоиерей. Воспоминания // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 160–223.

²⁶ Кашеваров А.Н. Печать Русской Православной Церкви в XX веке: Очерки истории. СПб., 2004. С. 97.

²⁷ См., напр.: Тальберг Н. Действительная правда о Русской Церкви // Православная Русь. 1962. № 7. С. 6–7; Архипастырское послание Собора Архиереев Русской Православной Церкви за границей православным русским людям под игом безбожной власти страждущим // Там же. № 24. С. 3–4.

ее советской, во лжи, в выслуживании перед атеистическим режимом, предательстве новомучеников своими утверждениями, что гонений за веру в СССР никогда не было, возводя вину за гонения на гонимых. Это же обращение 1962 г. призывало прихожан избегать любых контактов с клириками, поработанными коммунизмом и являющимися игрушкой в руках богоборческой власти, чтобы избежать их инфильтрации и влияния, и рекомендовало не посещать храмов Московской Патриархии²⁸.

Нежелание контактировать с Русской Православной Церковью «карловчане» мотивировали также тем, что в Советском Союзе якобы широкое распространение имеет «катакомбная церковь», «церковь молчания и сопротивления», которая не подчинилась ни атеистической власти, ни сотрудничающей с ней Московской Патриархии и которую можно рассматривать как базу будущего воссоединения русского православия. Примечательно, что профессор-протоиерей В. Виноградов, отсидевший 6 лет в советских лагерях за веру, отмечал, что митрополиту Анастасию и подведомственным ему иерархам хочется жить легендой о будто бы существующей в России многочисленной «катакомбной церкви... желаемое они выдают за существующее»²⁹. Другая беженка из СССР — Н. Китер, духовный писатель и активный участник церковной жизни и подпольных православных братств в Ленинграде до 1941 г., жаловалась тому же митрополиту Анастасию, что «Православная Русь» перевирает ее статьи о подвижниках и мучениках среди духовенства «сергианской» Церкви, превращая их в катакомбников, отвергающих Московскую Патриархию, и что в ответ на ее протесты редакция «Православной Руси» ответила: «Правда для церковного дела в Америке крайне вредна»³⁰. Такая позиция редакции нашла отражение в целом ряде упоминавшихся выше публикаций о катакомбных православных

²⁸ Русская Православная Церковь за границей. 1918–1968. Нью-Йорк, 1968. С. 306–315.

²⁹ Виноградов В.П., проф. протоиерей. Письма епископу Иоанну (Шаховскому) // Вестник русского студенческого христианского движения. 1987. № 150. С. 253.

³⁰ Поспеловский Д.В. Из истории русского церковного зарубежья. С. 61–62.

общинах в СССР, подготовленных профессором Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле И.М. Андреевским.

В 1960-х гг., после вступления Русской Православной Церкви во Всемирный Совет Церквей (далее — ВСЦ) в полемических выступлениях «карловчан» против Московской Патриархии на страницах «Православной Руси» появилась новая тема — обвинение РПЦ в экуменической ереси. Конечно, и раньше священнослужители и миряне РПЦЗ не отличались экуменическими настроениями, но та риторическая непримиримость к инославному миру, которая столь остро проявилась в позиции Архиерейского Синода в 1960–1990-е гг., не была свойственна ему в довоенные и первые послевоенные годы. Впрочем, отмеченная позиция не мешала Русской Зарубежной Церкви получать помощь от ВСЦ, которая оказывается ей как Церкви беженцев³¹. С этих пор в полемике против священноначалия Московской Патриархии «карловчане» стали выдвигать три главных обвинения: в непочитании мучеников или даже клевете на них (под клеветой подразумевались вынужденные заявления ряда иерархов РПЦ о том, что священнослужители подвергались советской властью преследованиям за их политические преступления), в так называемом «сергианстве» и, наконец, в экуменической ереси. Наибольшей резкостью среди материалов, опубликованных «Православной Русью» на эти темы, отличались статьи управляющего делами Архиерейского Синода епископа Григория (Грabbе)³².

Большое внимание в «Православной Руси» в начале 1970-х гг. уделялось подготовке «Всезарубежного Поместного Собора», не созывавшегося с 1938 г. Проведение его намечалось на 1971 г. как

³¹ Русская Зарубежная Церковь, по мнению некоторых исследователей, в течение долгого времени участвовала в экуменическом движении намного активнее, чем Московская Патриархия (см., напр.: Псарев А. Русская Православная Церковь за границей и экуменическое движение 1920–1948 гг. // Церковь и время. 2003. № 1 (22). С. 182–202).

³² Григорий (Грabbе), епископ 1) Современное сергианство // Православная Русь. 1989. № 9. С. 8–9; 2) Путь лжи в Москве не меняется (По поводу обращения Московской Патриархии к зарубежной пастве) // Там же. 1991. № 4. С. 4–8; 3) Догматизация сергианства // Там же. № 17. С. 5; 4) Московская Патриархия отшатнулась от православия // Там же. 1992. № 16. С. 19.

широкое религиозно-общественное мероприятие, приуроченное к 50-летию Русской Зарубежной Церкви. Профессор Миннесотского университета В.И. Алексеев писал о том, что цель Собора — сохранение православия в условиях современной жизни и укрепление РПЦЗ. Однако вместо Поместного Собора удалось созвать епископский, 29-й по счету, который состоялся в сентябре 1971 г.: начался в Монреале, а закончился в Нью-Йорке. «Православная Русь» освещала празднование полувекowego юбилея РПЦЗ, проведенного в конце соборных заседаний в Нью-Йорке и отмеченного богослужениями, заседаниями и банкетом.

В ходе освещения работы Третьего Всезарубежного церковного Собора, созванного в сентябре 1974 г. и проходившего в семинарском зале Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, на страницах «Православной Руси» большое внимание уделялось таким кризисным явлениям, как повсеместное снижение уровня религиозности в среде русской эмиграции, преобладание в приходах пожилых людей, малый процент молодежи в них, острая нехватка священнослужителей. Единственный выход из создавшегося положения, по мнению архиепископа Аверкия (Таушева), выраженному в его статье «О необходимости усиленной внутренней миссии в нашей Русской Зарубежной Церкви», состоял в следующем: «Совершенно необходима в нынешнее время, в наших условиях, более, чем когда-либо прежде, ибо мы окружены со всех сторон иноверцами, катехизация, т. е. постоянное, систематическое наставление в основных истинах нашей православной христианской веры, как детей, так и взрослых. И дети и взрослые должны настолько быть знакомыми с основными положениями нашего православного христианского вероучения и нравоучения, чтобы быть в состоянии дать ответ каждому вопрошающему о святом православии и, если нужно, посрамить иноверцев и сектантов, подходящих к ним, как это часто бывает, с своим лукавым совопросничеством. Нечего доказывать, как это важно для сохранения нашей паствы в ограде нашей святой Церкви!»³³.

Почти вся эмигрантская печать опубликовала и широко комментировала письмо А.И. Солженицына Третьему Собору Зарубежной

³³ Православная Русь. 1973. № 2. С. 17.

Церкви (1974 г.), написанное по просьбе главы РПЦЗ митрополита Филарета (Воскресенского). Солженицын указывал, что в беспрецедентных катастрофах XX в. никто из церковных деятелей не мог следовать букве канонов. «Но ни в подчинении безбожным силам, ни в сотрудничестве с ними... никто не обвинит ни Церковь, происшедшую от митрополита Евлогия, ни Американскую митрополию... И вместе с тем ни одну из спорящих трех Церквей нельзя признать божественно безошибочной во всем объеме ее деятельности»³⁴. Солженицын призвал все три зарубежные русские православные юрисдикции покончить с разногласиями, духовно воссоединиться, а РПЦЗ — помочь слиянию всех ветвей русского православного зарубежья.

В весьма пространный ответ А.И. Солженицыну председателя эмигрантского Синода митрополита Филарета вся вина за расколы в православном российском зарубежье взваливалась на митрополита Евлогия и Американскую митрополию. Филарет осуждал Православную Церковь Америки и «евлогиан» за якобы измену русскости в их стремлении стать поместными миссионерскими Церквями³⁵.

В 1988 г. Русская Православная Церковь как на родине, так и за рубежом широко отмечала 1000-летие Крещения Руси. Каждый номер «Православной Руси», выходящий в тот юбилейный год, печатал различные материалы о проведении юбилейных торжеств в различных епархиях и приходах РПЦЗ³⁶.

³⁴ Там же. 1974. № 18.

³⁵ Ответ митрополита Филарета А.И. Солженицыну // Вестник русского христианского движения. 1974. № 112–113. С. 11–115.

³⁶ См., напр.: Празднование 1000-летия Крещения Руси в обители Благовещения в Лондоне // Православная Русь. 1988. № 14. С. 14–16; Празднование 1000-летия Крещения Руси в Калгари, Канада // Там же. № 15. С. 14; Празднование 1000-летия Крещения Руси (Св. Троицкий приход, г. Виндзор, Канада) // Там же. № 15. С. 14; Празднование 1000-летия Крещения Руси в Св. Архангело-Михайловском храме в г. Паттерсон, Нью-Джерси // Там же. № 18. С. 14–15; Празднование 1000-летия Крещения Руси в Монреальском Св. Николаевском кафедральном соборе // Там же. № 24. С. 12–13; Празднование 1000-летия Крещения Руси в благочинии Бельгии, Голландии и Люксембурга // Там же. № 24. С. 13–14.

После крушения советского режима и распада СССР наступил новый период истории «Православной Руси», получившей возможность свободного доступа к читательской аудитории в России. По-прежнему она имеет подзаголовок «церковно-общественный орган» Русской Православной Церкви за границей. В 1998 г. отмечалось 70-летие основания этого ведущего органа РПЦЗ. Редакция получила многочисленные поздравления от своих читателей, а также от различных периодических изданий русского зарубежья. В № 1 «Православной Руси» за 1998 г. был помещен очерк о возникновении этого периодического издания и о его вдохновителе архимандрите (впоследствии — архиепископе) Виталии (Максименко).

В настоящее время «Православная Русь» издается в качестве журнала и выходит два раза в месяц. Ее главным редактором считается нынешний глава Русской Зарубежной Церкви митрополит Восточно-Американский и Нью-Йоркский Иларион (Капрал), а выпускающим редактором является инок Всеволод (Филипьев). Издание имеет следующие разделы: «Душеполезное чтение», «Вера. Родина. Земля», «Точка зрения. Полемическое богословие», «Библиография», «Короткие сообщения». Большинство номеров «Православной Руси» открывается большой статьей на актуальные для русского церковного зарубежья темы, например, «Как мы готовимся к Всезарубежному Собору» и т. п.

Издаются также бесплатные приложения к «Православной Руси»: ежемесячный журнал для молодежи «Православная жизнь» объемом от 32 до 48 страниц формата обычной школьной тетради (выходит с 1950 г. и имеет следующие разделы: «Богослужбные тексты, заметки», «Детям», «Документы», «Жития», «Месяцеслов», «Молитвы», «Очерки», «Проповеди, слова, поучения, толкования», «Разное», «Рассказы», «Стихотворения») и журнал «Православный путь», выступающий как «охранитель русского богословия». В 1995 г. Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле был издан составленный А.В. Александровой указатель статей, опубликованных в журнале «Православная жизнь» с начала его издания в 1950 г. и до 1994 г.³⁷

³⁷ Православная жизнь. Указатель статей. 1950–1994 / Сост. А.В. Александрова. Джорданвилль, 1995.

Л. К. Рябова

«НОВЫЙ ЖУРНАЛ»: ПУБЛИЦИСТИКА ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА (1945-1952 ГГ.)

«Новый журнал», основанный в Нью-Йорке в 1942 г. М. Алдановым и М. Цетлиным, стал известнейшим в истории русской эмигрантской периодики «толстым» журналом, роль которого была значима не только для русской диаспоры в США, но и для всей эмиграции. С 1946 г. (с № 12) и до конца жизни в 1959 г. главным редактором журнала был историк, профессор Гарвардского университета М. М. Карпович¹. Его заслугой стало не только привлечение в деятельность журнала высокой академической ноты, но и создание самой концепции журнала, которая предполагала наряду с прозой, поэзией, воспоминаниями, обзорами книжных новинок публикацию серьезных аналитических статей ведущих представителей общественной мысли русского зарубежья. Вспоминая его руководство журналом, многие знавшие Карповича и сотрудничавшие в журнале авторы неизменно отмечали еще одну особенность — предоставление возможности печататься авторам с различными политическими взглядами, что в полной мере отразилось в истории журнала первых послевоенных лет. Благодаря этому издание было не только культурным центром, объединяющим русское зарубежье,

© Л. К. Рябова, 2012

¹ Подробнее о журнале и о роли в нем М.М. Карповича см.: *Адамович М.* [Интервью] // Интернет-ресурс: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/480727.html>; *Бирман М.А.* М. М. Карпович и «Новый Журнал» // Отечественная история. 1999. № 5–6; *Зейде А. М.* Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2006. № 253; *Крейд В.* «Новый журнал» // Интернет-ресурс: http://www.vtoraya-literatura.com/publ_160.html; *Мамрос Л.Г.* Когда свободой горят, когда сердца для чести живы // Интернет-ресурс: http://lit.lib.ru/m/matros_1_g/literaturnakritika-6.shtml; Творчество диаспоры и «Новый Журнал» / Сост. М. Адамович и В. Крейд. Н.-Й., 2003; *Уманская А.* «Новый журнал» как зеркало эмиграции // Новый журнал. 2007. № 246 и др.

но и своеобразным «дискуссионным клубом», в котором зачастую сталкивались непримиримые взгляды. Самостоятельный интерес представляют «Комментарии» Карповича, регулярно помещавшиеся в книжках «Нового журнала» и в значительной мере уточнявшие политическую платформу их автора.

Избранный для обзора журнальных публикаций период определен рядом событий послевоенной истории, которые не могли остаться незамеченными в эмигрантских кругах. Первое, конечно, — победа Советского Союза в войне и обретение им нового международного статуса и силы великой империи, с которой считается мировое сообщество. Это новое качество привнесло в ряды русских эмигрантов определенное смятение, потребность заново определиться в своем отношении к теперь уже по-иному воспринимаемой России. И чуть позже — ярко и болезненно отозвавшаяся в русском зарубежье и столь значимая для советских людей тех лет дата — 30-летие Октябрьской революции, вызвавшая глубокие и неоднозначные рефлексии у соотечественников за рубежом. Второе — начало «холодной войны», породившее очередную волну надежд на падение сталинского режима, что, в свою очередь, поставило вопрос о будущей судьбе России.

В публицистике «Нового журнала» эти явления времени отражены разносторонне и ярко, а политическая мысль русского зарубежья представлена если не во всем многообразии воззрений, то достаточно широким спектром мнений, оценок и прогнозов.

Одним из вопросов, который заставил задуматься не только эмигрантские, но и широкие политические и общественные круги Запада, стал вопрос о том, «куда потечет исторический процесс после войны». Постановка его была связана не только с той силой и влиянием, которые обрела Россия в послевоенный период в международных делах, но и с определенными изменениями внутри страны, которые стали предметом обсуждения соотечественниками за рубежом.

Изначально в этом вопросе редакция журнала заняла осторожно-умеренную позицию, воздерживаясь от публикаций откровенно апологетического характера, что в значительной мере было свойственно европейской эмигрантской периодике, которая

критиковалась «Новым журналом» в самой непримиримой форме. При этом аналитика была избрана доминирующим жанром.

В заметке «От редакции» 1945 г. говорилось, что «вопрос об отношении между советской властью и эмиграцией неожиданно стал злободневным», однако в этом вопросе позиция «Нового журнала» оставалась неизменной, и редакция «не видит смысла в существовании такой эмиграции, которая отказывалась бы, по каким бы то ни было причинам, от принципов свободы и демократии»². Эта заметка была вызвана событием, достаточно хорошо известным в истории русского зарубежья, спровоцировавшим дискуссии в эмигрантских кругах и получившим различные оценки в зарубежной и отечественной историографии, — визитом в советское посольство в Париже 12 февраля 1945 г. видных представителей русской эмиграции во главе с В.А. Маклаковым. В беседе с послом СССР во Франции А.Е. Богомоловым в числе прочих затрагивался и вопрос о патриотизме, понимании его советской и эмигрантской сторонами. И хотя во мнении Богомолова «союзный патриотизм» оставался выше «русского», дипломат признавал, что смешение понятий русского и советского патриотизма сейчас вещь обычная, и эмиграции нужно найти силу духа и разума, чтобы подняться до понятия советского патриотизма³.

Этот эпизод вызвал резкое и определенное неприятие редакции и постоянных авторов «Нового журнала», которые расценили случившееся как проявление слабости и констатировали определенные расхождения во взглядах европейской и американской эмиграции — «за давностью и дальностью мы потеряли общий язык». М. Вишняк, признавая, что бесконечно многое изменилось в России за советский период ее истории, в том числе заметил, что советские чиновники начали «флиртовать» с эмиграцией, а Ю. Денике упрекал эмиграцию в том, что она идет навстречу «подкупательному движению», т. е. утрачивается сам смысл эмиграции — ее непримиримость, «независимая и свободная критика советского управления, недоступная

² От редакции: Эмиграция и Советская власть // Новый журнал. 1945. № 10. С. 341.

³ Новое русское слово. 1945. 7 марта.

советскому населению»⁴. В статье «После победы» М. Карпович писал: «В том то и заключается наша национальная трагедия (а косвенно и трагедия всего мира), что восстановление национальной мощи и мирового влияния России <...> происходит в тот момент, когда Россия является во власти сталинского режима»⁵.

В условиях, когда в эмиграции обозначились два противоположных взгляда на отношения с советской властью, редакция «Нового журнала» предложила провести анкетирование, в ходе которого видные представители европейской и американской эмиграции изложили бы свое видение проблемы, подчеркнув, что это не «суд над Маклаковым», а нечто более значимое. Опубликованные в двух номерах журнала (№ 10–11, 1945) анкеты отобразили всю сложность нравственного и противоречивость политического выбора русских за рубежом. Как писал С.М. Соловейчик о расколе в эмиграции послевоенного времени, «задача заключается не столько даже в пересмотре, сколько в оформлении давно начавшегося пересмотра»⁶.

Для истории вопроса одной из самых интересных является анкета А.И. Коновалова, в которой было обозначено три политических течения в эмиграции, сложившихся к концу войны. Это: «павшие ниц», восхваляющие советскую власть, избравшие непримиримую позицию и избравшие выжидательную позицию. Сам Коновалов принадлежал к числу последних, чья мотивация сводилась к тезисам о том, что «нация здорова», «национальная власть идет на уступки народу», «в России произошли и происходят сдвиги, кризисы огромного исторического значения», «революция пересоздала страну и народ», «это период огромного национального подъема в России»⁷. По поводу позиции «непримиримых», к которым относился и «Новый журнал», Коновалов заметил, что он «не может не осудить и не отозваться на те крайне близорукие взгляды, которые порою выявляются в печатаемой в Америке русской публицике»,

⁴ Вишняк М., Денике Ю. [Анкета] // Новый журнал. 1945. № 10. С. 350–352.

⁵ Карпович М. После победы // Там же. С. 372.

⁶ Соловейчик С.М. [Анкета] // Там же. С. 360.

⁷ Коновалов А. [Анкета] // Там же. № 11. С. 353.

которая, «ударяя по Сталину», бьет народ.⁸ Думать по-другому, заключал Коновалов, есть неуважение к русскому народу.

Крайне непримиримая позиция была изложена в анкете С.П. Мельгунова, выступившего против того, чтобы «идти в Каноссу к советской власти», ибо в России нет ни «народного характера власти», ни эволюции страны в целом. Именно с этой точки зрения в целом редакцией были подведены итоги дискуссии об отношении к советской власти, заключавшие вывод о том, что термин «национальная власть» неясен, и отказ от критики советской власти возможен только при условии смены политического режима.

Однако обсуждение «больных» вопросов, затронутых в проведенном журналом анкетировании, имело продолжение на его страницах. Вопрос о «национальной идентичности» власти и «русско-советском» патриотизме продолжал волновать соотечественников за рубежом, пожалуй, больше, чем какой-либо иной. Публиковались и статьи теоретического характера, и очень «конкретно-злободневные» статьи, скорее, рефлексии по поводу выступлений советских лидеров, публикаций в советской прессе, равно как и многочисленных публикаций эмигрантов в Европе.

Исходный тезис, ставший неким ориентиром для авторов статей, сводился к мысли о том, что за последние десять лет в России свершился исторический процесс, приведший к установлению компромисса между революционными новшествами и «возрождающейся национально-исторической традицией»⁹.

В этом отношении может быть названа программной статья видного социолога, профессора Н.С. Тимашева «Мысли о послевоенной России», в которой он не только профессионально комментирует развитие России в последнее десятилетие, но и прогнозирует возможные пути развития страны после войны. Из трех возможных

⁸ Там же.

⁹ Анализ этих трансформаций в послевоенной России посвящен фундаментальный труд современного американского историка Д. Бранденбергера — Национальный большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956. СПб.: Академический проект, 2009.

вариантов — закрепится достигнутый компромисс и начнется «стояние на месте»; будет предпринято «третье по счету коммунистическое наступление» России; продолжится отступление от плана коммунистических преобразований и «еще ярче проступит возврат к историческим путям и тенденциям, прерванным Октябрьской революцией» — автор считает наиболее вероятным последний¹⁰. Но и теперь, в современной ему России, Тимашев видит уже складывающиеся условия для того, чтобы в этой стране в политическом отношении появилась тяга к демократии, в хозяйственном — стало возможным «некоторое восстановление частного мелкого розничного предпринимательства», а в культурном — оттепель. С некоторой осторожностью в прогнозах, но с верой в вероятность перемен автор констатировал, что «русская история, как будто оборвавшаяся в октябре 1917 года, вновь выходит на свой путь. Это вновь история русского народа, а не история безымянного общества пролетариев, случайно осевшего на русской земле», — писал Тимашев¹¹. Такие надежды подавала ситуация 1945 г., когда еще не произошло охлаждения отношений между США и СССР. В статье 1946 г. Н. Тимашев дал осторожный прогноз перехода в мире к элементам планового хозяйства, что ни в коей мере не нарушит демократии, в то время как Россия может демократизоваться, не отказываясь от планового хозяйства, что и будет основанием для сближения СССР и США¹².

Тема национал-патриотизма нашла отражение во многих публикациях на страницах «Нового журнала», которые, как и анкеты, содержали зачастую прямо противоположные воззрения и свидетельствовали о крайней остроте дискуссий, носивших иногда личностный характер. Такова статья М. Вишняка «Соблазн патриотизма», являющая собой ответ европейским «патриотам» и протест против европейских эмигрантов-черносотенцев «эпохи чайных “Союза русского народа” и “Союза Михаила Архангела”». М.

¹⁰ Тимашев Н.С. Мысли о послевоенной России // Новый журнал. 1945. № 10. С. 176.

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Тимашев Н.С. Плановое хозяйство и демократия // Там же. 1946. № 13. С. 167.

Вишняк пишет, что из Парижа в частном порядке сообщают, что там «бушует русский национализм» и все, что не соответствует победоносному строю мысли, объявляется фашистским. «В частности, можно услышать, что Вишняк, будучи евреем, психологически не способен слиться с русским национальным движением»¹³. Не вступая в дискуссию по этому поводу, он констатирует, что в России «власть на опыте познала, какую громадную силу представляет охватившее широкие народные массы чувство любви к своему родному и национальному, и она вернулась к прежнему взгляду на Россию», что породило советский идеологический экспансионизм. Поэтому «быть сейчас со Сталиным, значит не только не быть за международный мир и коллективную безопасность; это значит быть и против России»¹⁴. Идея «идеологической экспансии» России, несущей угрозу миру, содержится и в статье П.А. Берлина «Русификация интернационализма», в которой идет речь об отказе России от «высокой интернациональной ноты», заглушавшей ранее «патриотическую, национальную». Проследив «нисхождение» от «первоначального вселенства» русских идеологий, от социал-демократического прошлого и ленинского наследия, которому была чужда национальная, патриотическая точка зрения, автор делает вывод о состоявшейся русификации не только национальной идеологии, но и интернациональной. У Сталина «Россия приобретает самодовлеющее значение, превращаясь постепенно из служебной базы в господина, гегемона революции...», — писал П. Берлин¹⁵.

Дополнительным поводом для обсуждения вопроса о будущем России в публицистике уже 1947 г. стало празднование в СССР 30-летнего юбилея Октябрьской революции, на который «Новый журнал» отозвался серией публикаций¹⁶. Среди них обращает на себя внимание статья А.Ф. Керенского «Два Октября», явившаяся

¹³ Вишняк М. Соблазн патриотизма // Там же. С. 187.

¹⁴ Там же. С. 186.

¹⁵ Берлин П.А. Русификация интернационализма // Там же. № 12. С. 361–366.

¹⁶ Аронсон Г. Социализм в наши дни // Новый журнал. 1947. № 17; Вишняк М. Из 30-летнего далека // Там же. № 15; Керенский А.Ф.: 1) О революции 1917 года // Там же; 2) Два Октября // Там же. № 17; Федотов Г. Судьбы империй // Там же. № 16 и др.

своеобразной реакцией на речь В.М. Молотова 6 ноября 1947 г. Написанная сразу же после опубликования этой речи, весьма пафосная и эмоциональная, статья не отличалась аналитичностью, однако констатировала «новый курс» коммунистической России, в которой Сталин «предал идеалы Ленина и Троцкого». Здесь Керенский категорически выступил против того, чтобы верить в легенду о перерождении «коммуниста Сталина в крайнего русского националиста и империалиста»¹⁷. В целом мысль о сталинском «империализме» с его несомненными экономическими достижениями была довольно устойчива в публикациях этого времени. М. Вишняк, сравнивая февраль и октябрь 1917 г. и определяя политический строй в России как «самодержавный коммунизм», писал: «При планированной экономике и монопольном контроле государства, каких еще элементов недостает, чтобы признать советский строй государственным капитализмом?»¹⁸. Проблема заключается лишь в том, чтобы вернуться к Февралю, т. е. к свободе и демократии. Последний тезис в публикациях этих лет звучал нередко. Уверенности в возможном изменении курса придавали советские газеты и журналы, обзор которых регулярно помещался на страницах журнала (например, публикации В. Зензинова «По советским журналам»). Из анализа их содержания, а также из бесед с русскими, находившимися в лагерях «ди-пи» (записи бесед также публиковались), следовало убеждение в том, что в советской России люди уже не хотят жить так, как до войны. Отмечалось сопротивление власти, хотя в явных формах и не выраженное, «пассивное сопротивление масс и <...> безличное сопротивление социальной системы»¹⁹.

Здесь нужно заметить, что «социализм» как теория и практика, особенно в контексте отношений государства и рынка, вызывал определенный интерес «Нового журнала», что, впрочем, было общим явлением того времени, когда появились работы выдающихся западных экономистов — Д. М. Кейнса, Л. фон Мизеса, Ф. фон Хайека и др.

¹⁷ Керенский А.Ф. Два Октября // Там же. № 17. С. 156.

¹⁸ Вишняк М. Из 30-летнего далека // Там же. № 15. С. 169.

¹⁹ Тимашев Н.С. Мысли о послевоенной России. С. 181.

Вообще политическая, экономическая и социальная практика советского государства давала соотечественникам за рубежом серьезные основания для осмысления многих явлений западного мира, так же как и для размышлений по поводу проблем демократии, вплоть до формулирования неких концепций будущего общественного развития. Такова известная статья В.А. Маклакова «Еретические мысли», которая была написана на основе сделанного им ранее доклада «Парадоксы демократии» и напечатана в двух номерах журнала за 1948 г.²⁰ Здесь В.А. Маклаков, известный политик и юрист, действительно, высказал еретические для того времени мысли, подвергнув сомнению два основных догмата демократического символа веры: верховенство народного представительства и права большинства. Статья во многом отсылает читателя к «классику жанра» — Монтескье, но еще в большей мере она вызывает в памяти известную работу К.П. Победоносцева «Великая ложь нашего времени» (1886), направленную против самой идеи демократии и практики ее воплощения на Западе. Научная и глубокая, очень теоретичная, статья Маклакова должна была бы вызвать, очевидно, серьезную дискуссию. Однако этого не произошло. Как пишет в воспоминаниях Г. Адамович, «откликов в русской печати было между тем крайне мало, до иностранцев соображения Маклакова не дошли»²¹. Возможно, мысли автора о «фикции и противоречии» демократии, образовании тоталитарных режимов именно на почве полного разочарования в демократии и анализ причин отказа от нее в ряде стран были неуместны для обсуждения «на чужбине», хотя применительно к американской демократии пример выборов президента США в статье рассматривался как положительный²². В конечном итоге Маклаков приходит к выводу о том, что необходимо восстановить истинное назначение народного представительства, которое отнюдь не в том, чтобы управлять, ибо «воля большинства» как постулат несовместим с демократией²³.

²⁰ Маклаков В.А. Еретические мысли // Новый журнал. 1948. № 19–20.

²¹ Адамович Г. Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек // Интернет-ресурс: <http://lib.rus.ec/b/205344/read>

²² Маклаков В.А. Еретические мысли // Новый журнал. 1948. № 19. С. 148, 156.

²³ Там же. № 20. С. 149.

Несколько позже, в 1950 г., М. Вишняк, рассматривая различные «линии» развития социализма в Англии, Франции и других странах, заключит, что «нет единого социализма»²⁴. Основным признаком, или критерием определения социализма, полагал М. Вишняк, является свобода, и в этом смысле современные демократии, в которых также «бесспорны злоупотребления в пользовании свободами», не удовлетворяют до конца этому критерию, равно как и США, которые, конечно, не социалистическая страна, и Россия, в которой — тоталитаризм.²⁵

Любопытно, что и в ряде других статей, авторы которых касаются теоретических вопросов экономики и социальной политики, такие страны, как Франция, Англия, рассматриваются в качестве социалистических, чью политическую и экономическую свободу не ограничивают американские займы. А. Зак пишет: «Факт такого тесного и активного сотрудничества между капиталистическим и социалистическими мирами (страны Восточной Европы и СССР автор не имеет в виду. — Л. Рябова), при котором ресурсы могущественной капиталистической страны спасают от распада экономику социалистических стран и закладывают фундамент для их дальнейшего экономического прогресса, — факт этот исторически нов и очень знаменателен»²⁶. Социализм признавался «как реальность наших дней», но «как всякая реальность, он несет с собой много разочарований и сомнений». В статье Г. Аронсона «Социализм в наши дни» отмечалось, что есть два «социализма», один — советский, тоталитарный, другой — немецкий (до Гитлера), скандинавский (до войны), английский (современный)²⁷. Что же касается советской экономической системы, то она лишь «социалистична»... Вместе с тем в журнале делались попытки проанализировать американскую экономику, в которой авторы, в частности, много писавший на его страницах экономист А. Зак, усматривали тенденции установления смешанной

²⁴ Вишняк М. Свобода и социализм // Новый журнал. 1950. № 23. С. 172.

²⁵ Там же. С. 178.

²⁶ Зак А.И. Действительность и возможность в американско-русских экономических отношениях // Там же. 1947. № 16. С. 188.

²⁷ Аронсон Г. Социализм в наши дни // Там же. № 17. С. 170.

экономики. В значительной степени эмигрантские публицисты, размышлявшие в эти годы о будущем России, связывали ее с состоянием американской экономики. Спасти коммунистический режим в России, полагал А. Зак, может только депрессия в Америке, о которой говорят советские газеты, но ее не будет, поскольку американская экономика «сильна, устойчива и динамична»²⁸.

Обострение отношений между США и Советским Союзом и начало «холодной войны» вызвали к жизни серьезные аналитические публикации и вновь поставили перед эмиграцией вопрос о необходимости выбирать, по какую сторону баррикад быть. Среди первых и весьма глубоких попыток осмыслить качественно новое противостояние двух держав, несущее новые перспективы мирового развития, была статья М. Карповича «Америка, Россия и Европа». Автор понимал, что сам план Маршалла предполагает известные политические условия и ведет к определенным политическим последствиям. И со своей точки зрения, пишет он, большевики были совершенно правы, когда они не захотели на него согласиться²⁹. И все же, отдавая себе отчет в планах Америки, М. Карпович от имени эмигрантов, проживающих в США, заявлял: «...мы приветствуем <...> американскую политику противодействия советской агрессии и желаем торжества плана Маршалла над планом Молотова. Мы не боимся упреков в том, что мы становимся на американскую точку зрения. <...> Ни в одном из основных пунктов американской политики не видим мы никакой угрозы или даже ущерба для подлинных и насущных интересов России»³⁰. Аргументировал М. Карпович такую достаточно спорную позицию идущей рефреном во всех публикациях «Нового журнала» фразой (в различных модификациях повторяющейся из номера в номер и переходящей из статьи в статью) о том, что поддерживать нечто национальное в политике Сталина безнадежно, так как «национальное» искажается «коммунистическим». Здесь нельзя не обратить внимания на то, что далеко не вся русская эмиграция разделяла эту точку зрения. В своих мемуарах М. Вишняк

²⁸ Зак А. Возможна ли депрессия в США? // Там же. 1948. № 18. С. 175.

²⁹ Карпович М. Америка, Россия и Европа // Там же. 1947. № 16. С. 181.

³⁰ Там же. С. 184.

отмечал, что в конце 1948 г. лишь «несколько рассеялись оптимистические иллюзии русских сверхпатриотов и легковверных американцев, порожденные неожиданными успехами советского сопротивления и советскими победами»³¹. А в своих автобиографических записках 1953 г., приводя внушительный перечень лиц, «соблазненных» переменами в советской России, он писал, что «в западном мире и, еще поразительнее, в русском политическом Зарубежье» не создается непримиримого отношения «к большевистским узурпаторам и палачам», что он называл «едва ли не наибольшей трагедией современности»³².

В многочисленных публикациях «Нового журнала» конца 1940-х годов просматривается стремление их авторов оправдать, или, как минимум, объяснить новые отношения, возникшие между странами. Некоторые статьи по этому поводу носили характер излишне оптимистический. В частности, А. Зак рисовал следующую картину будущего России после того, как произойдет освобождение советского народа от коммунистического режима и установится демократическое правительство. Америка, писал он, «будет в числе первых, кто подаст русскому народу братскую руку. С участием лучших ученых и инженерных сил обеих стран будет разработан новый пятилетний план, план настоящей реконструкции России, в осуществлении которого, — во всеоружии новейшей техники, без голода и без надрыва народных сил, — побледнеют все прежние достижения»³³. Та ирония, с которой могут восприниматься эти строки сегодня, вполне оправдана, как оправдана своим временем и определенная прозападная, вернее, проамериканская, позиция авторов, пишущих о русско-американских отношениях в начальный период «холодной войны».

Здесь, очевидно, следует иметь в виду не только свое понимание патриотизма (доминанту в мотивации избранной журналом

³¹ Вишняк М. Годы эмиграции. Париж-Нью-Йорк (Воспоминания). Hoover Institution Press. Stanford University. Stanford, California. 1970. P. 218.

³² Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова. 1954. С. 408–409.

³³ Зак А.И. Действительность и возможность в американско-русских экономических отношениях // Новый журнал. 1947. № 16. С. 208.

позиции), но и некоторую, хотя и непродолжительную во времени, финансовую зависимость журнала от американских субсидий. Как пишет американский историк Алла Зейде, «территория журнала была автономной и финансово независимой. Недолгое время журнал получал дотацию из фонда Форда. В память этой кратковременной помощи остался в журнале перевод статьи Джорджа Кеннана «Америка и русское будущее» (1951 г.), которую Карповичу в Фонде порекомендовали напечатать (перевод статьи также был сделан в Фонде). В том же выпуске, и не случайно, появилась в журнале новая рубрика «Комментарии». Публикаций Карповича до появления этой рубрики в журнале, за исключением книжных рецензий, было немного. Почему возникла нужда в «Комментарии» именно в этом выпуске, догадаться несложно: продемонстрировать, кто в журнале хозяин, несмотря на фордовскую субсидию, было необходимо»³⁴. Возможно, у А. Зейде есть все основания, в том числе документальные, именно таким образом объяснить появление «Комментариев» М. Карповича. Однако знакомство с тем и другим текстом позволяет предположить, что со стороны Карповича это был вполне естественный и, надо полагать, принятый жест «вежливости» со стороны редакции, но, более всего, это был разговор двух умных историков и интеллигентных людей на одной интеллектуальной волне, но с разных политических позиций по самому «острому» вопросу времени. Эти две работы заслуживают того, чтобы на них остановиться несколько подробнее.

В 1951 г. в № 26 «Нового журнала» была помещена статья видного американского политического деятеля, идеолога «политики сдерживания», дипломата и историка, профессора Принстонского университета Дж. Ф. Кеннана «Америка и русское будущее», опубликованная ранее в журнале «Foreign Affairs» и вызвавшая в мире, как и его предыдущая работа «Истоки советского поведения», широкий общественный резонанс. В статье Кеннан изложил свое видение возможной перспективы развития событий в ходе «холодной войны». Смысл его рассуждений сводился к тому, что война с советской

³⁴ Зейде А. М. Карпович и русская историография в Америке: К 120-летию со дня рождения М.М. Карповича // Там же. 2008. № 253.

державой, даже если бы она увенчалась относительным успехом, сама по себе ничего не дала бы, или дала бы весьма мало для достижения тех перемен в России, которые были бы желательны в Америке. Относительно же государственного устройства и судеб отдельных народов, составляющих Советскую империю и стремящихся к самостоятельности, Кеннан полагал, что американцы должны быть особенно осторожны в поддержке какого-либо плана в этой области. Америка не может судить, «потребуется ли для данной национальной группы государственная независимость, положение федеральной республики, особая форма местного самоуправления, или вообще не потребуется никакого особого статуса...». Считая нужным отделить вопрос о «прямом воздействии» на Россию от воздействия «косвенного», он выступил против вмешательства в решение внутренних дел страны: «В одном мы можем быть уверены: никакие радикальные и прочные изменения в духе и практике русского правительства не могут произойти главным образом в результате призывов и советов, исходящих от иностранцев. Русский народ должен сам взять на себя инициативу и произвести эти изменения собственными усилиями. Только тогда они будут подлинными, прочными и достойными тех надежд, которые возлагают на них другие народы. Только люди с поверхностным знанием механизма истории могут думать, что иностранная пропаганда и агитация может вызвать коренные изменения в жизни великого народа»³⁵.

В «Комментариях», составленных с несомненным уважением к американскому автору, Карпович отмечает, прежде всего, «тот дух подлинной симпатии к России и русскому народу, в котором его статья написана», значимость признания им того факта, что советский тоталитаризм не есть национальное явление. Наиболее же «спорной областью» в статье Кеннана Карпович усматривает то, как американский политик видит облик будущей России. В частности, Кеннан не совсем прав, замечает Карпович, в утверждении о своеобразии русского развития (отсутствие традиции частной собственности, изолированность теперешнего советского поколения и др.),

³⁵ Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее // Там же. 1951. № 26. С. 256, 266, 276.

что не позволит России стать похожей на Америку или Запад. Не прав Кеннан и в предпочтении эволюционного пути преобразования советской России насильственному (революционному), хотя и не исключает последний. Но гораздо более определенные сомнения у Карповича вызывает проблема американского воздействия на ход событий в России. «И нет оснований, — пишет он, — почему бы Америка, раз уж она вынуждена вести “холодную войну” с советской властью, не должна была бы использовать этого оружия в меру всех доступных ей возможностей»³⁶. В позиции Кеннана Карпович усматривает «слишком сильное влияние “классической” идеи невмешательства во внутренние дела иностранного государства», идеи, которая, по его мнению, становится теперь «анахронизмом» и недооценивает значение свободы личности и либеральных ценностей.³⁷ Важность затрагиваемых здесь вопросов была настолько несомненна, что тема революции, либеральных идей в истории России была продолжена в ряде статей М. Карповича, Н. Валентинова и других авторов «Нового журнала».

Возвращаясь к проблеме патриотизма, нельзя не отметить еще одно направление дискуссии, спровоцированное весьма резонансной статьей 1947 г. Г.П. Федотова «Судьба империй», в которой автор высказал мысль о неизбежности распада России в результате войны между США и СССР³⁸. При этом Федотов полагал, что Россия имеет шансы выжить в составе Великороссии, Белоруссии и Сибири, но Украина, Закавказье, Туркестан и другие окраины отпадут. Этот распад, по мысли Г.П. Федотова, наступит в результате войны между США и СССР, которую он считает неизбежной, и наиболее вероятно в ней поражение России. В журнале отмечалось, что вопросы, поставленные Г. Федотовым, настолько остры и так волнуют всех тех, кто хранит духовную связь с Россией, что необходимо дальнейшее их обсуждение. Статья вызвала как сочувственные отклики разделявших его мнение, так и негативные отклики противников такого достаточно мрачного прогноза развития событий. Обращение

³⁶ Карпович М.М. Комментарии // Там же. С. 285.

³⁷ Там же. С. 287.

³⁸ Федотов Г.П. Судьба империй // Там же. 1947. № 16.

к этой теме на страницах журнала интересно, прежде всего, потому, что сейчас мы живем в России, судьба которой предсказывалась уже почти 70 лет назад.

Одним из первых, кто начал дискуссию с Г. Федотовым, был Н. Тимашев, выступивший на страницах «Нового журнала» со статьей «Обречена ли Россия?», в которой выдвигал ряд аргументов против тезисов Федотова и доказывал, что не будет «распадения России на национальные единицы»³⁹. Прежде всего, по мнению Н. Тимашева, это не согласуется с общей тенденцией мирового развития — тенденцией слияния мелких государств в крупные, — с учетом которой «советская империя» уступит место (в случае победы в России демократии) «демократической федерации народов». Автор прогнозирует создание некой «надгосударственной организации типа Лиги Наций или Объединенных Наций», но без права государств, в нее входящих, вести войны, что обеспечит контроль над атомным оружием. Невозможность процесса распада доказывается, как полагает Н. Тимашев, уже тем фактом, что вера в «самоопределения» народов сильно поколеблена процессом «демократического переустройства русской империи». К тому же «ненависть к русским», на которую ссылается Г. Федотов, отсутствует, и надо признать, пишет Н. Тимашев, что «в числе преступлений советской власти нет одного — угнетения национальных культур во имя русской». Распада не может быть и потому, что Россия являет собой единое экономическое целое и его разрушение будет ударом по всем составляющим частям⁴⁰. Последний тезис был вполне устойчивым в публикациях на страницах «Нового журнала», да и в эмигрантской периодике тех лет в целом.

Критика воззрений Г. Федотова, одной из самых крупных фигур в истории общественной мысли русского зарубежья, много печатавшегося в «Новом журнале», была в эмигрантской среде очень острой. Достаточно вспомнить статьи И.А. Ильина, написанные в эти же годы для информационных бюллетеней РОВСА и составившие впоследствии известный двухтомник «Наши задачи». Статьи эти, пересылавшиеся Ильиным из Швейцарии без подписи (швейцарские

³⁹ Тимашев Н. Обречена ли Россия? // Там же. № 17.

⁴⁰ Там же. С. 162–164.

власти запретили ему всякую политическую деятельность), по всей вероятности, не могли быть известны редакции «Нового журнала», иначе они, несомненно, стали бы предметом самых острых дискуссий, поскольку в них критика была сосредоточена во многом против именно «Нового журнала» и Г. Федотова непосредственно. В статьях «О расчленителях России», «Фанатики общественного договора», «Что сулит миру расчленение России?» и десятках других Ильин говорит об антироссийской политике «мировой закулисы» и «лжепатриотизме» в рядах эмиграции. «Гораздо менее понятно и естественно, — пишет он, — что эту идею расчленения, обессилиения и, в сущности, ликвидации историко-национальной России ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным доктринерством, ибо они, видите ли, остались “верны” своему “идеалу федеративной республики”... <...>. Но иногда, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи “федералистов”, печатающихся в нью-йоркском “Новом журнале”, статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников)»⁴¹.

Но, пожалуй, самую острую реакцию И. Ильина вызывали статьи именно Г. Федотова, регулярно публиковавшиеся на страницах «Нового журнала» и обозначенные Ильиным как безответственные, двусмысленные и соблазнительные «писания» этого «профессора», к которым уже давно привыкли⁴². Ильин достаточно резко выступил против Федотова, обвинив последнего в том, что его статьи есть «разложение эмиграции с тыла и пропаганда против России, столь полезная нашим иноземным врагам и коммунистам»⁴³. Здесь будет

⁴¹ Ильин И.А. О расчленителях России // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России: Статьи 1948–1954 годов: В 2 т. М.: МП «Папор», 1992. Т. 1. С. 165.

⁴² Ильин И.А. Каждый народ заслуживает своего правительства // Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. С. 173.

⁴³ Там же. С. 174.

уместно привести цитату из И. Ильина, пишущего страстно и весьма образно раскрывающего позицию Г. Федотова: «Каждому жителю России должно быть предоставлено право определить по своему усмотрению, к какому такому государству ему угодно принадлежать — к России или к какому-нибудь иному: кто хочет, потянет к Турции, кто к Китаю, кто к Польше, кто к Германии. Иные пусть учредят новые государства — Тунгузию, Чувашию, Черемисию, Украину, Белоруссию, Зырянню, Грузию, Крымию или, подобно тому, как было в 1917 году — Моршанскую Республику, Саранскую Федерацию, Сычевскую Демократию, Чухломской Кантон, Новоржевский Штат, Пошехонскую Советию, Бузулукское Ханство, Иваново-Вознесенскую Социалистическую Олигархию и Минское Прелатство. Фанатики “общественного договора” доселе мечтают, что после революции тоталитарной тирании начнется революция всеобщего развязания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины — эпоха погубления “каторжной” Империи (выражение г. Федотова), эпоха завоевания ее окрепшими и хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию во множество политически “ничтожных и стратегически бессильных карликов...”»⁴⁴. И. Ильин, пожалуй, был в эмигрантской среде одним из самых жестких критиков позиции «Нового журнала».

Вместе с тем было бы неверным полагать, что в «Новом журнале» плохо представляли возможные последствия обострения отношений между Америкой и Советской Россией. Позиция редакции являла собой вполне осознанный выбор. В статье 1948 г. «Разрушение иллюзий» М. Карпович, говоря о невозможности для демократий взаимного понимания и прочного соглашения с советским режимом и внимательно отслеживая взгляды американских политиков, достаточно определенно высказался против ряда предложений Уоллеса, сводившихся к идее сотрудничества с СССР, контроля над ядерным оружием и отказа от плана Маршала и доктрины Трумэна, одновременно рассматривая выступление Маршалла как борьбу против «тирании». «В этой борьбе Америке неизбежно должна принадлежать

⁴⁴ Ильин И.А. Фанатики «общественного договора» // Ильин И.А. Наши задачи. Т. 1. С. 181.

главная роль. <...> Первоочередная задача Америки заключается в том, чтобы остановить дальнейшее продвижение советской агрессии в Европе».⁴⁵ В этом смысле в идеологическое противостояние в рамках «холодной войны» журнал включился достаточно активно, занимая определенно антисоветскую позицию. О «коммунистической угрозе» в журнале писалось постоянно и много. Так, известные Постановления ЦК 1946 г. освещались в контексте идеологической и психологической подготовки СССР к новой войне с целью завоевания мира⁴⁶; анализ ситуации в Польше, Югославии, Венгрии сопровождался выводами об экономической эксплуатации Россией «освободившихся» стран и о размахе советской экспансии, цель которого – весь мир. «Вновь заговорил иррациональный завоевательный инстинкт», и для Сталина не писаны те исторические законы, которые действовали в эпоху Российской Империи».⁴⁷ Действительно актуальный, глобальный для того времени вопрос, как случилось, что Запад оказался в тисках «мировой революции», поставил и А.Ф. Керенский со свойственной его публицистике страстностью. Сопоставление речи Молотова 1947 г., объявившего «новую эру», новый этап мировой революции, «наступление с тыла и фронта», и цитат из геополитических сочинений К. Хаусхофера, приводили Керенского к заключению о том, что это страшно...⁴⁸

Однако угроза войны была настолько очевидной, что во многом разделявшая позицию США редакция журнала допускала размещение и весьма критических по отношению к американской политике статей. О явной угрозе со стороны Америки Советскому Союзу пишет А. Зак, обильно цитируя американскую прессу и выступления руководства США, заявляющего о готовности нанести России сокрушающий удар и парализовать ее способность вести войну⁴⁹. Но и он с неизменным упорством, впрочем, как и другие авторы, указывает лишь на один выход из сложившейся ситуации — только падение кремлевской диктатуры может предотвратить тяжелые удары по России.

⁴⁵ Карпович М. Разрушение иллюзий // Новый журнал. 1948. № 18. С. 154–155.

⁴⁶ Денике Ю.П. Новая идеологическая политика // Там же. № 19.

⁴⁷ Далин Д. Пять лет советской империи // Там же. № 23. С. 143, 149–150.

⁴⁸ Керенский А.Ф. Как это случилось? // Там же. № 24. С. 236.

⁴⁹ Зак А.И. Атомная политика США // Там же. 1948. № 20. С. 167.

Столь же непреклонным в своих взглядах оставался и М. Карпович. В 1949 г. он публикует в некотором роде программную статью «Наши задачи», развивавшую основные идеи, изложенные в «Разрушении иллюзий». Констатируя окончание периода «почти непрерывного отступления демократии перед натиском кремлевской диктатуры» и идущий процесс «отмежевания от коммунистов» в социалистических и рабочих кругах Европы, Карпович тем не менее не видит оснований для оптимизма⁵⁰. Допуская возможность длительного процесса до падения советского режима, он не исключает войны, равно как и новой внутренней революции в России. В связи с неопределенностью развития ситуации во времени Карпович, описывая «новое состояние эмиграции» — «встречу с Россией» («новую волну»), — сформулировал «общие задачи новой и старой эмиграции». Они сводились к необходимости вести пропаганду в России — голос эмиграции должен быть услышан, сейчас эта возможность существует — и налаживанию тесного сотрудничества с той частью новой эмиграции, которая находится в Европе. И по географическому положению, и по опыту «она предназначена служить органом передачи голоса эмиграции в Россию», для чего нужно организовать материальную и духовную помощь ей. И наконец, заключает Карпович, нужно говорить Западу правду о России от имени русского народа, противопоставляя его власти⁵¹. Эти задачи, собственно, и реализовывал «Новый журнал» в различные годы своего существования с учетом возникновения новых реалий мировой политики и советской политической практики.

Дальнейшее развитие публицистики в «Новом журнале» будет связано уже с другими знаковыми датами в истории России XX в. — 1953 годом, а затем и 1956 годом, которые дадут новые основания для размышлений о судьбе страны. Тем не менее публицистика первых послевоенных лет останется в истории журнала явлением ярким и в значительной мере отражающим политические воззрения русской эмиграции.

⁵⁰ Карпович М.М. Наши задачи // Там же. 1949. № 21. С. 260.

⁵¹ Там же. С. 268.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антошин Алексей Владимирович — д. и. н., доцент Уральского государственного университета (Екатеринбург)

Базанов Петр Николаевич — д. и. н., профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Белгородская Людмила Вениаминовна — докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета

Воскресенская Марина Аркадьевна — д. и. н., доцент факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Воронин Игорь Петрович — заместитель редактора газеты «Монархист» (Санкт-Петербург)

Гаврилов Владислав — студент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Ганелин Рафаил Шоломович — член-корреспондент РАН, профессор кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Дудина Анна Александровна — студентка кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Дудченко Герман Борисович — к. и. н., доцент Невского института языка и культуры

Жарский Анатолий Петрович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ, кандидат военных наук.

Зими́на Валентина Дмитриевна — д. и. н., профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Кашеваров Анатолий Николаевич — д. и. н., профессор кафедры истории журналистики на факультете журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, заслуженный работник Высшей школы РФ

Кельнер Виктор Ефимович — д. и. н., ведущий научный сотрудник сектора книговедения Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки

Коршунов Эдуард Львович — начальник Научно-исследовательского отдела (военной истории Северо-Западного региона РФ) НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил РФ.

Крымская Альбина Самуиловна — канд. пед. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Кузнецова Ольга Николаевна — к. и. н. доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета

Летенков Эдуард Васильевич — д. и. н., профессор кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Мажара Петр — аспирант кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Михайлов Андрей Александрович — д. и. н., профессор кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Муравьев Алексей Леонидович — к. и. н., доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета

Патрушева Наталья Генриховна — канд. ист. наук, заведующая сектором книговедения Отдела редкой книги Российской национальной библиотеки

Петров Евгений Вадимович — д. и. н., профессор кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Попов Андрей Владимирович — к. и. н., доцент Историко-архивного института РГГУ, руководитель Центра по изучению

русского зарубежья Института политического и военного анализа г. Москва

Рябова Людмила Константиновна — к. и. н., доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Слепнёв Игорь Николаевич — к. и. н., ведущий специалист Российского гуманитарного научного фонда

Соколов Александр Семенович — к. и. н., доцент Санкт-Петербургской Государственной академии театрального искусства

Соколов Михаил Владимирович — к. и. н., обозреватель Радио Свобода

Научное издание

Мавринский Илья Игоревич

**ПРОБЛЕМАТИКА ДОСТОВЕРНОСТИ
В СТАНОВЛЕНИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ**

Компьютерная верстка *О. Г. Невская*
Корректор *Н. В. Ермолаева*

Подписано в печать 15.02.2012. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,25.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство СПбГУ.
199004. С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11/21

Тел./факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru
www.unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.